

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Политическая
Наука **2** *2024*

POLITICAL SCIENCE (RU)

Учредитель: Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук

Редакционная коллегия

О.Ю. Малинова – д-р филос. наук, *главный редактор*, главный научный сотрудник отдела политической науки ИНИОН РАН, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ; **В.С. Авдонин** – д-р полит. наук, ведущий научный сотрудник отдела политической науки ИНИОН РАН; **Г. Вольман** – д-р юрид. наук, профессор Университета им. Гумбольдта (Германия); **Д.В. Ефременко** – д-р полит. наук, главный научный сотрудник, заместитель директора ИНИОН РАН; **О.И. Зазнаев** – д-р юрид. наук, заведующий кафедрой политологии Казанского (Приволжского) федерального университета; **С.Т. Золян** – д-р филол. наук, профессор Российско-Армянского университета (Армения), профессор Балтийского федерального университета им. И. Канта; **М.В. Ильин** – д-р полит. наук, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ; **Ю.Г. Коргунок** – д-р полит. наук, и.о. зав. отделом политической науки ИНИОН РАН; **А.В. Кузнецов** – д-р эконом. наук, член-корреспондент РАН, директор ИНИОН РАН; **Е.Ю. Мелешкина** – д-р полит. наук, *заместитель главного редактора*, главный научный сотрудник отдела политической науки ИНИОН РАН; **П.В. Панов** – д-р полит. наук, ведущий научный сотрудник Пермского научного центра Уральского отделения РАН; **С.В. Патрушев** – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник, руководитель отдела сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН; **И.А. Помигуев** – канд. полит. наук, *ответственный секретарь*, научный сотрудник ИНИОН РАН; **А.И. Соловьёв** – д-р полит. наук, заведующий кафедрой политического анализа факультета государственного управления МГУ им. Ломоносова; **Р.Ф. Туровский** – д-р полит. наук, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ; **Ж. Фаварель-Гарриг** – PhD (Pol. Sci.), ведущий научный сотрудник Центра международных исследований (CNRS) (Франция); **Цуй Вэнь И** – PhD (Int. Pol.), профессор Ляонинского университета (Китай); **П. Чейсти** – PhD (Pol. Sci.), профессор Оксфордского университета (Великобритания)

Редакция журнала

Главный редактор: д-р филос. наук **О.Ю. Малинова**

Заместитель главного редактора: д-р полит. наук **Е.Ю. Мелешкина**

Ответственный секретарь: канд. полит. наук **И.А. Помигуев**

Научные редакторы: д-р филос. наук **А.Ю. Мельвил**, канд. полит. наук **М.Г. Миронюк**

Литературный редактор: **Д.О. Расстегаев**

Технические редакторы: канд. филос. наук **В.Л. Силаева**, **П.С. Копылова**

Ответственный за номер: канд. полит. наук **И.А. Помигуев**

Издание рекомендовано **Высшей аттестационной комиссией** Министерства образования и науки Российской Федерации и включено в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» по политологии.

Журнал включен в **Russian Science Citation Index (RSCI)** на платформе **Web of Science**. Издается при участии **Российской ассоциации политической науки (РАПН)**.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство о регистрации средства массовой информации – ПИ №ФС77–36084 от 28.04.2009.

ISSN 1998-1775

DOI: 10.31249/poln/2024.02.00

© ИНИОН РАН, 2024

POLITICAL SCIENCE (RU)

Political science (RU) is one of the key Russian periodicals dedicated to the political science. Founded in 1997, it is well known among foreign researchers. The journal is quarterly **published by the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)** and with the assistance of the **Russian Political Science Association (RAPN)**.

The journal always pays attention to the actual situation in the political science in general and its trends, as well as to the overview and analysis of up-to-date scientific achievements. Articles and other materials dedicated to the methodology are featured in the journal. Informational and research & information sources (abstract reviews, synopses, book reviews, etc.), materials from other periodicals and results obtained by various think tanks and institutes are always published in **Political science (RU)**.

Political science (RU) is included in the list of the academic journals recommended by the **High Certification Commission (VAK)** of the Ministry of Education and Science of Russian Federation. The journal is also in the list of the **Russian Science Citation Index** database of the **Web of Science** platform.

Editorial Board

Editor-in-Chief – **Olga MALINOVA**, Dr. Sci. (Philos.), chief researcher, INION, Prof., HSE University (Moscow, Russia); **Deputy Editor-in-Chief** – **Elena MELESHKINA**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), chief researcher, INION (Moscow, Russia); **Executive secretary** – **Ilya POMIGUEV**, Cand. Sci. (Pol. Sci.), research fellow, INION (Moscow, Russia); **Vladimir AVDONIN**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), leading researcher, INION (Moscow, Russia); **Hellmut WOLLMANN**, Dr. Sci. (Law), Prof., Humboldt-Universität zu Berlin (Berlin, Germany); **Dmitry EFREMENKO**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), deputy director, INION (Moscow, Russia); **Oleg ZAZNAEV**, Dr. Sci. (Law), Prof., Head of Political Science Department, Kazan Federal University (Kazan, Russia); **Suren ZOLYAN**, Dr. Sci. (Philology), Professor of the Russian-Armenian University (Armenia), Professor of the Baltic Federal Immanuel Kant University; **Mikhail ILYIN**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., HSE University (Moscow, Russia); **Yuriy KORGUNYUK**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), acting head of Political Science Department, INION (Moscow, Russia); **Alexey KUZNETSOV**, Dr. Sci. (Economics), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director, INION (Moscow, Russia); **Petr PANOV**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), leading researcher, Department of Research of political institutions and processes, Perm Scientific Center of the Ural Branch Russian Academy of Sciences (Perm, Russia); **Sergey PATRUSHEV**, Cand. Sci. (Hist.), leading researcher, Head of Comparative Political Studies Department, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); **Aleksandr SOLOVYEV**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Political Analysis Department, Faculty of Public Administration, M.V. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia); **Rostislav TUROVSKY**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., HSE University (Moscow, Russia); **Gilles FAVAREL-GARRIGUES**, PhD (Pol. Sci.), Senior research fellow, CNRS, CERI (Paris, France); **Qu WENYI**, PhD (Int. Pol.), Prof., School of International Studies, Liaoning University (Shenyang, China); **Paul CHAISTY**, PhD (Pol. Sci.), Prof., University of Oxford (Oxford, United Kingdom).

**ТЕМА НОМЕРА:
МЕНЯЮЩИЕСЯ МИРОВЫЕ ПОРЯДКИ**

СОДЕРЖАНИЕ

Мельвиль А.Ю., Миронюк М.Г. Представляем номер 9

СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Мельвиль А.Ю. Новые вызовы для политической науки 16

Стукал Д.К. Анализ субъективных данных в политических исследованиях: от экспертных оценок до искусственного интеллекта 37

КОНТЕКСТ

Миронюк М.Г. Преемственность и изменчивость международных порядков и беспорядков 55

Кортунов А.В. Многополярность и многосторонность – два измерения будущего миропорядка 80

Лебедева М.М. В поисках нового мирового порядка: интересы акторов мировой политики 102

Гринин Л.Е., Гринин А.Л., Коротаев А.В. Глобальные трансформации мир-системы и контуры нового мирового порядка 124

РАКУРСЫ

<i>Афонцев С.А.</i> Экономическое измерение многополярного мира: о чем говорят показатели ВВП.....	151
<i>Беленков В.Е., Конча В., Ахременко А.С.</i> Влияние информационно-коммуникационных технологий на политическую стабильность в меняющемся мире: кросс-страновой количественный анализ.....	171
<i>Седашов Е.А., Чернов Д.Н., Баланина С.Н.</i> Влияние характеристик лидеров на межгосударственные конфликты: диадический анализ.....	193

ИДЕИ И ПРАКТИКА

<i>Макаренко Б.И.</i> Государство и народ: нарастающее многообразие моделей отношений.....	218
<i>Каберник В.В.</i> Ловушки статистики и опыт их обхода	237
<i>Гриневич П.А., Бочарова А.П., Стукал Д.К.</i> Валидность индексов «мягкой силы»: от вызовов к решениям	262
<i>Тимофеев И.Н.</i> Как исследовать политику санкций в проекте «Политический атлас современного мира 2.0»?	282

ПЕРВАЯ СТЕПЕНЬ

<i>Мальцев А.М.</i> Аморфная «жесткая сила»? Подходы к реконцептуализации и эмпирическому измерению военной мощи в мировой политике	300
<i>Бочарова А.П.</i> Новые аспекты безопасности: установки граждан по вопросу информационного регулирувания в России	326

**THEME OF THE ISSUE:
CHANGING GLOBAL ORDERS**

CONTENTS

Melville A.Yu., Mironyuk M.G. Introducing the issue 9

STATE OF THE DISCIPLINE

Melville A.Yu. New challenges for political science 16
Stukal D.K. Subjective data in political science research:
from expert evaluation to artificial intelligence 37

CONTEXT

Mironyuk M.G. Continuity and change in international orders
and disorders 55
Kortunov A.V. Multipolarity and Multilateralism
as the Two Dimensions of the Future World Order 80
Lebedeva M.M. In search of a new world order:
interests of actors of world politics 102
Grinin L.E., Grinin A.L., Korotayev A.V. Global transformations
of the World System and contours of a new world order..... 124

PROSPECTS

<i>Afontsev S.A.</i> Economic dimensions of the multipolar world: what do GDP figures really tell.....	151
<i>Belenkov V.E., Koncha V., Akhremenko A.S.</i> The impact of information and communication technologies on political stability in a changing world: cross-country quantitative analysis	171
<i>Sedashov E.A., Chernov D.N., Balanina S.N.</i> The effects of leader characteristics on interstate conflicts: a dyadic analysis	193

IDEAS AND PRACTICE

<i>Makarenko B.I.</i> The State and the People: growing diversity of relationship models.....	218
<i>Kabernik V.V.</i> Traps set by statistics and how to evade them.....	237
<i>Grinevich P.A., Bocharova A.P., Stukal D.K.</i> The validity of soft power indices: from challenges to solutions.....	262
<i>Timofeev I.N.</i> “Political atlas of the modern world 2.0”: how to deal with the policy of sanctions?	282

FIRST DEGREE

<i>Maltsev A.M.</i> Amorphous “hard power”? Approaches to the reconceptualization and empirical measurement of military power in international relations.....	300
<i>Bocharova A.P.</i> New aspects of security: citizens’ attitudes on the issue of information regulation in Russia.....	326

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОМЕР

На наших глазах в мире происходят глубокие и драматические перемены – вновь оспариваются территории и суверенитеты, множатся конфликты в разных регионах, в том числе вооруженные, нормы и правила, еще недавно казавшиеся прочными и чуть ли не универсальными, оспариваются и отвергаются, пусть и выборочно. В самих мировых порядках происходят радикальные перемены, к которым мы обращаемся в этом выпуске «Политической науки».

Представленный номер журнала во многом обобщает некоторые результаты работы консорциума МГИМО МИД России и НИУ ВШЭ. Летом 2022 г. ректор МГИМО академик *А.В. Торкунов* и ректор Высшей школы экономики *Н.Ю. Анисимов* подписали соглашение о создании консорциума для реализации проекта «Политический атлас современного мира 2.0», имея в виду, прежде всего, продолжение и развитие научно-образовательного проекта «Политический атлас современности», осуществленного в МГИМО в 2005–2014 гг., по итогам которого был опубликован ряд статей и монографий на русском и английском языках, а также четырехтомный энциклопедический справочник «Политические системы современных государств». Мы опираемся также на ряд предшествующих исследовательских проектов, реализованных в НИУ ВШЭ, в том числе при поддержке РНФ (2017–2019).

Всего за десятилетие в мире произошли и продолжают масштабные изменения, которые мы стремимся, насколько это возможно, понять и отразить в новом проекте. Нужно сказать, что и в современной политической науке тоже происходят серьезные теоретико-методологические перемены, связанные с накоплением

нового эмпирического и теоретического знания, разработкой новых концепций и методов анализа, что мы также должны отразить в нашем выпуске.

В проекте «Политический атлас современного мира 2.0» присутствуют три основных направления: исследовательское, образовательное и экспертное. В этом номере «Политической науки» отражены в том числе некоторые результаты наших совместных разработок по первому и отчасти второму направлениям. Разумеется, в номер включены и иные важные материалы, выполненные в рамках других научно-исследовательских проектов.

Главная тема нынешнего номера – меняющиеся мировые порядки, что отражает и фокусирует внимание на масштабных переменах, происходящих в современном мире. Эти порядки мы понимаем в широком и комплексном смысле, включающем как внешний (международный), так и внутренний контекст. Элементы этих порядков (или порядки, если использовать отраслевой подход) могут сосуществовать и взаимодействовать, а не только последовательно сменять друг друга. Динамика комплексно понимаемых мировых порядков представляет собой серьезный вызов не только для международных исследований, но и для политической науки в целом.

В соответствии с традициями журнала предлагаемые вашему вниманию статьи сгруппированы по ряду тематических рубрик. В рубрике «**Состояние дисциплины**» представлены два материала, отражающие понимание авторами ключевых концептуальных вызовов для современной политической науки и методологической специфики анализа экспертных данных в современных политологических исследованиях, опирающихся на экспериментальные подходы.

А. Мельвиль предлагает свою трактовку природы современных вызовов для политической науки и фокусируется на некоторых из них, в том числе проблемах крушения мирового порядка после холодной войны, отсутствии новой теории политического развития, дилеммах и разновидностях современных демократий и новых моделей авторитаризма, а также вопросах успешности, эффективности и устойчивости современных государств.

Д. Стукал констатирует, что коллеги, занимающиеся эмпирическими исследованиями в сравнительной политологии и международных отношениях, опираются не только на собственно

статистические данные, но и на экспертные оценки. Используемые при этом методы анализа данных обычно не учитывают существенные различия статистических данных и экспертных оценок, игнорируя дополнительную неопределенность, присущую последним. В статье рассматривается современное состояние методов сбора и обработки экспертных оценок в политологических исследованиях, а также открытые и дискуссионные вопросы в этой области (их много!).

Рубрика «**Контекст**» оценивает, что мы знаем (и что не знаем) о политических порядках вообще и международном порядке в частности. *М. Лебедева* утверждает, что мировой порядок, понимаемый в большинстве исследований как взаимоотношения ведущих государств мира, является лишь частью политической организации мира. В свою очередь политическая организация мира представляет собой по крайней мере трехуровневую систему, которая, наряду с системой межгосударственных отношений, включает в себя в качестве основы положения Вестфальской модели мира, где главным принципом выступает суверенитет, а также политические системы различных государств мира. Соответственно, важным для понимания того, как будет формироваться политическая организация мира, становятся интересы различных акторов мировой политики – государств, международных организаций, структур бизнеса, субнациональных территорий, а также университетов, СМИ и международных НПО. *М. Лебедева* уверена, что будет происходить дальнейшая транснационализация акторов, связанная не только с глобализацией, определяемой как прозрачность национальных границ, но и с взаимодействием, а порой и «прорастанием» структур одних акторов в структуры других акторов, и одним из важнейших параметров выстраивания новой архитектуры мировой политики будут сетевые отношения.

А. Кортунов размышляет над взаимодействием многополярности и многосторонности как двух независимых переменных, воздействующих на формирование нового мирового порядка, рассматривает преимущества и недостатки многосторонних механизмов решения проблем безопасности и развития в условиях продолжающейся диффузии силы и влияния в международной системе, отличия будущих моделей многостороннего сотрудничества от моделей XX в., влияние процессов глобализации на развитие прак-

тики многосторонности в международных отношениях. Автор уверен, что многосторонние практики должны быть основаны на совпадении интересов, но не на общности ценностей, а будущие многосторонние институты, режимы и договоренности будут выстраиваться в системе, не имеющей общепризнанного гегемона, и в условиях относительной слабости международных организаций и международного права. На фоне роста «международного беспорядка» в обозримой перспективе наиболее продуктивными и наименее затратными окажутся форматы «проектной многосторонности», основанной на создании подвижных ситуативных коалиций государств и негосударственных участников международных отношений для решения конкретных задач глобального и регионального управления. В итоге накопление позитивных практик «проектной многосторонности» позволит постепенно перейти к более продвинутым практикам «стратегической многосторонности».

Коллектив авторов в составе *Л. Гринина, А. Гринина и А. Коротяева* размышляют над происходящими в мире изменениями в категориях мир-системного подхода, утверждая, что Мир-Система уже находится в фазе, предшествующей переходу в новое качественное состояние, с изменением баланса сил в самых разных аспектах и параметрах. Период реконфигурации Мир-Системы и собственно формирование нового мирового порядка займет, по мнению авторов, не менее полутора-двух десятилетий (или даже больше), и это будет турбулентный период с обострением противоречий и возможным переходом к вооруженным столкновениям. Важно то, что трансформации происходят в результате не только изменения международных отношений и баланса сил, но и вследствие накопления крупных качественных изменений в разных государствах мира практически во всех сферах – демографической, культурной, технологической, идеологической и др. Задача М. Миронюка скромнее: автор предлагает классификацию существующих в международных исследованиях подходов к международным порядкам, в том числе с минимальными нормативными и идеологическими коннотациями и потенциально имеющими большую аналитическую ценность. Автор утверждает, что рост внимания к проблематике порядка в настоящее время связан с тем, что после окончания холодной войны наблюдалось примерно такое же, как в случае США в XIX–XX вв., быстрое усиление пози-

ций Китая, что постепенно возвращает мир к ситуации конкуренции порядков, поддерживаемых сверхдержавами, имеющими и глобальные амбиции, и глобальный охват.

Рубрика «**Ракурсы**» объединяет три статьи. *С. Афонцев* размышляет над возможностями и ограничениями оценки экономической мощи государств с использованием привычных показателей ВВП. Коллектив авторов в составе *В. Беленкова, В. Конча и А. Ахременко* оценивает влияние информационно-коммуникационных технологий на политическую стабильность в разных государствах мира, а *Е. Седашов, Д. Чернов, С. Баланина* изучают влияние характеристик лидеров на межгосударственные конфликты. При различиях в объектах, проблемах, исследовательских вопросах перед нами предстают примеры элегантных и осмысленных эмпирических исследований, использующих количественные методы не ради методов, а для получения нового знания.

В рубрике «**Идеи и практика**» представлены статьи, в которых предлагаются практические ответы на большие вопросы, с которыми сталкивается не только команда «Политического атласа современного мира 2.0», но и коллеги, занимающиеся межстрановыми исследованиями вообще. *И. Тимофеев*, принимая во внимание сложность учета переменных, связанных с инструментами экономического влияния государств, прежде всего, экономическими санкциями, для достижения политических целей, предлагает отражать санкции как в виде внешней угрозы для современных государств, так и в качестве инструмента их внешней политики. Исследование политики санкций могло бы стать отдельным подпроектом в рамках «Политического атласа современного мира 2.0», определяя его развитие не только с точки зрения обновления и расширения основной базы данных для расчета индексов угроз и потенциала влияния, но и развития отдельных специализированных тем в рамках общей рамки проекта.

Материал трех авторов *П. Гриневич, А. Бочаровой, Д. Стукала* – подготовлен также с прицелом на совершенствование индекса потенциала влияния для учета того, что принято называть «мягкой силой». Авторы задались вопросом о валидности существующих индексов мягкой силы, об их достоинствах и недостатках (неизвестный или необоснованный выбор способа агрегирования данных, несоответствие прокси-переменных концептуализации, включение

в анализ результатов опросов общественного мнения и экспертных опросов).

Статья *Б. Макаренко* также имеет прагматическую направленность. За последние десятилетия созданы многочисленные индексы демократии, которые, несмотря на авторитет их создателей, не являются ценностно-нейтральными, они чувствительны к ожиданиям и контексту, опираются на экспертов больше, чем на «бездущные» «жесткие данные». Поскольку есть много свидетельств того, что режимные характеристики современных государств оказывают существенное влияние на их положение в мире, обосновывается возможность создания универсального индекса институционализированной конкуренции и участия (не демократии!).

В отличие от других авторов рубрики, *В. Каберник* не предлагает те или иные модификации индексов в рамках «Политического атласа современного мира 2.0». Он обоснованно предостерегает исследователей от того, чтобы полностью доверяться даже авторитетным источникам и агрегаторам всевозможной статистики и делится опытом в предварительном анализе и обработке данных, используемых в реализации научных проектов, предлагает способы обхода типичных «ловушек» статистики, ведущих к некорректным результатам.

В рубрике «**Первая степень**» две статьи, подготовленные нашими молодыми коллегами. *А. Мальцев* рассматривает концептуальные и методологические трудности эмпирического измерения военных потенциалов государств в мировой политике, оценивает достоинства и недостатки доминирующих подходов к определению и измерению военной силы, которая остается «последним доводом» в отношениях между государствами. Напротив, статья *А. Бочаровой* посвящена вопросам обеспечения кибербезопасности и информационной безопасности в России. Автор применяет факторный опрос с использованием виньеток, позволяющих рассмотреть эффекты фреймирования новостей на восприятие респондентами предлагаемых государством мер по обеспечению безопасности в сфере, которая совсем недавно считалась чем-то из разряда научной фантастики.

Наши коллеги нередко предостерегают студентов от того, чтобы писать курсовые и выпускные работы о процессах, которые продолжаются. В случае политической науки, которой мы занима-

емся, сложность двойная: мы не только изучаем меняющиеся на наших глазах мировые порядки в рамках «Политического атласа современного мира 2.0», но и являемся их частью. Чем сложнее задача, тем она интереснее.

*А.Ю. Мельвиль, М.Г. Миронюк**

* **Мельвиль Андрей Юрьевич**, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, декан и научный руководитель Факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: amelville@hse.ru; **Миронюк Михаил Григорьевич**, кандидат политических наук, доцент, доцент Департамента политики и управления Факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: mmironyuk@hse.ru

Melville Andrei, HSE University (Moscow, Russia), e-mail: amelville@hse.ru;
Mironyuk Mikhail, HSE University (Moscow, Russia), e-mail: mmironyuk@hse.ru

СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

А.Ю. МЕЛЬВИЛЬ *

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ¹

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые теоретико-методологические вызовы, вставшие в последние годы перед современной политической наукой. Эти вызовы имеют как онтологический, так и эпистемологический характер, то есть проистекают из объективной социально-экономической и политической динамики и из возникающих теоретико-методологических дилемм политического знания. Среди первых прежде всего можно выделить характер и последствия крушения (кризиса) миропорядка, сложившегося после окончания холодной войны. Далее, это исчерпанность линейной парадигмы политического развития (от модернизации до демократизации) и подъем «новой консервативной волны». Нерешенным остается также вопрос о ключевых драйверах политического развития – социально-экономических vs культурно-ценностных. Важным вызовом является также значительная вариативность и «нового авторитаризма», в том числе как относительно эффективного инструмента социально-экономического развития, так и современных демократий. Применительно к демократии сейчас едва ли не сквозная тема, привлекающая все больше внимания, – не ее подрыв «извне», а более или менее постепенная и плавная эрозия «изнутри». Проблемы состоятельности и устойчивости современных государств тоже активно обсуждаются исследователями, и одним из результатов этих дискуссий может стать преодоление давно установившегося фокуса на режимных критериях в оценке современных государств. Среди эпистемологических вызовов выделяется соот-

* Мельвиль Андрей Юрьевич, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, декан и научный руководитель Факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: amelville@hse.ru

¹ Статья подготовлена в рамках консорциума МГИМО МИД России и НИУ ВШЭ из средств гранта на реализацию программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

© Мельвиль А.Ю., 2024

DOI: 10.31249/poln/2024.02.01

ношение количественных и качественных методов, проблемы меж-, много- и трансдисциплинарности и т.п. В данной статье рассматриваются некоторые из вызовов первого рода.

Ключевые слова: теоретико-методологические вызовы; мировой порядок; развитие; демократия; «новый авторитаризм»; устойчивость; государственная состоятельность.

Для цитирования: Мельвиль А.Ю. Новые вызовы для политической науки // Политическая наука. – 2024. – № 2. – С. 16–36. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.02.01>

Введение: природа современных вызовов

Драматические перемены, происходящие в мире на наших глазах, скорее всего, получают свое теоретическое осмысление не слишком скоро. Это и понятно: возникающие проблемы чрезвычайно сложны, к тому же социальное знание, как правило, отстает от во многом непредсказуемой динамики социально-политической реальности. Так и сейчас – академическая наука не поспевает за публицистикой и прикладной аналитикой, новостная лента «взрывает мозг», но при этом все еще мало отстраненных попыток осмысления и концептуализации новой реальности, возникающей и внутри современных государств, и в отношениях между ними.

Внешний контекст сегодня обоснованно воспринимается и понимается многими наблюдателями и исследователями как радикальный слом институциональных и ценностных основ мирового порядка, возникшего после окончания холодной войны, хотя его причины и следствия трактуются по-разному. Как бы то ни было, возникла реальность новой региональной и глобальной конфронтации, в разных регионах мира оспариваются территории и суверенитеты, множатся кризисы в мировой политике, экономике, финансах, торговле, демографии, экологии и иных областях, влекущие масштабные последствия – политические, социальные, идейные, культурные и др. Это, если угодно, мир «пост-Фукуяма» – без иллюзий «общего будущего». Скорее вспоминается «столкновение цивилизаций» по С. Хантингтону, кое-где проникнутое в духе «Катехона» эсхатологическими мотивами последней битвы с силами вселенского зла. Внутренний контекст не менее драматичен и тревожен – судя по эмпирическим наблюдениям и некоторым обобщениям, множатся социально-политические расколы в

современных обществах, усиливаются общая дестабилизация и социально-политическая поляризация, продолжается драматический рост неравенства не только между государствами, но и внутри них, происходит подъем правого и левого популизма, экстремистских движений, не решаются проблемы существующих политических партий, да и самого политического представительства, и многое другое.

В литературе обычно миропорядки трактуются как сменяющие друг друга системы международных норм и институтов (об этом поговорим чуть позже), однако, как представляется, правомерен и более широкий и комплексный подход к этой проблеме. Во-первых, миропорядки могут не только исторически сменяться, но и одновременно *сосуществовать*, причем в разных аспектах и измерениях. Скажем, основополагающий принцип Вестфальского порядка – государственный суверенитет, который несколько не утратил своего значения и сегодня, хотя и оспаривается с разных идейно-политических и теоретических позиций. Во-вторых, мировые порядки могут относиться не только к собственно международной (внешней) сфере, но и к широко принимаемым (хотя, разумеется далеко не всеми) *внутренним* нормам и правилам, которые также претерпевают изменения. Сегодня политической науке приходится реагировать на происходящие перемены на обоих уровнях.

Для политической науки этот *новый внешний и внутренний контекст* задает ряд серьезных теоретико-методологических вызовов. Такого рода вызовы, по существу, это крупные проблемы принципиального характера, ждущие если не решения, то по крайней мере концептуальной реакции, осмысления и попыток ответа. Для конкретной области знания это вряд ли задачи в духе «научных революций» à la Т. Кун; их масштаб, по крайней мере, пока явно меньше, хотя данные проблемы и вполне важные, и способные наметить перспективы дальнейшего дисциплинарного развития. К тому же динамика политической науки (как, скорее всего, и других наук) *дискретна и скачкообразна*, то есть наука проходит через меняющиеся теоретико-методологические «фазы», связанные с временным доминированием определенных подходов (как это было, например, с бихевиоризмом, различными вариациями (нео)институционализма, потом – с рациональным выбором и т.п.).

Для сегодняшнего состояния политической науки вряд ли характерна какая-то одна доминирующая теоретическая и методо-

логическая парадигма, скорее, политическая наука пребывает в «промежуточном» состоянии. Не так давно Р. Гудин [Goodin, 2011] не без сожаления говорил об отсутствии в политической науке на нынешнем этапе ее развития своего рода Big Things, то есть новых крупных теоретико-методологических парадигм, которые были бы способны претендовать на комплексный и едва ли не всеобъемлющий аналитический подход. Проблема *промежуточного* состояния современной политической науки вызревала достаточно долго, но нынешние международный и внутренний контексты, как и ее собственная внутренняя дисциплинарная динамика, сделали проблему и заметнее, и острее. В известной мере «промежуточное» состояние отражает неготовность современного политического знания предложить претендующие на общезначимые (если не универсальные) теоретические и методологические подходы, которые могли бы наметить ответы на возникшие вызовы.

Как представляется, это вызовы как минимум двух типов. С одной стороны, они, условно говоря, *онтологические* (или «экзистенциальные»), то есть проистекают из самого объективного внутреннего и внешнего контекста и порождаемых им проблем. С другой стороны, они имеют своего рода *эпистемологический* характер, то есть обусловлены пока что нерешенными вопросами преимущественно методологического характера, вытекающими из самой логики развития современной политической науки. К первой группе в моем представлении, основанном на современной литературе и знакомстве и участии в ведущихся академических дискуссиях, относятся, в частности, проблемы меняющихся на наших глазах мировых порядков, проблемы политического развития, появления все более разнообразных политических режимов и траекторий их развития, проблемы устойчивости и эффективности современных государств и др. Вторая группа вызовов включает пока не до конца решенные проблемы соотношения количественных и качественных методов в политологических исследованиях, проблематику меж-, много- и трансдисциплинарности, сложные вопросы адекватности используемых современных баз данных (как и методов их обработки) и др. Далее в этой статье сосредоточусь на первой группе вызовов. При этом допускаю, что здесь представлен относительно субъективный взгляд, но я (в отличие от целого ряда моих коллег) никогда не претендовал на монополию на истинное знание. По крайней мере, это сюжеты, которые вброшены всем нам

самой новой политической реальностью и с разной степенью интенсивности (не говоря о результативности) обсуждаются академическим сообществом.

Крушение post-Cold war миропорядка

О хрупкости так называемого либерального мирового порядка (или порядка, основанного на правилах), возникшего после окончания холодной войны, предупреждали многие исследователи, прежде всего «реалистского» направления (см., например: [Mearsheimer, 2019]). Сегодня его крушение более чем очевидно, что в изобилии комментируют международники и особенно публицисты. Однако нынешние перемены имеют более широкое значение также и для политической науки в целом и нуждаются в соответствующем осмыслении. Международники (и «там», и «здесь») говорят прежде всего и в основном о распаде однополярного миропорядка, о реальном становлении многополярности, точнее, наверное, с аналитической точки зрения все же о «многополюсности» (см., в частности: [Барановский, Кувалдин, 2023]), о подъеме так называемых ревизионистских держав, оспаривающих сложившееся после окончания холодной войны распределение сил и соответствующие международные нормы и правила. Соответственно, возникает вопрос и о драматически возросшей конфликтности мировой политики, и о вновь дающей о себе знать огромной роли грубого силового фактора. Нет оснований оспаривать очевидные наблюдения, просто масштаб возникших теоретических проблем для социальных наук и политологии в частности несколько больше.

В литературе международные порядки обычно связывают с Вестфальскими, Венскими, Версальскими и Ялтинско-Потсдамскими соглашениями, зафиксировавшими нормы и правила взаимоотношений государств по итогам масштабных (сначала региональных, а впоследствии и глобальных) конфликтов. Иногда выделяют и так называемый постсоветский миропорядок, который, однако, не был оформлен соответствующими международными соглашениями.

Обычно миропорядок трактуется как сочетание *институтов*, а также общепринятых и официально закрепленных в соответствующих договоренностях *норм и правил*, которые так или иначе его фиксируют и поддерживают. Однако применительно к

миропорядку после холодной войны не совсем ясно, так ли это было на уровне формальных мировых практик и соглашений. Общий вектор начиная с конца 1980-х годов и вплоть до наступления нынешнего кризисного состояния вряд ли вызывает сомнения в этом представлении, однако не совсем ясно, в какой мере так называемый *post-Cold war* миропорядок соответствует этим традиционным критериям. Скорее, это были своего рода негласные нормы и правила, подразумевавшиеся и поддерживавшиеся, но, строго говоря, не зафиксированные в формальных соглашениях. Тогда это все же несколько иной «миропорядок», который нуждается в дополнительном осмыслении. Нет никаких оснований оспаривать очевидно сложившиеся на сегодня мировые реалии, но, как представляется, необходимо их осмысление в контексте общих социально-политических представлений о логике и направлениях современного мирового развития. В частности, сама по себе деконструкция и крушение «либерального мирового порядка», как замечает китайский исследователь Чжао Хуашэн¹, отнюдь не ведет автоматически к становлению нового «порядка» – возможен и период «международного беспорядка», что, собственно говоря, мы и переживаем (а не наблюдаем со стороны) в настоящее время. Это болезненное и трудно предсказуемое переходное состояние мира, которое нуждается в комплексном анализе, причем не только со стороны международников, но и представителей всех социальных наук.

Еще один, хотя и более частный, сюжет для размышлений политологов, социологов и международников связан с существенным вопросом о соотношении имеющихся у современных государств *ресурсов* и *эффектов* их использования. Традиционная и общепризнанная литература на этот счет (начиная от классических исследований Rand Corporation (см., например: [Tellis et al., 2000]), как правило, исходит из представления о том, что национальная мощь и потенциал международного влияния зависят от имеющихся в распоряжении государства экономических, военно-силовых, культурно-идеологических, институциональных и иных ресурсов (включая и «мягкую силу»). Здесь, однако, возникает существен-

¹ Хуашэн Ч. Мировой порядок: фрагментация, сосуществование или соперничество // Россия в глобальной политике. – 14 октября. – 2020. – Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/mirovoj-poryadok-fragmentacziya-sosushhestvovanie-ili-sopernichestvo/> (дата посещения: 23.01.2024).

ный вопрос более общего плана, который важен и для конкретных международных исследований. Всегда ли – а если нет, то в каких обстоятельствах, – недостаток ресурсов международного влияния может быть компенсирован политической волей и стратегией? Характерным историческим примером может служить Пруссия эпохи Бисмарка, когда политическая воля и напряжение национальных сил позволили в определенный период достичь впечатляющих результатов. Тем не менее общая проблема остается – в какой мере стратегия, не подкреплённая достаточными ресурсами, может быть эффективной в долгосрочной перспективе? Это вопрос для серьезного обсуждения в политологических дискуссиях завтрашнего дня.

Дефицит современной теории политического развития

Вторая крупная проблема, нуждающаяся сегодня в пристальном внимании, связана с логикой современного политического развития, что в свою очередь отчасти вытекает из кратко очерченной выше проблематики крушения (или глубокого кризиса) современного миропорядка. Как представляется, это проблема – и, если угодно, вызов не только для международников, но и для представителей многих социальных наук. Те или иные представления о природе политических изменений и направленности политического развития всегда были и по-прежнему остаются важным атрибутом политической науки – собственно говоря, от Античности до сегодняшнего дня. И они продолжают вызывать серьезные и пока не преодоленные разногласия. Вопросы, относящиеся к более широкой логике понимания современных социально-политических процессов и их направленности (если, разумеется, ее удастся установить), важны прежде всего для дальнейшего развития самого политического знания.

Многие (или даже доминирующие) в последние десятилетия (а то и столетия) размышления о политическом развитии так или иначе были продиктованы разными вариантами общей *линейной логики*, хотя и с разным содержательным наполнением – от просвещенческого прогрессизма в духе Кондорсе до марксистской теории смены формаций и далее до парадигмы модернизации в ее очень разных вариациях и до мощной идейно-политической кон-

струкции демократизации («демократического транзита») как доминирующего вектора современности. Линейное понимание политического развития, естественно, не единственное – были и остаются, особенно в разных не относящихся к мейнстриму социальных наук идейных и культурных традициях, представления о цикличности и даже регрессе. Тем не менее сегодня сама идея линейного развития вызывает все больше сомнений и разногласий, кто-то назовет ее даже анахронизмом (подробнее об этом в следующем разделе данной статьи). Замечу еще раз, что понимание (и отношение к) социального и политического развития – это важный «внутренний» компонент меняющихся мировых порядков.

Некоторые авторитетные и абсолютно уважаемые мною авторы претендуют на то, чтобы говорить о существовании всеобщей, условно говоря, морфологической модели глобальной динамики, применимой не только к политической науке, но и к иным (чуть ли не всем) областям современного знания. Представляется, однако, что здесь не следует смешивать масштабы анализа. Нас как политологов прежде всего заботят проблемы именно современных политических процессов и их логика, понимание которой и сегодня остается большим вызовом для современной политической науки. Эта логика (если ее понимание вообще возможно на современном этапе развития социального знания) пока не получила сколько-нибудь приемлемой концептуализации. В самом деле, речь, по сути, идет о том, как встроить в наше знание о сегодняшней политике и обществе совершенно *разновекторные траектории* современной политической динамики, которые на сегодняшний момент не укладываются в привычные модели линейного (хотя и с разным содержательным наполнением) политического развития.

Заметим при этом, что обозначенные выше и противостоящие друг другу векторы политического развития в целом ряде отношений действуют, несмотря на *de facto* продолжающуюся глобализацию, как факторы своего рода *разделения* человечества на трудно совместимые сегменты – не только политические, но и ценностные и цивилизационные. Соответственно, лишаются смысла (по крайней мере в настоящее время) и многие ключевые категории прошлого политического дискурса – прежде всего, само представление об общечеловеческом будущем, не говоря уже о подзабытых «общечеловеческих ценностях». Сам образ будущего в этой новой перспективе оказывается размытым и во многом сводится к

норме status quo, связанной с духом современного консервативного разворота, о чем мы еще поговорим ниже. При этом подчас образа будущего вообще нет, есть лишь отмеченная консервация состояния «сейчас». Проекция *возможного будущего* (или будущего во множественном числе), таким образом, становится серьезным вызовом для современной политической науки, к которой раньше или позже только предстоит подступить.

Очевидное, казалось бы, наблюдение – уже отмеченные выше несовместимые векторы политического развития разных политических систем современности, в том числе, если использовать привычные, хотя и вряд ли работающие сегодня, полярные категории авторитаризма и демократии. Современный мир оказывается гораздо более многомерным и демонстрирующим вариативность этих условных и прежде всего ценностных и с трудом эмпирически верифицируемых абстрактных идейных и политических полюсов.

Нерешенным остается также вопрос о ключевых драйверах политического развития – *социально-экономических vs культурно-ценностных*. С одной стороны, мощная традиция, идущая еще от С. Липсета и его последователей, утверждает приоритет первых и продолжает давать развернутую аргументацию, хорошо суммированную А. Пшеворским и Ф. Лимонжи [Przeworski, Limongi, 1997]. С другой стороны, еще от Г. Экстайна [Eckstein, 1988] развивается совсем иной подход к пониманию движущих сил политического развития, который получил условное название «культуралистского». В последнее время его яркими представителями выступали Р. Инглхарт, К. Вельцель и их коллеги (см., например: [Welzel, 2023] с призывом «вернуть культуру» в исследования современной политической динамики). Теоретическое и эмпирическое определение соотношения этих двух подходов к проблемам политического развития остается важной задачей на будущее. Это тоже серьезный эмпирический и теоретический вызов для сегодняшней политической науки.

Дилеммы современных демократий и «новый авторитаризм»

Это еще едва ли не один из ключевых вызовов для современной политической науки. Отправным пунктом здесь может

быть эмпирически наблюдаемая сегодня *вариативность* привычных политических категорий – как в отношении «демократии», так и «авторитаризма». Это тоже важный компонент для понимания меняющихся мировых порядков.

С одной стороны, на наших глазах множатся серьезные проблемы современных демократий и их многообразных разновидностей, что фиксируется как неакадемическими наблюдениями, так и многочисленными исследованиями. Возникающее *многообразие современных режимных разновидностей* под общим «демократическим зонтиком» еще ждет своей концептуализации. Вместе с тем возникающее «демократическое разнообразие» ставит вопрос об уточнении критериев режимных классификаций, что, впрочем, относится и к их, условно говоря, «авторитарному полюсу».

Это и многократно фиксируемые проблемы политических партий и самого политического представительства, и проблемы демократии как эффективного инструмента социально-экономического развития, и неудержимое расширение либеральной повестки, в том числе включающей запросы все более широких групп населения, меньшинств, неинтегрируемых групп мигрантов и др., и эксцессы политики мультикультурализма, и многое другое. В итоге возникает мощная волна *критики и самокритики* современной демократии, свидетельствующая в том числе о ее серьезных концептуальных проблемах на современном этапе.

При этом, с другой стороны, на передний план исследований выходит и *новая авторитарная волна*, которая не ограничена каким-либо одним географическим регионом и имеет комплексный характер, то есть ставит разнородные группы вопросов, относящихся к происхождению авторитарных режимов и их динамике, их функциям, их разновидностям, их эффектам и др. По сути, возникает ряд принципиально новых и пока нерешенных проблем для политической науки, некоторые из которых будут обозначены ниже.

Но прежде вернемся к некоторым сюжетам, относящимся к *кризису демократии*. Прежде всего, это отнюдь не новая, но периодически возникающая в идейно-политических дискуссиях тема (достаточно вспомнить известную работу 1975 г. [Crozier, Huntington, Watanuki, 1975]). Хотя, действительно, сегодня она приобрела чуть ли не беспрецедентный масштаб.

Доминирующая тема сегодня – «глобальная демократическая рецессия» или «демократическое сползание» с примерами

Бразилии, Индии, Мексики, Польши, Венгрии, Таиланда и ряда других стран, иной раз даже США (при Д. Трампе) [Diamond, 2022], особенно очевидная после крушения надежд и иллюзий «третьей волны демократизации». Понятие «кризиса демократии» используется не менее часто [Przeworski, 2019], но есть важные нюансы в понимании и интерпретации этого кризиса, в том числе по сравнению с 1970-ми годами.

Об этом кризисе говорят сегодня многие авторитетные эмпирические исследования. Например, согласно докладу 2023 г. Института V-Dem в Гётеборгском университете, основанному на глобальных по масштабу опросах экспертов, только 13% мирового населения считают, что живут в условиях либеральных демократий, тогда как 72% полагают, что они живут в тех или иных разновидностях недемократических режимов, что означает снижение уровня демократии в мире до как минимум 1986 г.¹ Конечно, такие оценки во многом могут быть субъективными, но они, как бы то ни было, фиксируют важную тенденцию, на которую нужно обратить внимание.

Едва ли не сквозная тема здесь – не подрыв демократии как бы «извне» (как нередко бывало в прошлом веке), а ее более или менее постепенная и плавная *эрозия изнутри*. А. Пшеворский при этом использует образ *Stealth*, то есть не открытого авторитарного переворота, а «плавного» и осуществляемого в основном предварительно более или менее демократически избранным лидером и его командой перевода государственного и политического управления в авторитарный режим, вначале «мягкий», но постепенно становящийся все более «жестким». Эта тема сегодня почти доминирует в режимных исследованиях ([Levitsky, Ziblatt 2018; Mounk, 2018; Brownlee, Miao, 2022; Luo, Przeworski, 2023] и др.). Речь идет, по сути, о вариантах того, что еще раньше и в основном применительно к некоторым латиноамериканским странам называлось *autogolpe*, то есть «самопереворотом». В широко используемой в современной литературе терминологии это ставит вопрос о перерождении «нелиберальных демократий» в специфические варианты «электорального авторитаризма».

¹ Democracy Report 2023: Defiance in the Face of Autocratization // V-Dem Institute. – 2023. – March. – P. 6. – Mode of access: https://www.v-dem.net/documents/30/V-dem_democracyreport2023_highres.pdf (accessed: 15.12.2023).

Заметим при этом, что в современной литературе своего рода «демократический пессимизм», о котором шла речь выше, соседствует и с безудержным и безоглядным «оптимизмом» в отношении будущего демократии (см., например: [Levitski, Way, 2023; Welzel, 2023]). Проблема здесь, как представляется, в значительной мере связана с абстрактно-ценностным отношением к используемым режимным категориям («хорошее – плохое»), не учитывающем в должной мере их сегодняшнюю многомерность и вариативность, о чем выше уже шла речь. Более конкретный их анализ – тоже важная задача для политической науки на будущее.

В немалой степени, кстати, это относится и к важному тезису о сегодняшнем *кризисе либерализма*, который сейчас тоже находится в центре дискуссий. Сама либеральная идея в современных политических и политологических дискуссиях нередко категорически отвергается как заведомо устаревшая и не отражающая современные реалии [Luce, 2017; Deneen, 2018]. С другой стороны, мы встречаем и не менее абстрактно звучащие утверждения авторитетных исследователей в защиту либеральных идей и практик *per se* (показательный пример – [Fukuyama, 2022]), далеко не всегда подтвержденных конкретным анализом реальных проблем современного либерализма. Это тоже реальный вызов для современной политической науки, на который рано или поздно должен быть предложен обоснованный, детальный и дифференцированный ответ.

Здесь есть целый ряд существенных вопросов для дальнейших исследований, в том числе относящихся к теоретическому и эмпирическому анализу новых возникающих проблем, связанных с современной режимной динамикой. Во-первых, это вопрос о *критериях классификации* современных режимных разновидностей, прежде всего относящихся к своего рода «серой зоне», то есть не к упрощенному делению на два полярных ценностных полюса «демократии» и «автократии», а к гораздо более сложным и смежным вариантам. Этот вопрос в современной литературе поставлен, но далек от сколько-нибудь приемлемого решения.

Во-вторых, принципиально сложной проблемой является не только классификация современных авторитарных разновидностей, но и понимание их сути и эффектов, которые далеко не однозначны и не укладываются в упрощенные «черно-белые» ценностные схемы. Едва ли не ключевой вопрос здесь связан с новым

пониманием проблемы *авторитаризма и развития*. Доминирующая в литературе традиция основана на представлении о том, что социально-экономическое развитие имеет своего рода политические корни, а именно так или иначе связано с уровнями демократии (как, впрочем, и наоборот). Это мощная традиция, имеющая развернутое концептуальное и эмпирическое обоснование, которое, однако, сегодня нуждается в более детальном рассмотрении. Важный момент здесь связан с различием новых типов нашего знания о социально-экономических истоках демократии, а также о социально-экономических эффектах разновидностей современных автократий.

Доминировавшая в недалеком прошлом в социально-политическом знании традиция объяснения истоков демократического развития экономическими предпосылками и, в частности, возникновением все более экономически независимого от государства среднего класса, настаивающего на политическом представительстве своих интересов, сегодня может нуждаться в переосмыслении (или как минимум в серьезных уточнениях). В разных регионах мира мы сейчас встречаемся с феноменом возникновения среднего класса (по крайней мере, по уровням потребления), который отнюдь не демонстрирует демократических амбиций и потребностей. Напротив, он вполне органично встроен в те или иные варианты авторитарного правления – прежде всего, в силу экономической зависимости от государства (Китай, судя по всему, может служить здесь характерным примером, хотя это можно наблюдать и во многих других странах) (см., например, сравнительное исследование [Rosenfeld, 2021]). Эта проблема – становление *консервативного* и во многом *авторитарного среднего класса* – является еще одним серьезным вызовом для современной политической науки, которая потребует дальнейших эмпирических и теоретических исследований.

Далее, как отмечалось выше, изучение разновидностей современного авторитаризма, порождающих его условий и вызываемых им эффектов потребует значительных усилий. С одной стороны, мы видим примеры различных типов авторитаризма (например, от Сингапура до Китая), которые с использованием разных инструментов и в разных условиях добивались внушительных экономических и отчасти социальных результатов. Конечно, с другой стороны, на их фоне мы видим и иные, гораздо более многочисленные ре-

зультаты авторитарного правления в Африке, Азии, Латинской Америке и других регионах мира – от голода и разрухи до полной государственной несостоятельности. Тем не менее сама проблема экономических и иных эффектов автократии остается не до конца решенной в современной политической науке. Их многомерность и разнонаправленность на сегодняшний день – серьезный концептуальный и эмпирический вызов для еще предстоящих политологических сравнительных исследований.

Еще одна важная и перспективная тема в изучении современных вариаций авторитаризма – это возможные инструменты ограничения персоналистской власти и их сравнительная эффективность [Gill, 2021]. Один из доминирующих сюжетов здесь связан со сравнительным анализом эффектов институционализации персоналистской власти. Так, например, А. Менг в своем исследовании авторитарных режимов в Африке вполне убедительно демонстрирует позитивную зависимость между институционализацией и ограничением авторитарной власти [Meng, 2020]. Можно предположить, что это направление станет особенно важным для современной сравнительной политологии.

В целом несмотря на значительное продвижение в изучении современного авторитаризма, это направление сравнительных исследований остается одним из наиболее перспективных и актуальных для политической науки, в том числе и потому, что теоретически может рано или поздно стать возможным образцом развития в современном мире (помимо уже известных). Конечно, это будет крушением большинства наших сегодняшних ценностных представлений, однако, как представляется, такой сценарий нельзя однозначно исключать. В принципе нельзя исключать и вероятности новой *легитимации авторитаризма* как эффективного способа управления и развития. Представляется, что эти сюжеты могут также стать существенными вызовами для современной политической науки уже в самом ближайшем будущем. Ведь так, собственно говоря, уже было с категорией *консерватизма*, которая еще недавно в принятом политическом дискурсе воспринималась как своего рода ценностно неприемлемая, однако сейчас в разных контекстах может выступать как совершенно легитимная альтернатива по отношению к нерешенным проблемам современных демократий.

Проблемы успешности и устойчивости современных государств

Проблемы успешности и устойчивости современных государств тоже активно дискутируются сегодня исследователями, и одним из результатов этих дискуссий может стать преодоление давно установившегося фокуса на режимных критериях в оценке современных государств. Критерием оценки при сравнении разных государств мира в тенденции могут оказаться не столько их режимные характеристики, сколько их *стабильность и эффективность*. Впрочем, данный подход имеет достаточно давнюю историю. Вспомним, например, классический тезис С. Хантингтона в работе «Политический порядок в изменяющихся обществах» о том, что «самым важным из того, что отличает одну страну от другой в политическом отношении, является не форма правления, а степень управляемости. Демократические страны и диктатуры отличаются друг от друга меньше, чем отличаются те страны, политическая жизнь которых характеризуется согласием, прочностью общественных связей, легитимностью, организованностью, эффективностью, стабильностью, от тех, где этого всего недостает» [Хантингтон, 2004, с. 21].

Почти через два десятилетия достаточно похожая тематика возникла вновь в известной работе «Возвращение государства» [Evans, Rueschemeyer, Skocpol, 1985]. В то время это был важный знак, свидетельствовавший о попытках преодоления почти преобладавшего фокуса на тематике политических систем и о вновь возродившемся интересе к традиционному для политической науки государство-центрическому подходу. С тех пор данная проблематика продолжает обсуждаться, причем особенно активно в последние десятилетия.

Движущие «экзистенциальные» силы этих академических и экспертных процессов достаточно понятны – и это прежде всего, сами реальные проблемы всех разновидностей современных государств. Во-первых, проблемы становления и развития новых государств в разных частях мира и в разных условиях. Один из важных нерешенных вопросов заключается в выявлении возможной (но пока не раскрытой) общей логики формирования новой государственности, а точнее – новых государственных типов. Во-вторых, обстоятельства и, соответственно, угрозы эрозии су-

шествующей государственности в разных внутренних и внешних контекстах. Эмпирические исследования «несостоятельных» государств ждут своего продолжения и расширения с привлечением более широкого сравнительного материала, включая концептуальный и эмпирический анализ факторов «ослабления» государства и государственности, в том числе и «развитых». И в-третьих, конечно, это особенности взаимоотношений разных типов государств с разной государственностью и иными характеристиками в условиях меняющихся мировых порядков.

Заметим, что в сегодняшнем отечественном дискурсе возник еще один специфический сюжет, связанный с вопросом о «государстве-цивилизации» и ее своего рода «генетической» устойчивости, вытекающей из преемственности предшествующих традиций. Сегодня рано говорить о реальных эффектах и потенциале цивилизационного подхода к изучению современных государств и их особенностей, но очевидно, что вопрос нуждается в более глубоком изучении¹.

Как бы то ни было, при сравнительном анализе современных государств обычно различают, с одной стороны, собственно *государственность* (в базовом веберианском смысле слова) как преимущественно способность обеспечивать внутренний и внешний суверенитет, а с другой – *государственную состоятельность* (state capacity) как ресурсы и возможности добиваться более или менее успешного достижения поставленных целей и задач – политических, экономических, социальных и др. Оба эти измерения в совокупности как раз и отражают условия успешности и устойчивости государств каких бы то ни было типов и разновидностей.

Заметим при этом, что в последнее время именно проблематика государственной состоятельности оказывается в фокусе заметных политологических исследований (см., например: [Acemoglu, García-Jimeno, Robinson, 2015; Andersen et al., 2014; Bäck, Hadenius, 2008; Hanson, 2018]). Соответствующие работы, едва ли не доминирующие сегодня в литературе, посвященной сравнительному анализу современных государств, раскрывают многие важные

¹ Об этом, в частности, рассуждает И. Тимофеев. Подробнее см.: Тимофеев И.И. Государство-цивилизация и политическая теория // Российский совет по международным делам. – 18 мая. – 2023. – Режим доступа: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/gosudarstvo-tsivilizatsiya-i-politicheskaya-teoriya/?sphrase_id=121608242 (дата посещения: 16.12.2023).

концептуальные аспекты данной проблематики. Вместе с тем остается существенная задача для политической науки на перспективу, а именно – развитие и совершенствование эмпирического сравнительного анализа государственной состоятельности разных типов и в разных контекстах.

Еще одно важное направление перспективных сравнительных исследований связано с концептуальным анализом *государственной устойчивости* (resilience) и влияющих на нее факторов. До последнего времени здесь осуществлялись попытки, в частности, по линии изучения некоторых аспектов устойчивости международных усилий по противодействию природным катаклизмам, динамике окружающей среды и др. [Chandler, Coaffee, 2017]. Но, разумеется, кризис международного порядка после холодной войны, о чем шла речь в первом разделе этой статьи, ставит под большой вопрос полученные научные результаты. Вместе с тем обращают на себя внимание некоторые предпринимаемые усилия эмпирического характера, в том числе по разработке вариантов нового индекса государственной устойчивости¹ и с учетом достаточно широкого комплекса экономических, социальных, управленческих и иных параметров². На настоящий момент это еще очень предварительные подходы, однако, как представляется, само направление этих исследовательских усилий заслуживает серьезного внимания.

Несмотря на уже значительную и растущую литературу, посвященную устойчивости (и неустойчивости, причем в разных смыслах) современных государств (см., например: [Canetti et al., 2014; Goldstone et al., 2000; Pileggi, 2022]), остаются серьезные вопросы, ждущие прояснения. Прежде всего, это вопросы концептуального характера, например, относящиеся к определению и критериям устойчивости («резильентности») государства и его «слабости» по отношению к внешним и внутренним вызовам, а также к влияющим на эти состояния и их изменения факторам.

¹ См. подробнее: Malik N., Ehsan R. The National Resilience Index 2020: an assessment of the D-10 // The Henry Jackson Society. – 2020. – Mode of access: <https://henryjacksonsociety.org/wp-content/uploads/2020/09/National-Resilience-Index.pdf> (accessed: 23.01.2024); State Resilience Index: Annual Report 2022// The Fund for Peace. – 2022. – Mode of access: <https://fundforpeace.org/wp-content/uploads/2022/12/SRI-Index-12.6.22-II80.pdf> (accessed: 23.01.2024).

² Там же.

Иные важные вопросы относятся к способам операционализации и измерения уровней устойчивости и неустойчивости современных государств, в том числе с учетом меняющихся мировых порядков. Наконец, это уже отмеченная выше проблема приоритета государственной устойчивости и режимных критериев в сравнительном анализе. Часть этих вопросов относится к государственному управлению и его качеству, а также к роли управленческих институтов, что, по всей видимости, должно предполагать междисциплинарные подходы.

Вместо заключения

Итак, в этой статье намечены некоторые проблемные области, которые, по существу, представляют собой серьезные теоретико-методологические вызовы для современной политической науки и нуждаются в пристальном внимании. Предложенная типология этих вызовов («онтологические» и «эпистемологические»), разумеется, условна и может быть дополнена.

Более того, спектр этих вызовов намного шире и не исчерпывается перечисленными сюжетами; вместе с тем обозначенные выше проблемы на обозримую перспективу, судя по всему, должны оказаться в фокусе представителей политической науки.

Проблематика разворачивающегося на наших глазах крушения (или как минимум глубокого кризиса) мирового порядка, в той или иной степени сложившегося после окончания холодной войны, несомненно, будет оставаться в центре международных исследований. Но мы предлагаем взглянуть на происходящее шире, включая более общие политологические аспекты (в том числе относящиеся к ряду «внутренних» измерений миропорядка). Для политической науки крайне важной проблемой остается дефицит новой теории политического развития, особенно в условиях очевидной многомерности и разновекторности современной социально-политической динамики. Еще один очевидный вызов связан с объяснением вариативности современных демократий и автократий, порождающих их условий и вызываемых ими эффектов. Наконец, важный и, как представляется, перспективный сюжет – это проблематика устойчивости и эффективности современных государств (в том числе и в контексте режимных сравнений и сопоставлений).

Еще раз подчеркнем, что это лишь некоторые из серьезных теоретико-концептуальных вызовов для политической науки. Однако вряд ли можно ожидать, что ответы на них, учитывая саму природу политического знания, могут быть однозначными и исчерпывающими.

A.Yu. Melville*
New Challenges for Political Science¹

Abstract. This article deals with some new theoretical and methodological challenges for contemporary political science to wait for consideration. These challenges are ontological and epistemological; on the one hand, they derive from the objective dynamics the political, economic and social reality and, on the other hand, from the emerging dilemmas of political science itself. The first type of challenges comprises the following ones: the collapse of the post-Cold war world order, the absence of the new theory of political development, the new conservative wave and its consequences. The question of key drivers of political development – socio-economic vs. cultural and value-based – is among academic issues to be addressed. The significant variability of both authoritarianism and democracy is also a essential challenge. In relation to democracies, there is now almost a crosscutting topic of more or less gradual and smooth erosion of democracies “from within” (in contrast to undermining of democracies “from the outside” in the 20th century). The issues of capacity and resilience of modern states are also actively discussed by researchers; there is a possibility that these discussions will help to overcome the long-established focus on regime characteristics in the assessment of modern states. Among epistemological challenges, it is worth mentioning the balance of quantitative and qualitative methods, the problem of multidisciplinary approach, etc. This article concentrates on the first type of challenges.

Keywords: theoretical and methodological challenges; world order; development; democracy; “new authoritarianism”; resilience; state capacity.

For citation: Melville A.Yu. New challenges for political science. *Political Science (RU)*. 2024, N 2, P. 16–37. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.02.01>

* **Melville Andrei**, HSE University (Moscow, Russia), e-mail: amelville@hse.ru

¹ The article was prepared within the consortium of MGIMO University and HSE University and funded by the grant for the implementation of the Priority 2030 Strategic Academic Leadership Program.

References

- Acemoglu D., García-Jimeno C., Robinson J.A. State capacity and economic development: a network approach. *American economic review*. 2015, Vol. 105, N 8, P. 2364–2409. DOI: <https://doi.org/10.1257/aer.20140044>
- Andersen D., Møller J., Rørbæk L.L., Skaaning S.-E. State capacity and political regime stability. *Democratization*. 2014, Vol. 21, N 7, P. 1305–1325. DOI: <https://doi.org/10.1080/13510347.2014.960204>
- Bäck H., Hadenius A. Democracy and state capacity: exploring a j-shaped relationship. *Governance*. 2008, Vol. 21, N 1, P. 1–24. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-0491.2007.00383.x>
- Baranovsky V.G., Kuvaldin V.B. Global conflict: an attribute of a changing world order or an outdated tool for its transformation? *Polis. Political studies*. 2023, N 6, P. 8–20. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.06.02> (In Russ.)
- Brownlee J., Miao K. Debate: why democracies survive. *Journal of democracy*. 2022, Vol. 33, N 4, P. 133–149. DOI: <https://doi.org/10.1353/jod.2022.0052>
- Canetti D., Waismel-Manor I., Cohen N., Rapaport C. What does national resilience mean in a democracy? Evidence from the United States and Israel. *Armed forces & Society*. 2014, Vol. 40, N 3, P. 504–520. DOI: <https://doi.org/10.1177/0095327X12466828>
- Chandler D., Coaffee J. (eds). *The Routledge handbook of international resilience*. New York: Routledge, 2017, 420 p.
- Crozier M., Huntington S., Watanuki J. *The crisis of democracy: report on the governability of democracies to the Trilateral Commission*. New York: New York university press, 1975, 220 p.
- Deneen P.J. *Why liberalism failed*. New Haven; New York: Yale university press, 2018, 264 p.
- Diamond L. Democracy's arc: from resurgent to imperiled. *Journal of democracy*. 2022, Vol. 33, N 1, P. 163–179. DOI: <https://doi.org/10.1353/jod.2022.0012>
- Eckstein H. A culturalist theory of political change. *American political science review*. 1988, Vol. 82, N 3, P. 789–804. DOI: <https://doi.org/10.2307/1962491>
- Evans P., Rueschemeyer D., Skocpol T. *Bringing the state back in*. Cambridge: Cambridge university press, 1985, 390 p.
- Fukuyama F. *Liberalism and its discontents*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2022, 192 p.
- Gill G. *Bridling dictators: rules and authoritarian politics*. Oxford, UK: Oxford university press, 2021, 400 p.
- Goldstone J.A., Gurr T.R., Harff B., Levy M.A., Marshall M.G., Bates R.H., Epstein D.L., Kahl C.H., Surko P.T., Ulfelder J.C., Jr., Unger A.N. *State failure task force report, phase III findings*. McLean, VA: SAIC, 2000, 255 p.
- Goodin R. The state of the discipline, the discipline of the state. In: Goodin R. (ed.). *The Oxford handbook of political science*. Oxford: Oxford university press, 2011, P. 3–57.
- Hanson J.K. State capacity and the resilience of electoral authoritarianism: conceptualizing and measuring the institutional underpinnings of autocratic power.

- International political science review*. 2018, Vol. 39, N 1, P. 17–32. DOI: <https://doi.org/10.1177/0192512117702523>
- Huntington S. *Political order in changing societies*. Moscow: Progress-Tradition, 2004, 480 p. (In Russ.)
- Levitsky S., Ziblatt D. *How democracies die*. New York: Crown Books, 2018, 320 p.
- Levitsky S., Way L. Democracy's surprising resilience. *Journal of democracy*. 2023, Vol. 34, N 4, P. 5–20.
- Luce E. *The retreat of Western liberalism*. New York: Atlantic monthly press, 2017, 226 p.
- Luo Z., Przeworski A. Democracy and its vulnerabilities: dynamics of democratic backsliding. *Quarterly journal of political science*. 2023, Vol. 18, N 1, P. 105–130. DOI: <http://dx.doi.org/10.1561/100.00021112>
- Mearsheimer J.J. Bound to fail: the rise and fall of the liberal international order. *International security*. 2019, Vol. 43, N 4, P. 7–50. DOI: https://doi.org/10.1162/isec_a_00342
- Meng A. *Constraining dictatorship: from personalized rule to institutionalized regimes*. New York: Cambridge university press, 2020, 264 p.
- Mounk Y. The undemocratic dilemma. *Journal of democracy*. 2018, Vol. 29, N 2, P. 98–112. DOI: <https://doi.org/10.1353/jod.2018.0030>
- Pileggi S. Holistic Resilience Index: measuring the expected country resilience to pandemic. *Quality & Quantity*. 2022, Vol. 56, P. 4107–4127. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11135-021-01296-3>
- Przeworski A., Limongi F. Modernization: theories and facts. *World politics*. 1997, Vol. 49, N 2, P. 155–183.
- Rosenfeld B. *The autocratic middle class: how state dependency reduces the demand for democracy*. Princeton: Princeton university press, 2021, 296 p.
- Tellis A., Bially J., Layne Ch., McPherson M. *Measuring national power in the postindustrial age*. RAND, 2000, 196 p.
- Welzel C. Why the future is democratic. *Journal of democracy*. 2023, Vol. 32, N 2, P. 132–144. DOI: <https://doi.org/10.1353/jod.2021.0024>

Литература на русском языке

- Барановский В.Г., Кувалдин В.Б. Глобальный конфликт: атрибут меняющегося миропорядка или устаревший инструмент его трансформации? // *Полит. Политические исследования*. – 2023. – № 6. – С. 8–20. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.06.02>
- Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с.

Д.К. СТУКАЛ*

**АНАЛИЗ СУБЪЕКТИВНЫХ ДАННЫХ
В ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ:
ОТ ЭКСПЕРТНЫХ ОЦЕНОК
ДО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА¹**

Аннотация. Эмпирические исследования в сравнительной политологии и международных отношениях вынуждены зачастую опираться не только на собственно статистические данные, но и на экспертные оценки. Используемые при этом методы анализа данных обычно не учитывают существенные различия статистических данных и экспертных оценок, игнорируя дополнительную неопределенность, присущую последним. Данная статья посвящена обсуждению современного состояния методов сбора и обработки экспертных оценок в политологических исследованиях, а также открытых и дискуссионных вопросов в этой области.

Автор представляет байесовские процедуры анализа данных как наиболее естественный подход к обработке данных субъективной природы и акцентирует внимание на отличиях байесовского и классического подходов к анализу данных. Также рассматриваются методы получения экспертных оценок через процедуры выявления априорных распределений в целях дальнейшего использования этих распределений в байесовском анализе данных. Существующие подходы иллюстрируются примерами из проекта «Политический атлас современного мира 2.0».

* Стукал Денис Константинович, PhD, кандидат политических наук, доцент Департамента политики и управления Факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: dstukal@hse.ru.

¹ Статья подготовлена в рамках консорциума МГИМО МИД России и НИУ ВШЭ из средств гранта на реализацию программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

В статье обсуждаются и возможности отказа от сбора экспертных оценок в пользу «распределенного кодирования», т.е. процедур разметки качественных признаков неэкспертами на основе формализованных инструкций. В статье приводятся как успешные примеры использования «распределенного кодирования», так и сложности, стоящие на пути интеграции этого подхода в исследовательскую практику в области сравнительной политологии и международных отношений.

Наконец, завершающий раздел статьи посвящен интеграции экспертных оценок, с одной стороны, и технологий искусственного интеллекта и машинного обучения – с другой. Указывается на их совместимость в рамках байесовского подхода к анализу данных.

Ключевые слова: экспертные оценки; байесовская статистика; искусственный интеллект; методы; данные; Политический атлас современного мира 2.0.

Для цитирования: Стукал Д.К. Анализ субъективных данных в политических исследованиях: от экспертных оценок до искусственного интеллекта // Политическая наука. – 2024. – № 2. – С. 37–54. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.02.02>

Субъективность в строгости: постановка проблемы

Широкое распространение вычислительных методов в сравнительных политологических исследованиях, фиксируемое на страницах некоторых российских и международных научных журналов, с неизбежностью ставит вопрос об источниках анализируемых данных. В некоторых областях политической науки (например, в исследованиях политического поведения и коммуникации) проблема снимается за счет использования новых типов данных: например, анализа больших объемов текстовых данных из социальных сетей и мессенджеров, дающих срез наблюдаемого поведения и высказываний широкого круга пользователей (пусть и не всегда репрезентативного с точки зрения интересующей исследователя генеральной совокупности). Соответствующие исследования зачастую фокусируются на одной стране (или даже субнациональном регионе), не претендуя на широкие кросс-страновые сопоставления. Подобное сужение фокуса исследования понятно: сбор больших объемов данных по большому числу государств неизбежно порождает новые вызовы, связанные с доступом к данным, их стандартизацией, решением проблемы языка и прочее. При решении же классических задач сравнительной политологии и международных отношений, связанных с сопоставительным анализом государств, указанные выше источники данных не всегда пригодны и доступны. Объективных данных статистического характера мо-

жет быть недостаточно, в связи с чем возникает потребность в экспертных оценках, способы получения и обработки которых требуют особых подходов и инструментов. Как обрабатывать такие данные и как учитывать их субъективный характер? Можно ли с помощью методов анализа данных снизить субъективность данных или, наоборот, использовать субъективные данные для валидации результатов анализа статистических данных? Обсуждению этих вопросов посвящена статья.

Следует признать, что статистические данные о государствах мира очень разнообразны и охватывают самый широкий круг тем: от электоральных данных¹ и данных о конституционном дизайне² до макроэкономической и социальной статистики³. При этом, с одной стороны, существующие базы страновых данных не лишены целого ряда проблем и недостатков [Эмпирические вызовы..., 2023, «Политический атлас современного мира 2.0»..., 2023], а с другой – зачастую содержат в себе не только или даже не столько статистические данные, сколько экспертные оценки. Примером может быть база данных о нарушениях прав человека CIRI⁴, в которой собраны результаты ручного кодирования информации из страновых отчетов Государственного департамента США профессиональными кодировщиками, участвующими в проекте CIRI. Оставляя за рамками обсуждения вопросы о единственности и объективности используемого источника данных, обратим лишь внимание на то, что количественные данные, содержащиеся в этой базе данных, имеют субъективный характер и отражают результат прочтения текстового источника информации узким кругом людей. Тем не менее к данным проекта CIRI применяются те же самые методы анализа, что и к макроэкономической и иной статистике: переменные из базы CIRI могут, например, использоваться в качестве объясняющих признаков в регрессионных моделях – наравне с макроэкономическими и другими статистическими данными.

¹ MIT Election Data. – Mode of access: <https://electionlab.mit.edu/> (accessed: 25.01.2024).

² Comparative Constitutions Project. – Mode of access: <https://comparativeconstitutionsproject.org/> (accessed: 25.01.2024).

³ World Bank Open Data. – Mode of access: <https://data.worldbank.org/> (accessed: 25.01.2024).

⁴ Cingranelli D.L., Richards D.L., Clay K.Ch. The CIRI Human Rights Dataset. – 2014. – Mode of access: <http://www.humanrightsdata.com> (accessed: 25.01.2024).

При таком подходе, однако, игнорируется существенная неопределенность подобных данных, что сложно признать корректным подходом.

В данной статье рассматриваются три основных круга вопросов. Во втором разделе в контексте важности экспертных оценок обсуждаются байесовские методы анализа данных. Третий раздел посвящен классическим и современным подходам к получению экспертных оценок, их возможностям и ограничениям (в том числе применительно к совместному проекту МГИМО – НИУ ВШЭ «Политический атлас современного мира 2.0»). В четвертом и пятом разделах проблематика субъективных данных выводится за рамки собственно экспертных оценок путем обсуждения вопросов распределенного кодирования данных и использования методов искусственного интеллекта.

Экспертное знание в статистике: от классики до байесовских методов

Активные исследования методов сбора и анализа экспертных оценок начались в нашей стране в 1960-е годы и привели к формированию устойчивого научного сообщества вокруг регулярного научного семинара «Экспертные оценки и анализ данных», созданного под руководством П.Ф. Андруковича, Б.Г. Литвака и Ю.Н. Тюрина на механико-математическом факультете МГУ [Орлов, 2013] и существующего по сей день под руководством Ф.Т. Алескерова и Д.А. Новикова на базе Института проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН. Если в Советском Союзе и России развитие этого направления внутри сообщества специалистов по анализу данных акцентировало внимание на методах анализа нечисловой информации [Орлов, 2013], то в США и Европе оно в значительной мере развивалось в русле параметрических методов статистики и в 2000-х годах оказалось тесно интегрированным в теорию байесовских методов анализа данных. С учетом растущей популярности байесовских методов в сравнительных политологических исследованиях, мы рассмотрим в третьем разделе, в первую очередь, связь анализа экспертных оценок с байесовскими методами.

Типичная задача анализа данных требует оценки или проверки гипотез о некоторых параметрах (характеристиках) гене-

ральной совокупности. Так, исследователя может интересовать величина эффекта государственной состоятельности (измеренной каким-либо индексом) на способность государства обеспечивать устойчивый экономический рост. В этом случае исследовательский вопрос можно формализовать в виде уравнения регрессии, где зависимая переменная – экономический рост, объясняющая переменная – индекс государственной состоятельности, а коэффициент при государственной состоятельности отражает интересующий нас эффект (мы оставляем за рамками обсуждения смежные вопросы о том, в каких случаях и при каких допущениях коэффициенты при переменных разумно интерпретировать в терминах причинных эффектов). В рамках традиционного подхода задача исследователя – максимально полно использовать всю содержащуюся в данных информацию, чтобы наиболее корректно оценить (т.е. примерно рассчитать) искомый коэффициент. Естественно, однако, что у разных государств соотношение государственной состоятельности и экономического роста будет разным. Классическая интерпретация этих различий апеллирует к идее генеральной совокупности: в среднем существует закономерная связь между уровнем государственной состоятельности и темпами экономического роста, но в каждом отдельном случае (после учета различных мешающих факторов) эта взаимосвязь подвержена некоторым случайным ошибкам. Именно наличие таких случайных ошибок и объясняет, почему коэффициенты регрессии на основе собранных данных могут быть лишь оценены, т.е. вычислены приблизительно, а не точно. Иными словами, к вычисленным на основе анализа данных числовым значениям традиционная статистика относится аналогично тому, как Платон относился к наблюдаемым объектам физического мира, т.е. как к неидеальным отражениям истинной сущности. Вследствие такого отношения возникает задача *статистического вывода* (*statistical inference*) – сделать выводы об истинном коэффициенте регрессии, существующем в предполагаемой генеральной совокупности, на основе рассчитанной по выборке оценки коэффициента. Эта задача решается либо построением доверительного интервала для коэффициента генеральной совокупности, либо проверкой статистической гипотезы (например, о том, что эффект равен нулю). В обоих вариантах ключевая информация для статистического вывода берется из вариации (дисперсии) выборочной оценки коэффициента, обусловленной описанными выше случайными ошиб-

ками. Заметим, что в рамках этого подхода вся информация извлекается из наблюдаемых данных, а исходные допущения и ожидания исследователя формально никак не учитываются (проявляясь, впрочем, в том, какие именно данные исследователь собрал и какие переменные включил в регрессионную модель). В отличие от этих, классических, процедур статистического анализа, байесовские методы дают возможность отказаться от слепой веры в данные как единственный источник информации и формализовать учет исходных представлений исследователя.

Байесовские методы анализа данных основаны на совмещении информации, содержащейся в данных, с исходной (*априорной*) информацией, имеющейся у исследователя. Такая априорная информация формально выражается в виде распределений вероятностей на множестве возможных значений коэффициента регрессии. Например, исследователь может ожидать, что экономический рост зависит не от государственной состоятельности, а от конкретной политики, проводимой Центральным банком и экономическим блоком правительства (т.е. ожидать нулевого эффекта государственной состоятельности); если же какой-то эффект государственной состоятельности все же есть, то он небольшой и, вероятно, положительный. Такие априорные представления могут быть выражены несимметричным распределением вероятностей, сконцентрированным в положительной полуплоскости, и с максимумом в нуле.

Априорные представления (выраженные в виде распределения вероятностей) совмещаются с информацией в собранных данных (формализованной через т.н. функцию правдоподобия) с помощью формулы Байеса, порождая *апостериорное* распределение. Это новое распределение вероятностей указывает, как нужно думать про наиболее вероятные значения коэффициента регрессии с учетом как собранных данных, так и исходных представлений исследователя. Упрощая логику байесовского анализа, авторы популярного учебника по байесовской статистике сформулировали «байесовскую мантру»: «апостериорное распределение пропорционально произведению априорного распределения и правдоподобия» [Gelman et al., 2020].

Апостериорное распределение вероятностей в значительной мере можно считать итоговым продуктом байесовского анализа. Но в его получении важную роль играет распределение априорное. Откуда оно берется? Здесь можно выделить два принципиально

разных подхода. В рамках первого – наиболее часто используемого – подхода априорные распределения выбираются фактически вне зависимости от реальных исходных представлений исследователя. В таком случае использование априорных распределений решает техническую задачу – предотвратить чрезмерную подгонку результатов под собранные данные (на языке машинного обучения такая чрезмерная подгонка именуется переобучением). Ряд результатов в статистической литературе указывает на тесную связь байесовских процедур с методами регуляризации, нацеленными на предотвращение переобучения и повышение обобщающей способности получаемых результатов [Hastie et al., 2016]. Таким образом, хотя априорные распределения в рамках первого подхода и не позволяют выразить и учесть в анализе исходные идеи автора, их использование может иметь важные положительные эффекты.

Наоборот, второй подход ставит своей задачей корректно отразить в априорном распределении исходные представления исследователя и учесть их при получении итогового результата – апостериорного распределения. Для решения этой задачи, однако, исходные представления исследователя необходимо для начала выявить (*prior elicitation*). Именно здесь и оказываются востребованными методы работы с экспертными оценками.

Экспертные оценки: как их получить и что с ними делать?

Традиционные методы сбора экспертных оценок, включающие в себя широкий круг процедур от различных видов интервью до мозговых штурмов и деловых игр [Экспертные оценки..., 1977], могут быть с трудом адаптированы под задачи построения априорных распределений для байесовских процедур анализа данных. В качестве альтернативы в литературе по выявлению экспертных представлений был предложен ряд подходов, основанных на сборе с экспертов информации об их неопределенности относительно измеряемой величины с последующим построением агрегированного априорного распределения [Quigley et al., 2018]. Эти подходы включают в себя три этапа: 1) измерение неопределенности экспертов, 2) восстановление априорного распределения эксперта, 3) агрегирование экспертных априорных распределений.

Вероятно, ключевое новшество обсуждаемых подходов состоит в том, что для измерения неопределенности экспертов просят указать наиболее вероятный диапазон значений, в котором лежит неизвестная оцениваемая величина. Точнее, экспертам может быть предложено указать диапазон, в котором искомая величина лежит с вероятностью 0,9. Выражаясь более строгим языком, с экспертов собирается информация о квантилях их априорного распределения: квантилях уровня 0,05 и 0,95, а также медиане. В Приложении 1 приведен фрагмент разработанной анкеты экспертного опроса для сбора данных в рамках проекта «Политический атлас современного мира 2.0». Задача опроса – выявить априорные представления о значениях индекса государственности в 10 странах мира.

К сожалению, на основе полученных от экспертов на первом этапе квантилей невозможно однозначно восстановить распределение вероятностей [Gosling, 2018]: одним и тем же квантилям может соответствовать огромное множество различных распределений. По этой причине исследователю необходимо сделать дополнительные допущения об общем виде (и конкретном семействе) распределения. Если измеряемая величина принимает значения на большом интервале (например, от 0 до 100) и мыслится симметричным, то может подойти Гауссово распределение; если оно мыслится скошенным вправо, то логнормальное; если величина принимает значения в интервале от 0 до 1, то можно использовать распределения из очень гибкого семейства бета-распределений. Этот перечень можно продолжать. В этом контексте неудивительно, что в литературе многократно указывалось, что полезно – при наличии такой возможности – просить экспертов прокомментировать, какого вида распределение они себе представляют, когда думают об измеряемой величине [Gosling et al., 2012]. После принятия решения о том, распределением какого семейства следует описывать априорные представления эксперта, точные параметры этого распределения могут быть найдены с помощью метода наименьших квадратов [O’Hagan, 1998]. Таким образом, итогом второго этапа является восстановленное априорное распределение, характеризующее мнение эксперта об измеряемой величине.

Наконец, на третьем этапе решается задача агрегирования априорных распределений индивидуальных экспертов в общее априорное распределение. Для этого обычно используются процеду-

ры объединения мнений (*opinion pooling*), среди которых наиболее распространенными являются линейная и логарифмическая процедуры [Stone, 1961]. Линейная процедура получает итоговое априорное распределение f_g как взвешенное среднее индивидуальных экспертных распределений: $f_g = \sum_j w_j f_j$, где f_j – распределение j -того эксперта, w_j – вес j -того эксперта; логарифмическая процедура использует формулу: $f_g = c \prod_j (f_j)^{w_j}$, где c – нормировочный множитель, необходимый для того, чтобы интеграл от плотности распределения равнялся единице [Rufo et al., 2012].

Ценность экспертных распределений состоит не только в том, что они могут использоваться в качестве априорного распределения в байесовских методах анализа данных (в частности, при построении индексов). Такие распределения можно также использовать, с одной стороны, для валидации результатов моделирования, а с другой – для оценки качества экспертного знания. Первая из упомянутых задач, очевидно, состоит в сравнении полученных модельных результатов (регрессионного коэффициента или рассчитанного индекса) с экспертными оценками: результаты эмпирических расчетов могут сравниваться со средним значением или максимумом априорного экспертного распределения; другая возможность – сравнение эмпирических результатов с интервалом наибольшей плотности (*highest density interval*) – байесовским аналогом доверительного интервала. Вторая задача не менее важна и может рассматриваться в качестве логического развития вопроса о согласованности экспертов – традиционной темы в области анализа экспертных оценок [Экспертные оценки..., 1977]. В современной постановке вопрос о качестве экспертных оценок включает в себя два аспекта: информативность и откалиброванность. Под информативностью (*sharpness*) понимается то, насколько эксперт готов высказывать суждения, отличные от тривиальных. Например, при ответе на вопрос (Приложение 1) неинформативным можно признать ответ эксперта, в котором нижняя и верхняя границы интервала указываются равными минимальному и максимальному значениям индекса государственности (0 и 10 соответственно). Откалиброванность же – это соответствие между внутренней шкалой, которой пользуется эксперт, и шкалой, используемой в исследовании. Простой подход к измерению откалиброванности шкалы эксперта состоит в следующем: эксперта опрашивают о величинах, значения которых уже известны и которые могут служить своего

рода якорями (*seed*) для ненаблюдаемой внутренней шкалы эксперта; далее рассматривается расхождение между частотами наступления событий, ожидаемыми экспертами (и выраженными в виде квантилей) и наблюдаемыми эмпирически – например, с помощью критерия хи-квадрат [Quigley et al., 2018]. Пример калибрующего вопроса из анкеты, разработанной в рамках проекта «Политический атлас современного мира 2.0», приведен в Приложении 2.

Вопрос откалиброванности внутренних шкал экспертов тесно связан с проблемой смещений (*biases*) в экспертном знании – сюжету, которому посвящена большая литература как опросно-экспериментального [Tetlock, 2006], так и теоретического характера [Perälä et al., 2020].

Эксперты без экспертизы: распределенное кодирование в сборе данных

Распространение онлайн-платформ, позволяющих делегировать выполнение определенных рутинных операций произвольно широкому кругу лиц, снабженных инструкциями и примерами, привело к росту популярности подхода, получившего название краудсорсинга в науке [Lenart-Gansinieć et al., 2023]. Применительно к задаче сбора данных можно говорить о «распределенном кодировании» (*crowdcoding*), в рамках которого чаще всего качественные признаки размечаются группами неэкспертов. Такая процедура получила распространение в исследовательских проектах, ориентированных на формирование кросс-страновых данных; например, при кодировании партийных программ [Benoit et al., 2016; Lehmann, Zobel, 2018]. Приведенный пример особенно показателен, поскольку задача кодирования партийных программ традиционно рассматривалась в качестве задачи, требующей экспертного знания, и опиралась либо на экспертные опросы [Laver, Budge, 1992], либо на использование массивов данных, собранных узкими исследовательскими коллективами, включающими экспертов и их ассистентов [Franzmann, Kaiser, 2006].

Привлекательность распределенного кодирования можно объяснить несколькими факторами. Во-первых, оно избавляет от необходимости поиска узкоспециализированных экспертов, готовых принять участие в исследовании. Во-вторых, отказ от экспертного

знание в целом может снизить остроту проблемы экспертных смещений. Наконец, распределенное кодирование в силу своей природы с неизбежностью требует разработки подробных, понятных и воспроизводимых инструкций, руководствуясь которыми разметчики смогут закодировать необходимые данные. Само по себе создание таких инструкций можно считать золотым стандартом разметки, позволяющим исследователям в ясном и однозначном виде сформулировать определения понятий и процедуры их измерения.

Поскольку распределенное кодирование сводится к рутинизированному выполнению заранее сформулированных инструкций, успешность выполнения задачи в этом случае может быть количественно измерена с помощью различных метрик согласованности. Наибольшую популярность (в том числе, благодаря их доступности в стандартных библиотеках анализа данных) получили альфа Криппендорфа [Krippendorff, 1980] и каппы Фляйса и Коэна [Fleiss et al., 1969]. Тем не менее даже высокая согласованность разметчиков необязательно означает содержательной валидности измерения: сформулированные для разметчиков инструкции могут содержать в себе экспертные заблуждения и смещения, которые будут воспроизводиться в рамках распределенного кодирования. Таким образом, несмотря на изначальный оптимизм сторонников распределенного кодирования [Benoit et al., 2016], его сложно признать панацеей от всех проблем экспертного знания.

Эксперты и / или искусственный интеллект

Распространение технологий искусственного интеллекта и алгоритмов машинного обучения в социальных науках [Athey, Imbens, 2019; Molina, Garip, 2019; Edelmann et al., 2020; Grimmer et al., 2021; Brand et al., 2023] поставило новые вопросы перед практикой применения экспертного знания и распределенного кодирования. Дискуссия развернулась о сравнительных преимуществах использования (не)экспертных оценок, с одной стороны, и предсказаний алгоритмов машинного обучения – с другой [Dressel, Farid, 2018; Bansak, 2019]. Сторонники распределенного кодирования указывают на то, что эти процедуры способны достигать точности, сопоставимой с алгоритмической, в связи с чем под вопрос ставится необходимость применения предиктивных моделей в социальных науках [Dressel, Farid,

2018]. Их оппоненты, анализируя те же данные, указывают на преимущества предиктивных моделей с точки зрения откалиброванности предсказаний [Bansak, 2019]. Существенно более радикальный взгляд состоит в том, что использование технологий искусственного интеллекта желательно не только в политологических исследованиях, но и при принятии политических решений, поскольку такие технологии «имеют потенциал повысить политическую легитимность, выявляя острые общественные вопросы, предсказывая возможные последствия проводимой политики и оценивая эффективность политики» [Starke, Luenich, 2020]. Этот тезис актуализирует получившие популярность в 1980-е годы исследования в сфере разработки систем поддержки принятия решений [Ларичев, Петровский, 1987], однако на новой программной и информационной основе.

Современное развитие байесовских методов машинного обучения, интегрирующих процедуры построения предиктивных моделей с байесовским подходом к анализу данных, указывает, однако, на то, что экспертные оценки и технологии искусственного интеллекта не только не противоречат друг другу, но и могут продуктивно совмещаться. В сравнительных политологических исследованиях байесовские процедуры снижения размерности могут использоваться для построения интегральных индексов. Предсказания предиктивных моделей, построенных на основе эмпирических данных, могут сравниваться с экспертными оценками в логике апостериорной предиктивной оценки моделей [Gelman et al., 1996]. Совершенствование процедур получения обобщенных экспертных оценок, таким образом, не теряет своей актуальности и в условиях распространения искусственного интеллекта.

Заключение: строгость и субъективность в анализе данных

В ставшей уже классикой статье о двух культурах статистического моделирования Л. Брейман описал свой взгляд на хорошие практики анализа данных: сначала «вжиться» в данные и лишь затем приступить к их анализу, фокусироваться на нахождении «хороших» решений, добиваться точности модельных предсказаний [Breiman, 2001]. Большую роль в этой практике, очевидно, играет субъективность: она проявляется и во «вживании» в данные, и в

определении того, где проходит граница между «хорошими» и «плохими» статистическими результатами.

В еще более острой форме на роль субъективности в анализе данных указал Э. Лимер: «Искусство эконометрики – в том виде, в котором оно реализуется на компьютере – состоит в построении многих, возможно, тысяч статистических моделей. Одна или несколько из них, которые понравятся исследователю, будут выбраны для публичного представления» [Leamer, 1983, p. 36]. Означает ли это, что эмпирические исследования в политической науке неизбежно столь же субъективны, как и оторванные от эмпирики рассуждения о политике? А процедуры и результаты анализа *hard data* по своей сути не отличаются от анализа (не)экспертных оценок?

Сложившаяся в последние десятилетия практика проверки устойчивости результатов анализа (*robustness checks*), применение методов проверки чувствительности результатов к нарушению допущений (*sensitivity analysis*), о важности которых писал процитированный выше Э. Лимер и которые продолжают развиваться в эмпирической политологии и эконометрике [Imai, Yamamoto, 2013; Oster, 2019], позволяют дать отрицательные ответы на поставленные вопросы. Корректное и ответственное применение процедур анализа данных позволяет существенно снизить пространство субъективного. Однако безответственное применение анализа данных на это неспособно.

Строгие процедуры обработки субъективных экспертных и неэкспертных оценок, а также опирающееся на теорию байесовского анализа включение исходных (априорных) представлений в процесс обработки данных позволяют иначе взглянуть на вопрос субъективности в анализе эмпирики: субъективное знание, выявленное обсуждавшимися выше процедурами, соответствующим образом формализованное и включенное в процесс анализа данных, – это не помеха, а важный компонент строгого подхода к работе с эмпирикой, допускающего итерационное взаимодействие человека, данных и искусственного интеллекта.

D.K. Stukal*

**Subjective data in political science research:
from expert evaluation to artificial intelligence¹**

Abstract. Empirical research in Comparative Politics and International Relations is often built not only on statistical data, but also on expert evaluation data. However, the methods of data analysis employed in this case often fail to account for the differences between statistical and expert evaluation data, and disregard the extra uncertainty in the latter. This article focuses the state-of-the-art methods for collecting and processing expert evaluation data in political science research, as well as open questions in this area. The article presents Bayesian data analysis as the most natural approach to analyzing subjective data and focuses on the differences between Bayesian and classical approaches. Then the article focuses on the methods for obtaining expert evaluations through prior elicitation for further use in Bayesian analysis. These approaches are illustrated using examples from the research project “Political Atlas of the Modern World 2.0”. The next section discusses the possibility of replacing expert evaluation data with crowdcoding, i.e. the procedures for annotating or coding qualitative features by non-experts based on formalized instructions. The article cites both successful examples of crowdcoding usage in empirical research and potential challenges for its integration into research in Comparative Politics and International Relations. Finally, the author addresses the issues of integrating expert evaluation data, on the one hand, and artificial intelligence and machine learning technologies, on the other. We highlight their compatibility in the framework of Bayesian data analysis.

Keywords: expert evaluation; Bayesian statistics; artificial intelligence; methods; data; Political Atlas of the Modern World 2.0.

For citation: Stukal D.K. Subjective data in political science research: from expert evaluation to artificial intelligence. *Political science (RU)*. 2024, N 2, P. 37–54. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.02.02>

References

- Athey S., Imbens G.W. Machine learning methods that economists should know about. *Annual review of economics*. 2019, Vol. 11, P. 685–725. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-economics-080217-053433>
- Bansak K. Can nonexperts really emulate statistical learning methods? A comment on “The accuracy, fairness, and limits of predicting recidivism.” *Political analysis*. 2019, Vol. 27, N 3, P. 370–380. DOI: <https://doi.org/10.1017/pan.2018.55>

* **Stukal Denis**, HSE University (Moscow, Russia), e-mail: dstukal@hse.ru

¹ The article was prepared within the consortium of MGIMO University and HSE University and funded by the grant for the implementation of the Priority 2030 Strategic Academic Leadership Program.

- Benoit K., Conway D., Lauderdale B.E., Laver M., Mikhaylov S. Crowd-sourced text analysis: reproducible and agile production of political data. *American political science review*. 2016, Vol. 110, N 2, P. 278–295. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0003055416000058>
- Brand J.E., Zhou X., Xie Y. Recent developments in causal inference and machine learning. *Annual Review of Sociology*. 2023, Vol. 49, P. 81–110. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-030420-015345>
- Breiman L. Statistical modeling: the two cultures. *Statistical Science*. 2001, Vol. 16, N 3, P. 199–215. DOI: <https://doi.org/10.1214/ss/1009213726>
- Dressel J., Farid H. The accuracy, fairness, and limits of predicting recidivism. *Science advances*. 2018, Vol. 4, N 1, P. eaao5580. DOI: <https://doi.org/10.1126/sciadv.aao5580>
- Edelmann A., Wolff T., Montagne D., Bail C.A. Computational social science and sociology. *Annual review of sociology*. 2020, Vol. 46, P. 61–81. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-121919-054621>
- Fleiss J.L., Cohen J., Everitt B.S. Large sample standard errors of kappa and weighted kappa. *Psychological bulletin*. 1969, Vol. 72, N 5, P. 323–327. DOI: 10.1037/h0028106
- Franzmann S., Kaiser A. Locating political parties in policy space: a reanalysis of Party Manifesto data. *Party politics*. 2006, Vol. 12, N 2, P. 163–188. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354068806061336>
- Gelman A., Carlin J.B., Stern H.S., Dunson D.B., Vehtari A., Rubin D.B. *Bayesian data analysis*. New York, Chapman and Hall/CRC, 2020, 675 p.
- Gelman A., Meng X.-L., Stern H. Posterior predictive assessment of model fitness via realized discrepancies. *Statistica sinica*. 1996, Vol. 6, P. 733–807.
- Gosling J.P. SHELF: The Sheffield Elicitation Framework. In: Dias L.C., Morton A., Quigley J. (eds). *Elicitation: the science and art of structuring judgement*. New York: Springer, 2018, P. 61–93.
- Gosling J.P., Hart A., Mouat D., Sabirovic M., Scanlon S., Simmons A. Quantifying experts' uncertainty about the future cost of exotic diseases. *Risk analysis*. 2012, Vol. 32, N 5, P. 881–893. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1539-6924.2011.01704.x>
- Grimmer J., Roberts M.E., Stewart B.M. Machine learning for social science: an agnostic approach. *Annual review of political science*. 2021, Vol. 24, P. 395–419. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-053119-015921>
- Hastie T., Tibshirani R., Friedman J. *The elements of statistical learning: data mining, inference, and prediction*. New York: Springer, 2016, 745 p.
- Imai K., Yamamoto T. Identification and sensitivity analysis for multiple causal mechanisms: revisiting evidence from framing experiments. *Political analysis*. 2013, Vol. 21, N 2, P. 141–171. DOI: <https://doi.org/10.1093/pan/mps040>
- Krippendorff K. *Content analysis: an introduction to its methodology*. Beverly Hills, CA: Sage, 1980, 441 p.
- Larichev O.I., Petrovskiy A.B. Decision support systems: state of the art and perspectives for development. *Results of science and technology*. Moscow: VINITI, 1987, Vol. 21, P. 131–164. (In Russ.)
- Laver M., Budge I. *Party policy and government coalitions*. New York: St. Martins Press, 1992, 448 p.

- Leamer E.E. Let's take the con out of econometrics. *The American economic review*. 1983, Vol. 73, N 1, P. 31–43.
- Lehmann P., Zobel M. Positions and saliency of immigration in party manifestos: a novel dataset using crowd coding. *European journal of political research*. 2018, Vol. 7, N 4, P. 1056–1083. DOI: <https://doi.org/10.1111/1475-6765.12266>
- Lenart-Gansiniec R., Czakon W., Sulkowski L., Jasna Pócek J. Understanding crowdsourcing in science. *Review of managerial science*. 2023, Vol. 17, P. 2797–2830. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11846-022-00602-z>
- Melville A.Yu., Malgin A.V., Mironyuk M.G., Stukal D.K. “Political atlas of the modern world 2.0”: formulation of the research problem. *Polis. Political studies*. 2023, N 2, P. 72–87. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.02.06> (In Russ.)
- Melville A.Yu., Malgin A.V., Mironyuk M.G., Stukal D.K. Empirical challenges and methodological approaches in comparative politics (through the lens of the Political Atlas of the Modern World 2.0). *Polis. Political studies*. 2023, N 5, P. 153–171. DOI: [10.17976/jpps/2023.05.10](https://doi.org/10.17976/jpps/2023.05.10) (In Russ.)
- Molina M., Garip F. Machine learning for sociology. *Annual review of sociology*. 2019, Vol. 45, P. 27–45. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-073117-041106>
- O'Hagan A. Eliciting expert beliefs in substantial practical applications. *Journal of the royal statistical society. Series D (The Statistician)*. 1998, Vol. 47, N 1, P. 21–35. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9884.00114>
- Orlov A.I. Expert evaluation theory in our country. *Polythematic online scientific journal of Kuban State Agrarian University*. 2013, N 93, P. 1–11. (In Russ.)
- Oster E. Unobservable selection and coefficient stability: theory and evidence. *Journal of business & Economic statistics*. 2019, Vol. 37, N 2, P. 187–204. DOI: <https://doi.org/10.1080/07350015.2016.1227711>
- Quigley J., Colson A., Aspinall W., Cooke R.M. Elicitation in the classical model. In: Dias L.C., Morton A., Quigley J. (eds). *Elicitation: the science and art of structuring judgement*. Springer, 2018, P. 15–36.
- Perälä T., Vanhatalo J., Chrysafi A. Calibrating expert assessments using hierarchical gaussian process models. *Bayesian analysis*. 2020, Vol. 15, N 4, P. 1251–1280. DOI: <https://doi.org/10.1214/19-ba1180>
- Rufo M.J., Pérez C.J., Martín J. A Bayesian approach to aggregate experts' initial information. *Electronic journal of statistics*. 2012, Vol. 6, P. 2362–2382. DOI: <https://doi.org/10.1214/12-ejs752>
- Schmerling D.S., Dubrovskiy S.A., Arzhanova T.D., Frenkel A.A. Expert evaluation. Methods and application. In: *Statistical methods of expert evaluation analysis*. Moscow: Nauka, 1977, P. 290–382. (In Russ.)
- Starke C., Lünich M. Artificial intelligence for political decision-making in the European Union: effects on citizens' perceptions of input, throughput, and output legitimacy. *Data & Policy*. 2020, Vol. 2, E16. DOI: <https://doi.org/10.1017/dap.2020.19>
- Stone M. The opinion pool. *Annals of mathematical statistics*. 1961, Vol. 32, N 4, P. 1339–1342. DOI: <https://doi.org/10.1214/aoms/1177704873>
- Tetlock Ph. E. *Expert political judgment: how good is it? how can we know?* Princeton: Princeton university press, 2006, 321 p.

Литература на русском языке

- Ларичев О.И., Петровский А.Б. Системы поддержки принятия решений: современное состояние и перспективы развития // Итоги науки и техники. – М.: ВИНТИ, 1987. – Т. 21. – С. 131–164.
- Орлов А.И. Теория экспертных оценок в нашей стране // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2013. – № 93. – С. 1–11.
- «Политический атлас современного мира 2.0»: к постановке исследовательской задачи / А.Ю. Мельвиль, А.В. Мальгин, М.Г. Миронюк, Д.К. Стукал // Полис. Политические исследования. – 2023. – № 2. – С. 72–87. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.02.06>
- Экспертные оценки. Методы и применение / Д.С. Шмерлинг, С.А. Дубровский, Т.Д. Аржанова, А.А. Френкель // Статистические методы анализа экспертных оценок. – М.: Наука, 1977. – С. 290–382.
- Эмпирические вызовы и методологические подходы в сравнительной политологии (сквозь призму «Политического атласа современного мира 2.0») / А.Ю. Мельвиль, А.В. Мальгин, М.Г. Миронюк, Д.К. Стукал // Полис. Политические исследования. – 2023. – № 5. – С. 153–171. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.05.10>

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Пример экспертного опроса об уровне государственности

Пояснение. Экспертную оценку часто проще дать не в виде одного-единственного числа, а в виде некоторого интервала вероятных значений. Ниже мы попросим Вас оценить значения различных индексов для некоторых государств, используя 90%-ные интервалы, т.е. такие интервалы, которые содержат корректное значение индекса для данного государства с вероятностью 90%.

Для таких 90%-ных интервалов мы будем просить Вас указать нижнюю и верхнюю границы, отражающие разброс возможных значений индекса для данного государства. Кроме того, мы будем просить Вас указать медиану Вашей оценки: с вероятностью 50% корректное значение оцениваемой характеристики государства будет либо меньше, либо больше этой медианы.

Вопрос. Для измерения *государственности* разрабатывается индекс, принимающий непрерывные значения от 0 до 10. Оцените, пожалуйста, уровень развития государственности у приведенных

ниже государств по состоянию на 2020 г. в непрерывной шкале от 0 до 10. Приведите, пожалуйста, медиану и границы 90%-ного интервала для Ваших оценок:

Страна	Нижняя граница 90%-ного интервала	Верхняя граница 90%-ного интервала	Медиана
Аргентина			
Бразилия			
Индия			
Индонезия			
Китай			
Россия			
США			
Турция			
Чили			
Южноафриканская республика			

Приложение 2

Пример калибрующего вопроса об уровне демократии

Вопрос. Оцените, пожалуйста, *уровень демократии в понимании индекса «Полития» (Polity V)* в приведенных ниже государствах по состоянию на 2020 г. в непрерывной шкале от –10 до +10. Приведите, пожалуйста, медиану и границы 90%-ного интервала для Ваших оценок:

Страна	Нижняя граница 90%-ного интервала	Верхняя граница 90%-ного интервала	Медиана
Аргентина			
Бразилия			
Индия			
Индонезия			
Китай			
Россия			
США			
Турция			
Чили			
Южноафриканская республика			

КОНТЕКСТ

М.Г. МИРОНИЮК*

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ИЗМЕНЧИВОСТЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПОРЯДКОВ И БЕСПОРЯДКОВ¹

Аннотация. Внимание к проблематике «порядка» в политической науке не является чем-то новым, как не является новым явлением «политический порядок» или «международный порядок». Рост этого внимания может означать то, что происходящее в какой-то сфере жизни отличается от привычной динамики. Являясь неотъемлемой частью языка политики и категорией социальных наук, включая политическую науку, «порядок» вообще, «политический порядок» и «международный порядок» в особенности обычно несут в себе нормативные и идеологические коннотации, отражают определенные ожидания и представления. В статье предлагается классификация подходов к международным порядкам, в том числе с минимальными нормативными и идеологическими коннотациями и потенциально имеющими большую аналитическую ценность (к их числу относится позиционный подход).

Признак существования международного порядка (мирового порядка) в реальной жизни – это предсказуемость и повторяемость действий тех, на кого распространяется порядок (вне зависимости от многообразия представлений о его параметрах и истоках). Утверждение международного порядка, который обычно квалифицируется как либеральный, связан с быстрым взлетом США в XIX – начале XX в. В течение тридцати лет после окончания холодной войны наблюдалось при-

* **Миронюк Михаил Григорьевич**, кандидат политических наук, доцент, доцент Департамента политики и управления Факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: mmironyuk@hse.ru

¹ Статья подготовлена в рамках консорциума МГИМО МИД России и НИУ ВШЭ из средств гранта на реализацию программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

мерно такое же быстрое усиление позиций Китая, что постепенно возвращает мир к ситуации конкуренции порядков, поддерживаемых сверхдержавами, имеющими и глобальные амбиции, и глобальный охват.

Ключевые слова: политический порядок; международный порядок; мировой порядок; беспорядок; сверхдержава; иерархия; власть; институт.

Для цитирования: Миролюк М.Г. Преемственность и изменчивость международных порядков и беспорядков // Политическая наука. – 2024. – № 2. – С. 55–79. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.02.03>

Введение

Каждый из нас периодически оказывается в ситуации, когда приходится что-то «приводить в порядок», особенно если невозможно более «терпеть беспорядок», даже «творческий». Поэтому все мы время от времени «наводим порядок» на столах, в шкафах, в делах и т.п. и, затратив немало сил и времени, стараемся «поддерживать порядок». Правда, мы обычно не любим, когда нас заставляют «наводить порядок» или «подчиняться порядку», установленному без нашего согласия.

Почему большинство из нас испытывает страх или неприязнь к «беспорядку» и стремится к «порядку»?

Слово «порядок» в обыденной речи, особенно если применяется к привычным житейским ситуациям, имеет преимущественно положительные коннотации. Его аналоги в некоторых европейских языках, например, *лат.* *ordo*, *англ.* *order*¹, *нем.* *Ordnung*, *фр.* *ordre*, *исп.* *orden* и др., в этом отношении не отстают. Напротив, антоним «беспорядок» (*англ.* *disorder*, *нем.* *Störung*, *фр.* *désordre*, *исп.* *desorden* и др.) и его синонимы (например, более обыденный «непорядок», пугающий «хаос») сопровождаются негативными сопутствующими значениями. Если в первом случае подразумевается «ожидаемое, предсказуемое, правильно организованное состояние или расположение чего-либо»², то во втором –

¹ Примечательно, что английское слово «order» также означает «приказ», «распоряжение».

² Большой толковый словарь. – Режим доступа: [https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%8F%D0%B4%D0%BE%D0%BA&mode=slovare&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%8F%D0%B4%D0%BE%D0%BA&mode=slovare&dicts[]=42) (дата посещения: 15.12.2023).

«отсутствие или нарушение порядка»¹, т.е. гармонии, «нормальности», предсказуемости (и в этом случае обнаруживается несоответствие «беспорядочного» положения вещей ожиданиям).

Внимание к проблематике «порядка» в политической науке, включая международные исследования, не является чем-то новым, как и изучение политического или международного порядка. Однако рост этого внимания может означать, что происходящее в какой-то сфере жизни выходит за рамки, отличается от обычной динамики, т.е. недостаток порядка и избыток беспорядка принимают вполне зримые очертания.

Данная статья строится вокруг двух тезисов и одной основной задачи. Первый тезис формулируется следующим образом: являясь неотъемлемой частью языка политики и категорией социальных наук, включая политическую науку, «порядок» вообще, «политический порядок» и «международный порядок» в особенности обычно несут в себе нормативные и (или) идеологические коннотации, отражают вполне определенные ожидания и представления. В данной связи ставится задача первичного упорядочения подходов к определению «международного порядка» как категории политической науки и определения подходов, которые могут иметь большую аналитическую ценность и относительно минимальные нормативную или идеологическую нагрузки. Если и задача, и первый тезис имеют отношение к теории, то второй тезис связан с практическими аспектами существования (становления и, вероятно, разрушения) порядка. Утверждение международного порядка, который обычно квалифицируется как либеральный, связан с быстрым ростом могущества США в XIX – начале XX в. За тридцать лет после окончания холодной войны наблюдался примерно такой же быстрый взлет Китая, что постепенно возвращает мир к ситуации конкуренции порядков, поддерживаемых сверхдержавами, имеющими и глобальные амбиции, и глобальный охват.

¹ Большой толковый словарь. – Режим доступа: [https://gramota.ru/poisk?query=%D0%B1%D0%B5%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%8F%D0%B4%D0%BE%D0%BA&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=%D0%B1%D0%B5%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%8F%D0%B4%D0%BE%D0%BA&mode=slovari&dicts[]=42) (дата посещения: 15.12.2023).

Что мы знаем: международные порядки в теории

«Порядок» – это и неотъемлемая часть языка политики, и категория социальных наук (особенно вместе с прилагательными «социальный», «политический», «международный» или «мировой», «либеральный» и т.п.). И в языке политики, и в академических текстах это понятие несет в себе нормативные и (или) идеологические коннотации, открыто (в первом случае) или относительно завуалированно (во втором) апеллирует к тому, как, в соответствии с какими принципами должна быть устроена жизнь общества (любого вообще или вполне конкретного), организована его политическая и экономическая сферы.

У категории «порядок» долгая история. Например, на страницах издаваемого с 1922 г. американского журнала *Foreign Affairs* слово «порядок» (*order*) в составе понятия «международный порядок» за более чем 100 лет встречается 6 925 раз¹. И если в 1922–1923 гг. данное выражение встречается 47 раз, то в 2022–2023 гг. – 608 раз. Показательно, что в статье Эдварда Хауса, дипломата и советника президента Вудро Вилсона, написанной в поддержку Лиги Наций и для обоснования активной роли США в мировых делах, хотя искомое словосочетание и не присутствует, но появляется призыв обеспечить «закон и порядок» (*law and order*) между государствами, по аналогии с верховенством права внутри государства [House, 1923, p. 4]. Искомое понятие, с вполне современными коннотациями, можно обнаружить в статье Уолтера Липпманна, критикующей изоляционизм и обсуждающей Закон о нейтралитете 1937 г. Существующий международный порядок Липпманн связал с длительным доминированием Великобритании на морях, с превосходством ее флота (а значит, общим военным превосходством) над остальными державами и существованием Британской империи как таковой. Для Липпманна главным было то, что долгое время за обеспечение порядка в международной системе отвечала именно Великобритания, которой управляют те, кто «верят в верховенство права и в правление с согласия управляемых» [Lippmann, 1937, p. 593].

¹ *Foreign Affairs*. – Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/search/international%20order> (accessed: 5.01.2024). Любопытно, что по запросу «global order» система поиска выдает 3915 результатов, а «world order» – 7 819 результатов.

Политические лидеры и высокопоставленные представители государств тоже не пренебрегают этим понятием. Хрестоматийный пример из недавней европейской истории – упоминание «великого Европейского Нового порядка» (*die Neuordnung Europa*) Адольфом Гитлером во время выступления¹ в Берлинском дворце спорта 30 января 1941 г., предусматривавшего переустройство Европы (и мира) в интересах (и частично – по образу) нацистской Германии. Впрочем, большую популярность понятие международного или мирового порядка в публичном дискурсе приобретает в связи с окончанием холодной войны. Например, президент США Джордж Буш в обращении к ООН 1 октября 1990 г. заявил о наступлении «нового мирового порядка» в связи с завершением холодной войны, который предполагает, что больше стран станут демократическими (здесь же содержался призыв к странам Центральной и Южной Америки выступить пионерами демократизации и создать демократическое полушарие), будет распространено международное сотрудничество и т.п.² Кондолиза Райс, Государственный секретарь США в 2005–2009 гг., рассуждая о международном порядке, указывала на альянсы с участием США в разных частях света как на его опоры, подчеркивала важность отношений со старыми и новыми демократиями, например с Индией, которая находится на пути к превращению в глобального игрока и является союзником в создании международного порядка, основанного на свободе и верховенстве права («демократического, безопасного и открытого») [Rice, 2008, p. 5]. Советник президента США по национальной безопасности Джейк Салливан утверждает, что в новых условиях взаимозависимости и транснациональных вызовов США нацелены на «победу в соревновании по формированию международного порядка, который будет свободным, открытым, процветающим и безопасным» [Sullivan, 2023, p. 21], хотя и ранее – после окончания холодной войны – страна стремилась «расширить основанный на правилах порядок во главе с США и создать образ-

¹ Speech by Chancellor Adolf Hitler at the Berlin Sports Palace. – 30 January. – 1941. – Mode of access: <https://archive.org/details/speech-by-chancellor-adolf-hitler-at-berlin-sports-palace-1941.01.30/mode/2up> (accessed: 16.12.2023).

² George H.W. Bush Address to the United Nations: October 1, 1990 // Miller Center. – Mode of access: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/october-1-1990-address-united-nations> (accessed: 15.12.2023).

цы сотрудничества по критическим вопросам», добившись успехов в распространении свободы, процветания и безопасности.

Подобных апологий, в том числе академических [Deudney, Ikenberry, 2018; Ikenberry, 2001; Ikenberry, 2011; Ikenberry, 2020; Mead, 2014; Nye, 2017], существующего мирового порядка, причем с дополнительной квалификацией «либеральный», множество. Однако если есть апологии такого порядка, то есть и его критика – как политическая¹ [Лавров, 2019; Лавров, 2023], так и академическая [Martin, 2022; Mearsheimer, 2018; Walt, 2018].

У «порядка» как категории социальных наук тоже долгая история. Социологов занимали проблемы «социального порядка» примерно с тех же пор, когда социология оформляется в качестве научной дисциплины², не говоря уже о предшественниках в социальной и политической философии. Впрочем, это утверждение верно и в отношении представителей политической науки. Поскольку люди являются и индивидами, и социальными существами, «для возникновения и поддержания социального порядка необходимо решить две отдельные проблемы. Люди должны быть способны координировать свои действия, и они должны сотрудничать для достижения общих целей» [Hechter, Horne, 2009, p. 1]. Человечество накопило богатый опыт применения разнообразных, в том числе радикально различающихся (в зависимости от нормативных и идеологических предпочтений), способов решения этих

¹ Например, министр иностранных дел Индии Субраманьям Джайшанкар, выступая на конференции «Диалог Райсина», обратил внимание на непоследовательность и избирательность применения правил в рамках «основанного на принципах международного порядка» главными апологетами порядка (особенно 8:48–15:09). – Mode of access: <https://youtu.be/UidrPczVkwU> (accessed: 6.01.2024). Более показательна статья с названием «Никто не хочет нынешний мировой порядок» с подзаголовком «Как все основные державы – даже США – стали ревизионистами» дипломата и бывшего советника премьер-министра Индии по национальной безопасности Шавшанкара Менона. Подробнее см.: Menon S. Nobody wants the current world order: how all the major powers – even the United States – became revisionists // *Foreign Affairs*. – 3 August. – 2022. – Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/world/nobody-wants-current-world-order> (accessed: 5.01.2024).

² Например, в 1902 г. Чарльз Кули опубликовал книгу «Человеческая природа и социальный порядок». К проблематике социального порядка в той или иной мере обращаются многие представители социологии, признанные классиками (при жизни и после), включая Эмиля Дюркгейма, Макса Вебера, Толкотта Парсонса, Роберта Мертона и др.

проблем, а значит, и богатый опыт их осмысления, обоснования в качестве наилучших и легитимизации конкретных политических курсов для утверждения соответствующих порядков на практике. Однако этот опыт более разнообразен применительно к порядкам внутри политических сообществ (от предшественников территориального государства до современного территориального государства, особенно такой его разновидности, как нация-государство), чем к порядкам между ними. Конечно, международные порядки существовали и до Нового времени, но они не имели глобального охвата (до эпохи Великих географических открытий и создания европейцами колониальных империй на всех населенных континентах) и были ограниченными.

Между политическими порядками внутри государств и международными политическими порядками есть существенные различия: порядок, основанный на вестфальском нации-государстве, родившийся в Европе и постепенно распространившийся далеко за пределы Старого Света, «делает фундаментальное различие между внутренней политической сферой, характеризуемой институциональной плотностью, иерархическими отношениями, разделяемыми интересами и сильными коллективными идентичностями, и международной политической сферой, отличающейся отсутствием сильных институтов, меньшим числом правил, конфликтующими интересами и конфликтующими идентичностями» [March, Olsen, 1998, p. 944]. И хотя международный «политический порядок определяется в первую очередь в терминах договорных связей между автономными вовне и внутренне интегрированными суверенами» [March, Olsen, 1998, p. 945], во-первых, сферы внутренней и внешней политики весьма тесно связаны, во-вторых, эти сферы несвободны от конфликтов интересов (хотя эти интересы различаются по принадлежности, признанию, способам управления и разрешения), в-третьих, политическим порядкам вообще свойственны большая или меньшая степень упорядоченности, наличие сильной или слабой структуры. Иными словами, и те и другие порядки — это социальные порядки, им свойственны динамика, взлеты и падения (вплоть до разрушения), изменчивость и преемственность. Поэтому сравнительное изучение (или как минимум преодоление изоляции, параллелизма исследований) политических порядков внутри политических сообществ и между государствами не просто допустимо и корректно, а необходимо.

Одна из самых известных, в том числе по причине критики широко распространенных в то время представлений о модернизации, книг Сэмюэля Хантингтона¹ называется «Политический порядок в меняющихся обществах» (1968). Перу публичного интеллектуала, хотя и сохранившего связь с академическим сообществом Фрэнсиса Фукуямы, напрямую апеллирующего к работе Хантингтона, принадлежат две книги – «Истоки политического порядка» (2011) и «Политический порядок и политический упадок: от промышленной революции до глобализации демократии» (2014).

Удивительно, но в книге Хантингтона сложно найти однозначное определение категории «политический порядок». «Политический порядок» – это «желаемое, а не реальное состояние», т.е. отсутствие «насилия, нестабильности и беспорядка», это состояние, отличное от того, которое переживали многие модернизирующиеся страны после Второй мировой войны и которое характеризовалось «обострением этнических и классовых конфликтов, повторяющимися вспышками массовых беспорядков и насилия, частыми военными переворотами, нахождением у власти деспотических и неуравновешенных лидеров, часто проводивших разрушительную экономическую и социальную политику, широкомасштабной коррупцией среди государственных чиновников, нарушением прав и свобод граждан, неэффективностью бюрократии, всеобъемлющим взаимным отчуждением городских политических групп, падением авторитета законодательных и судебных органов и фрагментацией, а подчас и полной дезинтеграцией политических партий, имевших широкую общественную опору» [Хантингтон, 2004, с. 18, с. 21–22]. Политический порядок наблюдается в обществах с высокой степенью управляемости, «политическая жизнь которых характеризуется согласием, прочностью общественных связей, легитимностью, организованностью, эффективностью, стабильностью» [Хантингтон, 2004, с. 21]. Ослабление указанных атрибутов поряд-

¹ Показательно, что этот американский политолог и после смерти по-прежнему входит в число авторов, работы которых наиболее часто встречаются в программах учебных дисциплин для студентов-политологов во всем мире. Такое утверждение содержится на сайте некоммерческой организации Open Syllabus, которая собирает и анализирует программы учебных дисциплин, преподаваемых на английском языке в 140 странах мира. – Mode of access: <https://explorer.opensyllabus.org/results-list/authors?size=50&fields=Political%20Science> (accessed: 05.01.2024).

ка знаменуют собой политический упадок и в итоге полную потерю свободы, поскольку «свобода невозможна без порядка» [Хантингтон, 2004, с. 27], хотя порядок как раз возможен без свободы.

Масштабная попытка Фукуямы дополнить и адаптировать концептуальные построения Хантингтона к современным условиям внушает уважение, но в многостраничных книгах 2011 и 2014 гг. политический упадок снова представлен яснее и убедительнее, чем его противоположность – политический порядок. Политический порядок Фукуяма рассматривает через призму эффективных политических институтов – государства, верховенства закона и подотчетного правительства, причем «успешная современная либеральная демократия сочетает все три указанных института в устойчивом равновесии» [Фукуяма, 2015, с. 37]. Впрочем, даже в развитых демократиях, которые мыслятся в качестве образцового порядка, указанные институты могут конкурировать друг с другом, не взаимно усиливать, а подрывать друг друга [Fukuyama, 2014, p. 532–534], не говоря уже о том, что институты могут со временем становиться «дисфункциональными» (не успевая или будучи не в состоянии адаптироваться к изменившейся среде).

Вполне вероятно, что значительное влияние на «разработку концептуального аппарата, необходимого для исследования проблемы» [Баталов, 1995, с. 28] порядка на уровне выше или за пределами отдельного государства, внес британский исследователь Хедли Булл. В книге 1977 г. «Анархическое общество: Исследование порядка в мировой политике» Булл предложил ставшее хрестоматийным определение международного порядка, которое вдохновляет сторонников нормативного понимания¹ порядка [Hoffmann, 1995 a; Paul, Hall, 1999, p. 3]: «Под международным порядком я понимаю образец деятельности, которая поддерживает элементарные или первостепенные цели общества государств, или международное общество» [Bull, 1995, p. 8]. Булл свои рассуждения начинает с определения того, что такое порядок в общественной жизни, снова связывая его с основными или универсальными

¹ Этому способствует также признание самим Буллом порядка в качестве ценности (в том числе потому, что порядок делает возможным достижение любых других ценностей), а не только как желаемого или реального положения вещей в мировой политике [Bull, 1995, p. 74], хотя и с оговоркой, что порядок не должен иметь приоритет над, например, справедливостью во всех возможных ситуациях.

целями социальной жизни, которые состоят в том, чтобы в той или иной мере обезопасить жизнь от насилия, ведущего к смерти или причинению физического ущерба, гарантировать выполнение обещаний или соглашений между людьми, а также гарантировать ту или иную меру стабильности обладания собственностью [Bull, 1995, p. 4]. Государства утверждают внутренний и внешний суверенитет. В концептуальной схеме Булла существует и система государств, и общество государств: «Система государств, или международная система, формируется, когда два и более государств имеют достаточные контакты между собой и оказывают достаточное влияние на решения друг друга, чтобы это приводило к тому, что они ведут себя – хотя бы в какой-то мере – в качестве частей целого» [Bull, 1995, p. 9]. Международная система может не предполагать существование общества государств, но общество государств точно подразумевает международную систему: «Общество государств (или международное общество) существует, когда группа государств, осознающих некоторые общие интересы и общие ценности, создает общество в том смысле, что они осознают себя связанными общим набором правил в отношениях друг с другом и участвуют в работе общих институтов» [Bull, 1995, p. 11]. К числу общих («элементарных, первостепенных или универсальных») целей общества государств Булл относил (1) цель сохранения системы или общества государств, (2) цель поддержания внешнего суверенитета государств, (3) мир, а также (4) отмеченные выше цели социальной жизни (с поправкой на общество государств). За поддержание порядка в международном обществе отвечают общие интересы (в связке с основными или универсальными целями социальной жизни), правила поведения (для достижения упомянутых целей) и институты (такие, как баланс сил, международное право, война) [Bull, 1995, p. 71].

Любопытно, что Булл различал понятия «международный порядок» (international order) и «мировой порядок» (world order), которые сейчас нередко употребляются как синонимы, предложив понимать под последним «те образцы или склонности человеческой активности, которые поддерживают элементарные или первостепенные цели социальной жизни человеческого рода в целом» [Bull, 1995, p. 11], и в этом качестве «мировой порядок» в моральном отношении имеет приоритет перед «международным порядком».

Итак, «международный порядок» с прилагательными или без них – это прежде всего порядок, т.е. предсказуемость и регулярность поведения тех, на кого (на что) порядок распространяется [Tang, 2016], в отличие от беспорядка [McKeil, 2021]. Это минимальное определение неизбежно расширяется указанием на институты, правила и нормы (и их содержание), которые определяют конкретные варианты поведения в рамках порядка, хотя именно такое расширение зачастую приводит к нормативным коннотациям.

В данной связи можно зафиксировать первое принципиальное различие в подходах к определению международных порядков, связанное с пониманием роли и места институтов и институционализации вообще в отношениях участников международной системы. Здесь различаются порядки, опирающиеся на формальные институты, правила, нормы и т.п., и порядки, которые имеют иные основания обеспечения упорядоченности, например, инструменты государственного управления (*statecraft*) и управления международными делами [Goddard et al., 2019, p. 313]. К первым относятся институционализированные (конституционные) порядки, основанные на правилах [Ikenberry, 2001]. Ко вторым – системы (порядки) баланса сил [Schweller, 2001, p. 170]. Нет надежных оснований считать, что первые всегда более «сильные», «упорядоченные» и устойчивые, чем вторые, примером чего служит Европейский концерт в XIX в. [Jervis, 1985]. К тому же институты, правила и нормы не всегда могут останавливать нарушителей или исключать неприемлемое поведение [Hoffmann, 1995 b].

Второе различие в подходах к представлению о международных порядках связано с механизмом возникновения порядка. Порядок может быть основан на институтах, правилах, нормах, в том числе совместно согласованных и разделяемых участниками международной системы [Ikenberry, 2001, p. 24, 52]. Правила и нормы могут касаться совершенно разных аспектов, например, использования военной силы (вооруженных интервенций) [Finnemore, 2003], и даже того, кто или что являются легитимными (на том или ином основании) участниками порядка [Linklater, 1981] и т.п.

Напротив, возможны порядки, в основе которых то или иное распределение власти (силы, могущества – *power*) в международной системе, выражающееся в определенном положении участников в ней. Примеры таких порядков – «баланс сил» или гегемонии, предполагающие очевидное превосходство в могуществе с соот-

ветствующей иерархией участников [Gilpin, 1981]. Впрочем, властные позиции участников не определяются исключительно тем, как между ними распределены материальные ресурсы власти, поскольку власть может принимать разные формы и иметь источники, отличные от привычных (размера территории и экономики, численности армии и населения), такие, как неформальное влияние, навыки ведения переговоров и дипломатии, авторитет и престиж [Fordham, Asal, 2007]. В этом отношении особенно показательно исследование «международных иерархий неформального доминирования» (или «международных неофициальных иерархий»; буквальный перевод «международные порядки клевания» – *international pecking orders*) в многосторонней дипломатии [Pouliot, 2016].

Если речь идет о таком понимании порядка, то здесь уместна отсылка к структурному реализму Кеннета Уолтса, который предложил для понимания специфики и сравнения международных систем три показателя, известных как структурная триада Уолтса: (1) руководящие принципы (*ordering principles*, что буквально означает принципы упорядочения), (2) характер элементов системы и (3) распределение возможностей между элементами системы. В отличие от политических систем государств, международные политические системы являются децентрализованными и анархичными (в силу отсутствия мирового правительства), но их элементы находятся в отношениях координации и взаимозависимости («взаимной уязвимости»). И тем не менее порядок в системе возможен, он аналогичен порядку, возникающему на рынке совершенной конкуренции, создаваемому спонтанными действиями преследующих собственные интересы участников, но с поправкой на то, что в международной политической системе цель участника (в первую очередь – государства) – не увеличение прибыли, а выживание. В свою очередь «мотив выживания рассматривается скорее как основа поведения в мире, где безопасность государств не гарантирована, нежели как реальное описание стимула за каждым действием государства» [Waltz, 1979, p. 92]. Некоторые государства могут преследовать иные, нежели собственное выживание, цели, но это не изменяет общего характера системы, которая поощряет или наказывает за соблюдение или отклонение от принятых норм поведения. Хотя государства суверенны, они не независимы, поскольку подвергаются влиянию других государств и давлению со стороны системы, но вместе с тем они автономны, т.е. распола-

гают правом решать, как они будут действовать внутри и вовне: «Государства похожи в том, что касается задач, которые перед ними стоят, но различаются в возможностях их решения. Разница заключается не в функциях, а в возможностях... Национальная политика состоит из дифференцированных элементов, выполняющих специализированные функции. Международная политика состоит из сходных элементов, дублирующих действия друг друга» [Waltz, 1979, p. 97]. Изменения в распределении возможностей между элементами приводят к изменению структуры системы при сохранении руководящих принципов.

Отталкиваясь от триады Уолтса, Джек Доннелли расширяет позиционное понимание порядка за счет концепта «дифференциации», хорошо проработанного в социологии и антропологии, т.е. фактически использует идеи конструктивистов [Donnelly, 2009]. Дифференциация может быть вертикальной (иерархической) и выражаться в ранжировании позиций или статусов относительно других участников. Также дифференциация может быть горизонтальной, когда одна ранговая позиция может быть присуща участникам с разными моделями поведения (функциональная дифференциация), в таком случае речь идет о сегментации. В логике вертикальной дифференциации международные порядки могут быть безранговыми (автаркия), с ранжированием по одному измерению (одномерная иерархия – *single-hierarchy*) и с ранжированием по нескольким измерениям (гетерархия – *heterarchy*).

Позиционные представления о порядке и его истоках в той или иной мере апеллируют к реалистской метафоре государств как бильярдных шаров, автором которой считается Арнольд Уолферс (хотя он как раз обращал внимание на то, что образ «мира бильярдных шаров» неприменим к реалиям сотрудничества в англоязычном мире или на Западе в его противостоянии с Востоком в условиях холодной войны [Wolfers, 1951]). Вероятно, более перспективным является иное использование позиционного подхода, а именно представление о международном порядке как о сети («сетевой мировой порядок»), причем с асимметричной сетевой структурой: «Более конкретно, государства, имеющие политическую власть над центральными узлами в международных сетевых структурах, посредством которых перемещаются деньги, товары и информация, обладают уникальной возможностью накладывать издержки на других» [Farrell, Newman, 2019, p. 45], т.е. такие госу-

дарства располагают возможностями заставить другие государства подчиняться себе, используя взаимозависимость как оружие (weaponized interdependence).

Третье различие в подходах к представлению о международных порядках связано с их охватом, как географическим – от ограниченного регионом [Lake, Morgan, 2010; Godehardt, Nabers, 2011; Kissinger, 2014; Thompson, Volgy, 2023] до глобального, так и отраслевым – от порядка, ограниченного каким-то одним измерением [Farrell, Newman, 2021], до порядка, охватывающего несколько измерений (или параллельно существующих порядков, например, охватывающих финансы, торговлю, политическое развитие, военную сферу / безопасность, окружающую среду и др., которые могут иметь несовпадающие логики и противоречить друг другу [Johnston, 2019, p. 24]).

Джон Миршаймер, определяя порядок как «организованную группу международных институтов, которые помогают управлять взаимодействиями между государствами-членами», а институты – как «правила, которые разработаны великими державами и которым они согласились следовать, потому что это в их же интересах» [Mearsheimer, 2019, p. 9], выделяет несколько разновидностей порядков. Во-первых, это собственно международные порядки (участниками являются все великие державы мира, в идеале – все государства вообще; создают возможности для сотрудничества) или ограниченные порядки (bounded; порождены и необходимы для соперничества великих держав друг с другом в области безопасности, а не для их сотрудничества, хотя внутри ограниченных порядков великие державы как раз прикладывают усилия для развития сотрудничества между своими союзниками). Во-вторых, при биполярности или многополярности возникают реалистские порядки, а при однополярности – агностические (если нет универсалистской идеологии) или идеологические (если у державы-гегемона универсалистская идеология, например, либерализм или коммунизм). В-третьих, существуют «толстые» (основаны на институтах, которые оказывают большое влияние на поведение государств и в экономической сфере, и в сфере (военной) безопасности) или «тонкие» (институты или не оказывают большого влияния на поведение государств, или это влияние ограничено одной сферой) порядки.

Признаки изменения международных порядков: такое уже было?

20 лет назад Барри Бузан, один из лидеров Копенгагенской школы исследований безопасности, допустил, что в мире не будет больше сверхдержав, хотя это был не самый надежный сценарий, но самая вероятная альтернатива по отношению к существующему порядку, главным атрибутом которого является статус США как единственной сверхдержавы [Buzan, 2004]. В 2010 г. он был более категоричен, утверждая, что мир сверхдержав уходит в прошлое, и это не самый плохой вариант развития событий, потому что, во-первых, мир сверхдержав основан на неравенстве распределения власти между Западом и всеми остальными, а во-вторых, грядет «глобализм без центра» (*decentred globalism*), который отличается более равномерным распределением власти при высоком уровне взаимозависимости и связанности (на контрасте с центр-периферийным структурированием мира, для которого был свойственен «глобализм с центром» – *centred globalism*), а также нет неизбежности повторения событий 1930-х годов, которые привели ко Второй мировой войне [Buzan, 2011].

Политические порядки вовсе не вечны, как бы ни хотелось их апологетам. На смену одного порядка приходит другой в результате драматических событий, например войны [Gilpin, 1981]. Или порядок претерпевает постепенные эволюционные изменения, в ходе которых его элементы (или участники) более или менее эффективно адаптируются к новым внешним и внутренним условиям. Устойчивый интерес к проблематике международного порядка в последние десятилетия может означать, что происходящее во всех сферах жизни, в том числе повседневной, выходит за рамки, отличается от обычной динамики. И здесь уместен небольшой экскурс в прошлое.

Для большинства жителей Западной Европы, которые родились на рубеже XVIII–XIX вв., жизненные перспективы при появлении на свет казались не самыми благоприятными. До 1815 г. значительная часть Старого Света была охвачена серией военных кампаний, известных как Наполеоновские войны (до 1803 г. – Французские революционные войны). Страны – участницы антифранцузских (точнее, антиреволюционных и антинаполеоновских) коалиций, с одной стороны, и Франция вместе с рядом государств

сателлитов – с другой, потеряли в связи с боевыми действиями от 2 млн (и около 1 млн гражданских) до 5 млн человек¹. Однако появившиеся на свет в начале XIX в. и выжившие в период войн и эпидемий жители Западной Европы, их дети, внуки и правнуки вплоть до 1914 г. жили в условиях почти непрерывного мира между великими державами и почти постоянного экономического роста в Старом Свете, а также в некоторых регионах за пределами Европы (например, в Северной Америке).

С 1820 до 1913 г. экономики государств Западной Европы в совокупности выросли почти в 6 раз, что позволило им увеличить долю в мировом ВВП с 23 до 33% (соответственно при 12,8% (133 млн человек) и 14,6% (261 млн человек) от общей численности населения мира) – без учета их заморских колоний. Рост первого независимого государства в Новом Свете оказался даже более феноменальным: если в 1820 г. на США с населением около 10 млн человек (1% от общей численности населения мира) приходились 1,8% мирового ВВП, то в 1913 г. – уже 18,9% (при 97,61 млн человек, или 5,4% от общей численности населения мира), что было обеспечено увеличением экономики более чем в 41 раз (при почти 10-кратном росте населения).

Здесь требуются два небольших и одно существенное уточнение. Выше дважды было использовано наречие «почти». Политическая история «долгого девятнадцатого века» (без той части, которая непосредственно связана с Французской революцией) в Старом Свете (как и в Северной Америке) далека от беспроблемной. Отсюда первое «почти»: хотя в этот период не было вооруженных конфликтов общеевропейского масштаба, Европа периодически сталкивалась с серьезными политическими кризисами, в том числе с Крымской (1853–1856) и Франко-прусской (1870–1871) войнами, «Весной народов» (1848–1849) и др. Второе «почти» связано с тем, что экономический рост сопровождался периодически экономическими кризисами, биржевыми паниками и т.п., не говоря уже о высокой человеческой цене европейской индустриализации и модернизации в целом. Существенное уточнение определяется тем, что приведенные выше и далее данные основаны на

¹ Matthew White. Statistics of wars, oppressions and atrocities of the nineteenth century (the 1800s). – Mode of access: <https://necrometrics.com/wars19c.htm> (accessed: 05.01.2024).

расчетах британского экономиста, специалиста в области количественной макроэкономической истории Ангуса Мэддисона [Madison, 2003].

Для большинства жителей Западной Европы и Северной Америки, которые родились на рубеже XIX–XX вв., жизненные перспективы при появлении на свет представлялись гораздо более светлыми, чем у их прапрабабушек и прапрадедушек. Однако уже подростками они застали Первую мировую войну и глобальную пандемию испанки, стихийные (например, Мессинское землетрясение 1908 г.) и техногенные (например, крушение лайнера «Титаник» в 1912 г. или Галифакский взрыв в 1917 г.) катастрофы, два десятилетия межвоенной политической и экономической нестабильности и еще более долгую и разрушительную Вторую мировую войну, за которой последовало глобальное противостояние военно-политических блоков во главе с двумя сверхдержавами с периодическим балансированием на грани уже последней во всех отношениях войны. На начальном этапе холодной войны на долю США приходилось 27,3%, а на долю СССР – 9,6% мирового ВВП при соответственно 6,0 и 7,1% от общей численности населения мира (1950).

Ожидания тридцатилетней давности немногим отличались от ожиданий начала XX в. Десятилетняя эйфория, вызванная распадом «социалистического лагеря» и окончанием холодной войны, грандиозными политическими изменениями, в том числе либерализацией и демократизацией, и экономическими реформами во многих странах мира, технологическими новациями, уступила место «глобальной войне с террором», и оказалось, что нестабильность в разных проявлениях – это настоящее и будущее не только традиционно нестабильных регионов «третьего мира», но и развитых государств, а экономическое процветание по-прежнему прерывается финансовыми и экономическими кризисами разной природы. Пандемия коронавируса SARS-CoV-2, происхождение которого даже спустя четыре года так и не установлено надежным образом, буквально остановила мир, продемонстрировав и несовершенство национальных систем общественного здравоохранения, и ограниченность возможностей международных организаций реагировать на общие вызовы и угрозы, и уязвимость цепей поставок в глобальной экономике. Хотя любые прямые аналогии страдают при игнорировании контекста, налицо неоправдавшиеся ожидания,

сродни обманутым надеждам европейцев в начале XX в. и тревожные признаки того, что мы являемся свидетелями наступления не «долгого», а «короткого» XXI века, если воспользоваться метафорой британского историка Эрика Хобсбаума.

Вне зависимости от оценки того, что происходило в последние три десятилетия, сложно не признать, что это весьма примечательное время. Уже полагаясь на более надежную международную статистику от Всемирного банка¹, необходимо отметить следующее. В 1990–2020 гг. ВВП мира в текущих долларах США увеличился в 3,7 раза (с 22 861 712 031 487,9 до 85 215 150 558 552,1 долларов США), хотя аналогичный показатель в постоянных долларах США увеличился в более скромных размерах – «всего» в 2,3 раза. Рост ВВП по паритету покупательной способности в текущих международных долларах даже более впечатляющий, показатель увеличился в 4,58 раза (или в 2,47 раза при использовании постоянных международных долларов).

Второе важное наблюдение: ВВП Китая в текущих долларах США увеличился в 40,7 раза (с 360 857 912 565,97 до 14 687 743 556 969,6 долларов США), хотя аналогичный показатель в постоянных международных долларах повысился не так заметно – «всего» в 14,22 раза. Рост ВВП по паритету покупательной способности в текущих международных долларах тоже впечатляющий, он увеличился в 21,8 раза (или в 14,2 раза при использовании постоянных международных долларов). Годовой прирост ВВП Китая с 1990 по 2020 г. составлял в среднем более 9% в год (при пиковых 14,23% в 2007 г.). Это крайне редкий случай в новейшей экономической истории, и даже экономики других стран Азии («тигры»), которые демонстрировали в прошлом быстрый рост, не увеличивались так быстро и такое продолжительное время.

Если в 1990 г. доля Китая в мировом ВВП в текущих долларах составляла 1,58% (с поправкой на ППС в текущих международных долларах – 3,79%), то в 2020 г. она взлетела до 17,2% (с поправкой на ППС в текущих международных долларах – 18%), приблизившись к доле США (24,71%, но с поправкой на ППС в текущих международных долларах – 15,64%; для сравнения: в 1990 г. – 26,08% и 20,26% соответственно).

¹ World Development Indicators // World Bank. – Mode of access: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (accessed: 15.12.2023).

В 1990 г. на страны «Большой семерки», этого неформального клуба наиболее развитых государств и Запада, и мира, приходилось почти 65,67% ВВП мира в текущих долларах США (по ППС в текущих / постоянных международных долларах – 46,07 / 46,31%). Через 30 лет на «Большую семерку» приходится 45,61% ВВП мира в текущих долларах США (по ППС в текущих / постоянных международных долларах – 30,95 / 30,8%).

В 1990 г. на пять стран будущего БРИКС приходилось 7,94% ВВП мира в текущих долларах США (по ППС в текущих / постоянных международных долларах – 15,62 / 16,25%). Через 30 лет на страны БРИКС (до расширения 2024 г.) приходится уже 24,24% ВВП мира в текущих долларах США (по ППС в текущих / постоянных международных долларах – 30,99 / 31,01%).

Если в 1990 г. на Великобританию приходилось 4,77% мирового ВВП в текущих долларах (с поправкой на ППС в текущих международных долларах – 3,32%), а на Индию, ее бывшую колонию, только 1,4% (с поправкой на ППС в текущих международных долларах – 3,55%), то через 30 лет бывшая колония почти превзошла метрополию – 3,13% против 3,16% мирового ВВП в текущих долларах (с поправкой на ППС в текущих международных долларах – 6,75% против 2,27%), опередив и Италию (2,22%; для сравнения – доля в мировом ВВП в текущих долларах в 1990 г. составляла 5,15%), и Канаду (1,93%).

Заключение

96 лет назад почти все существовавшие в тот момент суверенные государства мира подписали Договор об отказе от войны в качестве орудия внешней политики¹, который также известен как Парижский пакт или Пакт Бриана – Келлога. Договор был нарушен рядом ключевых подписантов уже до начала Второй мировой

¹ No. 2137. General treaty for renunciation of war as an instrument of national policy. Signed at Paris, August 27, 1928 // League of Nations treaty series. Publication of treaties and international engagements registered with the Secretariat of the League of Nations, 1929, Vol. XCIV, N 1, 2, 3 and 4, P. 59. – Mode of access: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/LON/Volume%2094/v94.pdf> (accessed: 15.01.2024).

войны, участниками которой стала большая часть государств, ранее подписавших Парижский пакт.

Хотя Договор об отказе от войны в качестве орудия внешней политики не остановил ни вооруженные конфликты межвоенного периода, ни войну, которой так опасались инициаторы его подписания, тем не менее он вдохновил создателей Устава ООН, в особенности в части параграфа 4 статьи 2. И снова повторилась знакомая ситуация: «За первые 44 года существования ООН государства-члены часто нарушали эти правила и использовали военную силу буквально сотни раз... Однако после окончания холодной войны усилилось стремление к созданию международной системы, управляемой верховенством права. В мире мало очевидного международного признания идеи о том, что баланс сил – это наилучший способ обеспечения безопасности или о том, что безопасность может быть наилучшим образом обеспечена одной сверхдержавой, пусть даже имеющей благие намерения»¹. Случаев менее очевидного нарушения суверенитета за эти же 44 года было еще больше. Но и после 2004 г. «стремление к созданию международной системы, управляемой верховенством права» не остановило упомянутые нарушения, и нет оснований считать, что их будет меньше.

Концептуальные, нормативные и идеологические дискуссии вокруг того, что обозначается категориями «политический порядок», «международный порядок», «мировой порядок» (и тому подобные порядки), хотя зачастую умножают сами себя, в той или иной мере все же способствуют развитию и публичного дискурса, и социальных наук, в том числе политической науки. Впрочем, когда в них начинают доминировать бескомпромиссные апологии, вплоть до грубой пропаганды, а критика и критики маргинализируются и «отменяются» и в публичном пространстве, и в академии, аналитическая ценность категорий снижается и большинство участников дискуссий превращаются в членов «клуба взаимного восхищения» (или не менее искренней «взаимной ненависти»).

Важнейший признак существования «международного порядка» – это предсказуемость и повторяемость действий тех, на

¹ A more secure world: our shared responsibility. Report of the high-level panel on threats, challenges and change // United Nations. – 2004. – P. 62. – Mode of access: https://www.un.org/peacebuilding/sites/www.un.org/peacebuilding/files/documents/hlp_more_secure_world.pdf (accessed: 25.01.2024).

кого распространяется порядок. Многообразие подходов к определению международного порядка связано с многообразием концептуальных, нормативных и идеологических предпочтений и политиков, и представителей академического сообщества. Вероятно, позиционный подход к определению международного порядка демонстрирует меньше нормативных и идеологических предпочтений, хотя и допускает существенные реалистские ограничения. Добавление институтов, норм и правил к определению порядка за счет внимания к нормативному аспекту позволяет понять, как именно обеспечивается предсказуемость и повторяемость действий и т.п., но позиционный подход тоже несвободен от недостатков.

Целостное понимание «порядка» и внутри государства, и между взаимодействующими государствами, может быть достигнуто за счет изучения противоположного состояния – «беспорядка», а также способности государств и межгосударственных образований, включая международные системы, ему сопротивляться – ключевым здесь является категория устойчивости (resilience).

Возможно, мы являемся свидетелями и участниками изменений в разных сферах жизни человечества, которые будут ретроспективно охарактеризованы как упадок старого и взлет нового мирового порядка или как радикальная трансформация какого-то (Вестфальского? созданного Западом? послевоенного? после холодной войны?) порядка. Вполне возможно, что и через тридцать или больше лет прилежные или небрежные соратники и однопартийцы, студенты и аспиранты сегодняшних участников упомянутых выше дискуссий будут использовать похожие аргументы и фиксировать похожие диагнозы порядков, созданных с участием людей.

M.G. Mironyuk*

Continuity and Change in International Orders and Disorders¹

Abstract. Attention to the problem of “order” in political science is not a surprise. Neither are the realities designated by the categories of “political order” or the “international order”. The growth of this attention may mean that what is happening in

* **Mironyuk Mikhail**, HSE University (Moscow, Russia), e-mail: mmironyuk@hse.ru

¹ The article was prepared within the consortium of MGIMO University and HSE University and funded by the grant for the implementation of the Priority 2030 Strategic Academic Leadership Program.

some sphere of life differs from the usual, from previously observed dynamics. As an integral part of the language of politics as well as a category of social sciences, including the political science, “order” in general, “political order”, and “international order” in particular, usually carry strong normative and ideological connotations and reflect certain expectations and perceptions. This article proposes a classification of approaches to the category of international orders, including those with minimal normative and ideological connotations and thus potentially possessing greater analytical value (the positional approach is one of them).

The sign of the existence of an international order (world order) in real life is the predictability and repeatability of the actions of those who are subject to the order (regardless of the diversity of ideas about its parameters and origins). The establishment of an international order, which is usually qualified as liberal, is associated with the rapid rise (growth of power) of the USA in the 19th – early 20th centuries. In the thirty years following the end of the Cold War, there was a roughly similar rapid rise of China, which gradually returns the world to a situation of competitive orders maintained by superpowers with global ambitions and global reach.

Keywords: political order; international order; world order; disorder; superpower; hierarchy; power; institution.

For citation: Mironyuk M.G. Continuity and Change in International Orders and Disorders. *Political science (RU)*. 2024, N 2, P. 55–79. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.02.03>

References

- Batalov Ye.Ya. “New world order”: to the methodology of analysis. *Polis. Political studies*. 2003, N 5, P. 25–37. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2003.05.04> (In Russ.)
- Bull H. *The Anarchical society: a study of order in world politics*. Houndmills; London: Macmillan press, 1995, 329 p.
- Buzan B. *The United States and the great powers: world politics in the twenty-first century*. Cambridge, UK: Polity press, 2004, 222 p.
- Buzan B. The inaugural Kenneth N. Waltz annual lecture A world order without superpowers: decentred globalism. *International relations*. 2011, Vol. 25, N 1, P. 3–25. DOI: <https://doi.org/10.1177/0047117810396999>
- Deudney D., Ikenberry G.J. Liberal world: the resilient order. *Foreign affairs*. 2018, Vol. 97, N 4, P. 16–24.
- Donnelly J. Rethinking political structures: from ‘ordering principles’ to ‘vertical differentiation’ - and beyond. *International theory*. 2009, Vol. 1, N 1, P. 49–86. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1752971909000037>
- Farrell H., Newman A.L. Weaponized interdependence: how global economic networks shape state coercion. *International security*. 2019, Vol. 44, N 1, P. 42–79. DOI: https://doi.org/10.1162/isec_a_00351

- Farrell H., Newman A.L. The Janus face of the liberal international information order: when global institutions are self-undermining. *International organization*. 2021, Vol. 75, N 2, P. 333–358. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0020818320000302>
- Finnemore M. *The purpose of intervention: changing beliefs about the use of force*. Ithaca; London: Cornell university press, 2003, 173 p.
- Fordham B.O., Asal V. Billiard balls or snowflakes? Major power prestige and the international diffusion of institutions and practices. *International studies quarterly*. 2007, Vol. 51, N 1, P. 31–52. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2478.2007.00438.x>
- Fukuyama F. *Political order and political decay: from the industrial revolution to the globalization of democracy*. New York: Farrar Straus Giroux, 2014, 658 p.
- Fukuyama F. *The origins of political order*. Moscow: AST publishing house, 2015, 688 p. (In Russ.)
- Gilpin R. *War and change in world politics*. Cambridge: Cambridge university press, 1981, 272 p.
- Goddard S.E., MacDonald P.K., Nexon D.H. Repertoires of statecraft: instruments and logics of power politics. *International relations*. 2019, Vol. 33, N 2, 304–321. DOI: <https://doi.org/10.1177/0047117819834625>
- Godehardt N., Nabers D. (eds). *Regional powers and regional orders*. London: Routledge, 2011, 272 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203815984>
- Hall J.A., Paul T.V. Introduction. In: Paul T.V., Hall J.A. (eds). *International order and the future of world politics*. Cambridge, UK: Cambridge university press, 1999, P. 1–15.
- Hechter M., Horne Ch. The problem of social order. In: Hechter M., Horne Ch. (eds.) *Theories of social order: a reader*. Stanford: Stanford university press, 2009, P. 1–5.
- Hoffmann S. Foreword: revisiting 'The Anarchical Society'. In: Bull H. (ed.). *The Anarchical society: a study of order in world politics*. Houndmills; London: Macmillan Press, 1995 a, P. vii–xii.
- Hoffmann S. The politics and ethics of military intervention. *Survival*. 1995 b, Vol. 37, N 4, P. 29–51.
- House E.V. The running sands. *Foreign affairs*. 1923, Vol. 1, N 4, P. 1–8. DOI: <https://doi.org/10.2307/20028248>
- Huntington S. *Political order in changing societies*. Moscow: Progress-Tradition, 2004, 480 p. (In Russ.)
- Ikenberry G.H. *After victory: institutions, strategic restraint, and the rebuilding of order after major wars*. Princeton: Princeton university press, 2001, 293 p.
- Ikenberry G.H. *Liberal Leviathan: the origins, crisis, and transformation of the American world order*. Princeton; Oxford: Princeton university press, 2011, 372 p.
- Ikenberry G.J. *A world safe for democracy: liberal internationalism and the crises of global order*. New Heaven; London: Yale university press, 2020, 408 p.
- Jervis R. From balance to concert: a study of international security cooperation. *World politics*. 1985, Vol. 38, N 1, P. 58–79. DOI: <https://doi.org/10.2307/2010351>
- Johnston A.I. China in a world of orders: rethinking compliance and challenge in Beijing's international relations. *International security*. 2019, Vol. 44, N 2, P. 9–60. DOI: https://doi.org/10.1162/isec_a_00360
- Kissinger H. *World order: reflections on the character of nations and the course of history*. New York: Penguin press, 2014, 432 p.

- Lake D.A., Morgan P.M. (eds). *Regional orders: building security in a new world*. University Park, PA: Penn State Press, 2010, 406 p.
- Lavrov S.V. The world at a crossroads and a system of international relations for the future. *Russia in global affairs*. 2019, N 4, P. 8–18. DOI: 10.31278/1810-6374-2019-17-4-8-18
- Lavrov, S.V., 2023. Genuine Multilateralism and Diplomacy vs the “Rules-Based Order”. *Russia in global affairs*. Vol. 21, N 3, P. 104–113. DOI: 10.31278/1810-6374-2023-21-3-104-113
- Linklater A. Men and citizens in international relations. *Review of international studies*. 1981, Vol. 7, N 1, P. 23–37. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0260210500115104>
- Lippmann W. Rough-Hew Them How We Will. *Foreign affairs*. 1937, Vol. 15, N 4, P. 587–594. DOI: <https://doi.org/10.2307/20028803>
- Maddison A. *The world economy: historical statistics*. Paris: Development Centre Studies, OECD Publishing, 2003, 275 p. DOI: <https://doi.org/10.1787/9789264104143-en>
- March J.G., Olsen J.P. The institutional dynamics of international political orders. *International organization*. 1998, Vol. 52, N 4, P. 943–969. DOI: <https://doi.org/10.1162/002081898550699>
- Martin J. *The meddlers: sovereignty, empire, and the birth of global economic governance*. Cambridge, MA: Harvard university press, 2022, 352 p.
- McKeil A. On the concept of international disorder. *International Relations*. 2021, Vol. 35, N 2, P. 197–215. DOI: <https://doi.org/10.1177/0047117820922289>
- Mead W.R. The return of geopolitics: the revenge of the revisionist powers. *Foreign affairs*. 2014, Vol. 93, N 3, P. 69–79.
- Mearsheimer J.J. *The great delusion: liberal dreams and international realities*. New Heaven; London: Yale university press, 2018, 313 p.
- Mearsheimer J.J. Bound to fail: the rise and fall of the liberal international order. *International security*. 2019, Vol. 43, N 4, P. 7–50. DOI: https://doi.org/10.1162/isec_a_00342
- Nye J.S., Jr. Will the liberal order survive? The history of an idea. *Foreign affairs*. 2017, Vol. 96, N 1, P. 10–16.
- Pouliot V. *International pecking orders: the politics and practice of multilateral diplomacy*. New York: Cambridge university press, 2016, 340 p.
- Rice C. Rethinking the national interest: American realism for a new world. *Foreign affairs*. 2008, Vol. 87, N 4, P. 2–26.
- Schweller R.L. The problem of international order revisited: a review essay. *International security*. 2001, Vol. 26, N 1, P. 161–186. DOI: <https://doi.org/10.1162/016228801753212886>
- Sullivan J. The sources of American power: a foreign policy for a changed world. *Foreign affairs*. 2023, Vol. 102, N 6, P. 8–29.
- Tang S. Order: a conceptual analysis. *Chinese political science review*. 2016, Vol. 1, P. 30–46. DOI: <https://doi.org/10.1007/s41111-016-0001-7>
- Thompson W.R., Volgy T.J. (eds). *Turmoil and order in regional international politics*. Singapore: Springer Singapore, 2023, 290 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-981-99-0557-7>
- Walt S.M. *The hell of good intentions: America's foreign policy elite and the decline of U.S. primacy*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2018, 400 p.

- Waltz K.N. *Theory of international politics*. Reading, Mass.: Addison-Wesley Publishing Company, 1979, 251 P.
- Wolfers A. The pole of power and the pole of indifference. *World politics*. 1951, Vol. 4, N 1, P. 39–63. DOI: <https://doi.org/10.2307/2008900>

Литература на русском языке

- Баталов Э.Я. «Новый мировой порядок»: к методологии анализа // Полис. Политические исследования. – 2003. – № 5. – С. 25–37. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2003.05.04>
- Лавров С. Мир на перепутье и система международных отношений в будущем // Россия в глобальной политике. – 2019. – № 5. – Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/mir-na-perepute-i-sistema-mezhdunarodnyh-otnoshenij-v-budushhem/> (дата посещения: 05.01.2024).
- Лавров С.В. Подлинная многосторонность и дипломатия против «порядка, основанного на правилах» // Россия в глобальной политике. – 2023. – Т. 21, № 4. – С. 72–81. – DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-4-72-81
- Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с.
- Фукуяма Ф. Государственный порядок. – М.: Издательство АСТ, 2015. – 688 с.

А.В. КОРТУНОВ*

МНОГОПОЛЯРНОСТЬ И МНОГОСТОРОННОСТЬ – ДВА ИЗМЕРЕНИЯ БУДУЩЕГО МИРОПОРЯДКА

Аннотация. В статье рассматривается взаимодействие многополярности и многосторонности как двух независимых переменных, воздействующих на формирование нового мирового порядка. Автор рассматривает преимущества и недостатки многосторонних механизмов решения проблем безопасности и развития в условиях продолжающейся диффузии силы и влияния в международной системе, отличия будущих моделей многостороннего сотрудничества от моделей XX в., влияние процессов глобализации на развитие практики многосторонности в международных отношениях. Выявляются различия между узким (консервативным) и широким (радикальным) пониманием многосторонности, особое внимание уделяется вопросу о роли ценностей как предполагаемой основы стабильных и эффективных многосторонних механизмов. Автор, подвергая критике представления о том, что такие механизмы возможны лишь при условии, что их участниками являются либеральные демократии, приходит к выводу, что многосторонние практики должны быть основаны на совпадении интересов, а не на общности ценностей. В статье перечисляются условия эффективности многосторонних договоренностей, включая принцип «диффузной взаимности», то есть готовности участников таких договоренностей жертвовать частью своих ближайших конкретных интересов во имя предполагаемых, хотя еще и четко не обозначенных встречных шагов со стороны партнеров. Автор обращает внимание на то, что будущие многосторонние институты, режимы и договоренности будут выстраиваться в системе, не имеющей общепризнанного гегемона, и в условиях относительной слабости международных организаций и международного права. Автор приходит к выводу, что в обозримой перспективе наиболее продуктивными и наименее затратными окажутся форматы «проектной многосторонности», основанной на создании под-

* **Кортунов Андрей Вадимович**, кандидат исторических наук, научный руководитель, Российский совет по международным делам (РСМД) (Москва, Россия), e-mail: akortunov@russiancouncil.ru

© Кортунов А.В., 2024

DOI: 10.31249/poln/2024.02.04

вижных ситуативных коалиций государств и негосударственных участников международных отношений для решения конкретных задач глобального и регионального управления. Накопление позитивных практик «проектной многосторонности» позволит постепенно перейти к более продвинутым практикам «стратегической многосторонности».

Ключевые слова: мировой порядок; многополярность; полицентризм; многосторонность; глобализация; ситуативные коалиции; стратегические партнерства.

Для цитирования: Кортунов А.В. Многополярность и многосторонность – два измерения будущего миропорядка // Политическая наука. – 2024. – № 2. – С. 80–101. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.01.04>

В современном экспертном и политическом дискурсах о будущем миропорядке главный акцент, как правило, делается на происходящем на наших глазах процессе диффузии силы в международной системе. После завершения холодной войны мир вступил в период однополярности, но этот период оказался относительно непродолжительным (поэтому его нередко называют «однополярным моментом»). Уже в начале нынешнего столетия наметилась тенденция к перераспределению силы в мировой политике и экономике, все больше подрывавшая неоспоримую ранее гегемонию США в международных делах. При этом пока было бы преждевременным утверждать, что на смену однополярной системе пришла новая система, обладающая устойчивым набором специфических особенностей.

Основные дискуссии развернулись вокруг того, в какой именно конфигурации может быть достигнуто устойчивое равновесие международной системы. Один из вариантов стабилизации предполагает постепенное складывание новой биполярности, в которой центрами консолидации системы выступают США и Китай. Другой сценарий основан на представлении о том, что система движется в направлении многополярности, в которой, наряду с упомянутыми полюсами силы и влияния, будут существовать несколько других – Россия, Индия, Европейский союз, Бразилия и др. Третий сценарий подразумевает, что какого-то фиксированного числа независимых полюсов в международной системе в обозримом будущем не сложится, число автономных игроков неизбежно будет переменным и различным для разных измерений мировой политики и экономики, а потому предпочтительнее говорить не о многополярности, а о полицентризме как об основе грядущего

миропорядка. Наконец, существует точка зрения, что процесс диффузии силы в международной системе пойдет гораздо дальше, чем просто увеличение числа независимых государственных игроков, и будет распространяться также и на негосударственных участников мировой политики и экономики, и что итогом этого процесса станет не биполярность, многополярность или полицентризм, а полная атомизация международной жизни, смена нынешнего миропорядка периодом глобальной анархии и хаоса.

Диффузия силы и особенности взаимодействия международных игроков

При существенных различиях в вышеперечисленных подходах все они ставят во главу угла количество независимых или автономных центров принятия решений в международной системе. Однако само по себе наличие некоторого числа таких центров еще ничего не говорит о характере их взаимодействия в рамках системы. Такое взаимодействие может вообще отсутствовать, и в этом случае глобальная система международных отношений просто распадется на несколько не связанных друг с другом региональных подсистем. Оно может носить конфронтационный характер, например, определяться противостоянием исторического Запада и Глобального Юга, и в этих условиях любая формально многополярная система будет так или иначе эволюционировать в направлении биполярности. Взаимодействие может иметь преимущественно кооперационное наполнение и в силу этого содействовать не фрагментации, но, напротив, воссоединению отдельных международных подсистем в единую глобальную систему международных отношений.

Различные варианты взаимодействия центров силы в будущей системе неизбежно будут определять и уровень устойчивости миропорядка. Слабоуправляемый мир в эпоху ресурсных дефицитов, стремительных изменений климата, беспрецедентных трансграничных миграционных потоков и бесконтрольного развития новых технологий не может быть стабильным на протяжении длительного времени. В такой системе, где отсутствуют универсальные нормы и единые представления о общих благах, увеличение числа активных субъектов мировой политики и экономики несколько не содействует решению глобальных или региональных проблем.

Без принципиального изменения характера отношений между всеми или хотя бы между основными игроками умножение числа полюсов неизбежно означает умножение числа экономических, политических рисков и рисков безопасности. Условием восстановления общего мирового порядка и предотвращения неуправляемости и хаоса в условиях увеличения числа активных участников международного общения является опережающее повышение плотности существующей сети международных соглашений, режимов и организаций. Эта сеть создает нормативно-правовую базу, инструменты контроля и горизонтальные связи, препятствующие проваливанию мировой политики в архаику.

Поэтому в анализе будущих моделей мирового порядка наряду с понятиями многополярности и полицентризма важно обратиться к понятию многосторонности. Если многополярность констатирует наличие плюрализма в распределении силы в международной системе, где имеются три или большее число самостоятельных центров принятия решений, то многосторонность описывает возможный вариант взаимодействия этих центров. Матрица моделей будущего миропорядка выстраивается вокруг двух осей – первая фиксирует число независимых игроков (однополярность – многополярность – полицентризм), а вторая – особенности их взаимодействия (односторонность – двусторонность – многосторонность).

Без многополярности, хотя бы в эмбриональном состоянии, не может быть многосторонности, так как в однополярной или жесткой биполярной системе просто нет достаточного числа субъектов для полноценного многостороннего взаимодействия. Но многополярность не обязательно включает в себя также и многосторонность, поскольку отношения внутри многополярной системы могут сводиться к набору двусторонних связей между отдельными центрами силы или преимущественно к односторонним действиям этих центров.

С некоторыми оговорками будет справедливо отметить, что первая ось (однополярность – многополярность – полицентризм) отражает представления о грядущем объективном соотношении сил между основными участниками мировой политики, в то время как на второй оси (односторонность – двусторонность – многосторонность) отражаются представления об их субъективной готовности взаимодействовать друг с другом в определенном режиме и по определенным правилам. Поэтому однополярность, многополярность и

полицентризм следует отнести к базисным, а односторонность, двусторонность и многосторонность – к надстроечным понятиям. Разумеется, в международной практике, как и в социальной практике вообще, надстроечные понятия выглядят более подвижными и гибкими, чем базисные.

В данном случае нас интересует квадрант предлагаемой матрицы, описывающий состояние международной системы, где «зрелая» многополярность (полицентризм) совмещена с продвинутой многосторонностью. Это не единственный вариант развития системы, но с точки зрения ее управляемости и устойчивости он выглядит предпочтительнее возможных альтернатив. Взаимодействие базиса и надстройки здесь не обязательно имеет линейный характер. При определенных условиях развитие многосторонних переговорных практик и институтов способно не просто следовать за процессами формирования «зрелой» многополярности, но и обгонять эти процессы, тем самым снижая риски, сопутствующие транзиту международной системы к многополярному миру. Вместе с тем, существенное отставание практик многосторонности от развития многополярности с неизбежностью будет повышать эти риски, равно как и разнообразные издержки, связанные с транзитом. Следовательно, принципиально важная задача ответственных международных игроков должна заключаться в том, чтобы не допускать отставания развития практик многосторонности от перехода международной системы к многополярности, но и не позволять чрезмерного отрыва продвинутой многосторонности от пока еще полностью не сформировавшейся многополярности.

Формальные и содержательные измерения многосторонности

Справедливо ли утверждать, что многосторонность – это всего лишь дипломатическое взаимодействие трех или более участников мировой политики (национальных государств или иных игроков)? Допустимо ли сводить многосторонность к формально-процедурным аспектам и противопоставляется ли она односторонним и двусторонним форматам? В данном понимании нет никакого содержательного наполнения: участники многостороннего формата могут преследовать любые цели и базировать свое сотруд-

ничество на любых устраивающих их принципах. Большинство исследователей этого явления сходятся в том, что многосторонность, помимо формально-процедурных измерений, должна включать также и содержательные измерения. То есть она должна предполагать взаимодействие трех или более игроков, осуществляемое в рамках международных организаций, базирующееся на принципах и нормах этих организаций и соответствующее правилам и процедурам этих организаций (например, Устава ООН) [Maull, 2020].

Иными словами, одним из критериев многосторонности следует считать готовность сторон соотносить свои действия с определенным международно-правовым фундаментом, следовать согласованным правилам и не выходить за рамки возникающих из этих правил ограничений. Говоря о многосторонности, мы имеем в виду не только специфический инструмент дипломатии, но также и приверженность международных игроков определенным принципам, содержательным целям внешней политики и ее методам. Речь всегда идет о наличии между участниками многостороннего взаимодействия пусть и ограниченного, но все же значительного набора общих принципов и общих целей, не исключающих конфликтные отношения по конкретным вопросам между отдельными участниками взаимодействия.

Минимальным набором этих принципов следует считать заинтересованность основных игроков в поддержании стабильности отношений и предсказуемости поведения участников договоренностей, учет базовых интересов и приоритетов друг друга, готовность к взаимным уступкам и, по крайней мере в некоторых случаях, к асимметричным компромиссам. Из этого, в частности, следует, что возможности участия в полноценных многосторонних форматах так называемых «ревизионистских» государств, т.е. государств, заинтересованных в пересмотре существующего миропорядка, оказываются очень ограниченными, а государства, ориентированные на поддержание статус-кво, скорее всего, найдут многосторонние форматы более привлекательными. Многосторонние форматы предполагают длительные отношения между участниками, а не одномоментные ситуативные сделки, от которых можно отказаться в любой момент. Тем более что достижение многосторонних договоренностей, как правило, требует больших усилий и большего времени, чем достижение двусторонних соглашений.

Нельзя согласиться с мнением, что многосторонность устойчива лишь в случае, если она опирается на либеральные внутриполитические институты и ценности стран-участниц. Ценности во внешней политике и ценности, определяющие внутреннее устройство, не обязательно должны совпадать друг с другом. «Ценностной плюрализм» внутреннего развития не обязательно должен подрывать устойчивость международных многосторонних конструкций. Многосторонность в международных делах нередко включает участников, которые в своих внутренних делах придерживаются нелиберальных ценностей и принципов. Главная особенность многосторонних договоренностей – способность фиксации в мировой политике устойчивых общих норм поведения, которые должны быть согласованными в многостороннем формате, а не механически навязанными более слабым игрокам со стороны более сильных.

Многосторонние механизмы должны позволить достичь общих договоренностей относительно единых норм и даже ценностей, желательных для повышения управляемости тех или иных международных процессов, и регулятивных практик, в целом приемлемых для каждого отдельного участника многосторонних переговоров, но не полностью оптимальных ни для одного из них. Следовательно, минимальная конвергенция ценностей в многосторонних договоренностях все-таки происходит, но уже как результат взаимодействия в многостороннем формате, а не как предварительное условие такого взаимодействия.

В идеальном многостороннем соглашении баланс интересов участников, по всей видимости, должен быть сдвинут в направлении слабых игроков, чтобы повысить мотивацию последних добросовестно выполнять свои обязательства по соглашению. Сильные игроки берут на себя дополнительные обязанности (например, финансового характера), не получая взамен фиксированных дополнительных прав. Предполагается, что такие «уступки» со стороны более крупных участников так или иначе будут им в неявной форме компенсированы в ходе последующей имплементации достигнутых договоренностей.

Существует более широкое понимание термина многосторонности. Если главная задача узко понимаемой содержательной многосторонности заключается в достижении компромисса по базовым вопросам регулирования международной жизни при наличии существенных расхождений между интересами участников,

то многосторонность в широком смысле слова предполагает совместный поиск «правильных» («адекватных», «справедливых», «сбалансированных» и пр.) решений проблем мировой политики, т.е. взаимоприемлемых алгоритмов перехода к эффективному глобальному управлению. Узкий вариант многосторонности отталкивается от того, что участникам системы кажется достижимым, а широкий вариант многосторонности оперирует категориями желаемого и должного. В первом случае речь идет о функциональном альянсе игроков с очень разными устремлениями, во втором – о стратегическом партнерстве единомышленников, взаимодействующих в достижении общих целей.

Чтобы перейти от узкого к широкому прочтению многосторонности, необходимо превратить тактических союзников в стратегических партнеров, то есть договориться об общей картине желательного будущего, о практических шагах в направлении этого будущего, о справедливом распределении бремени и издержек, связанных с транзитом. Естественно, в современных условиях такая договоренность не может быть достигнута в рамках какой-то «Большой сделки», как это было при создании так называемой ялтинской системы мирового порядка по итогам Второй мировой войны. Она должна возникнуть как сумма конкретных многосторонних договоренностей по разным вопросам международной жизни, которые в своей совокупности и будут составлять содержание нового миропорядка. Широкий международный консенсус относительно многосторонних решений должен формироваться по принципу «снизу вверх», а не «сверху вниз». Такое движение неизбежно оказывается длительным, не всегда последовательным и неравномерным в различных сферах мировой политики и экономики, но зато его результаты могут стать более устойчивыми, чем это было бы в случае движения «сверху вниз».

Кроме того, необходимо создать международные институты, способные обеспечить эффективное принуждение независимых игроков международной системы к выполнению решений, принятых в многостороннем формате. Даже общее согласие в отношении принципов, ценностей и целей сотрудничества совсем не обязательно гарантирует продвижение международного сообщества в направлении заявленных им целей. Вопрос принуждения суверенных игроков к выполнению своих международных обязательств имеет в контексте многосторонности свою специфику. Если ито-

гом многосторонних переговоров является выявление баланса интересов (а не сил), и если этот баланс понятен и осознан участниками, а не навязан сильнейшим гегемоном, то все участники должны быть в равной степени мотивированы на выполнение достигнутых договоренностей. Если же такой мотивации не возникло, и те или иные игроки пытаются уйти от своих обязательств, то, следовательно, перед нами пример псевдомногосторонней договоренности, не имеющей под собой четко выверенного баланса интересов всех участников.

Вместе с тем уклонение от обязательств, вытекающих из многостороннего соглашения, а тем более – выход из такого соглашения, как правило, имеют для участника более серьезные репутационные издержки, чем подобное поведение в отношении двустороннего договора; в последнем случае участник противопоставляет себя лишь одному партнеру, а в первом – группе других участников. Участие в переговорах ведущих мировых держав не только снимает вопрос о легитимности переговорного процесса, но значительно повышает издержки (и не только символические) для потенциальных нарушителей достигнутых договоренностей.

Преимущества и недостатки многосторонних механизмов

Главное преимущество «многополярно-многосторонней» модели миропорядка – ее инклюзивный характер. Только многосторонность позволяет формировать широкие коалиции, необходимые для решения сложных задач, затрагивающих интересы более чем двух международных игроков. Кроме того, в условиях растущей многополярности именно многосторонность во многих случаях позволяет повысить уровень международной легитимности и устойчивости достигнутых договоренностей. Отказ от многосторонности способен привести к негативным последствиям, особенно тогда, когда в многополярной системе у одного из участников нет возможностей навязать свои решения другому участнику. Дополнительная легитимность возникает в ситуациях, когда сформированные многосторонние коалиции являются достаточно репрезентативными, когда в работе над решением задачи представлены позиции и интересы всех существенных игроков. Вместе с тем

особенности многосторонней дипломатии в некоторых случаях оказываются ее слабым местом. В ходе многосторонних переговоров бывает трудно сфокусировать повестку дня, поскольку у каждого из участников имеются свои приоритеты. Многосторонние переговоры требуют большего времени и ресурсов, чем двусторонние переговоры, не говоря уже об односторонних действиях. Процедурные вопросы в многостороннем формате согласовывать также труднее, чем в двустороннем. В тех случаях, когда многосторонние коалиции формируются путем присоединения участников к безусловному лидеру или к группе лидеров, такие коалиции трудно отнести к категории полноценных многосторонних структур.

Нередко решения, принятые по итогам многосторонних переговоров, оказываются половинчатыми, нечеткими и декларативными, поскольку участникам переговоров приходится ориентироваться на поиски наименьшего общего знаменателя, позволяющего сохранить поддержку максимального числа договаривающихся сторон¹. Подчас многосторонние переговоры могут блокироваться любым из участников под любым предлогом. В большинстве случаев существует обратно пропорциональная зависимость между легитимностью и эффективностью – высокая легитимность достигается за счет низкой эффективности, и наоборот. Такая же зависимость обычно прослеживается между сроками достижения договоренностей и устойчивостью последних: соглашения, заключенные в пожарном порядке, как правило, менее устойчивы и надежны по сравнению с соглашениями, ставшими результатом длительных переговоров. Многосторонние и репрезентативные форматы не имеют альтернативы в случаях, когда речь идет о фундаментальных системных проблемах мировой политики или экономики. Однако, когда речь идет о необходимости оперативно реагировать на внезапно возникшую проблему, более эффективными могут оказаться действия небольших групп игроков, больше других заинтересованных в скорейшем решении проблемы.

С многосторонностью связано множество других проблем и затруднений. Не вполне ясно, как «справедливо» разделить между всеми участниками многосторонних переговоров зоны ответ-

¹ Türk D. Multilateralism must deliver // The Robert Bosch Academy. – Mode of access: <https://www.robertboschacademy.de/en/perspectives/multilateralism-must-deliver> (accessed: 06.12.2023).

ственности и бремя, связанные с выполнением достигнутых договоренностей, особенно когда договоренности предполагают значительные издержки, а их участники несопоставимы по своим ресурсным возможностям. Нелегко решить вопрос и о том, какие меры следует принимать в отношении тех, кто подходит к многосторонним соглашениям избирательно или вообще саботирует их выполнение. Многосторонность *à la carte* становится серьезной проблемой мировой политики и экономики, вносит свой вклад в рост нестабильности и снижение качества глобального управления.

В многосторонних переговорах проблема доверия участников в отношении друг друга стоит более остро, чем в двусторонних переговорах, поскольку в первом случае всегда существуют опасения относительно закулисной координации переговорных позиций отдельными группами участников для того, чтобы все остальные участники столкнулись с единым фронтом противников, согласованно и последовательно продвигающих свои групповые интересы. Эта проблема оказывается особенно острой в случаях, когда в уже сложившуюся многостороннюю структуру включается новый участник, по тем или иным параметрам существенно отличающийся от других ее членов.

Список слабых мест многосторонних форматов можно продолжить, но любые предлагаемые альтернативы (односторонние и двусторонние форматы) обременены не меньшим количеством уязвимостей и несовершенств. Вопрос стоит об условиях и критериях эффективной многосторонности, о тех моделях многосторонности, которые могли бы в максимальной степени выявить ее сравнительные преимущества и минимизировать ее органические недостатки. Представляется возможным сформулировать несколько предварительных условий, выполнение которых позволяет рассчитывать на успех многосторонних переговорных и институциональных форматов и, соответственно, считать модель мирового порядка, основанного на многополярности / многосторонности, эффективной и устойчивой. Эти условия относятся главным образом к подходам и ожиданиям участников переговоров и соответствующих многосторонних режимов и институтов.

Во-первых, участники многосторонних переговоров должны быть заинтересованы в достижении устойчивых результатов (в решении проблемы), а не в дипломатической «победе» над партнерами в виде закрепления за собой тех или иных тактических или

стратегических преимуществ. «Победа» такого рода может на каком-то этапе подорвать договоренность и обернуться итоговым поражением. Выгоды от того или иного «решения проблемы» могут по-разному распределяться между участниками соглашения, но принципиальная заинтересованность в решении должна быть главным стимулом для всех участников многосторонних форматов. Если в биполярных моделях переговоры по принципу «игры с нулевой суммой» в принципе возможны, пусть и нежелательны, то в многополярных моделях выявить «нулевую сумму» невозможно в силу самого факта наличия числа участников, превышающего двух. Бинарная переговорная модель в многостороннем контексте не работает, если только участники переговоров не сгруппированы в две противостоящие друг другу коалиции.

Во-вторых, участники должны быть ориентированы на поиски компромисса, включающего в том числе и собственные уступки. Нарушение разумного баланса между уступками участников (даже когда оно тактически оправданно) подрывает устойчивость соглашения. Определенная асимметрия в масштабах уступок между участниками не только возможна, но и практически неизбежна. Чем больше участников, тем больше асимметрия. Но такая асимметрия должна быть осознанной и не должна восприниматься как поражение теми, кто в данный момент отдал больше, чем получил. Подчеркнем, что, выходя за рамки «политического реализма», многосторонность предполагает достижение не столько стабильного баланса сил, сколько устойчивого баланса интересов участников, относящихся к разным весовым категориям.

В-третьих, участники переговоров должны исходить из принципа «диффузной взаимности», то есть быть готовыми в сложных ситуациях продемонстрировать солидарность с партнерами, в случае необходимости жертвуя своими ближайшими интересами во имя более долгосрочного выигрыша. «Диффузность» (неопределенность) означает, что, проявляя добрую волю, участник переговоров не в состоянии точно определить, когда и в какой форме он получит надлежащую «компенсацию» со стороны партнеров по переговорам. Тем не менее он может быть уверен в том, что такая «компенсация» так или иначе последует. Соответственно, многосторонние договоренности должны быть по возможности долгосрочными и стабильными, чтобы перспективы «компенсаций» воспринимались участниками как достаточно реалистичные.

В-четвертых, с самого начала должны быть определены механизмы выполнения достигнутых соглашений. Если эти механизмы отсутствуют, то многосторонние переговоры окажутся в лучшем случае бесполезными, а в худшем – вредными, выполняя функцию дымовой завесы, маскирующей односторонние действия тех или иных игроков. Проблема имплементации остается одной из самых сложных в реализации многосторонних договоренностей. Проблемы верификации выполнения заключенных соглашений в многосторонних форматах решать сложнее, чем в двусторонних. В первом случае приходится создавать особые международные организации, обладающие значительной долей автономии по отношению к отдельным участникам соглашений; во втором случае такой потребности не возникает.

Многосторонность и кризис глобализации

Перспективы миропорядка, основанного на сочетании многополярности и многосторонности, в значительной мере зависят от того, как будет преодолеваться текущий кризис глобализации. Глобализация не обязательно должна реализовываться в формате многосторонности: повышение уровня связанности и взаимозависимости государств и обществ способно идти через увеличение плотности сети двусторонних соглашений и договоров различного рода. Вместе с тем и формат многосторонности существует не только на глобальном уровне. В условиях деглобализации особое значение приобретает региональная многосторонность.

Однако кризис многосторонности на глобальном уровне неизбежно оказывает негативное воздействие и на многие региональные многосторонние проекты, ограничивая число их участников и глубину сотрудничества между ними [Cossa, Glosserman, 2021]. Уже глобальный финансовый кризис 2008–2009 гг. и посткризисный период 2010–2013 гг. показали, что о линейном, тем более об экспоненциальном развитии глобализации пока можно забыть. После этого кризиса некоторые параметры связанности человечества (международная торговля, объемы прямых иностранных инвестиций) с трудом восстановились только к середине

прошлого десятилетия, а потом снова обрушились в его конце¹. В сегодняшнем мире центробежные процессы накопили огромную инерцию, и в ближайшие годы многосторонность будет испытывать большие сложности и сталкиваться с серьезной оппозицией. В условиях деглобализации многосторонние режимы и форматы очень часто будут проигрывать имеющимся односторонним или двусторонним альтернативам.

В этом же направлении действует и повысившаяся волатильность мировой политики и экономики, препятствующая долгосрочным вложениям государств в многосторонние структуры и режимы. Односторонние шаги в условиях повышенной волатильности часто выглядят как удачные спекуляции, в то время как многосторонние усилия представляются скорее долгосрочными инвестициями с не всегда ясными перспективами получения политических дивидендов. Повышение уровня международной напряженности, обострение геополитического противостояния великих держав крайне затрудняют реализацию принципа «диффузной взаимности» как на глобальном, так и на региональном уровне, сужая горизонты политического планирования и поощряя транзакционные, ситуационные подходы.

Однако по мере преодоления нынешнего кризиса глобализации востребованность многосторонности, по всей видимости, вновь будет повышаться. Во-первых, в мире растет давление общих проблем, настоятельно требующих объединения усилий глобального социума в интересах общего выживания. Некоторые из глобальных вызовов, начиная от изменения климата и возможной экологической катастрофы и кончая неконтролируемым развитием новых технологий и угрозой глобальной ядерной войны, ставят под вопрос дальнейшее существование человечества, тем самым мотивируя игроков на возвращение к многосторонним форматам взаимодействия². Грядущие вызовы предъявляют высокие требо-

¹ Altman S.A., Bastian C.R. DHL global connectedness index 2020: the state of globalization in a distancing world // NYU Stern School of Business. Center for the Future of Management. – 2020. – P. 8. – Mode of access: <https://www.logistics.dhl.ru/content/dam/dhl/global/dhl-spotlight/documents/pdf/spotlight-g04-global-connectedness-index-2020.pdf> (accessed: 06.12.2023).

² Solana J. Multilateralism or bust // Project Syndicate. – May 19. – 2021. – Mode of access: <https://www.project-syndicate.org/commentary/more-multilateralism-on-climate-change-covid19-cyberspace-by-javier-solana-2021-05> (accessed: 06.12.2023).

вания к качеству глобального и регионального управления, включая не только сотрудничество между государствами, но и подключение негосударственных игроков – частный бизнес, международные организации и гражданское общество¹.

Во-вторых, ускоряется технический прогресс, создающий новые возможности удаленных коммуникаций самого разного рода. Физическое пространство и ресурсный потенциал планеты сжимаются, возможности для географически распределенных моделей работы, учебы и социализации расширяются. Парадоксальным образом пандемия COVID-19 стала дополнительным катализатором объединения человечества, ускорив развитие и особенно распространение новых коммуникационных технологий, что, в свою очередь, содействовало ускорению движения в направлении глобальных рынков труда, образования, науки и развлечений.

Происходящие сегодня в мире процессы деглобализации не смогли остановить, а в чем-то даже ускорили тенденции к диффузии силы в мировой политике, которая будет продолжаться. Консолидация мира на основе возрождения однополярной или даже жесткой биполярной системы представляется маловероятной. Хотя национальные государства останутся главными игроками в мировой политике, число и международная активность негосударственных игроков будут и дальше расти, подрывая традиционную иерархию в мировой политике и экономике. Привычные форматы международного сотрудничества все чаще будут демонстрировать низкую эффективность, а потребность в новых сложных многосторонних и многоуровневых форматах будет возрастать. В международных отношениях возникнет множество многосторонних конструкций, которые не могли существовать на протяжении всей предыдущей истории человечества в силу низкого уровня взаимозависимости и взаимозависимости.

Государственные лидеры будут вынуждены продвигать многосторонность, не рассчитывая на лидерство благожелательно настроенного к многосторонности гегемона. Критическое отношение к международной многосторонности остается важной частью аме-

¹ Kadakia K., Thoumi A. The coronavirus is a siren for the health-related Sustainable Development Goals // Brookings Institution. – May 13. – 2020. – Mode of access: https://www.brookings.edu/articles/the-coronavirus-is-a-siren-for-the-health-related-sustainable-development-goals/?mc_cid=cc5adcff70&mc_eid=%5B6f24f55c06%5D (accessed: 06.12.2023).

риканской политической культуры и как таковое сохранится в обозримом будущем, особенно если учесть, что в силу меняющегося соотношения сил в мире США будет все труднее подстраивать многосторонние соглашения и структуры под свои интересы. А это означает, что какие-то многосторонние конструкции придется выстраивать без активного участия Вашингтона.

Кроме того, дипломаты должны научиться использовать многосторонние форматы в условиях слабости международных организаций и эрозии международных иерархий. В мире присутствует повсеместная «институциональная усталость», которая вряд ли исчезнет в ближайшем будущем. Старые союзы теряют былую сплоченность, а новые часто вообще остаются союзами только на бумаге. Поэтому вызывает сомнения реалистичность предложений по возрождению многосторонности с использованием форматов, аналогичных Совещанию по безопасности и сотрудничеству в Европе первой половины 70-х годов прошлого века¹. Продвижение многосторонности «снизу вверх» способно оказаться более продуктивным, чем традиционные подходы по принципу «сверху вниз», а гибкие многосторонние режимы имеют больше перспектив, чем жесткие многосторонние организации. Добровольные обязательства государств могут стать более практичными, чем традиционные юридически обязывающие международные соглашения, требующие длительных процедур согласования и ратификации.

Избирательное использование многосторонности с акцентом на наименее токсичные измерения международного взаимодействия будет облегчать достижение договоренностей, но в то же время создавать дополнительные проблемы. Учитывая глубокую взаимозависимость отдельных измерений мировой политики и экономики, легко предсказать, что договоренности в одной сфере будут неизбежно воздействовать на отношения участников таких договоренностей и в других сферах. Сложной задачей станет сопряжение вопросов безопасности и развития. На данный момент эти две главные сферы приложения многосторонних усилий слабо

¹ Gärtner H. What does Biden's presidency Mean for multilateralism? // Defence Horizon Journal, Special Edition N 1 Geopolitics. – 2021. – February. – Mode of access: https://ca9d3787-8643-4d85-9af7-d052377ac9b8.filesusr.com/ugd/0d3ede_730a5ba77e0c40fb9637da417752d0eb.pdf (accessed: 06.12.2023).

связаны друг с другом, что снижает эффективность работы как в одной, так и в другой сфере. Потребуется более тесное взаимодействие основных многосторонних механизмов, например Совбеза ООН и «Группы двадцати», для достижения синергетического эффекта в разрешении конфликтов и в обеспечении региональной и глобальной стабильности. Учет взаимного влияния различных многосторонних режимов с различным набором участников представляется крайне сложной задачей.

Подчеркнем еще раз: многосторонность нового типа не должна рассматривать общность ценностей в качестве неперемennого условия для достижения договоренностей; необходимым и достаточным условием выступает лишь совпадение интересов государств в мире ценностного плюрализма (подробнее см.: [Telò, 2020]). В то же время многосторонность должна стать инструментом постепенного преодоления ценностных конфликтов. Иными словами, общность ценностей должна быть не отправной точкой в продвижении к многосторонности, но конечной точкой, к которой многосторонность может в конце концов привести.

Поскольку геополитическое противостояние будет продолжаться еще долгое время, новые форматы многосторонности должны базироваться на принципе «соревновательного сотрудничества» или «состязательной многосторонности», когда отношения конкуренции и даже конфронтации держав, равно как и негосударственных субъектов мировой политики, не должны препятствовать их совместной работе по продвижению общественных благ на глобальном или на региональном уровне¹. Разработка конкретных параметров и утверждение практик «соревновательного сотрудничества» представляет одну из сложнейших задач мировой политики будущего.

Разумеется, многосторонность должна стать максимально инклюзивной – не столько с точки зрения общего количества участников, сколько с точки зрения общей репрезентативности многосторонних форматов. Это относится в первую очередь к представительству отдельных групп интересов, которые в данный момент

¹ Malcorra S., Jones B. It is now time to focus on multilateral order // Brookings Institution. – April 19. – 2021. – Mode of access: https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2021/04/19/it-is-now-time-to-focus-on-multilateral-order/?utm_source=feedblitz&utm_medium=FeedBlitzRss&utm_campaign=brookingsrss/programs/foreignpolicy (accessed: 06.12.2023).

либо недооцениваются, либо вообще игнорируются. Например, в нынешних дискуссиях об управлении глобальным интернетом участвуют главным образом страны, обладающие значительным технологическим потенциалом информационно-коммуникационных технологий. В то же время страны, которые в силу глобальных демографических сдвигов превращаются в главных пользователей интернета, в этих дискуссиях почти отсутствуют.

Во многих случаях многосторонние соглашения между государствами недостаточны, если они не предполагают подключения частного сектора, гражданского общества и иных частных и общественных структур. Самые важные международные проблемы – от будущего контроля над вооружениями до изменений климата, от управления техническим прогрессом до регулирования миграций – для своего решения требуют создания широких и гибких коалиций самых разнообразных игроков. Допустимо предположить, что большинство многосторонних коалиций нового поколения будут строиться по принципу государственно-частных партнерств (ГЧП). Критически важным в данном случае представляется вопрос об обеспечении процедурной ясности и прозрачности процесса вовлечения различных типов стейкхолдеров в такого рода ГЧП.

Расширение круга активных участников многосторонних соглашений усложняет процесс переговоров и контроль над соблюдением достигнутых договоренностей. Ведь негосударственные игроки – будь то частные компании, муниципальные образования, региональные власти или некоммерческие организации – уже не могут рассматриваться в качестве удобных инструментов, которыми государства произвольно пользуются для достижения своих целей. У этих игроков формируются собственные интересы, приоритеты и ценности, отличные от тех, которыми оперируют государства [Fernández de Losada, Galceran-Vercher, 2021]. Навязать государственную волю негосударственным игрокам в многосторонних форматах непросто, особенно государствам с развитыми гражданским обществом и частным сектором.

Проектная многосторонность и ее драйверы

Если многосторонние практики выживут в ближайшем будущем, они выживут преимущественно в формате многосторонности *ad hoc* или проектной (проблемной) многосторонности. Примеры

многосторонности такого типа уже существуют на региональном уровне и на отдельных функциональных направлениях. Такой формат многосторонности имеет много недостатков и ограничений – он избыточно подвижен, неустойчив, избирателен и хрупок. Тем не менее, как представляется, он остается наилучшим вариантом на ближайшую перспективу с учетом отсутствия условий для реализации более продвинутых форматов.

Еще одной важной особенностью новой многосторонности должны стать общее упрощение многосторонних механизмов, преодоление бюрократической инерции, борьба с дублированием функций и пр. В мире сохраняется широкая поддержка принципов многосторонности, но в то же время растет критическое отношение к конкретным практикам многосторонних организаций глобального и регионального уровней. Эти организации обвиняются в бюрократизме, медлительности, дублировании функций друг друга, оторванности от обычных людей, отсутствии прозрачности, избыточных административных расходах и др. [Bell et al., 2020]. Глобальная многосторонность должна фокусироваться на относительно небольшом количестве проблем и задач, которые не могут быть решены на региональном или на национальном уровнях. Все остальное должно делегироваться структурам и механизмам, находящимся ближе к проблемам и задачам, которые нужно решать. В противном случае глобальные многосторонние институты будут обвиняться в проблемах, ответственность за которые должны нести другие (например, углубление социально-экономического неравенства внутри отдельных стран).

Представляется маловероятным, что безусловными лидерами в развитии нового формата многосторонности станут великие державы. Эти державы слишком привыкли к отношениям асимметричной взаимозависимости со своими более слабыми партнерами, и потому они склонны идти по пути использования своих сравнительных преимуществ в формате двусторонних отношений с этими партнерами. Вполне вероятно, что в этих странах в ближайшей перспективе будут набирать силу изоляционистские настроения, ограничивающие их вовлеченность в многосторонние структуры и режимы, тем более – их готовность стать лидерами в таких структурах или режимах.

Вместе с тем страны, подобные членам АСЕАН, уже накопили очень большой опыт работы в различных многосторонних

форматах. Поэтому ведущиеся сегодня в странах среднего уровня дискуссии о будущем многосторонности выглядят важными и актуальными¹. Можно предположить, что роль малых и средних стран в продвижении многосторонности будет повышаться не только в таких относительно новых сферах как климат, международное управление в киберпространстве или развитие биотехнологий, но и в традиционных вопросах безопасности, включая и контроль над вооружениями [Meier, 2020]. Хотя во многих случаях многосторонние конструкции складывались и будут складываться на региональной основе, по всей видимости, все более распространенными станут иные, не основанные на географии, принципы формирования многосторонних коалиций, складывающиеся вокруг специфических вопросов государственного управления².

Многосторонность, как и многополярность, не может считаться универсальным механизмом решения всех международных проблем. У многостороннего формата есть множество недостатков – он громоздок, сложен, медлителен и нередко приводит к разочаровывающим результатам. Многосторонность не может и не сможет заменить двусторонний формат или готовность к односторонним внешнеполитическим действиям, особенно когда речь идет о крупных державах, претендующих на сохранение государственного суверенитета в максимально полном объеме. Многосторонность также не может привести к тому, что в мировых или региональных делах восторжествует баланс интересов, а фактор баланса сил окончательно уйдет в прошлое.

В конечном счете многосторонность, как и любые иные форматы политико-дипломатической деятельности, всегда будет настолько эффективна или неэффективна, насколько этого захотят сами игроки, практикующие эти форматы. Пока многосторонность, за редкими исключениями, не рассматривается как само-

¹ Malcorra S., Jones B. It is now time to focus on multilateral order // Brookings Institution. – April 19. – 2021. – Mode of access: https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2021/04/19/it-is-now-time-to-focus-on-multilateral-order/?utm_source=feedblitz&utm_medium=FeedBlitzRss&utm_campaign=brookingsrss/programs/foreignpolicy (accessed: 06.12.2023).

² Kumar P., Sridhar L. Basel Convention's plastic ban amendment a new step against waste colonialism // Wire. – May 21. – 2019. – Mode of access: <https://thewire.in/environment/basel-conventions-plastic-ban-amendment-is-a-new-step-against-waste-colonialism>. (accessed: 06.12.2023).

стоятельная ценность, а используется сугубо утилитарно и только тогда, когда без нее невозможно обойтись. Чтобы изменить эту ситуацию и начать двигаться в направлении стратегической многосторонности, потребуется пересмотр многих устоявшихся стереотипов о приоритетах внешней политики, угрозах национальной безопасности и содержании государственного суверенитета. Такой переход потребуется не только со стороны лидеров ведущих стран мира, но и со стороны представляемых этими лидерами обществ. Перспективы многосторонних форматов в значительной степени зависят от формирования глобальной культуры многосторонности, которая в настоящий момент находится в зачаточном состоянии. Должны быть созданы условия для появления широкого общественного запроса на многосторонность, а также для эффективного противодействия популярным сегодня настроениям изоляционизма и односторонности.

A.V. Kortunov*

**Multipolarity and Multilateralism
as the Two Dimensions of the Future World Order**

Abstract. The article examines the interaction of multipolarity and multilateralism as two independent variables influencing the formation of the new world order. The author describes assets and liabilities of multilateral mechanisms for solving international security and development problems, the differences between the likely future models of multilateral cooperation and the models of the XX century, the impact of globalization and deglobalization on the development of multilateralism in international relations. The differences between a narrow (conservative) and a broad (radical) understanding of multilateralism are revealed, special attention is paid to the role of values as the basis of stable and effective multilateral mechanisms. The author criticizes the notion that such mechanisms are possible only if their participants are liberal democracies, concluding that multilateral practices should reflect convergence of interests rather than community of values. The article enumerates the conditions for the effectiveness of multilateral agreements, including the principle of “diffuse reciprocity”, that is, the readiness of the parties to such agreements to sacrifice part of their immediate specific interests for the sake of supposed, although not yet clearly defined, reciprocal steps on the part of partners. The author argues that future multilateral institutions, regimes and agreements are likely to function in a system that does not have a single and universally recognized hegemon and in conditions of relative

* **Kortunov Andrey**, Russian International Affairs Council (RIAC) (Moscow, Russia), e-mail: akortunov@russiancouncil.ru

weakness of international organizations and international law. The author concludes that in the near future, the most productive and least costly formats of “project multilateralism” will imply putting together flexible situational coalitions of states and non-state participants in international relations to solve specific problems of global and regional governance. The accumulation of positive practices of “project multilateralism” will make it possible to move gradually to more advanced practices of “strategic multilateralism”.

Keywords: world order; multipolarity; polycentrism; multilateralism; globalization; situational coalitions; strategic partnerships.

For citation: Kortunov A.V. Multipolarity and Multilateralism as the Two Dimensions of the Future World Order. *Political science (RU)*. 2024, N 2, P. 80–101. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.01.04>

References

- Bell J., Poushter J., Fagan M., Kent N., Moncus J.J. International cooperation welcomed across 14 advanced economies. Pew Research Center, 2020, 49 p.
- Cossa R.A., Glosserman B. Multilateralism (still) matters in/to Asia. *Comparative connections*. 2021, Vol. 22, N 3, P. 1–18.
- Fernández de Losada A., Galceran-Vercher M. (eds.) Cities in global governance: from multilateralism to multistakeholderism? Barcelona: Centre for International Affairs (CIDOB), 2021, 95 p.
- Mauil H.W. *Multilateralism: variants, potential, constraints and conditions for success*. SWP Comment 2020/C 09. 5.03.2020. DOI: <https://doi.org/10.18449/2020C09>
- Meier O. *Yes, We Can?: Europe responds to the crisis of multilateral arms control*. European Leadership Network, 2020. Mode of access: <http://www.jstor.org/stable/resrep27653> (accessed: 23.01.2024).
- Telò M. (ed.). *Reforming multilateralism in post-COVID times for a more regionalised, binding and legitimate United Nations*. Brussels: Foundation for European Progressive Studies, 2020, 264 p.

М.М. ЛЕБЕДЕВА*

В ПОИСКАХ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА: ИНТЕРЕСЫ АКТОРОВ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация. В статье анализируются причины, по которым, с одной стороны, в настоящее время особое внимание уделяется анализу современного мирового порядка, с другой – мировой порядок на протяжении 30 лет так и остается неопределенным. Показывается, что мировой порядок, понимаемый в большинстве исследований как взаимоотношения ведущих государств мира, является лишь частью политической организации мира. Политическая организация мира представляет собой трехуровневую систему, которая наряду с системой межгосударственных отношений включает в себя в качестве основы принципы Вестфальской модели мира, где главным принципом выступает суверенитет, а также политические системы различных государств мира. В связи с тем, что происходит эрозия основы политической организации мира (Вестфальской модели), вопрос о системе межгосударственных отношений в значительной степени утрачивает свою актуальность. Важными для понимания того, как будет формироваться политическая организация мира, становятся интересы различных акторов мировой политики. В статье анализируются интересы государств, международных организаций, структур бизнеса, субнациональных территорий, а также университетов, СМИ и международных НПО. Отмечается, что в современных условиях экономические и гуманитарные интересы различных акторов конвертируются в политические интересы. Это дает основание полагать, что политическая организация мира будущего не сможет не учитывать интересы различных акторов мировой политики. Показывается, что будет происходить дальнейшая транснационализация акторов, связанная не только с глобализацией, определяемой как транспарентность нацио-

* **Лебедева Марина Михайловна**, доктор политических наук, профессор, заведующая Кафедрой мировых политических процессов Факультета политики и управления, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва, Россия), e-mail: m.lebedeva@inno.mgimo.ru

нальных границ, но и с взаимодействием, а порой и «прорастанием» структур одних акторов в структуры других акторов. Одним из важнейших параметров выстраивания новой архитектуры мировой политики будут сетевые отношения. При этом цифровые технологии будут активно внедряться в международно-политическую практику, что повлияет на политическую организацию мира, подобно тому, как в свое время промышленная революция повлияла на развитие капитализма.

Ключевые слова: мировой порядок; политическая организация мира; политическая архитектура мира; государства; негосударственные акторы; мировая политика; интересы акторов мировой политики.

Для цитирования: Лебедева М.М. В поисках нового мирового порядка: интересы акторов мировой политики // Политическая наука. – 2024. – № 2. – С. 102–123. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.02.05>

Почему не складывается новый мировой порядок?

Проблема мирового порядка является наиболее обсуждаемой и политиками, и исследователями. Более того, данная проблема нашла отражение даже в официальных документах. Так, в Указе Президента России «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» говорится, что «современный мир переживает период трансформации. Увеличение количества центров мирового экономического и политического развития, укрепление позиций новых глобальных и региональных стран-лидеров приводят к изменению структуры мирового порядка, формированию новых архитектуры, правил и принципов мироустройства»¹.

Каковы причины столь интенсивного обсуждения мирового порядка в последние годы? Представляется, что причина в том, что прошло более тридцати лет с момента распада биполярной системы, однако мир продолжает находиться в поисках, каким мировой порядок является в настоящее время, каким он должен или может быть. Пожалуй, впервые в мире распад одного миропорядка, в данном случае биполярного, не привел к относительно быстрому формированию нового миропорядка. Современная ситуация осложняется еще и тем, что целый ряд существующих международных структур сформировался еще в эпоху биполярности.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата посещения: 28.01.2024).

Несмотря на различия в понимании того, что собой представляет мировой порядок (анализ см.: [Фененко, 2023]), абсолютное большинство авторов исходят из того, что миропорядок определяется балансом сил ведущих мировых держав. В этом отношении мировой порядок близок к понятию «система международных (межгосударственных) отношений». По окончании холодной войны и распада биполярной системы мировой порядок представлялся сначала как однополярный во главе с США. В противовес ему многополярный мировой порядок определялся как наиболее справедливый и желаемый. В последние годы заговорили о новой биполярности – США – КНР (называются и иные оси биполярности), хотя многополярный мир по-прежнему часто видится в качестве приоритета в будущем. Однако здесь возникает ряд вопросов: сколько полюсов возможно? Вряд ли все страны мира будут представлять собой полюса. По всей видимости, число полюсов будет ограничено. По какому принципу будут формироваться полюса? Один из вариантов – по региональному принципу. Например, В.Г. Барановский обращает внимание на то, что региональный фактор становится одним из важнейших в определении полюсов. [Барановский, 2023]. Возможно. Однако не превратится ли такая «регионализация» мирового порядка в «столкновение регионов»?

Все варианты полярности (полюсности), включая однополярную модель, не снимают проблему соперничества государств (и / или региона) за создание «своего» полюса. Одновременно возникает проблема противостояния между полюсами. Это ведет к распаду одних полюсов и созданию новых, независимо от того, на каких основаниях они формируются, а в итоге – к нестабильности и хаотизации в мире. Проблемы «борьба за полюс» и «борьба полюсов» возникают при однополярной, многополярной и при биполярной системе, несмотря на то что ряд исследователей приводят аргументы большей устойчивости последней по сравнению с двумя другими (см., напр.: [Богданов, 2015]). Иными словами, любая полюсная система оказывается неустойчивой, поскольку международные системы динамичны, они развиваются и изменяются. В настоящее время на этот факт почему-то в меньшей степени обращают внимание, хотя в прошлом веке он обсуждался (см., напр.: [Gilpin, 1988]), в том числе и как результат подъема и упадка великих держав [Kennedy, 1987].

Каковы причины того, что поиски нового мирового порядка так затянулись? Один из наиболее традиционных ответов на этот

вопрос заключается в турбулентности международных отношений XXI в. Впрочем, о турбулентности одним из первых написал Дж. Розенау в конце XX в. [Rosenau, 1990], когда распад биполярной системы только намечался. Представляется, что проблема более сложная и ее решение не ограничивается анализом межгосударственных отношений ведущих государств.

Мировой порядок как часть политической организации мира

Мировой порядок, определяемый обычно через структуру отношений государств, оказывающих наиболее сильное влияние на мировые политические процессы, является лишь частью политической организации современного мира, которая включает в себя Вестфальскую модель в качестве основы, а также систему межгосударственных (международных) отношений и политические системы различных государств мира [Лебедева, 2016].

Все мировые порядки, определяемые через системы международных отношений (в самом общем виде – Вестфальскую, сложившуюся к 1648 г., Европейский концерт, Версальско-Вашингтонскую, Ялтинско-Потсдамскую), базировались на принципах, определенных Вестфальской моделью мира, где одним из главенствующих принципов выступал национальный суверенитет. Проблема современного мира заключается в том, что эта модель, успешно просуществовавшая несколько веков, подвергалась эрозии, начиная со второй половины XX в. Об этом много писали в конце XX в., но практически забыли в XXI в. Вместе с тем наличие проблем с базисом очевидно сказывается и на том, как на его основе выстраиваются межгосударственные отношения. Именно эрозия основы государственно-центристской (Вестфальской) модели мира не позволяет так долго после окончания холодной войны сформировать новую систему межгосударственных отношений, т.е. новый мировой порядок. Турбулентность как раз и заключается в том, что перестраивается вся система политической организации мира, включая ее базис. В этих условиях определять систему межгосударственных отношений, искать полюса становится практически бессмысленным. Поэтому следует согласиться с тезисом Т. Бордачёва об исчезающих полюсах, поскольку «вся “полярная” дискуссия дер-

жит нас в границах конструкции и способа мышления, возникших в совершенно другую эпоху»¹.

Турбулентность начала формироваться во второй половине XX столетия в связи с активным выходом на международную арену негосударственных акторов, о чём писали Р. Кохейн и Дж. Най [Nye, Keohane, 1971], и резко усилилась в конце XX в. в связи с развитием информационных и коммуникационных технологий, сделав трансграничное взаимодействие доступным в режиме реального времени для любого индивида, имеющего выход в интернет. Тем самым цифровые технологии, как писал Дж. Розенау, «спустили с поводка» процессы глобализации, суть которых заключается в увеличивающейся транспарентности национальных границ [Katzenstein, Keohane, Krasner, 1998]. В первой четверти XXI в. глобализацию сменила «откатная» волна деглобализации [Лебедева, 2019], причинами которой стало слишком быстрое развитие трансграничных отношений в конце прошлого столетия, что во многом было обусловлено цифровыми технологиями, а затем и пандемией COVID-19. Впрочем, пандемия не только «закрыла» физические границы между государствами, но одновременно «открыла» многие виртуальные национальные границы, усилив цифровое трансграничное взаимодействие.

Деглобализация выразилась в изоляционистской политике ряда государств. Так, еще до пандемии Д. Трамп, будучи президентом, предпринял ряд шагов, направленных на ограждение США от внешнего мира. Среди них – стена между США и Мексикой с целью ограничить число мигрантов в страну, выход из ряда международных соглашений, в том числе его заявление в 2017 г. о выходе из Парижских соглашений по климату, и т.п. В Европе, например, изоляционистская политика выразилась в активизации правых партий, выступивших за закрытие границ для мигрантов.

Тем не менее попытки вернуться с помощью изоляционизма «назад к Вестфалю» не смогли и не способны были решить главную проблему – реформирование имеющейся или формирование новой политической организации мира.

¹ Бордачёв Т. За исчезающими полюсами: ловушки традиционных подходов к осмыслению международной политики // Валдай. – 23 октября. – 2023. – Режим доступа <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/za-ischezayushchimi-polyusami/?ysclid=lrz6b3cxd9111834597/> (дата посещения: 25.01.2024).

Были ли в истории иные идеи построения основы политической организации мира? Одним из наиболее очевидных проектов в этой области был марксистский проект, где главным структурным элементом являлись не государства, а классы. В XX в. бала попытка его реализовать. В результате Россия в 1917 г. «выпала» из Вестфалья, однако после её признания другими государствами Советский Союз не только был включен в Вестфальскую модель мира, но после окончания Второй мировой войны стал одним из лидеров на мировой арене. Кстати, Г. Киссинджер кроме Вестфальской модели, которую он называет европейской, выделяет еще китайскую (иерархическая модель с китайским центром) и исламскую (модель, основанную на религии) [Киссинджер, 2015]. Наверное, можно выявить еще теоретические модели политической организации мира, используя различные основания. Проблема заключается в том, какие из них будут «работать», а какие – нет. Так, вряд ли окажутся действенными в современном мире модели, основанные на этнической, цивилизационной, религиозной основе, поскольку они не охватывают мир в целом. Европейская (Вестфальская) модель зародилась более трех столетий назад и затем распространилась по всему миру. Это стало возможным, во-первых, как результат колониальных завоеваний европейцев, во-вторых, вследствие экономического и технологического опережающего развития Европы. В современных условиях глобализации (несмотря на сильное влияние в настоящее время тренда деглобализации) такое уже невозможно. Поэтому для поиска контуров будущей политической организации мира следует выявить общие закономерности развития и характер изменений основных акторов мировой политики.

**Акторы и тенденции их развития
во вновь выстраивающейся политической организации мира**

***Государство и международные организации
в современном мире***

Государства, в том числе ведущие государства, оставаясь ключевыми акторами современного мира, безусловно, продолжают оказывать сильнейшее влияние на сегодняшний мир и его транс-

формацию. В то же время происходит трансформация и самих государств. А.-М. Слоттер обратила внимание на феномен «трансгосударственности», суть которого заключается в создании «межправительственных сетей» между различными государствами. Иными словами, министерства и ведомства одного государства начинают интенсивно взаимодействовать с соответствующими структурами другого государства, формируя устойчивые связи [Slaughter, 2004]. А.-М. Слоттер продемонстрировала данный феномен на примере Евросоюза. Однако феномен «трансгосударственности», по всей видимости, выходит за рамки ЕС. Министерства и ведомства многих государств, включая Россию, в период до пандемии COVID-19 успешно выстраивали подобные связи со своими партнерами.

Одна из ведущих категорий в политической науке – власть – на международной арене реализуется через влияние, которое, в свою очередь, обеспечивается ресурсами. Поэтому другим важнейшим изменением на уровне государств становится дифференциация ресурса государства. До второй половины XX в. ресурс государства представлял собой единый комплекс военных, экономических и социально-гуманитарных возможностей. Именно на основе единого комплекса ресурсов сформировалась биполярная система, где военная мощь определяла паритет.

В дальнейшем единый ресурсный комплекс стал дифференцироваться. Одним из первых признаков выделения экономического ресурса в качестве самостоятельного стал энергетический кризис в 1970-х годах, когда страны Запада столкнулись с дефицитом нефти. В результате арабским странам, которые в военном отношении были значительно слабее Запада, удалось значительно повысить цены на нефть. Экономический ресурс стал важным для «азиатских тигров». Благодаря развитию экономики Япония и Германия стали значимыми политическими акторами и вошли в Группу семи.

К концу XX в. существенным становится социальный и гуманитарный ресурс, которым обладает государство. Так, Австралия является одной из ведущих стран мира, предоставляющих услуги высшего образования иностранным студентам. Согласно Департаменту образования правительства Австралии, в 2023 г. в университетах страны с января по ноябрь обучалось 783 369¹ ино-

¹ International Education. Data and Research. Website of Australian Government. Department of Education. – Mode of access: <https://www.education.gov.au/>

странных студентов. Доход от высшего образования в 2021/2022 уч. г. составил 13 млн 502 тыс., а в 2022/2023 уч.г. – уже 24 млн 116 тыс. австралийских долларов¹. Очевидно, что высшее образование Австралии играет не только важную роль в экономике государства, но и является ее мягкой силой.

Итак, военный ресурс в современном мире не исчез, о чем свидетельствуют вооруженные конфликты последнего времени. Однако наряду с ним самостоятельное значение приобрел экономический ресурс, а в последнее время также и социально-гуманитарный. Причины усиления последнего обусловлены возрастающим вниманием к человеку, его нуждам и развитию. Не случайно особый интерес в XXI в. стал проявляться к образованию и здравоохранению. Эти две области вошли в фокус международных исследований, чего не было ранее.

Дифференциация ресурсного потенциала позволяет государствам выбирать свою «специализацию» и благодаря этой «специализации» оказывать влияние на мир. Так, Китай, обладая значимым военным ресурсом, сделал акцент на экономику и в XXI в. стал влиятельным именно благодаря экономическому развитию. В то же время карликовое государство Андорра, например, имея население менее 100 000 человек, сфокусировалось на развитии туризма. Иными словами, государству в современных условиях, чтобы быть влиятельным, нет необходимости владеть всем комплексом ресурсов, включая военный, как это было ранее. Более того, как заметил Дж. Най, даже если государство обладает всем комплексом ресурсов, это не позволяет ему реализовывать свои интересы и цели на мировой арене в одиночку [Nye, 2002].

Еще одна характеристика современных государств заключается в том, что они крайне разнообразны, причем это разнообразие, наряду с различием в экономике, географии, демографии, политике и другими особенностями, имеет именно мирополитическую основу. После распада колониальной системы большое количество государств, став независимыми, вступили в ООН и де-факто вошли в

international-education-data-and-research/education-export-income-financial-year (accessed: 16.02.2024).

¹ International Education. Data and Research. Website of Australian Government. Department of Education. – Mode of access: <https://www.education.gov.au/international-education-data-and-research/education-export-income-financial-year> (accessed: 25.01.2024).

Вестфальскую систему мира, признав принцип национального суверенитета. В действительности же многие отношения ряда государств, прежде всего с соседями, выстраивались по племенным и / или религиозным основаниям. Фактически такие государства по своей сути оставались во многом довестфальскими. В то же время развитие Европейского союза привело к тому, что часть национальных полномочий была передана на наднациональный уровень. В результате страны ЕС по ряду параметров оказались поствестфальскими. Таким образом, Вестфальская система объединила в себе три разных типа государств по отношению к ней самой: вестфальские, довестфальские, поствестфальские [Лебедева, 2008; Харкевич, 2010]. Очевидно, что любое государство обладает чертами всех трех типов, но какие-то из этих черт доминируют, что и дает основания для такой классификации.

Международные организации, образованные государствами, в настоящее время часто подвергаются критическому анализу, поскольку далеко не всегда решают стоящие перед ними задачи. В связи с этим ведутся дискуссии о реформировании международных организаций, включая ООН. Пандемия COVID-19, по оценкам ряда авторов (см., напр.: [Ларионова, Киртон, 2020]), стала некоей «лакмусовой бумажкой», показавшей неспособность многих международных организаций действовать в условиях чрезвычайной ситуации. Тем не менее «международные организации формируют свою систему ценностей и идентичность подобно государствам с их национальной (национально-гражданской), внешнеполитической, а часто и цивилизационной идентичностями...» [Прохоренко, 2023, с. 396]. Этот момент очень важен для создания политической организации или политической архитектуры будущего, так как дают основания для образования общности на наднациональном уровне.

Бизнес: тенденции развития

Как и государства, бизнес стремится усилить свое влияние на мировой арене, наращивая ресурсы. Интересно, что при этом бизнес пытается приобрести эти ресурсы, порой в нетипичной для него сфере. Примером здесь может служить Глобальный договор, направленный на социальную ответственность бизнеса, причем не

только в рамках своей корпорации, но во всемирном масштабе¹. Смысл участия бизнеса в Глобальном договоре, а также в выполнении принципов *ESG*, подразумевающих следование экологическим нормам, социальной ответственности и качественному корпоративному управлению заключается, в частности, и в том, чтобы сформировать свой позитивный имидж.

Вышедший на международную арену бизнес усиливает свое влияние на мировую политику и более традиционными для себя способами. С одной стороны, развиваются инструменты лоббирования интересов бизнеса, как на уровне государств, так и на уровне международных институтов. На примере Европейского союза можно отчетливо проследить процесс лоббирования интересов бизнеса (см., напр.: [Coen, Richardson, 2009]). С другой стороны, бизнес усиливает влияние на международной арене за счет своей деятельности, реализации проектов и т.п., в том числе и путем мягкой силы, которая имеется не только у государств, но и у негосударственных акторов [Нье, 2002]. При этом в некоторых областях экономики и технологии бизнес начинает «соперничать» с государством. Наиболее ярким примером здесь является деятельность *SpaceX* в области космонавтики. Необходимо отметить, что соперничество в данном случае понимается как решение тех задач, которые ранее решались только государствами. Так, освоение космоса было прерогативой не просто государств, а технологически наиболее передовых государств. Сегодня этим наравне с государством занимается бизнес. Приведенный пример не означает противостояния государства и бизнеса. По существу, в большинстве случаев бизнес активно сотрудничает с государством в различных областях, в том числе и в освоении космоса.

Современный транснациональный бизнес охватывает практически все страны мира, особенно это касается таких крупнейших компаний, как, например, *Microsoft*, *Google*, продукция которых используется по всему миру. Штаб-квартиры названных компаний находятся в США и они развивались как американские компании. В то же время, например, фармацевтическая компания *Novo Nordisk* со штаб-квартирой в Дании, которая скорее относится к категории малых стран, поставляет на мировой рынок 50% инсу-

¹ Глобальный договор ООН. – Mode of access: <https://globalcompact.ru/about/> (accessed: 17.02.2024).

лина, более 36 млн человек в мире используют продукцию данной компании, и она проводит клинические испытания в более чем в 50 странах. При этом на компанию работает 55 185 человек в различных странах¹. Наконец, еще один пример – Тайваньская компания *TSMC* (*Taiwan Semiconductor Manufacturing Company*), которая производит микрочипы и занимает 54% мирового рынка, поставляет свою продукцию в различные страны, в том числе в США, Китай и др. При этом в 2020 г. разгорелся торговый конфликт между США и КНР. США запретили *TSMC* поставлять чипы китайской компании *Huawei*. В период пандемии, в связи с переходом мира на онлайн-коммуникацию, возник дефицит микрочипов, и *TSMC* объявила своим основным заказчиком *Apple*. Остальным компаниям пришлось ожидать поставок микрочипов месяцами². Последний пример демонстрирует, как переплетаются экономические и политические интересы различных государств и компаний. Ситуация оказывается еще более сложной, если иметь в виду, что Тайвань является частично признанным государством, а отношения КНР с Тайванем находятся в конфликтном состоянии и периодически обостряются. В случае серьезного обострения ситуации вокруг Тайваня мир может оказаться перед угрозой значительного дефицита микрочипов, что нарушит все сферы, так или иначе связанные с цифровизацией.

Таким образом, бизнес, в котором заняты граждане различных государств и продукция которого охватывает огромное число людей по всему миру, приобретает социальный смысл, а через него и возможности политического влияния. В ряде случаев, как в ситуации с *TSMC*, бизнес обладает возможностью непосредственного политического воздействия. Причем государства происхождения транснационального бизнеса – ведущее государство или малое государство, или даже только частично признанное государство – в этом случае не имеют особого значения.

Если говорить о тенденциях в развитии бизнеса, то следует отметить, что начиная с конца прошлого века на международную

¹ Novo Nordisk. Annual Report 2022. – Mode of access: <https://www.novonordisk.com/investors/annual-report.html> (accessed: 25.01.2024).

² Абдулбарова Ю. Производство микрочипов: крупнейшие компании, мировые рынки, тенденции в 2022 году // linDEAL – Режим доступа <https://lindeal.com/trends/proizvodstvo-mikrochipov-krupnejshie-kompanii-mirovyey-gynki-tendencii-v-2022-godu> (дата посещения: 25.01.2024).

арену, наряду с крупным бизнесом, все активнее выходит малый и средний бизнес [Fujita 1998], что во многом обусловлено развитием современных технологий. Данный факт показывает усиление процессов транснационализации бизнеса в мире, включение в него все большего числа людей.

Города и субнациональные регионы

Особенность городов и субнациональных регионов заключается в том, что они являются одновременно и государственными, поскольку представляют часть государства, и негосударственными акторами, так как все же не являются государствами. В этом отношении, в отличие от бизнеса, города и внутригосударственные регионы не могут покинуть свое государство и переместиться в другое. Хотя регионы имеют возможность заявить о своей самостоятельности вплоть до отделения, что в ряде случаев и наблюдается.

Наличие своей территории у данного актора делает его особым, поэтому не случайно президент Чикагского совета по глобальным вопросам И. Даадлер отмечал, что «современная политика все больше напоминает времена Ганзейского союза, в который входили средневековые города. Глобальные центры торгуют между собой и вместе борются с общими проблемами так, как это не получается у государств»¹. При этом территория в субнациональных образованиях выполняет роль «завязывания» сетевых узлов [Castells, 1989] между различного рода бизнесами, образовательными и научными структурами, а также спортивными и культурными учреждениями и т.п. От того, насколько успешно регион или город это делает, зависит его благополучие.

Транснациональное взаимодействие субнациональных территорий формируется в мире особенно интенсивно, начиная с периода Второй мировой войны, когда городами-побратимами стали Ковентри и Волгоград как города, сильно пострадавшие от немецких бомбардировок. Значимым моментом для развития городов-

¹ Даадлер И. Глобальные города как субъекты международной политики // Ведомости. – 3 июля. – 2015 г. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/06/03/594889-globalnie-goroda-kak-subekti-mezhdunarodnoi-politiki> (дата посещения: 25.01.2024).

побратимов стала известная фраза президента США Д. Эйзенхауэра, произнесенная им в 1950-х годах, «друзья не стреляют в друзей», а также создание в этот же период в Париже Всемирной федерации породненных городов. Примечательно, что во второй половине XX столетия внешние связи городов Запада и Востока сначала основывались, прежде всего, на социально-гуманитарном ресурсе, затем они начинают использовать экономический ресурс. Особенно интенсивно стали развиваться приграничные территории. Однако активность на международной арене не всегда обусловлена близостью территорий соседних государств. Важными факторами транснационального взаимодействия субнациональных территорий являются этнический и религиозный. В то же время ряд таких территорий не ограничивается вообще какими-либо параметрами и действует на глобальном уровне [Sassen, 1991]. Примером глобальной ориентации субнационального региона может служить Татарстан, который имел свои представительства в самых разных странах и городах по всему миру, в том числе в КНР, ОАЭ, Лейпциге, Финляндии, Швейцарии, Узбекистане, Франции и др., а также в регионах России, в частности в Санкт-Петербурге, Свердловской области и др.¹ Тем самым Татарстан показывает, что он рассматривает любые связи за пределами Татарстана в качестве внешних. Примечательно, что и для некоторых других акторов внешние связи не тождественны связям за пределами границ национального государства. Например, РПЦ исходит из того, что внешние связи – это связи с другими религиозными организациями, в том числе и на территории России, а, например, приходы Русской православной церкви в США или в Африке к внешним связям не относятся. Иными словами, национальные границы в этих двух примерах оказываются вторичными.

Взаимоотношения государства со своими субнациональными территориями обычно регулируются законодательством, согласно которому определяются сферы ответственности субнациональных территорий. Однако последние всё чаще стремятся к самостоятельности, прежде всего по экономическим соображениям. В этом отношении показателен пример американского штата Нью-Джерси,

¹ См: перечень представительств на сайте Правительства Республики Татарстан. – Режим доступа: http://prav.tatarstan.ru/representative_offices.htm (дата посещения: 25.01.2024).

который приостановил деятельность закона о санкциях за связи с Россией осенью 2023 г.¹ Ранее за отмену антироссийских санкций выступили также некоторые регионы Италии² и земли Германии³.

Еще один феномен, на который необходимо обратить внимание, говоря о внутренних регионах и городах, это процесс глобализации. Глобализируются не государства, а отдельные территории. Причем эти территории могут не совпадать даже с административными границами. Такое включение в глобальный мир происходит по экономическим соображениям [Ворота в глобальную..., 2001].

В результате наблюдается тенденция, когда субнациональные регионы и города так же, как и бизнес, в экономическом плане оказываются в ситуации, в которой им становится «тесно» в рамках очерченных границ. Как следствие, экономические факторы «запускают» политические интересы. Для этого используются различные инструменты, начиная от лоббирования своих интересов и заканчивая противостоянием с государством.

Международные НПО, университеты, научные центры и СМИ

Международные НПО, возникшие как феномен в XIX столетии, по определению с самого начала действуют за пределами национальных границ. Особенностью же современных МНПО является их резкий количественный рост, что во многом обусловлено развитием информационных и коммуникационных технологий, которые позволили им значительно активизироваться в начале XXI в. за счет кардинального снижения стоимости информации и коммуникации.

¹ Штат США приостановил действие закона о санкциях за связи с Россией // РБК. – 2023. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/24/11/2023/655fd83f9a79471c87f9e364?from=sory> (дата посещения: 25.01.2024).

² Емельянова А. Итальянские регионы один за другим голосуют против антироссийских санкций // Вести.ру. – 10.07.2016. – Режим доступа: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2774596> (дата посещения: 25.01.2024).

³ Фахрутдинов Р. Санкции негативно сказались на работе предприятий // Российская газета. 30.01.2018. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/politics/2018/01/29_a_11630137.shtml (дата посещения: 25.01.2024).

Гуманитарные интересы МНПО также порой перерастают в политические. Примером может служить позиция гуманитарной неправительственной организации «Врачи без границ», отделившейся в 1971 г. от Международного комитета Красного Креста. Суть разногласий заключалась в том, что «Врачи без границ» настаивали на том, что гуманитарная помощь необходима в любом случае, независимо от того, дает ли на нее согласие государство, в котором проживают нуждающиеся в помощи люди, или нет.

Аналогичная ситуация в связи с развитием цифровых технологий сложилась для университетов и научных центров, которые и ранее были ориентированы на транснациональные отношения, однако новые возможности позволили им резко активизировать свою деятельность за пределами национальных границ. Особенно ярко это проявилось в период пандемии COVID-19, несмотря на то что платформы для проведения онлайн-конференций были разработаны раньше. Однако и после ее окончания научное взаимодействие во многих случаях продолжилось в онлайн-овом или в гибридном режиме.

Университеты в значительной степени дифференцируются. Так, ведущие университеты, предоставляя свои площадки для дискуссий и проектов, становятся центрами взаимодействий исследователей, политических деятелей разного уровня, СМИ, бизнеса, экономических структур, и, подобно городам и внутригосударственным регионам, устанавливают связи между акторами. Фактически университеты «завязывают» сетевые узлы, подобно субнациональным территориям. При этом транснационализация высшего образования способствует дальнейшей транснационализации всех отраслей, поскольку выпускники университетов разных направлений из разных стран формируют социальные сети и используют их в дальнейшей профессиональной деятельности.

Ведущие университеты и крупнейшие СМИ, особенно так называемые глобальные СМИ, которые ориентированы на распространение информации по всему миру, действуют фактически как транснациональные корпорации. Обладая обширными финансовыми ресурсами, СМИ имеют корреспондентские бюро за пределами национальных границ, дают информацию и ее оценки по всему миру. При этом экономические интересы формируются не только путем рекламы, но и за счет ангажированной политической информации. В результате те или иные СМИ сами становятся по-

литическими игроками на мировой арене. Однако ситуация в целом оказывается более сложной. Как отмечает Т.И. Тюкаева, необходимо говорить «о воздействии совокупности разноуровневых и разноформатных СМИ в их взаимодействии – как на государства и негосударственных акторов мировой политики, так и на другие СМИ и их взаимодействия между собой» [Тюкаева, 2017, с. 243].

Кроме того, важным моментом является то, что развитие цифровых технологий позволило СМИ взаимодействовать с аудиторией через социальные сети, а также путем размещения контента на своих сайтах, во-вторых, использовать в своих репортажах и статьях видео-, фотографии и т.п., которые имеются в социальных сетях широкого круга пользователей Интернета. Это резко расширило транснационализацию СМИ.

Какой может быть политическая организация мира?

Начиная со второй половины XX в. количество акторов на мировой арене значительно возросло. Причем это касается не только негосударственных акторов, но и государств, число которых с окончания Второй мировой войны увеличилось практически в четыре раза. Разумеется, не все государства, транснациональные корпорации и представители других категорий акторов в полном смысле являются акторами, хотя при определенных обстоятельствах они внезапно могут стать таковыми. Например, нападение даже небольшого государства на соседнее ведет к обострению международной безопасности и делает его актором на международной арене. Другой пример – банкротство *Lehman Brothers* 15 сентября 2008 г., ставшее одним из триггеров мирового экономического кризиса, который, в свою очередь, повлиял на мировую политику в целом.

Интересы большого количества разнообразных акторов, по всей видимости, нельзя будет игнорировать при выстраивании политической организации мира или его политической архитектуры, поэтому Вестфальская система в том виде, как она задумывалась, а затем и реализовывалась (со всеми изменениями), вряд ли возможна в дальнейшем. Соответственно, и мировой порядок, понимаемый в качестве взаимоотношений ведущих государств мира, также оказывается под вопросом. Какой именно будет политиче-

ская организация мира (политическая архитектура), сегодня определить невозможно. Тем не менее можно выделить ряд параметров, которые будут характеризовать очертания политического устройства мира.

Прежде всего происходит все большая конвертация экономических, гуманитарных и т.п. интересов различных акторов в их политические интересы. В результате будет происходить дальнейшая транснационализация акторов, связанная не только с глобализацией, определяемой как транспарентность национальных границ, но и с взаимодействием, а порой и «прорастанием» структур одних акторов в структуры других акторов, т.е. в то, что на уровне государств получило название «трансгосударственность». Этот феномен, по всей видимости, носит более широкий характер. Сегодня, например, такое «проникновение» структур государства и бизнеса имеет в значительной степени национальный характер: в частности, представители государства входят в совет директоров крупных компаний, а представители бизнеса переходят на работу в органы власти. Представляется, что этот процесс будет все больше интернационализироваться. В настоящее время немало уже случаев, когда в той или иной национальной компании руководящие посты занимают граждане другого государства, а в региональные структуры входят представители государств другого региона. Например, в деятельности Африканского банка развития (*African Development Bank*), созданного в 1964 г. для борьбы с бедностью и содействия экономическому развитию африканских стран путем привлечения государственных и частных инвестиций, принимают участие 28 внерегиональных государств¹.

Следует отметить, что акторы в большинстве случаев сотрудничают друг с другом на международной арене. Так, международные НПО получают гранты от государств, бизнеса, частных лиц. Широкое распространение получило государственно-частное партнерство и т.п. При этом наблюдается гибридизация акторов, когда образуются, например, организованные правительством НПО или создаются ТНК с 51% акций, принадлежащих государству, и т.п. Вместе с тем акторы конкурируют друг с другом, стре-

¹ Non-Regional Member Countries // African Development Bank. – Mode of access: <https://www.afdb.org/en/countries/non-regional-member-countries> (accessed: 25.01.2024).

мь реализовать свои интересы на мировой арене. Безусловно, террористические организации и криминальные структуры выпадают из такого взаимодействия, по крайней мере официального. Тем не менее сотрудничество акторов на мировой арене позволяет полагать, что сценарии хаоса, войны всех против всех и т.п., как предполагают некоторые исследователи¹, удастся избежать.

Современные акторы мировой политики формируют обширную сеть контактов. Очевидно, этот процесс выстраивания сетевых отношений продолжится в будущем. Несмотря на то что появились исследования по сетевым отношениям в мировой политике – правда, в основном они связаны с анализом в сети Интернет (см., напр.: [Flyverbom, 2011]), – предстоит выявить, как в целом выстраиваются сетевые отношения акторов в мировой политике, какие здесь существуют закономерности. Дж. Най заметил, что важнейшая политологическая категория – «власть» – в мировой политике определяется контекстом [Nye, 2021, p. 196]. Какой новый контекст создают сетевые отношения акторов на глобальном уровне и создают ли они его, предстоит выяснить.

Эпоха цифровизации не ограничивается развитием коммуникационных и информационных технологий и при этом усиливает свое влияние на мировую политику. Цифровые технологии уже внедряются в международно-политическую практику. Например, предлагается создать гибридную систему «человек – искусственный интеллект» для повышения эффективности оказания посреднических услуг в международных отношениях [Hirblinger, 2022]. Очевидно, что четвертая промышленная революция, как ее определил К. Шваб [Шваб, 2016], будет разворачиваться в дальнейшем и, безусловно, повлияет на политическую организацию мира, подобно тому, как в свое время промышленная революция повлияла на развитие капитализма.

Таким образом, политическая организация или политическая архитектура будущего будет выстраиваться с учетом интересов и при участии различных акторов мировой политики в условиях новой эры технологического развития. Проблемой остается то, с какими

¹ См., например: *Rudd K. The coming post-COVID anarchy: the pandemic bodes ill for both American and Chinese power - and for the global order // Foreign Affairs. – 2020. – Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-05-06/coming-post-covid-anarchy> (accessed: 25.01.2024).*

последствиями для человечества и как будет преодолен ценностный разрыв между акторами. Большинство негосударственных акторов достаточно прагматичны и готовы сотрудничать на основе интересов, однако на уровне государств – ключевых акторов современной мировой политики ценностные противоречия могут быть существенными.

М.М. Lebedeva*

**In search of a new world order:
interests of actors of world politics**

Abstract. The article analyzes the reasons why, on the one hand, special attention is currently being paid to the analysis of the modern world order, on the other – the world order has remained uncertain for 30 years. It is shown, that the world order (understood in most studies as the relationship between the leading states of the world) is only part of the political organization of the world. The political organization of the world is at least a three-level system, which, along with the system of interstate relations, includes as a basis the principles of the Westphalian model of the world, where the main principle is sovereignty, as well as the political systems of various states of the world. Due to the fact, that the basis of the political organization of the world (the Westphalian model) is being eroded, the question of the system of interstate relations becomes largely irrelevant. The interests of various actors in world politics become important for understanding how the political organization of the world will be formed. The article analyzes the interests of states, international organizations, business structures, subnational territories, as well as universities, the media and international NGOs. The article shows that, in modern conditions, the economic and humanitarian interests of various actors are converted into political interests. This gives a reason to believe that the political organization of the world of the future (the political architecture of the world) will not be able to ignore the interests of various actors in world politics. The author states that there will be further transnationalization of actors associated not only with globalization defined as the transparency of national borders, but also with the interaction, and sometimes “sprouting” of the structures of some actors into the structures of other actors. One of the most important parameters of building a new architecture of world politics will be network relations. At the same time, digital technologies will be actively introduced into international political practice, which will affect the political organization of the world, just as the industrial revolution once influenced the development of capitalism.

* **Lebedeva Marina**, MGIMO University (Moscow, Russia), e-mail: m.lebedeva@inno.mgimo.ru

Keywords: world order; political organization of the world; political architecture of the world; states; non-state actors; world politics; interests of actors in world politics.

For citation: Lebedeva M.M. In search of a new world order: interests of actors of world politics. *Political science (RU)*. 2024, N 2, P. 102–123. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.02.05>

References

- Baranovsky V.G. Regional dimension of international relations // International relations: facets of the present and the future. – Moscow: RIAC, 2023. – P. 359–389. (In Russ.)
- Bogdanov A.N. On the threshold of a "Bipolar World"? on the prospects of systemic confrontation in the XXI century // Vlast – 2016. – No. 2. – pp. 5–11. (In Russ.)
- Castells M. *The informational city: information technology, economic restructuring, and the urban-regional process*. Oxford: Basil Blackwell, 1989, 408 p.
- Coen D., Richardson J. (eds). *Lobbying the European Union: institutions, actors and issues*. New York: Oxford university press, 2009, 400 p.
- Fenenko A. World order as a theoretical and methodological category // International processes. 2023, No. 21 (1), pp. 6–42. DOI: <https://doi.org/10.17994/IT.2023.21.1.72.8> (In Russ.)
- Flyverbom M. *The power of networks: organizing the global politics of the Internet*. Cheltenham, UK, Northampton, MA, USA: Edward Elgar Publishing. 2011, 224 p.
- Fujita N. *The transnational activities of small and medium-sized enterprises*. Dordrecht A.O.: Kluwer, 1998, 257 p.
- Gateway to the global economy* / edited by O.E. Andersson and D.E. Andersson, trans. from English under. ed. by V.M. Sergeev. – Moscow: Fazis, 2001. – 440 p. (In Russ.)
- Gilpin R. The theory of hegemonic war. *The journal of interdisciplinary history*. 1988, Vol. 18, N 4, P. 591–613. DOI: <https://doi.org/10.2307/204816>
- Hirblinger A.T. When mediators need machines (and vice versa): towards a research agenda on hybrid peacemaking intelligence. *International negotiation*. 2023, Vol. 28, N 1, P. 94–125. DOI: <https://doi.org/10.1163/15718069-bja10050>
- Katzenstein P.J., Keohane R.J., Krasner S.D. International organization and the study of world politics. *International organization*. 1998, Vol. 52, N 4, P. 645–686. DOI: <https://doi.org/10.1017/S002081830003558X>
- Kennedy P. *The rise and fall of the great powers: economic change and military conflict from 1500 to 2000*. New York: Random House, 1987, 677 p.
- Kharkevich M.V. The state in modern world politics // MGIMO Review of International Relations 2010. No. 6 (15), pp. 160–166. (In Russ.)
- Kissinger H. World order. – Mjscow: AST, 2015. – 540 p. (In Russ.)
- Larionova M., Kirton J. Global Governance After the COVID-19 Crisis. *International Organisations Research Journal*, 2020, vol. 15, no 2, pp. 7–23 (In English). DOI: [10.17323/1996-7845-2020-02-01](https://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-02-01)

- Lebedeva M.M. Modern megatrends of world politics // *World Economy and International Relations* 2019, V. 63, No. 9, p. 29–37. – DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-9-29-37> (In Russ.)
- Lebedeva M.M. Such different states // “Privatization” of world politics: local actions – global results / ed. prof. M.M. Lebedeva. – Moscow: Golden-B, 2008. – P. 91–99. (In Russ.)
- Lebedeva M.M. System of Political organization of the world: ‘Perfect storm’. MGIMO Review of International Relations. 2016. No 2(47), p. 125–133. (In Russ.) <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2016-2-47-134-144>
- Nye J. Soft power: the evolution of a concept. *Journal of Political Power*. 2021, Vol. 14, N 1, P. 196–208. DOI: <https://doi.org/10.1080/2158379X.2021.1879572>
- Nye J. *The paradox of American power: why the world’s only superpower can’t go it alone*. New York: Oxford university press, 2002, 240 p.
- Nye J.S., Keohane R.O. Transnational relations and world politics: an introduction. *International organization*. 1971, Vol. 25, N 3, P. 329–349. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0020818300026187>
- Prokhorenko I.L. The place and role of international organizations in the future architecture of the world order. *International relations: facets of the present and future*. – Moscow: RIAC, 2023, p. 390–405. (In Russ.)
- Rosenau J. *Turbulence in world politics: a theory of change and continuity*. Princeton: Princeton university press, 1990, 504 p.
- Sassen S. *The global city: New York, London, Tokyo*. Princeton, NJ: Princeton university press, 1991, 397 p.
- Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. – Moscow: EKSMO. – 229 p. (In Russ.)
- Slaughter A.-M. *A new world order*. Princeton, N: Princeton university press, 2004, 368 p.
- Тыкаева Т.И. World political influence of global media: constructivist approach // MGIMO Review of International Relations. 2017, No. 4(55), pp. 242–271. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-4-55-242-271> (In Russ.)

Литература на русском языке

- Барановский В.Г. Региональное измерение международных отношений // *Международные отношения: грани настоящего и будущего*. – М.: НП РСМД, 2023. – С. 359–389.
- Богданов А.Н. На пороге «Биполярного мира»? О перспективах системной конфронтации в XXI в. // *Власть* – 2016. – № 2. – С. 5–11.
- Ворота в глобальную экономику / под редакцией О.Е. Андерссона и Д.Е. Андерссона; пер. с англ. под ред. В.М. Сергеева. – М.: Фазис, 2001. – 440 с.
- Киссинджер Г. *Мировой порядок*. – М.: АСТ, 2015. – 540 с.
- Ларионова М.В., Киртон Дж. Глобальное управление после кризиса COVID-19 // *Вестник международных организаций*. – 2020. – № 2. – С. 24–54. – DOI: <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-02-01>

- Лебедева М.М.* Такие разные государства // «Приватизация» мировой политики: локальные действия – глобальные результаты / под ред. проф. М.М. Лебедевой. – М.: Голден-Би, 2008. – С. 91–99.
- Лебедева М.М.* Система политической организации мира: «Идеальный шторм» // Вестник МГИМО – университета. 2016. – № 2. – С. 125–133.
- Лебедева М.М.* Современные мегатренды мировой политики // Мировая экономика и международные отношения 2019. – Т. 63, № 9. – С. 29–37. – DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-9-29-37>
- Прохоренко И.Л.* Место и роль международных организаций в будущей архитектуре мирового порядка. Международные отношения: грани настоящего и будущего. – М.: РСМД, 2023. – С. 390–405.
- Тюкаева Т.И.* Мировополитическое влияние глобальных СМИ: конструктивистский подход // Вестник МГИМО-Университета. – 2017. – № 4 (55) – С. 242–271. – DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-4-55-242-271>
- Фененко А.* Мировой порядок как теоретико-методологическая категория // Международные процессы. – 2023. – № 21 (1) – С. 6–42. – DOI: <https://doi.org/10.17994/IT.2023.21.1.72.8>
- Шваб К.* Четвертая промышленная революция. – М.: Эксмо. – 229 с.
- Харкевич М.В.* Государство в современной мировой политике // Вестник МГИМО-Университета. – 2010. – № 6 (15). – С. 160–166.

Л.Е. ГРИНИН, А.Л. ГРИНИН, А.В. КОРОТАЕВ*

ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ МИР-СИСТЕМЫ И КОНТУРЫ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА¹

Аннотация. В статье рассматриваются процессы трансформации Мир-Системы, находящие выражение в крупных, фактически стадийных изменениях. Мир-Система находится в фазе, предшествующей переходу в новое качественное состояние, с изменением баланса сил в самых разных аспектах и параметрах. В рамках анализа, проведенного в статье, отмечается, что такие изменения происходят редко, раз в несколько десятков лет, и периоды глубоких изменений могут длиться долго. Авторы предполагают, что период реконфигурации Мир-Системы и формирование нового мирового порядка займёт не менее полутора-двух десятилетий, а, возможно, и больше. При этом авторы приходят к выводу,

* **Гринин Леонид Ефимович**, доктор философских наук, главный научный сотрудник Центра изучения стабильности и рисков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, e-mail: leonid.grinin@gmail.com; **Гринин Антон Леонидович**, кандидат биологических наук, научный сотрудник Факультета глобальных процессов, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; старший научный сотрудник Центра изучения стабильности и рисков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», e-mail: algrinin@gmail.com; **Коротаев Андрей Витальевич**, доктор исторических наук, директор Центра изучения стабильности и рисков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения РАН; профессор Факультета глобальных процессов, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, e-mail: akorotayev@gmail.com

¹ Исследование выполнено при содействии Российского научного фонда (проект № 23-11-00160).

© Гринин Л.Е., Гринин А.А.,
Коротаев А.В., 2024

DOI: 10.31249/poln/2024.02.06

что это будет турбулентный период с дальнейшим обострением противоречий и возможным переходом к вооруженным столкновениям. Важная идея статьи – эти коренные трансформации происходят в результате не только изменения международных отношений и баланса сил в военно-технологическом потенциале стран и геополитического расклада в целом (что обязательно), но и накопления крупных качественных изменений практически во всех сферах: от демографической до культурной, от технологической до идеологической. В статье анализируется динамика таких изменений за последние десятилетия.

Ключевые слова: Мир-Система; реконфигурация Мир-Системы; мировой порядок; смена мирового порядка; баланс сил; США; мир-системный лидер; геополитическое соперничество.

Для цитирования: Гринин Л.Е., Гринин А.Л., Коротаев А.В. Глобальные трансформации Мир-Системы и контуры нового мирового порядка // Политическая наука. – 2024. – № 2. – С. 124–150. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.02.06>

Последнее десятилетие XX столетия, казалось бы, обещало достаточно гладкий путь в будущее, во всяком случае без крупных катаклизмов и жестких столкновений, тем более без крупных войн. Всякие идеи, вроде бисмарковской, что «великие вопросы эпохи решаются не речами и не постановлениями большинства, а железом и кровью», казались далекой архаикой. Однако вскоре оказалось, что XXI в. не будет гладкой дорожкой ни в глобализацию, ни в установление нового и более справедливого мирового порядка. Настоящая статья ставит своей целью показать, почему мир вернулся вновь к аргументам и методам, которые, как многие из нас надеялись, ушли в прошлое, как связаны с этим современные процессы в Мир-Системе и можно ли угадать за современным все более конфликтным и турбулентным состоянием мировых отношений, за все более острыми противостояниями и быстро меняющейся картиной ситуативных союзов контуры нового мирового порядка.

В статье мы рассмотрим некоторые аспекты крупных изменений в Мир-Системе, которые дают основания для предположения о контурах нового мирового порядка и возможных сроках его складывания, сделаем некоторые уточнения в понятиях баланса сил и мирового порядка, проанализируем, почему мы предполагаем, что Мир-Систему ожидают 10–20 турбулентных лет и сделаем краткий прогноз изменения позиций ведущих акторов (а именно: постепенное или быстрое уменьшение влияния США и Запада в целом с возможными сценариями активизации борьбы за его сохранение), а

также выхода на мировую арену новых акторов (включая и растущих африканских гигантов). В статье также обозначается растущая роль новых форм взаимоотношений, коалиций и союзов, в частности БРИКС (уже в расширенном формате), в формировании нового мирового порядка.

1. Некоторые процессы в современной Мир-Системе

Сегодня в Мир-Системе¹ протекает ряд процессов, которые сильно и в чем-то стремительно ее меняют. Одни из важнейших таких процессов демографические, они связаны с падением рождаемости в странах Глобального Севера, что угрожает ему депопуляцией, и продолжающимся довольно быстрым демографическим ростом во многих странах Глобального Юга, особенно в Африке (например: [Grinin, Korotayev, 2023; Korotayev et al., 2023]). Развивается и процесс глобального старения [Гринин, Гринин, Коротаев, 2023]. Все это угрожает тем, что разделение мира на стареющий Север и молодой Юг в не таком уж далеком будущем станет весьма острым, со многими вытекающими отсюда последствиями. Мир также находится на пороге новой технологической волны, которая, по нашим расчетам, начнется в 2030-е годы.

Мы кратко рассмотрим три важных, тесно взаимосвязанных процесса.

1. Реконфигурация Мир-Системы, которая в последние годы ускорилась.

2. Процесс формирования нового типа союзов и коалиций.

3. Откат глобализации и угроза окончательного распада Мир-Системы на враждебные зоны.

¹ Напомним, что под Мир-Системой мы понимаем «обладающую системными характеристиками предельную совокупность человеческих обществ, заметным образом прямо или опосредованно связанных между собой. При этом важно, что за границами данной совокупности уже не имеется значимых контактов и взаимодействий между обществами (их элементами) и другими компонентами, входящими в эту мир-систему, и обществами и прочими компонентами, входящими в другую мир-систему, а равно не входящими ни в какую мир-систему [Гринин, Коротаев, 2009, с. 9].

1.1. Реконфигурация Мир-Системы

Крупные кризисы и обострение противоречий, военные конфликты и угроза крупномасштабной войны, подъем революционных движений во всем мире, а также иные крупные изменения рассматриваются в статье как глобальные трансформации Мир-Системы, ведущие к ее реконфигурации. Начало реконфигурации означало ослабление сложившегося *Pax Americana* и запуск процесса трансформации этого мирового порядка. Мы считаем, что мощным толчком для реконфигурации послужил глобальный финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. Следующим этапом стала «арабская весна». За последующее десятилетие процессы реконфигурации Мир-Системы прошли еще несколько фаз, наиболее важным вехами стали украинский кризис 2014 г. (ознаменовавший переход к конфронтации Запада с Россией вместо деклариовавшегося до этого единства) и введение торговых пошлин президентом США Д. Трампом, что стало началом разрушения концепции свободной торговли. С 2008 г. о возможной потере США лидерских позиций стали говорить все более активно, хотя и до этого, начиная, по крайней мере, с книги П. Кеннеди [Kennedy, 1987], число таких публикаций было весьма значительным [Colson, Eckerd, 1991; Arrighi, 1994; Франк, 2002; Капхен, 2004; Тодд, 2004; Валлерстайн, 2001; Wallerstein, 2003; Buchanan, 2002; Bell, 2012; Reich, Lebow, 2014; Olsen, 2021]. К 2014 г. стало окончательно ясно, что изменение баланса сил в мире и комплексные внутривнутриполитические трансформации привели к ослаблению лидерских позиций США, усилению азиатских стран и третьего мира в целом [Журавлева, 2014; Комплексное моделирование..., 2014].

С началом специальной военной операции (СВО) в 2022 г. процесс реконфигурации Мир-Системы вступил в стадию ускорения, что означает усиление и ужесточение конфликтов, увеличение числа попыток решить спорные вопросы силовым путем, искусственное сворачивание финансовых и торгово-экономических отношений, что подрывает основы экономической глобализации, разрушая всякую возможность расширения и укрепления связей между США и Китаем (гипотетическую итоговую модель которых называли Кимерикой¹).

¹ Термин ввели в оборот в 2007 г. британский историк Нил Фергюсон и немецкий экономист Мориц Шуларик. Подробнее см.: [Ferguson, 2009].

Санкции начали процесс усиления трений и конфликтов между США – слабеющим гегемоном, и Китаем, растущим конкурентом. Таким образом, ситуация в Мир-Системе меняется очень быстро. Поэтому в 2019 г. гипотеза, высказанная в статье Т.А. Шаклеиной [Шаклеина, 2019], еще не выглядела полностью противоречащей реальности, по крайней мере внешне¹. Гипотеза состояла в том, что современные международные отношения характеризуются не хаотизацией, а продолжением формирования структурных и институциональных основ порядка, однако американский фактор уже не имеет в нем решающего значения. Отчетливо проявились противоречия между действиями США по реализации концепции либерального мирового порядка, позицией ведущих мировых держав и реальными трендами.

Однако в настоящий момент очевидно, что США уже не строят никакого либерального порядка, а хаотично (т.е. без четкой стратегии) пытаются ослабить своих конкурентов. В итоге хаотизация (т.е. разрушение прежнего мирового порядка) становится ведущим трендом. Мы не можем согласиться с П. Дуткевичем [Дуткевич, 2022], утверждающим, что западный порядок является универсальным, основан на неких правилах и опирается на некие нормы поведения, и поэтому он культурно чужд ревизионистским странам, поскольку не отвечает их интересам, духовным потребностям и властным устремлениям. Западный порядок давно уже не опирается ни на правила, ни на нормы. И Россия, и Китай, и другие страны постоянно сталкиваются с отсутствием всеми исполняемых правил и норм. Однако мы вполне можем согласиться с Дуткевичем, что процесс противостояния западной гегемонии во главе с США и складывания альтернативного мирового порядка, зревший десятилетиями, находится в полном разгаре.

¹ К этому времени все больше американских исследователей задавались вопросом, подобно П. Денину [Deneen, 2018], не приближается ли Америка к концу естественного цикла разложения и упадка. Но, разумеется, такой подход не был и до сих не является мейнстримом в США, да и на Западе в целом. Однако об остроте недовольства американским порядком со стороны растущих держав в связи с постоянным нарушением «правил» этого порядка и двойными стандартами Запада стали писать чаще (см., например: [Дуткевич, 2022]).

1.2. Эпоха новых коалиций

Поиск новых форм и принципов организации – сложный эволюционный процесс, в котором постепенно оттачиваются наиболее перспективные формы новых отношений и союзов. Со временем все заметнее будет конкуренция между силами, которые станут претендовать на лидерство в мире. Им придется действовать под лозунгом более справедливого мироустройства и, конечно, для такой политики им потребуются новые союзы и союзники.

В отличие от военно-политических и экономических блоков периода холодной войны, новые коалиции будут менее прочными, во многом ситуативными, при этом одни и те же страны могут одновременно находиться в разных блоках и объединениях, которые могут в целом противостоять друг другу. Поскольку некоторые союзы будут неустойчивыми, будет происходить определенный естественный отбор принципов и форм, а также идеологий и других символических ресурсов этих объединений. Путем естественного отбора из этих случайных объединений будут высеиваться наиболее удачные и прочные комбинации. БРИКС оказался одной из таких удачных комбинаций, хотя отношения между такими членами БРИКС как Китай и Индия не являются беспроблемными.

1.3. Откат глобализации, фрагментация Мир-Системы и угроза распада Мир-Системы на враждебные зоны

Отказ США от долго насаждаемой ими политики свободной торговли и соблюдения правил ВТО, начатая президентом Д. Трампом безудержная кампания введения санкций в отношении все большего количества стран, организаций и бизнесменов, изгнания дипломатов из США и стран Запада, наряду с еще целым рядом фактически враждебных акций уже сами по себе резко затормозили глобализацию (о процессе торможения и отката глобализации см.: [Grinin, Korotayev, 2021; Grinin, Grinin, Korotayev, 2021]). С началом СВО стало окончательно ясно, что волна глобализации, которая активно распространялась в течение четверти века, сменилась откатом. Дело в том, что развитие глобализации изменило в положительную сторону жизнь большинства людей, а также позволило многим странам третьего мира развиваться гораздо быст-

рее, несмотря на ее многочисленные негативные влияния и вопреки систематической политике США поставить глобализацию себе на службу. Это произошло в связи с тем, что западные страны активно переводили свою промышленность в развивающиеся страны с дешевой рабочей силой. В результате этот процесс западной деиндустриализации привел к сокращению разрыва между развивающимися и развитыми странами по ВВП на душу населения (см. рис. 1) и многим другим показателям (см. ниже).

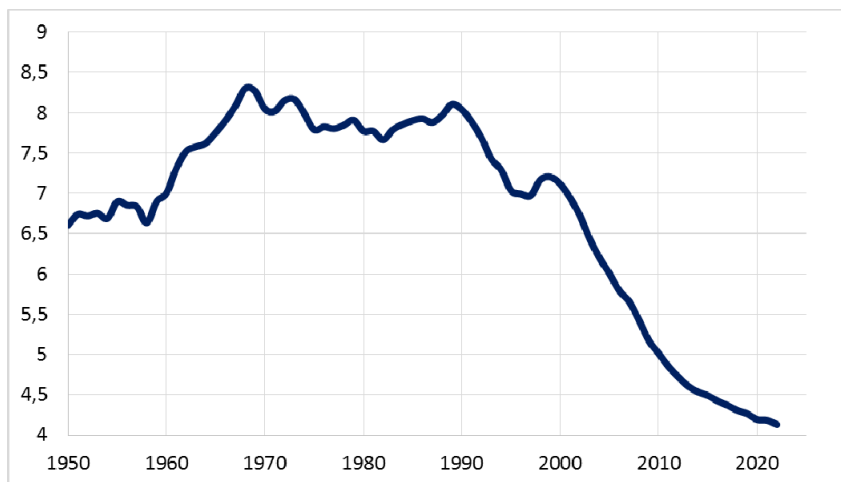

Рис. 1

Динамика разрыва (в размах) между странами Запада и странами третьего мира по ВВП на душу населения, 1950–2022 гг.

Примечание: числа, отложенные по оси ординат, означают, во сколько раз ВВП на душу населения был выше в странах Запада, чем в странах третьего мира на соответствующий год [Комплексное моделирование..., 2014, с. 25, рис. 1.17; обновлено с учетом последних данных МВФ¹].

В итоге поняв, что глобализация стала более выгодна развивающимся экономикам, чем западным странам, президент Трамп начал тормозить глобализацию и разрушать мировые организации

¹ <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2023/October/weo-report> – Mode of access: International monetary fund (accessed: 21.01.2024).

(вроде ВТО). Президент США Д. Байден и его европейские союзники с помощью санкций фактически подорвали основы экономической глобализации.

Итак, глобализация в ее американской версии заканчивается. Сегодня мы наблюдаем фрагментацию Мир-Системы с перспективой ее окончательного распада на враждебные, соперничающие зоны, аналогично тому, что было в послевоенный период.

Однако мы полагаем, что новый этап глобализации непременно будет. Вот только когда закончится отлив и начнется прилив, пока неясно. Ясно лишь то, что следующий этап глобализации начнется уже на иных основаниях, которые будут тесно связаны с принципами нового мирового порядка.

2. О мировом порядке и его сменах

2.1. Разрушение существующего мирового порядка

Все три описанных выше процесса демонстрируют разрушение старого мирового однополярного порядка, который устанавливался с 1990-х годов. Последний базировался на ряде механизмов, прежде всего, на безусловном лидерстве США и ряде преимуществ Америки и ее союзников из развитых стран; на возможности США препятствовать изменению границ, возникновению региональных конфликтов и т.п.; на определенном балансе сил и некотором ограничении соперничества в области гонки вооружений; тренде на демократизацию и соблюдение прав человека; на системе международных организаций, в целом поддерживающих господство США; на стремлении расширить и укрепить процесс глобализации; на развитии принципа максимального использования конкурентных преимуществ в той или иной экономической специализации, на развитии свободной торговли, свободы перемещения капитала, соблюдении правил международной торговли; на диктате правил, ограничивающих (по сути, в пользу США и их союзников) эмиссию национальных валют, и т.п. Многое из этого декларировалось в так называемом Вашингтонском консенсусе.

В настоящее время многое из этого ослабло, заблокировано (та же работа ВТО) или даже превратилось в свою противоположность (например, идея о свободной торговле и свободном движе-

нии капиталов). Главное – лидерство США и ослабло, и серьезно оспаривается. В результате возникают новые и активизируются старые конфликты, решение которых военным путем больше не является табу. Вместе с тем и сами США начинают активизировать вовлечение своих союзников в военные альянсы (AUKUS, а также попытки создать азиатское НАТО). Система международных организаций все сильнее превращается в инструменты обслуживания сиюминутных решений. Господство доллара все еще сильно, но с каждым годом и даже месяцем усиливаются поиски возможностей ухода от доллара (а также развиваются криптовалюты, которые в потенции и технологически смогут изменить мировую валютную систему). Пандемия ковида существенно ограничила соблюдение прав человека [Gerstenfeld 2020; Kowalewski 2021], а развитие искусственного интеллекта бросает вызов важнейшим конституционным правам (см., например: [Ashman et al., 2014; Cecere et al., 2015; Moustaka et al., 2019]). Продвижение демократии, которое свидетельствовало об укреплении Pax Americana, приостановилось и даже стало откатываться назад [Goldstone, Grinin, Korotayev, 2022; Selbin, 2022]; соблюдение прав является жертвой двойных стандартов (последний пример – оправдание уничтожения жителей Газы, включая детей¹).

2.2. О теориях и понятии мирового порядка. Эпохи между двумя мировыми порядками

Смене доминирующих держав и порядков посвящены как классические исследования представителей академической науки [Kennedy, 1987; Arrighi, 1994; Modelski, Thompson, 1996; Валлерстайн, 2001; Mearsheimer, 2001; Хантингтон, 2003; Закария, 2009; Murray, Brown, 2012], так и некоторых проницательных «непрофессионалов» [Dalio, 2021]. Достаточно показательными и в определенном смысле стремящимися к объективности являются доклады Национального разведывательного совета США (например: [Мир после ..., 2009; National Intelligence Council, 2017, 2021]).

¹ Roussinos A. The post-America war has begun // UnHerd. – 10.11.2023. – Mode of access: <https://unherd.com/2023/11/israel-could-collapse-the-american-empire/> (accessed: 01.12.2023).

Основные недостатки существующих теорий: политизированная ангажированность; чрезмерная идеологизация; порой отсутствие глубокого понимания механизмов функционирования нового порядка; часто преобладают страновой и блоковый подходы, однако должен быть и взгляд глобальный. Имеет место недопонимание тотальности американской гегемонии, поэтому когда прогнозируют, что место США займет Китай, не учитывают невозможность для КНР полностью воспроизвести лидерские функции США. Не принимают в расчет также борьбу американистов и глобалистов как важнейшую составляющую смены мирового порядка [Гринин, Гринин, 2021]. Нельзя не отметить недоучет принципиально новых явлений и тенденций: а) неизбежности возврата к глобализации; б) влияния демографического фактора (растущий третий мир и депопуляция на Западе); в) возрастающей роли Африки. Также имеет место политическая (вольная или невольная) ангажированность в виде идеализации существующего американского порядка и осуждение держав (ревизионистских держав, по официальному определению США), которые объективно недовольны всевластием, злоупотреблением монопольным положением в финансовой системе, безнаказанностью при постоянном нарушении международных правил со стороны США (см. о такой идеализации: [Фридман, 2010, 2011; Дуткевич, 2022]).

В настоящей статье мы не можем сделать обзор теорий мирового порядка. Однако есть смысл немного остановиться на его определении. Мировой порядок это: 1) система межгосударственных отношений, регулируемых совокупностью принципов внешнеполитического поведения; 2) набор согласованных на их основе конкретных установлений; 3) набор признаваемых моральными и допустимыми санкций за их нарушения; 4) потенциал уполномоченных стран или институтов эти санкции осуществить; 5) политическая воля стран-участниц этим потенциалом воспользоваться [Богатуров, 1997, с. 40].

На наш взгляд, это определение некоего идеального мирового порядка, который основан не на силе, и не на интересах лидирующей(-их) мировой(-ых) и региональных держав, а на соблюдении неких принципов. Однако принципы и правила соблюдаются до тех пор, пока это выгодно. Пока было выгодно, США ратовали за свободную торговлю и принципы ГАТТ-ВТО. Когда глобализация стала более выгодна растущим державам, США, как уже отмеча-

лось, ввели невиданные торговые пошлины, игнорируя ВТО и ее принципы. О морали речь заходит лишь тогда, когда необходимо покарать врагов. Когда же действия союзников США вызывают неприятие всего мира, то всегда найдется место нюансам и дипломатическим экивокам, справедливо делает вывод Арес Русинос, анализируя ухищрения внешнеполитической пропаганды США в оправдание разрушения Газы¹. Такой цинизм и двойные стандарты стали вызывать и углублять раскол в американском и западных обществах. Левые движения, на которые особенно опираются демократы и глобалисты в поддержке и распространении «вокизма», сегодня выступают против Израиля (в 2022–2023 гг. они были против судебной реформы, теперь против разрушения Газы).

Мировой порядок, если давать ему рабочее определение, не претендующее на универсальность, но вполне удобное в рамках данной статьи, – *это более или менее устойчивая в течение определенного (иногда достаточно долгого) времени, но в то же время подвижная система международных отношений, включающая сложное переплетение интересов, целей и особенностей ведущих и иных держав; выражающаяся в союзах, конфигурациях противоречий и связей; все это в итоге принимает форму сосуществования с комплексом более или менее признанных и оформленных идей, правил, договоренностей и обычаев, которые принимаются как определенная норма*. Резкие нарушения устоявшихся отношений и правил вызывают потрясения мирового порядка; целенаправленные попытки изменить баланс, основанные на ощущении несоответствия реальных потенциалов и места державы (держав, союзов) в мировом порядке, способны коренным образом изменить мировой порядок и трансформировать его. Тогда формирование новых правил и привычных отношений требует определенного времени.

Крайне важно понимать, что такие изменения происходят редко, раз в несколько десятков лет, когда баланс сил существенно меняется. Последний раз это было в конце 1980-х – начале 1990-х годов, то есть более трех десятилетий назад.

¹ Roussinos A. The post-America war has begun // UnHerd. – 10.11.2023. – Mode of access: <https://unherd.com/2023/11/israel-could-collapse-the-american-empire/> (accessed: 01.12.2023).

Соответственно, между двумя системами порядка могут быть более или менее длительные периоды условного беспорядка, конфликтности, выяснения возможностей и пробы сил, часто принимающие форму ожесточенных войн. К сожалению, мы приходим к выводу, что такие периоды могут длиться долго (в XX в. это был период от начала Первой мировой войны до конца 1940-х годов). Мы предполагаем, что период реконфигурации Мир-Системы и формирования нового мирового порядка займет не менее полутора-двух десятилетий, а, возможно, и больше. При этом мы полагаем, что, вероятно, это будет очень турбулентный период, с дальнейшим обострением противоречий и возможным переходом в горячую форму. Здесь мы подходим к тому, что на самом деле дестабилизация и мировой порядок тесно связаны, поскольку смена мирового порядка – это всегда изменение соотношения сил, которое ведет к дестабилизации старого и борьбе за новый мировой порядок (последняя есть высшая форма дестабилизации), которые в конечном счете переходят в период стабилизации и стабильности.

2.3. Растущая сила глобализма. Глобалистский проект мирового порядка

Как уже отмечалось, коренные трансформации в реконфигурации Мир-Системы и в ослаблении международного порядка происходят в результате не только изменения международных отношений, баланса сил в геополитическом раскладе, но и накопления крупных качественных изменений практически во всех сферах, от демографической до культурной, от технологической до идеологической. Поясним это на примере действия мощных сил, предлагающих новую модель мирового порядка и стремящихся ее реализовать на практике, тех сил, которые условно можно объединить термином «глобалисты». Эту силу активно обсуждают в политической публицистике, где много домыслов и теорий заговора. Однако в научном дискурсе о ней говорят недостаточно и анализируют ее не слишком глубоко.

Отметим, что в результате прихода к власти Трампа активизировались силы, которые можно назвать глобалистами, то есть ставящие целью создать новый мировой экономический и политический порядок, при котором собственно национальные интересы,

в том числе и сверхдержавы США, занимали бы подчиненное положение. Крупнейшие финансовые магнаты играют важнейшую роль в этом глобалистском секторе, поскольку властные структуры потеряли способность их контролировать и фактически попали под их власть [Stiglitz, 2010]. Глобалисты представляют собой сложный симбиоз. Эта система финансовых групп и взаимодействующих с ними структур состояла из фракций «неолиберальных» элит, контролирующих финансовые потоки, портфельные инвестиции и информационные технологии [Дуткевич, 2022], объединяя различные движения и опираясь на мощь Демократической партии в США и некоторых левых партий в Европе и других странах Запада.

При этом глобалисты стремятся использовать разнообразные источники, опираясь и на частные мощные финансовые, медийные и иные ресурсы, но прежде всего на возможности США. А для этого им необходимо овладеть государственной машиной США, поставив на службу своим интересам ее огромный бюджет и кредитные возможности, а также и ресурсы младших партнеров США. Глобалисты противостоят тем, кого мы называем американистами, то есть американским гегемонистам-националистам / патриотам, мечтающим не просто удержать американский мировой порядок, но и укрепить его, обрушив растущих конкурентов, тех, кого США называют ревизионистскими державами (Россию, Китай, а также менее крупные, Иран и др.)¹. Грань между глобалистами и американистами достаточно тонкая, полностью они не размежевались, но в отношении их видения мирового порядка различия принципиальные. Глобалистам для их планов нужно единство мира, отсутствие конфликтов, чтобы они могли руководить общемировой повесткой (зеленая повестка, права меньшинств, контроль за национальными экономиками и бизнесом через требования ограничить углеродные выбросы или запретить двигатели внутреннего сгорания, через правила выдачи кредитов и т.п., а также постепенный контроль за каждым человеком через так называемый карбоновый след, его диету, соответственно, через его потребление). Все это даст в руки глобалистов, как они надеются,

¹ Обычно в этот список включают Китай, Россию, Индию, Иран, Пакистан и некоторые другие страны с быстроразвивающейся экономикой (иногда даже Малайзию). См., например: [Mead, 2014].

контроль за ведущими финансовыми потоками мира, а соответственно, и власть, так как они ратуют за мировое правительство, и как минимум за общемировые решения (наподобие Парижского соглашения)¹. Но повторим, всякие конфликты и экономические санкции (войны) для них крайне вредны, так как убедить страны можно только на основе идей общемировых интересов и достигнутого общемирового согласия.

При всем нашем крайне критическом отношении к идеям, заложенным в проект глобалистов, следует признать, что пока это единственный проект нового мирового порядка. Американцы же вполне довольны существующим американским мировым порядком. Но поскольку Америка стала слабеть, а ревизионистские державы требуют пересмотра многих основ существующего порядка, американцы готовы развязывать конфликты в мире, чтобы ослабить, а при удаче обрушить противников их гегемонии. Таким образом, в отличие от глобалистов, американцам не нужны мирное сосуществование, общее согласие и укрепление экономических связей. Напротив, им нужен хаос, разрушение, в процессе которых легче бороться с конкурентами. Трамп был истинным американцем, однако к войнам он не стремился. Тем не менее он начал процесс разрушения устоявшихся экономических связей в мире с большим рвением, надеясь подчинить этим Китай. После победы на выборах Д. Байдена первоначально тон в его правительстве задавали именно глобалисты, что привело к полному (хотя и позорному для США) завершению конфликта в Афганистане, первым шагам к улучшению отношений с РФ и активизации в плане мировой климатической повестки. Но затем усилилась группа американистов-ястребов, и среди политиков США возобладали в целом опасная для будущего страны концепция, что США справится и с РФ, и с Китаем². Однако санкции США против РФ становятся фактором, который усиливает движение РФ и Китая в сторону

¹ В Европе одним из главных центров глобализма является Всемирный экономический форум (ВЭФ), активно и подробно разрабатывающий глобалистскую повестку. Частично она представлена в книгах Клауса Шваба и его коллег [Schwab, Malleret, 2020; Schwab, Vanham, 2021].

² Carpenter T.G. Strategic overextension: Washington is foolishly provoking simultaneous confrontations with Russia and China // *The American Conservative*. – 16.10.2023 – Mode of access: <https://www.theamericanconservative.com/strategic-overextension/> (accessed: 01.12.2023).

крепкого союза. Все это говорит о том, что кланы американистов теряют связь с реальностью. Еще Геродот отмечал, что в апогее могущества (и, добавим, особенно когда оно начинает клониться к упадку) в поведении великих держав (в нашем контексте центральной державы мирового порядка) наблюдается высокомерие и несправедливость по отношению к менее сильным. Сегодня мы видим это проявление со стороны США как к противникам, так и к союзникам. В итоге это ускоряет путь к падению великих держав [Kennedy, 1987].

Новый мировой порядок складывается не только из изменения военно-технологической мощи, но и из новой идеологии и культуры, которая должна быть воспринята в других обществах. Смена мирового порядка может быть связана и с ростом декадентства, определенной и достаточно наглядной деградации элиты центральной в мировом порядке державы, и в США это наблюдается весьма отчетливо в отношении политической, университетской и других элит.

3. Изменение баланса сил

3.1. О понятии баланса сил

Мир-Система в настоящее время находится в состоянии крупных, коренных, фактически стадияльных изменений, то есть в фазе, предшествующей переходу в новое качественное состояние. Такие коренные трансформации происходят в результате изменения баланса сил в геополитическом раскладе в Мир-Системе и связанного с этим изменения в международных отношениях. Понятие баланса сил в политической науке сложилось довольно давно, хотя вокруг него ведется немало споров (о различных подходах к теории баланса сил см., например: [Mearsheimer, 2001; Paul, Wirtz, Fortmann, 2004; Little, 2007; Nexon, 2009; Zhang, 2011; Spykman, 2017; Andersen, Wohlforth, 2021; Müller, Albert, 2021]). Баланс может быть рассмотрен в достаточно узком, чисто военном плане. Однако для того, чтобы посмотреть, меняется ли баланс и какие изменения реально произошли в экономике, технологиях и военных расходах, необходим более широкий взгляд. Сложившийся баланс, каким бы он ни был однополярным (как сегодня), тем не

менее предполагает соблюдение определенных правил, исходящих из разумного предвидения негативной реакции на их нарушения. Если же правила нарушаются, то возникает либо углубление дисбаланса в пользу ведущей державы, либо обратное действие, в попытках восстановить прежний баланс или даже добиться преимущества. Соотношение сил ведущих государств в мировом пространстве никогда не бывает постоянным, преимущественно из-за неравномерности темпов развития различных сообществ, а также из-за технологических и организационных прорывов (плюс за счет удачной дипломатии или, наоборот, грубых ошибок). И это, безусловно, создает для одного общества определенные преимущества перед другим [Kennedy, 1987]. Действия США с 1990-х годов представляли постоянное нарушение баланса сил в пользу США и НАТО, в том числе и через игнорирование интересов России на постсоветском пространстве. Пружина недовольства и разочарования в честности и предсказуемости США постоянно сжималась, пока не стала распрямляться в обратную сторону. Нынешний момент очень важен для понимания, куда качнется баланс сил.

Однако, когда **потенциальный** баланс сил меняется очень заметно, неизбежно начинаются те или иные попытки реализовать его в **реально измененный** баланс, а это вызывает сильные потрясения в регионах и Мир-Системе в целом.

3.2. Изменение баланса сил в разных аспектах и параметрах

Рассмотрим теперь, как изменялся баланс сил в Мир-Системе с 1990-х годов. Особое значение имеет последний предкризисный 2007 год.

Разрыв по ВВП между Глобальным Севером и Глобальным Югом с конца 1990-х годов стал стремительно сокращаться, в 2007 г. доля незападных стран в мировом ВВП превысила долю Запада. С тех пор разрыв между первыми и вторыми заметно вырос, а МВФ уверенно прогнозирует продолжение быстрого роста этого разрыва на все обозримое будущее (см. рис. 2, где хорошо виден «крест» Запад – Незапад).

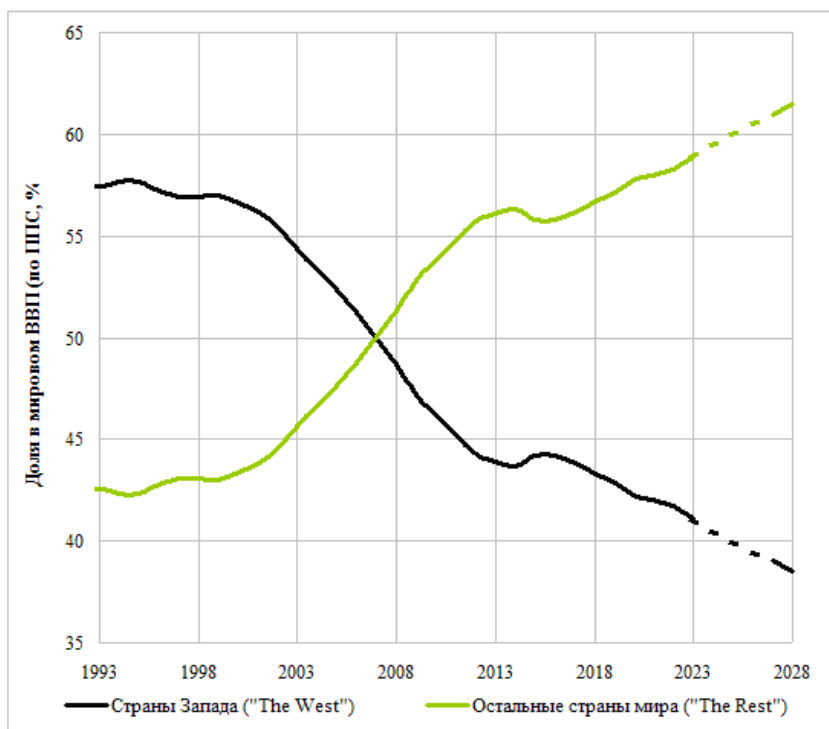

Рис. 2
**Динамика доли стран Запада ("The West")
и остальных стран мира ("The Rest") в мировом ВВП (по ППС),
1993–2023 гг. с прогнозом до 2028 г., %¹**

Однако надо учитывать, что Запад имеет существенно более мощную финансовую систему. Косвенно это хорошо видно на диаграмме динамики доли стран Запада ("The West") и остальных стран мира ("The Rest") в мировом ВВП при пересчете ВВП стран

¹ Примечание: источник данных – версия от октября 2023 г. БД «Перспективы развития мировой экономики» (ПРМЭ) // "World Economic Outlook" (WEO) Международного валютного фонда (<https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2023/October/weo-report>). В качестве прокси «стран Запада» использован агрегат МВФ Advanced economies.

мира в доллары США по текущему обменному курсу без учета паритетов покупательной способности (см. рис. 3).

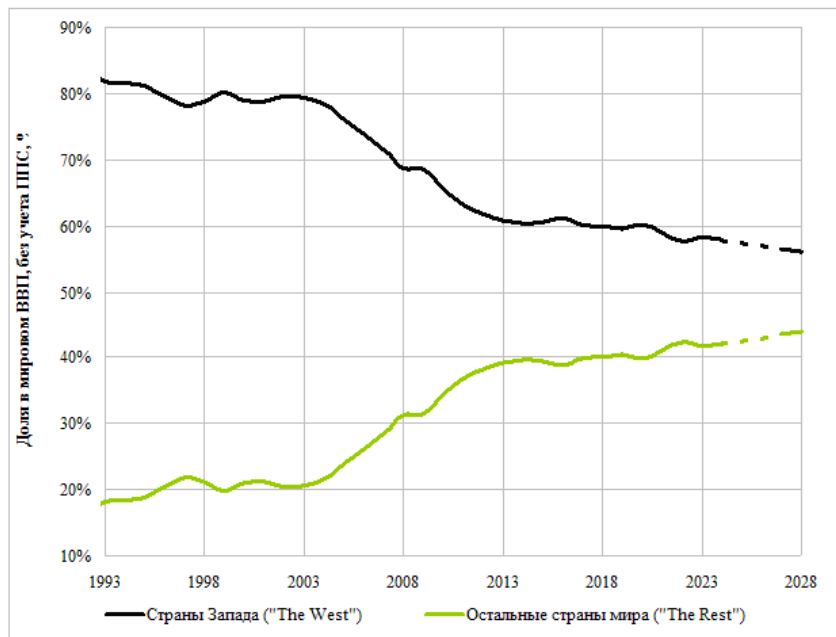

Рис. 3
**Динамика доли стран Запада ("The West")
и остальных стран мира ("The Rest") в мировом ВВП
(без учета ППС), 1993–2023 гг. с прогнозом до 2028 г., %¹**

Тем не менее и здесь заметны изменения за последние 20 лет, видно, что кривые неизбежно сойдутся в течение 15–25 лет, а затем возникнет новый «крест».

¹ Примечание: источник данных – версия от октября 2023 г. БД «Перспективы развития мировой экономики» (ПРМЭ) / “World Economic Outlook” (WEO) Международного валютного фонда (<https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2023/October/weo-report>). В качестве прокси «стран Запада» использован агрегат данных МВФ Advanced economies.

Особенно же наглядно изменение баланса сил в пользу западных стран наблюдается в демографической сфере (см. рис. 4 и 5):

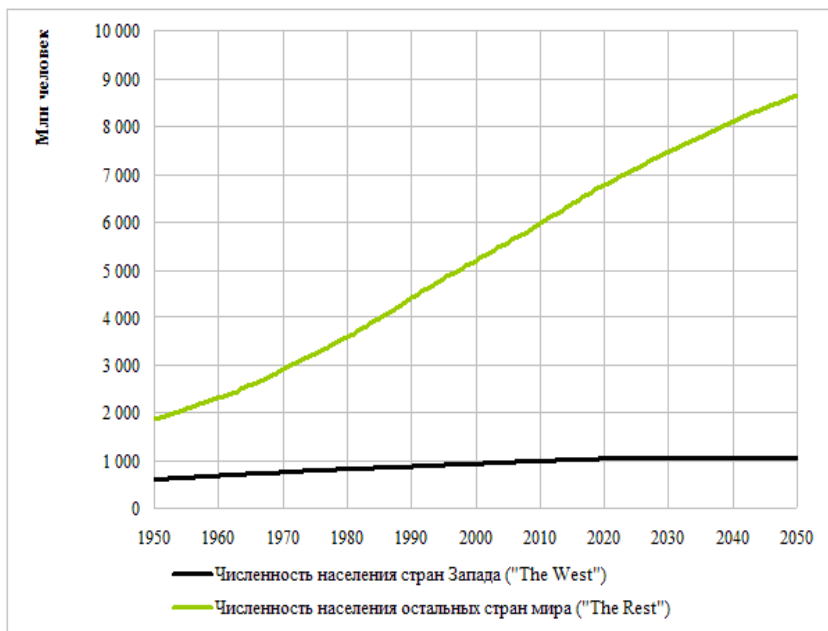

Рис. 4
Динамика численности населения стран Запада ("The West")
и остального мира ("The Rest"), млн человек, 1950–2022 гг.,
со средним прогнозом Отдела народонаселения ООН
до 2050 г.¹

¹ Примечание: источник данных – БД Отдела народонаселения ООН (<https://population.un.org/wpp/>). Запад = Западная Европа + США + Канада + Австралия + Новая Зеландия + Япония + Южная Корея.

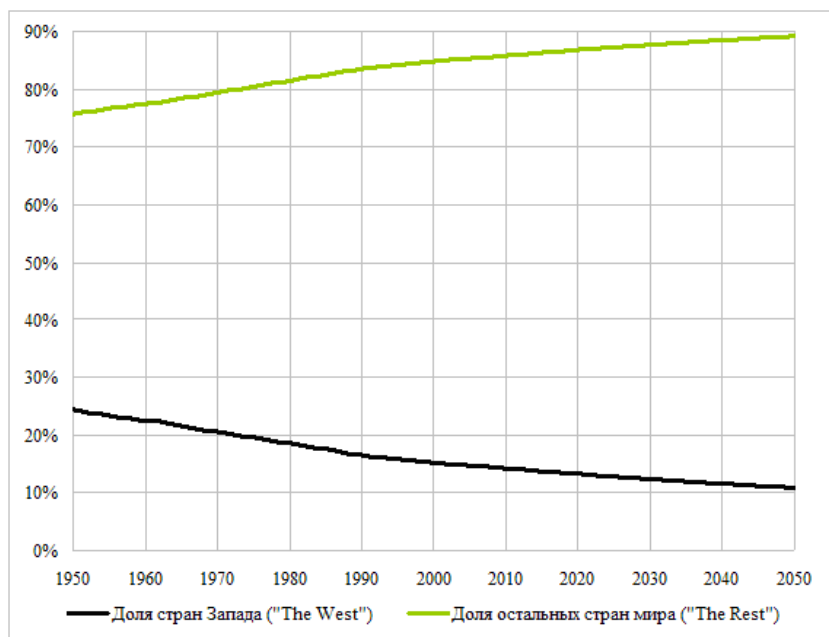

Рис. 5
**Динамика доли численности населения стран Запада
("The West") и остального мира ("The Rest")
в общей численности населения мира, %, 1950–2022 гг.,
со средним прогнозом Отдела народонаселения ООН
до 2050 г.¹**

Краткие выводы и прогнозы

Современная Мир-Система находится в состоянии ускоряющейся реконфигурации и нарастающей турбулентности. Мы наблюдаем, что:

¹ Примечание: источник данных – БД Отдела народонаселения ООН (<https://population.un.org/wpp/>). Запад = Западная Европа + США + Канада + Австралия + Новая Зеландия + Япония + Южная Корея.

– сегодня уже явственно ощущается, что нужен новый мировой порядок с новыми принципами, который уменьшил бы конфликтность и стимулировал сотрудничество;

– переход к мировому порядку в течение трех-четырех десятилетий неизбежен;

– для формирования нового мирового порядка соотношение сил должно существенно измениться, так как более или менее устойчивый порядок всегда опирается на баланс сил.

Однако изменение баланса сил, скорее всего, приведет к усилению борьбы за лидерство в мире и регионах, за сохранение или изменение мирового порядка. Есть различные сценарии движения к новому мировому порядку. Исходя из сегодняшних реалий можно заключить, что переход к новой системе с большой долей вероятности будет не плавным, а бурным.

Таким образом, для построения новой системы мироустройства потребуется период проб и ошибок, поэтому:

– у нас впереди трудные и бурные годы, годы радикальной трансформации баланса сил между разными странами и союзами;

– этот процесс охватит также часть среднесрочного периода и будет происходить при благоприятных условиях в 2020-е – 2040-е годы;

– в 2050-е – 2060-е годы уже должны сформироваться контуры и принципы нового миропорядка (или, как вариант, существенно возрастет напряжение в Мир-Системе);

– мы не согласны с все еще популярной идеей (например: [von Weizsäcker, Wijkman, 2018; Kurtz, 2019; Schwab, Malleret, 2020]) о том, что мировое развитие движется к чему-то, что можно было бы назвать мировым правительством. Новый порядок будет построен на других основаниях.

Однако период распада современного американского порядка может и затянуться. Большие шансы на то, что хотя переходный период изменения и стабилизации геополитических балансов будет связан с локальными конфликтами, он все же в основном регулируется «гибридными», но не «горячими» крупными войнами. Тем не менее нельзя недооценивать опасности неадекватных реакций элит США и стран Запада на растущие вызовы, что может вызывать крупномасштабные войны.

Разумеется, будущее будет зависеть от многих факторов. Поэтому возможны разные варианты укрепления нового мирового

порядка. В любом случае, мы полагаем (см. также: [Grinin, Grinin, Korotayev, 2021; 2023], что а) период хаоса должен когда-то завершиться каким-то порядком; б) новый абсолютный лидер в Мир-Системе, подобный США, практически невозможен; в) в этом случае новый порядок должен основываться одновременно на консенсусе и силе, способной навязать общие решения.

Остались нерассмотренными много аспектов и целый ряд следствий, вытекающих из вышесказанного, в частности:

1) реконфигурация Мир-Системы ведет к тому, что экономические и политические составляющие глобализации придут в новое равновесие, что позволит запустить – раньше или позже – новый этап глобализации, но уже на иных (неамериканских) основаниях. Будет очень интересным сделать предположения о движущих силах, формах и принципах новой волны глобализации в будущем;

2) разрушение финансовой системы заставит искать новые принципы организации мировой финансовой системы. Важно исследовать то, на чем могут основываться такие принципы;

3) формирование нового порядка может стимулировать развитие многих незападных стран (особенно в Африке), что требует анализа альтернативных путей развития таких стран;

4) как уже было сказано, в ходе начавшегося фазового перехода будут возникать различные варианты переходных систем. Эта тема практически не изучается, однако при ее исследовании могут открыться интересные перспективы.

L.E. Grinin, A.L. Grinin, A.V. Korotayev*
Global transformations of the World System
and contours of a new world order

Abstract. The article examines the processes of transformation of the World System, which are expressed in large, fundamental changes. The World System is in a phase preceding its transition into a new qualitative state, with a change in the balance of power in a variety of aspects and parameters. The growing power of globalism and

* **Grinin Leonid**, HSE University (Moscow, Russia); Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: leonid.grinin@gmail.com; **Grinin Anton**, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia); HSE University (Moscow, Russia), e-mail: algrinin@gmail.com; **Korotayev Andrey**, HSE University (Moscow, Russia); Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), e-mail: akorotayev@gmail.com

the globalist world order has been discussed. As a part of the analysis carried out in the article, it is noted that the ongoing changes in (of) the World System occur rarely, once every few decades, and periods of profound changes can last for a long time. The authors suggest that the period of reconfiguration of the World System and the formation of a new world order will take at least one and a half to two decades, and possibly more. At the same time, the authors argue it is very likely that this will be a very turbulent period, with a further aggravation of contradictions and their possible transition to armed conflicts. The authors claim that such fundamental transformations occur as a result of not only changes in international relations and reconfigurations in the balance of power in the military-technological potentials of countries and the geopolitical alignment in general (which is necessary), but also of the accumulation of major qualitative changes in almost all areas: from demographic to cultural; from technological to ideological. The article analyzes and demonstrates the dynamics of such changes over the past decades.

Keywords: World System; reconfiguration of the World System; world order; change of world order; balance of power; USA; world-system leader; geopolitical competition.

For citation: Grinin L.E., Grinin A.L., Korotayev A.V. Global transformations of the World System and contours of a new world order. *Political science (RU)*. 2024, N 2, P. 124–150. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.02.06>

References

- Andersen M.S., Wohlforth W.C. Balance of power: a key concept in historical perspective. In: de Carvalho B., Costa Lopez J., Leira H. (eds). *Routledge handbook of historical international relations*. London: Routledge, 2021, P. 289–301.
- Arrighi G. *The long twentieth century: money, power, and the origins of our times*. London: Verso, 1994, 400 p.
- Ashman H., Brailsford T., Cristea A.I., Sheng Q.Z., Stewart C., Toms E.G., & Wade V. The ethical and social implications of personalization technologies for e-learning. *Information & Management*. 2014, 51(6), P. 819–832. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.im.2014.04.003>
- Bell J. *The case for polarized politics: why America needs social conservatism*. New York; London: Encounter Books, 2012, 328 p.
- Bogaturov A.D. *Great Powers in the Pacific. History and theory of international relations in East Asia after World War II (1945–1995)*. Moscow: Konvert – MONF, 1997, 353 p. (In Russ.)
- Buchanan P.J. *The death of the West: how dying populations and immigrant invasions imperil our country and civilization*. New York: St. Martin's Griffin, 2002, 308 p.
- Cecere, G., Le Guel, F., & Soulié, N. Perceived Internet privacy concerns on social networks in Europe. *Technological Forecasting and Social Change*. 2015, 96, P. 277–287. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2015.01.021>
- Colson C., Eckerd J. *Why America doesn't work*. Dallas, Tx.: Word Publishing, 1991, 227 p.

- Dalio R. *Principles for dealing with the changing world order: why nations succeed and fail*. New York: Simon and Schuster, 2021, 567 p.
- Deneen P.J. *Why liberalism failed*. New Haven, CT: Yale university press, 2018, 263 p.
- Dutkiewicz P. The Grand split. A short guide to the formation of a new world order. *Russia in global affairs*. 2022, N 6, P. 22–34. DOI: <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2022-20-6-22-34> (In Russ.)
- Ferguson N. What ‘Chimerica’ hath wrought. *The American Interest*. 2009, Vol. 4, N 3, P. 119–123.
- Frank A.G. Asia comes full circle - with China as the “Middle State”. In: Chubaryan A.O. (ed.). *Civilizations. Vol. 5. Problems of global studies and global history*. Moscow: Science, 2002, P. 192–203. (In Russ.)
- Friedman J. *The Next 100 Years*. Moscow: Eksmo, 2010, 334 p. (In Russ.)
- Friedman J. *The Next 10 Years*. Moscow: Eksmo, 2011, 320 p. (In Russ.)
- Gerstenfeld, M. (2020). *How Coronavirus Emergency Measures Threaten Civil Rights* (pp. 68–71). Begin-Sadat Center for Strategic Studies. <https://www.jstor.org/stable/resrep26356.18>. Accessed 20 January 2021.
- Goldstone J.A., Grinin L., Korotayev A. Conclusion. How many revolutions will we see in the 21st century? In: Goldstone J.A., Grinin L., Korotayev A. (eds). *Handbook of revolutions in the 21st century*. Cham: Springer, 2022, P. 1037–1061. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-86468-2_41
- Grinin L.E., Grinin A.L. Are we moving towards a world revolution? Article one. World in “revolutionary” aspect. *Vek Globalizatsii [Age of Globalization]*. 2021, N 4, P. 3–26. DOI: <https://doi.org/10.30884/vglob/2021.04.01> (In Russ.)
- Grinin L., Grinin A., Korotayev A. Global trends and forecasts of the 21st century. *World futures*. 2021, Vol. 77, N 5, P. 335–370. DOI: <https://doi.org/10.1080/02604027.2021.1949939>
- Grinin L.E., Grinin A.L., Korotayev A.V. Global aging as an integral problem of the future. *Sociological journal*. 2023, Vol. 29, N 2, P. 110–131. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2023.29.2.6> (In Russ.)
- Grinin L., Grinin A., Korotayev A. Future political change. Toward a more efficient world order. In: Sadovnichy V., Akaev A., Ilin I., Malkov S., Grinin L., Sayamov Y., and Korotayev A. (eds). *Reconsidering the limits to growth. A report to the Russian Association of the Club of Rome*. Cham: Springer, 2023 a, P. 191–206. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-34999-7_11
- Grinin L.E., Korotayev A.V. *Social macroevolution: the genesis and transformation of the World-System*. Moscow: Publishing House “Librocom”, 2009, 568 p. (In Russ.)
- Grinin L., Korotayev A. Seven Weaknesses of the U.S., Donald Trump, and the Future of American Hegemony. *World futures*. 2021, N 77(1), P. 23–54. DOI: <https://doi.org/10.1080/02604027.2020.1801309>
- Grinin L., Korotayev A. Africa: the continent of the future. Challenges and opportunities. In: Sadovnichy V., Akaev A., Ilin I., Malkov S., Grinin L., Sayamov Y., and Korotayev A. (eds). *Reconsidering the limits to growth. A report to the Russian Association of the Club of Rome*. Cham: Springer, 2023 a, P. 225–238. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-34999-7_13

- Huntington S. *Clash of civilizations*. Moscow; Saint-Petersburg: AST, 2003 a, 603 p. (In Russ.)
- Kaphen Ch. *The Decline of America. Soon*. Moscow: AST; Saint-Petersburg: Lux, 2004, 636 p. (In Russ.)
- Kennedy P. *The rise and fall of great powers: economic change and military conflict from 1500 to 2000*. New York: Random House, 1987, 677 p.
- Kowalewski, M. (2021). Street protests in times of COVID-19: adjusting tactics and marching 'as usual'. *Social Movement Studies*, 20(6), 758–765. <https://doi.org/10.1080/14742837.2020.1843014>.
- Korotayev A., Malkov S., Musieva J. Demography: toward optimization of demographic processes. In: Sadovnichy V., Akaev A., Ilin I., Malkov S., Grinin L., Sayamov Y., and Korotayev A. (eds). *Reconsidering the limits to growth. A report to the Russian Association of the Club of Rome*. Cham: Springer, 2023, P. 97–116. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-34999-7_6
- Kurtz D.V. Politics, culture, rhetoric, global warming: from local to global realities. *Journal of globalization studies*. 2019, Vol. 10, N 1, P. 3–18. DOI: <https://doi.org/10.30884/jogs/2019.01.01>
- Little R. *The balance of power in international relations: metaphors, myths and models*. Cambridge: Cambridge university press, 2007, 317 p.
- Mead W.R. The return of geopolitics: the revenge of the revisionist powers. *Foreign affairs*. 2014, Vol. 93, N 3, P. 69–79.
- Mearsheimer J.J. *The tragedy of great power politics*. New York: W.W. Norton, 2001, 555 p.
- Modelski G., Thompson W.R. *Leading sectors and world powers: the coevolution of global politics and economics*. Columbia, SC: University of South Carolina press, 1996, 263 p.
- Moustaka, V., Theodosiou, Z., Vakali, A., Kounoudes, A., & Anthopoulos, L.G. (2019). Enhancing social networking in smart cities: Privacy and security borderlines. *Technological Forecasting and Social Change*, 142, 285–300. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2018.10.026>
- Müller T., Albert M. Whose balance? A constructivist approach to balance of power politics. *European journal of international security*. 2021, Vol. 6, N 1, P. 109–128. DOI: <https://doi.org/10.1017/eis.2020.19>
- Murray D., Brown D. (eds). *Multipolarity in the 21st century: a new world order*. New York: Routledge, 2012, 224 p.
- National Intelligence Council. *Global trends 2035: paradox of progress*. Washington, DC: National intelligence council, 2017, 80 p.
- National Intelligence Council. *Global trends 2040: a more contested world*. Washington, DC: National Intelligence Council, 2021, 158 p.
- Nexon D.H. The balance of power in the balance. *World Politics*. 2009, Vol. 61, N 2, P. 330–359. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0043887109000124>
- Olsen G.R. Donald Trump and “America first”: the road ahead is open. *International politics*. 2021, Vol. 58, N 1, P. 71–89. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41311-019-00203-w>

- Paul T.V., Wirtz J.J., Fortmann M. *Balance of power: theory and practice in the 21st century*. Stanford, California: Stanford university press, 2004, 384 p.
- Reich S., Lebow R.N. *Good-bye hegemony! Power and influence in the global system*. Princeton; New York: Princeton university press, 2014, 190 p.
- Sadovnichiy V.A., Akaev A.A., Korotaev A.V., Malkov S.Yu. *Integrated modeling and forecasting of the development of the BRICS countries in the context of global dynamics*. Moscow: Science, 2014, 388 p. (In Russ.)
- Shakleina T.A. "American dilemma" in the forging of a new world order: results of the US policies and the rise of the "Eurasian center". *International trends*. 2019, Vol. 17, N 4 (59), P. 36–48. DOI: <https://doi.org/10.17994/it.2019.17.4.59.3> (In Russ.)
- Selbin E. All around the world: Revolutionary potential in the age of authoritarian revanchism. In: Goldstone J.A., Grinin L., Korotayev A. (eds). *Handbook of revolutions in the 21st century*. Cham: Springer, 2022, P. 415–433. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-86468-2_14
- Schwab K., Malleret T. *COVID-19: The Great Reset*. Geneva: World Economic Forum, 2020, 280 p.
- Schwab K., Vanham P. *Stakeholder Capitalism*. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 2021, 304 p.
- Spykman N.J. *America's strategy in world politics: the United States and the balance of power*. London: Routledge, 2017, 525 p.
- Stiglitz J.E. Lessons from the global financial crisis of 2008. *Seoul journal of economics*. 2010, Vol. 23, N 3, P. 321–339. DOI: <https://doi.org/10.7916/D8445X6D>
- The world after the crisis. Global trends - 2025: a changing world*. Report of the US National Intelligence Council. Moscow: Europe, 2009, 184 p. (In Russ.)
- Todd E. *After empire. Pax Americana is the beginning of the end*. Moscow: International relations, 2004, 231 p. (In Russ.)
- von Weizsäcker E.U., Wijkman A. *Come on! Capitalism, short-termism, population and the destruction of the planet - A Report to the Club of Rome*. New York: Springer, 2018, 220 p.
- Wallerstein I. *Analysis of world systems and the situation in the modern world*. Saint Petersburg: University Book, 2001, 416 p. (In Russ.)
- Wallerstein I. *The decline of American power: the U.S. in a chaotic world*. New York: New press, 2003, 324 p.
- Zakaria F. *Post-American world of the future*. Moscow: Europe, 2009, 280 p. (In Russ.)
- Zhang F. Reconceiving the balance of power: a review essay. *Review of international studies*. 2011, Vol. 37, N 2, P. 641–651. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0260210510001282>
- Zhuravleva V.Yu. Ideological and political roots of American leadership. *USA and Canada: Economics, politics, culture*. 2014, Vol. 11, P. 19–32. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945–1995). – М.: Конверт – МОНФ, 1997. – 353 с.

- Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. – СПб.: Университетская книга, 2001. – 416 с.
- Гринин Л.Е., Гринин А.Л. Идем ли мы к глобалистской революции? (как глобалисты пытаются изменить мир). Статья первая. Глобализм в «революционном» аспекте // Век глобализации. – 2021. – № 4. – С. 3–26. – DOI: <https://doi.org/10.30884/vglob/2021.04.01>
- Гринин Л.Е., Гринин А.Л., Коротаев А.В. Глобальное старение как интегральная проблема будущего // Социологический журнал. – 2023. – Т. 29, № 2. – С. 110–131. – DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2023.29.2.6>
- Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Социальная макроэволюция: генезис и трансформации Мир-Системы. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 568 с.
- Дуткевич П. Грандиозный раскол. Краткий путеводитель по формированию нового мирового порядка // Россия в глобальной политике. – 2022. – № 6. – С. 22–34. – DOI: <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2022-20-6-22-34>
- Журавлева В.Ю. Идеино-политические корни американского лидерства // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2014. – Т. 11. – С. 19–32.
- Захария Ф. Постамериканский мир будущего. – М.: Европа, 2009. – 280 с.
- Капхен Ч. Закат Америки. Уже скоро. – М.: АСТ; СПб.: Люкс, 2004. – 636 с.
- Комплексное моделирование и прогнозирование развития стран БРИКС в контексте мировой динамики / В.А. Садовничий, А.А. Акаев, А.В. Коротаев, С.Ю. Малков. – М.: Наука, 2014. – 388 с.
- Мир после кризиса. Глобальные тенденции – 2025: меняющийся мир. Доклад Национального разведывательного совета США. – М.: Европа, 2009. – 184 с.
- Тодд Э. После империи. Рах Americana – начало конца. – М.: Международные отношения, 2004. – 231 с.
- Франк А.Г. Азия проходит полный круг – с Китаем как «Срединным государством» // Цивилизации. Вып. 5. Проблемы глобалистики и глобальной истории / ред. А.О. Чубарьян, – М.: Наука, 2002. – С. 192–203.
- Фридман Дж. Следующие 100 лет. Прогноз событий XXI века. – М.: Эксмо, 2010. – 334 с.
- Фридман Дж. Следующие 10 лет. – М.: Эксмо, 2011. – 320 с.
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.; СПб.: АСТ, 2003. – 603 с.
- Шаклеина Т.А. «Дилемма Америки» в формировании современного мирового порядка: результаты действий США и формирование «евразийского центра» // Международные процессы. – 2019. – Том 17, № 4 (59). – С. 36–48. – DOI: <https://doi.org/10.17994/it.2019.17.4.59.3>

РАКУРСЫ

С.А. АФОНЦЕВ*

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА: О ЧЕМ ГОВОРЯТ ПОКАЗАТЕЛИ ВВП¹

Аннотация. В статье исследуются возможности оценки экономической мощи субъектов международных отношений с использованием показателей валового внутреннего продукта (ВВП). Продемонстрировано, что сопоставления рассчитанных по текущему валютному курсу национальных показателей ВВП создают ложные основания для аргументов в пользу построения биполярного (США и КНР) миропорядка, в то время как расчет показателей ВВП по паритету покупательной способности (ППС) обеспечивает существенно более реалистичную картину распределения экономической мощи в глобальном масштабе. Идентифицированы три кластера национальных и наднациональных субъектов международных отношений, обладающих экономическим потенциалом, достаточным для участия в формировании нового многополярного миропорядка, и охарактеризованы возможности каждого из этих субъектов в сфере использования данного потенциала для решения значимых мирополитических целей. К первому кластеру относятся «экономические сверхгиганты» – КНР, США и ЕС; ко второму – «восходящие звезды» в лице Индии и АСЕАН, к третьему – экономики с долей в гло-

* **Афонцев Сергей Александрович**, доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, профессор Кафедры мировых политических процессов, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации; заместитель директора, ИМЭМО РАН (Москва, Россия), e-mail: afontsev@gmail.com

¹ Статья подготовлена в рамках консорциума МГИМО МИД России и НИУ ВШЭ из средств гранта на реализацию программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

бальном ВВП по ППС ниже 4%, большинство из которых на протяжении последних десятилетий демонстрировали деградацию (или стагнацию) своих позиций в мировой экономике. Охарактеризованы глобально значимые вопросы, по которым возможно складывание широких коалиций с участием рассмотренных международных субъектов. Вхождение в эти коалиции является принципиально важным не только для ограниченных в ресурсах субъектов, относящихся ко второму и третьему кластерам, но и для «экономических сверхгигантов», вовлеченных в противостояние друг с другом и заинтересованных в поисках союзников. Проведен анализ сравнительной экономической мощи Российской Федерации и сформулированы выводы относительно его использования для успешной защиты российских национальных интересов во взаимодействии с другими субъектами международных отношений, претендующими на ведущие роли в формировании многополярного миропорядка. Определены условия, при которых экономический потенциал Российской Федерации и Евразийского экономического союза может быть использован для их оптимального позиционирования в новой системе управления глобальными экономическими и политическими процессами.

Ключевые слова: Многополярный мир; глобальный миропорядок; экономическая мощь; экономический потенциал; ВВП; международные коалиции.

Для цитирования: Афонцев С.А. Экономическое измерение многополярного мира: о чем говорят показатели ВВП // Политическая наука. – 2024. – № 2. – С. 151–170. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.02.07>

Введение

Драматическое нарастание межгосударственных и межблочных противоречий, сопровождающее процессы становления будущего многополярного миропорядка, придает новое измерение вопросу о соотношении политической и экономической мощи ведущих международных субъектов. В какой мере их политические амбиции и намерения подкреплены реальными ресурсами, необходимыми для достижения поставленных ими целей – с учетом того, что эти намерения часто встречают оппозицию в лице других, не менее (а часто – и более) влиятельных субъектов? Как рост экономического потенциала стран и региональных объединений влияет на их стремление к повышению собственной роли в управлении глобальными политическими и хозяйственными процессами? Каков круг субъектов, чья экономическая мощь обуславливает их способность и готовность стать полюсами притяжения в рамках формирующегося миропорядка, и каковы их сравнительные позиции? Ответы на эти вопросы имеют первостепенное значение для понимания как долгосрочных перспектив преобразова-

ния сложившейся системы управления глобальными процессами, так и потенциальных позиций ведущих государственных и надгосударственных субъектов в рамках новой формирующейся системы международного взаимодействия.

Отправной точкой анализа соответствующих вопросов является определение круга переменных, которые могут быть использованы для измерения экономической мощи субъектов международных отношений [Strange, 1975; Findlay, O'Rourke, 2007; Broome, 2014, p. 47–60; Bento, 2022]. При всей широте спектра этих переменных (собственно экономических, социально-экономических, переменных технологического развития и т.п.), центральное место в анализе экономической мощи неизменно занимают показатели валового внутреннего продукта (ВВП). Тому есть как минимум три веские причины. Во-первых, показатели ВВП характеризуют сравнительные размеры экономик, определяющие как объемы национальных рынков (а значит, привлекательность соответствующих стран для потенциальных партнеров), так и, при прочих равных условиях, устойчивость к внешним шокам и политически мотивированному экономическому давлению со стороны зарубежных оппонентов. В частности, именно масштабы экономики являются одним из ключевых факторов, определяющих степень устойчивости национальных хозяйственных систем в условиях санкционного противостояния [Афонцев, 2022; Политика санкций..., 2023]. Во-вторых, объем ВВП дает представление об объеме ресурсов, которые могут быть использованы субъектами принятия политических решений для достижения поставленных ими задач в сфере политики и безопасности. Разумеется, жесткой связи между показателем ВВП и объемом средств, направляемых на достижение соответствующих целей, может не существовать – принципиальную роль здесь имеет готовность субъектов принятия политических решений к мобилизации соответствующих средств, а также необходимость нести высокие издержки (например, в сфере внутренней безопасности), не связанные с решаемыми международными задачами [Beckley, 2018]. В результате нередко оказывается, что страны с меньшим размером экономики, но большими мобилизационными возможностями способны на равных противостоять экономически более мощным странам и их коалициям (в частности, данный фактор рассматривается в качестве одного из ключевых объяснений успешного противостояния Российской Федерации

и Исламской Республики Иран санкционному давлению со стороны экономически развитых стран, существенно превосходящих их по хозяйственному потенциалу). Однако в экономиках, существенно отстающих по размеру от экономик стран-оппонентов, подлежащие мобилизации ресурсы могут попросту отсутствовать в достаточном объеме. Наконец, в-третьих, рост объемов экономики сам по себе может создавать стимулы к расширению вовлеченности страны (или регионального объединения) в мирополитические процессы – как для того, чтобы создать благоприятные условия для решения все более масштабных задач в экономической сфере (например, путем создания торговых блоков и реализации иных мер расширения доступа на внешние рынки), так и для реализации политических приоритетов, для достижения которых ранее отсутствовали необходимые ресурсы. Последнее обстоятельство особенно важно в условиях меняющегося миропорядка: экономический успех одних стран, сопровождающийся ростом их сравнительной экономической мощи, может создавать политические и военные риски для стран-соседей (в случае регионального соперничества), а потенциально – и для стран, занимающих доминирующее положение в международной системе [Models, 1987].

Несмотря на острую критику, которой показатели ВВП подвергаются в экономических дискуссиях в связи с игнорированием важных аспектов хозяйственного и человеческого развития [Stiglitz et al., 2010; Stiglitz et al., 2018], с точки зрения рассмотренных выше критериев эта критика затрагивает исключительно первый из них и исключительно в той части, которая касается экономической привлекательности конкретных международных субъектов для потенциальных партнеров. В связи с этим неудивительно, что показатели ВВП доминировали и продолжают доминировать в экономическом блоке международных сопоставлений как сами по себе [Karabell, 2014; Lepenies, 2016], так и в составе комплексных показателей национальной мощи и влияния [Ахременко, Горельский, Мельвиль, 2019; Мельвиль, Миронюк, 2020]. При этом потенциал их использования нельзя считать исчерпанным. В данной статье продемонстрированы возможности их применения для анализа круга субъектов, участвующих в формировании нового многополярного миропорядка, динамики их экономической мощи на протяжении последних двух десятилетий, а также перспектив использования этой мощи

для закрепления за собой роли ведущих центров мировой экономики и политики.

Неизбежность биполярности?

Сопоставление показателей ВВП, пересчитанных в доллары США по текущему (среднегодовому) рыночному курсу национальных валют, на сегодняшний день остается одним из наиболее популярных методов оценки сравнительной экономической мощи. У такого метода есть как минимум два важных преимущества. Во-первых, немаловажное значение имеет простота расчета и интерпретации соответствующих показателей. Данные о текущих валютных курсах широко доступны и имеют однозначную содержательную трактовку, а значит, обладают высокой убедительной силой как для специалистов, так и широких кругов общественности. Во-вторых, расчеты по текущему валютному курсу оптимальным образом отвечают реализации первой из упомянутых ранее функций показателей ВВП – а именно, отражают сравнительные размеры экономик с точки зрения их привлекательности для внешних партнеров – как бизнес-субъектов, заинтересованных в операциях на емких и устойчивых зарубежных рынках, так и правительств стран-союзников, рассчитывающих в сложной ситуации получить ресурсное содействие от держав, располагающих значительным экономическим потенциалом.

Впрочем, есть и еще одно обстоятельство, делающее использование показателей ВВП по текущему валютному курсу популярным среди значительной части глобального экспертного сообщества, в первую очередь ориентирующегося на американский дискурс. О том, что это за обстоятельство, нетрудно вынести заключение на основании рис. 1, на котором представлены сравнительные экономические позиции десяти ведущих национальных экономик мира, ранжированных по показателям ВВП по текущему валютному курсу в 2022 г. (К моменту подготовки статьи рассчитываемые МВФ данные о показателях ВВП за 2023 г. носили предварительный характер и не могли использоваться для получения однозначных содержательных выводов.) Согласно этим данным, размер экономики США более чем в 1,4 раза опережал показатель ближайшей страны-преследователя (КНР), а также превышал (пусть и

на доли процента) суммарный показатель ВВП всех остальных восьми стран, представленных в приведенном ранжировании. Неудивительно, что сопоставление показателей ВВП, рассчитанных по текущим валютным курсам, является одним из наиболее важных экономических аргументов в пользу тезиса о «глобальном экономическом лидерстве» США, а также тезиса о возможности формирования биполярного миропорядка, основанного на глобальном доминировании США и КНР, в противовес тезису о формировании многополярного мира, в создании которого должен участвовать значительно более широкий круг международных субъектов [Bekkevold, 2023].

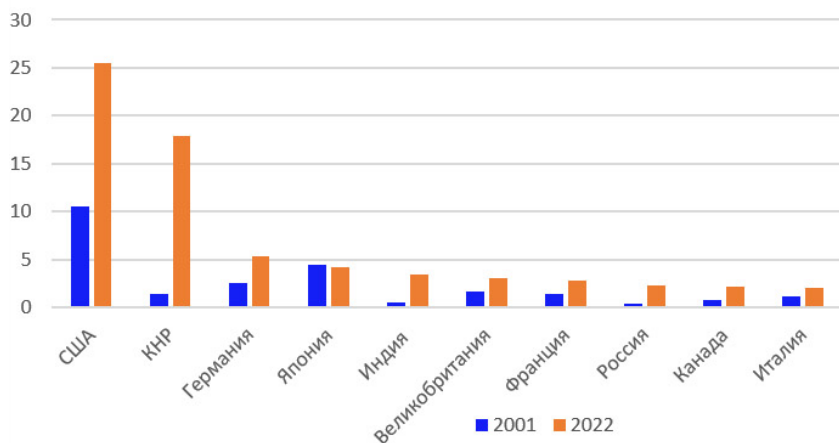

Рис. 1
Сравнительные показатели ВВП крупнейших национальных экономик, рассчитанные по текущим валютным курсам (трлн долл.)¹

Впрочем, показатели ВВП на национальном уровне в любом случае не дают полного представления о распределении глобальной экономической мощи. Одной из важных проблем, связанных с его оценкой, является учет хозяйственного потенциала межгосударственных объединений. Эта проблема, в свою очередь, имеет

¹ Составлено на основе данных IMF World Economic Outlook Database.

два важных измерения для определения экономических возможностей наднациональных субъектов выполнять функции «полюсов» многополярного мира. С одной стороны, суммарная оценка экономического потенциала нескольких суверенных государств может быть полностью корректной только в том случае, если их экономики могут рассматриваться как единый хозяйственный комплекс, обладающий общей притягательностью для потенциальных внешних партнеров – и в этом качестве позволяющий рассматривать их как единый «экономический полюс». С другой стороны, соответствующие наднациональные объединения должны обладать механизмами принятия политических решений, обеспечивающими мобилизацию экономических ресурсов стран-участниц на решение задач, выходящих за рамки чисто экономического сотрудничества – например, в сфере внешней и оборонной политики, достижения общих приоритетов безопасности и т.д. с тем, чтобы соответствующее объединение могло хотя бы гипотетически претендовать на статус самостоятельного «политического полюса» мирового порядка. Одновременное выполнение обоих этих условий накладывает жесткие ограничения на круг международных субъектов, которые могут правомерно рассматриваться в качестве объектов сопоставлений показателей ВВП применительно к проблеме формирования многополярного мира.

Во-первых, сочетанию перечисленных условий не соответствуют международные структуры, в которых национальные экономики стран-членов не формируют интегрированных хозяйственных комплексов, которые бы рассматривались внешними партнерами в качестве потенциального или реального «экономического полюса». Это исключает из числа возможных участников сопоставлений как межрегиональные военно-политические блоки (включая НАТО и ОДКБ), так и международные организации (такие как БРИКС, ШОС, ОЭСР и пр.), в рамках которых наблюдается четкая дифференция национальных (либо интегрированных региональных) подсистем стран-участниц. Это, разумеется, не означает, что в сфере решения уставных задач соответствующих структур (например, в военной сфере, если речь идет о НАТО) оценки суммарного экономического потенциала не имеют значения. Это означает лишь, что анализ круга субъектов, претендующих на ведущие роли в формируемом миропорядке, должен вестись на уровне самостоятельно функционирующих экономических систем (в слу-

чае НАТО – экономик США и входящих в данную организацию стран ЕС).

Во-вторых, применительно к интегрированным экономическим группировкам о полноценном участии в формировании нового миропорядка речь может идти только в том случае, если соответствующие группировки имеют общие приоритеты в сфере политики и безопасности, а также функционирующие межгосударственные либо наднациональные механизмы, ответственные за выработку таких приоритетов и их реализацию с опорой на ресурсный потенциал стран-участниц. Это, в свою очередь, означает, что из числа региональных интеграционных объединений в сферу анализа должны включаться лишь те, которые не только обладают значительно интегрированными хозяйственными системами, но и предпринимают попытки выстраивать сотрудничество за пределами чисто экономической сферы. Примечательно, что подобным условиям могут отвечать не только региональные блоки, реализующие глубокие форматы интеграции (общий рынок, экономический и валютный союз), но и объединения, де-факто имеющие характер зоны свободной торговли, но «дополненные» механизмами сотрудничества в сфере политики и безопасности (как это имеет место в АСЕАН – но, например, не наблюдается в рамках трехстороннего соглашения о свободной торговле между США, Мексикой и Канадой).

В-третьих, для корректности измерений сравнительной экономической мощи необходимо избежание повторного счета, при котором экономический потенциал какой-либо страны учитывался бы и сам по себе, и в составе одного (а тем более нескольких) наднациональных объединений. Наконец, в-четвертых, необходимо принимать во внимание особенности международной статистики ВВП, в которой данные часто приводятся для разных политико-территориальных образований несмотря на то что с содержательной точки зрения они представляют собой экономическое целое (наиболее важным примером является КНР, ВВП которой в международной статистике традиционно приводится без Гонконга и Макао).

Результаты ранжирования крупнейших национальных и наднациональных экономик с учетом сформулированных выше условий (в том числе суммирования показателей ВВП КНР, Гонконга и Макао) приведен на рис.2.

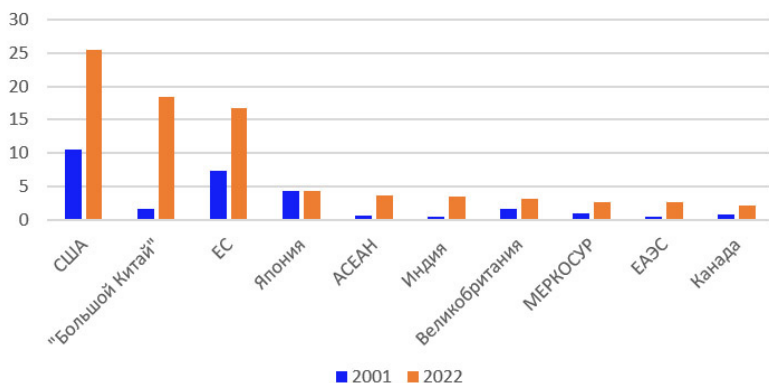

Рис. 2

Сравнительные показатели ВВП крупнейших национальных и наднациональных экономик, рассчитанные по текущим валютным курсам (трлн долл.)¹

Единственное значимое изменение, которое отличает полученную картину от представленной на рис. 1, связано с выдвижением на третье место ранжирования экономики ЕС, размер которой в 2022 г. на 9,2% отставал от ВВП «Большого Китая» и на 34,4% – от ВВП США (справочные данные о размере экономики ЕС и ЕАЭС в 2001 г. даны по кругу стран, входивших в данные объединения в 2022 г.). Экономика АСЕАН вышла на пятое место, опередив индийскую, а на восьмом месте закрепились группировка МЕРКОСУР (для сравнения, ее лидер – Бразилия – в ранжировании национальных экономик занимала только 11-е место). Что касается экономики США, при скорректированном расчете она по-прежнему демонстрировала значительный отрыв от ближайшего преследователя (КНР) и более чем в 2 раза опережала экономический потенциал всех прочих субъектов «незападного» мира, вместе взятых. В целом же ситуация, представленная на рис. 2, вызывает очевидные параллели с популярной до начала 1990-х годов метафорой «трех экономических центров мира», только место сдавшей свои позиции Японии прочно занял в ней Китай, совершивший за последние десятилетия впечатляющий рывок вперед.

¹ Рассчитано на основе данных IMF World Economic Outlook Database.

Применительно к текущей ситуации такая метафора, однако, может использоваться лишь со значительными оговорками – прежде всего потому, что сопоставления показателей ВВП, рассчитанных по текущему валютному курсу, имеют очевидные ограничения с точки зрения оценки сравнительного экономического потенциала международных субъектов.

Три кластера лидеров

Как было сказано выше, главное содержательное преимущество расчета показателей ВВП по текущему валютному курсу заключается в том, что он позволяет достаточно реалистично сопоставлять размеры национальных (и наднациональных) экономик в плане их оценки как «центров экономического притяжения» для других международных субъектов. В рамках экономической науки использование показателей ВВП по текущему валютному курсу является стандартной практикой при оценке сравнительной привлекательности торговых и инвестиционных партнеров (в т.ч. с использованием т.н. гравитационных моделей, позволяющих оценить зависимость интенсивности сотрудничества от размеров взаимодействующих экономик, см.: [Poot et al., 2016; Baier et al., 2018; Chitu et al., 2018; Badarinza et al., 2022], а в исследованиях экономической интеграции – при определении оптимального выбора круга стран, с которыми целесообразно заключать преференциальные торговые соглашения и иные соглашения об экономическом сотрудничестве. Однако с точки зрения анализа процессов эволюции глобального экономического и политического порядка эти показатели имеют ряд значимых недостатков. Во-первых, они подвержены высокой волатильности в случае резких колебаний рыночных валютных курсов. При неизменном объеме производства экономических благ в рамках национального хозяйства соответствующие показатели могут резко меняться в зависимости от изменения курса национальной валюты, что препятствует определению реального объема ресурсов, которые могут быть мобилизованы на достижение целей в сфере политики и безопасности (если рассчитанный в долларах стоимостной объем производства авиационного топлива при падении курса национальной валюты сократился в два раза, это вовсе не значит, что в небо

взлетит в два раза меньше самолетов). Во-вторых, применение текущих валютных курсов для пересчета данных о производстве товаров и услуг из национальных валют в доллары США не вызывает содержательных вопросов лишь применительно к тем товарам и услугам, которые в рассматриваемой стране являются объектами активных внешнеторговых сделок, однако применительно к благам, являющимся преимущественно объектами внутреннего спроса, такие оценки будут носить смещенный характер (особенно в развивающихся странах, где цены внутреннего рынка часто определяются спросом низкодоходных групп населения). Для устранения указанных проблем используются расчеты ВВП по паритету покупательной способности (ППС), т.е. по курсовому соотношению, отражающему фактическую покупательную силу национальных валют в отношении определенного набора экономических благ. Применительно к сравнительному анализу экономической мощи международных субъектов это позволяет не только дать характеристику совокупного объема ресурсов, на который субъекты принятия политических решений рассматриваемой страны могут опираться в достижении своих целей, но и охарактеризовать долгосрочную эволюцию стимулов, которые экономическое развитие страны создает к расширению ее участия в решении глобально значимых проблем, затрагивающих ее экономические интересы.

Использование показателей ВВП по ППС для идентификации крупнейших национальных экономик в 2022 г. (рис. 3) позволяет сделать выводы, заметно отличающиеся от полученных при анализе ранжирования стран согласно показателям ВВП по текущим валютным курсам. Во-первых, в глобальные лидеры при таких расчетах уверенно выходит экономика КНР, которая обогнала США еще в 2016 г. и с тех пор последовательно наращивала свой отрыв, доведя его к 2022 г. до 2,9% глобального ВВП. Во-вторых, на 7-е и 8-е места в рейтинге выходят представители развивающегося мира – Индонезия и Бразилия, в то время как Канада и Италия, в отличие от расчетов ВВП по текущему валютному курсу, теряют места в десятке лидеров. Наконец, анализ сравнительных национальных позиций на основании доли в глобальном ВВП по ППС наглядно показывает, что из рассматриваемых стран только КНР, Индия и Индонезия в период с 2001 г. смогли укрепить свое место в мировой экономике (в том числе КНР – на 10,8 процентных пункта мирового ВВП и Индия – на 3,2 процентных пункта

мирового ВВП), в то время как основной «пострадавшей стороной» в результате перераспределения страновой структуры глобального ВВП выступили экономически развитые страны – Великобритания, Франция, Германия и особенно Япония и США.

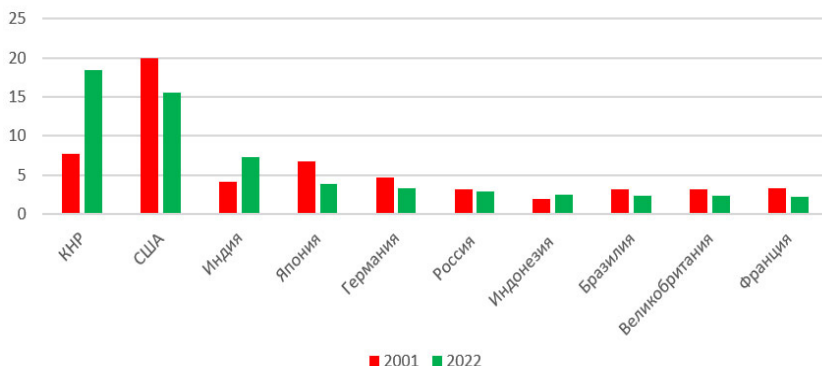

Рис. 3
Доли крупнейших национальных экономик
в глобальном ВВП по ППС (%)¹

Еще более важными являются результаты сопоставления показателей экономической мощи крупнейших национальных и наднациональных экономик (рис. 4). В отличие от ранжирования на основании показателей ВВП по текущему валютному курсу, демонстрирующего значительный отрыв тройки лидеров (США, «Большой Китай», ЕС) от экономик, занимающих места с 4-го по 10-е, здесь картина оказывается существенно более сложной. Фактически группа лидеров распадается на три кластера. К первому закономерно относятся США, «Большой Китай» и ЕС, отрыв которых от ближайшего преследователя – Индии по доле в глобальном ВВП составляет 2 раза и более (отметим, что при сопоставлении ВВП по текущему валютному курсу отставание Индии от каждой из стран-лидеров составляло 5 и более раз). Во второй кластер входят Индия и АСЕАН, на которые приходится соответственно 7,3% и 6,3% мирового ВВП. Эти экономики стоят особняком как от тройки лидеров, так и от экономик третье-

¹ Рассчитано на основе данных IMF World Economic Outlook Database.

го кластера, последовательно наращивая свой отрыв от последних. Примечательно, что среди экономик третьего кластера лишь Турция смогла нарастить (хотя лишь незначительно – на 0,77 процентных пункта) свою долю в мировом ВВП, в то время как остальные страны и региональные блоки либо утрачивали свои позиции (что особенно наглядно проявилось в случае Японии – на 2,9 процентных пункта), либо с трудом их удерживали (ЕАЭС).

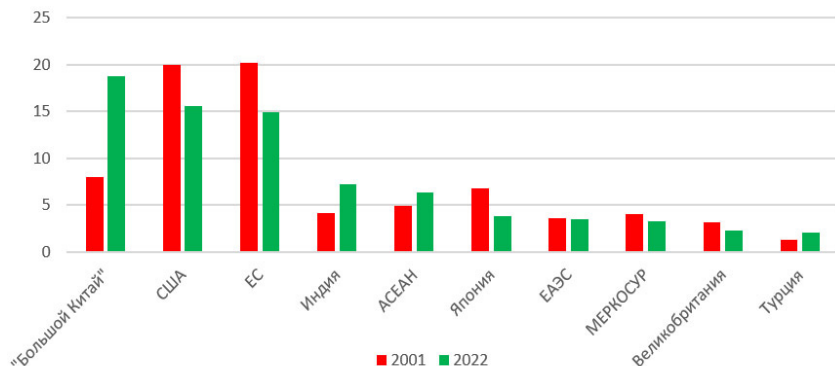

Рис. 4

Доли крупнейших национальных и наднациональных экономик в глобальном ВВП по ППС (%)¹

В целом приходится констатировать, что абсолютный размер экономик третьего кластера и тенденции динамики их экономической мощи свидетельствуют о серьезных вызовах, стоящих перед ними в случае реализации самостоятельных стратегий, направленных на определение своего места в рамках формирующегося глобального мироустройства. Экономике второго кластера находятся в этом отношении в гораздо более благоприятном положении. Это касается как экономических возможностей достижения текущих приоритетов глобального политического и экономического позиционирования, так и перспектив наращивания амбиций в сфере участия в механизмах управления глобальными процессами. В то же время значительное отставание их экономической мощи от субъектов первого кластера ставит и перед ними

¹ Рассчитано на основе данных IMF World Economic Outlook Database.

вопрос о формировании коалиционных стратегий, позволяющих эффективно участвовать в процессах переформатирования существующего миропорядка.

Коалиционные стратегии для многополярного мира

Проблема поиска коалиционных решений задач, связанных с максимизацией целевых функций субъектов, является стандартной для экономической науки и традиционно анализируется с помощью инструментария теории игр. Применительно к проблеме объединения экономических потенциалов субъектов международного взаимодействия, однако, она является далеко не тривиальной. Характер возникающих при этом сложностей может быть описан следующим образом.

Во-первых, механическое сложение показателей ВВП разных международных субъектов дает небесспорные результаты даже применительно к оценкам рыночного потенциала. Если между соответствующими субъектами не заключено преференциальных торговых соглашений и / или такие соглашения существуют только с отдельными странами наднациональных группировок (например, ЕС имеет соглашения о свободной торговле лишь с двумя из десяти стран АСЕАН – Сингапуром и Вьетнамом), говорить об объединении их рыночных потенциалов для формирования общего «полюса притяжения» в мировой экономике не представляется возможным. Во-вторых, международные субъекты демонстрируют выраженные различия в способности мобилизации ресурсов экономики для достижения внешнеполитических приоритетов. Наиболее показательны в этом отношении различия между наднациональными блоками и национальными государствами: даже ЕС, несмотря на многолетний опыт реализации Общей внешней политики и политики безопасности, обладает существенно меньшими (в процентном отношении к размерам экономики) возможностями ресурсной мобилизации в рассматриваемой сфере. В-третьих, возникает вопрос о когерентности интересов, реализуемых участниками конкретных коалиций. Уже в рамках региональных интеграционных объединений по ряду внешнеполитических вопросов существуют жесткие противоречия, не говоря уже о противоречиях с третьими сторонами. Показательный пример связан с territori-

альным спором вокруг архипелага Спратли в Южно-Китайском море, в рамках которого четыре страны АСЕАН (Вьетнам, Малайзия, Филиппины и Бруней) выстраивают собственные стратегии противостояния как с КНР и Тайванем, так и между собой. Очевидно, что применительно к оценкам перспектив разрешения соответствующих территориальных споров суммарные показатели экономического потенциала АСЕАН (и тем более АСЕАН и КНР) лишены какого бы то ни было смысла.

С учетом сказанного анализ коалиционного экономического потенциала международных субъектов оказывается правомерным только по отношению к тем вопросам становления нового политического и экономического порядка, по которым интересы соответствующих субъектов имеют высокую степень общности. Круг таких вопросов на сегодняшний день достаточно ограничен – а значит, ограничены и возможности формирования значимых коалиций международных субъектов, претендующих на активную роль в борьбе вокруг формирования нового миропорядка.

1. Наиболее значимая коалиция в современных условиях включает в себя экономически развитые страны (США, ЕС, Японию и Великобританию), *заинтересованные в сохранении принципов «миропорядка, основанного на правилах» и удержании ведущих позиций в международных экономических организациях.* Суммарные позиции соответствующих субъектов в мировой экономике за последние десятилетия существенно ослабли (с 50,1% ВВП по ППС в 2001 г. до 36,5% в 2022 г.), однако по-прежнему остаются прочными, а с учетом накопленного потенциала влияния в валютно-финансовой и технологической сфере – достаточными для упорной борьбы за сохранение доминирующих позиций в управлении глобальными экономическими процессами на перспективу ближайших 10–15 лет.

2. Что касается *ситуативных коалиций экономически развитых стран против стран, бросающих вызов устоявшемуся мировому порядку в сфере безопасности*, то их очевидными целями являются Россия и КНР. Фактическая антироссийская коалиция включает в себя США, ЕС, Японию и Великобританию (с привлечением менее значимых международных субъектов), в то время как потенциальная антикитайская коалиция, в случае успешного продвижения Индо-Тихоокеанской стратегии США, может включать в себя также Индию, что обеспечило бы такой коалиции

более чем двукратный перевес по экономическому потенциалу (более 43,8% мирового ВВП по ППС против 18,8% у «Большого Китая»). Решающее значение, однако, в данном случае имеет фактор сравнительной готовности к мобилизации ресурсов: как показывает более чем десятилетнее противостояние России с широкой международной коалицией (в т.ч. с 2022 г. – противостояния высокой интенсивности), чисто математический расчет коалиционного потенциала может служить фундаментом для ложных прогнозов протекания международных конфликтов.

3. В свою очередь, *пересмотр механизмов системы управления глобальными экономическими процессами* является главным мотивом, вокруг которого возможно складывание широкой коалиции стран с развивающимися рынками – «Большого Китая», Индии, АСЕАН, ЕАЭС и МЕРКОСУР, доля которых в ВВП по ППС за рассматриваемый период возросла с 24,7 до 39,0%. Несмотря на то что более чем на две трети этот прирост обеспечен благодаря росту китайской экономики, нахождение общих позиций здесь вполне возможно благодаря наличию общей заинтересованности в ослаблении доминирующих позиций экономически развитых стран в рассматриваемой сфере.

4. Другим важным приоритетом коалиционного взаимодействия экономик с развивающимися рынками может стать *формирование новых «полюсов экономического притяжения» на Евразийском пространстве*. Хотя полноценная реализация идеи Большого евразийского партнерства в настоящее время по объективным обстоятельствам может рассматриваться исключительно в качестве приоритета на долгосрочную перспективу, ее стратегическая ценность безусловно сохраняется. В настоящее время на четыре экономических центра Евразии, демонстрирующих высокую степень готовности к конструктивному экономическому сотрудничеству («Большой Китай», Индия, АСЕАН, ЕАЭС), приходится 35,8% глобального ВВП, и договорное закрепление норм, способствующих снижению взаимных барьеров доступа на рынки, вело бы к дальнейшему укреплению потенциала соответствующих международных субъектов в формирующемся многополярном мире.

Потенциал формирования значимых международных коалиций по другим вопросам, связанным с трансформацией экономического и политического миропорядка (таким, как реформа Совета Безопасности ООН, вопросы глобального управления климатиче-

скими изменениями или обеспечения кибербезопасности) представляется существенно менее значимым – как в силу наличия существенных противоречий между интересами ведущих международных субъектов, так и в плане ограниченной релевантности показателей экономической мощи для оценки возможностей влияния на решение соответствующих вопросов (применительно к вопросам борьбы с изменением климата, см.: [Климатическое регулирование..., 2022]). Однако и перечисленные четыре сферы международного взаимодействия наглядно демонстрируют, какой вклад анализ суммарных показателей экономической мощи может внести в понимание перспектив развития текущих и будущих конфликтов, сопровождающих рождение нового миропорядка.

Заключение

В данной статье мы рассмотрели возможности использования показателей ВВП для оценки сравнительной экономической мощи национальных и наднациональных субъектов мировой политики. Несмотря на все ограничения, присущие соответствующим показателям – в первую очередь, акцентирование вопроса о размере экономик без учета их вовлеченности во внешнеэкономические операции, обеспеченности конкретными видами хозяйственных ресурсов, уровня технологического развития и т.п., – на основе их анализа получены важные содержательные выводы. Во-первых, идентифицированы три кластера субъектов, претендующих на ведущие роли в новом формирующемся миропорядке. К первому кластеру относятся «экономические сверхгиганты» – КНР, США и ЕС; ко второму – «восходящие звезды» в лице Индии и АСЕАН, к третьему – экономики с долей в глобальном ВВП по ППС ниже 4%, большинство из которых демонстрировали деградацию (или стагнацию) своих позиций в мировой экономике. Во-вторых, охарактеризованы глобально значимые вопросы, по которым возможно складывание широких коалиций с участием рассмотренных международных субъектов. Вхождение в эти коалиции является принципиально важным не только для ограниченных в ресурсах субъектов, относящихся ко второму и третьему кластерам, но и для «экономических сверхгигантов», вовлеченных в противостояние друг с другом и заинтересованных в поисках союзников.

Наконец, необходимо остановиться на выводах, относящихся к экономическому потенциалу участия России в трансформации глобального миропорядка. По состоянию на 2022 г. на Российскую Федерацию приходилось 2,91% глобального ВВП, на ЕАЭС в целом – 3,46%; оба показателя соответствуют третьему кластеру ведущих международных субъектов. Тот факт, что стране на протяжении длительного времени удастся успешно противостоять международной коалиции, намного превосходящей ее по экономическому потенциалу, в решающей степени зависит от эффективной мобилизации хозяйственных ресурсов на цели обороны и безопасности – как через каналы государственных расходов, как и через создание у экономических субъектов материальных и институциональных стимулов к развороту в сторону решения национально значимых задач. В этих условиях критически важно обеспечить сохранение и укрепление соответствующих механизмов, равно как и их основы – стабильно действующей системы принятия политических решений. В свою очередь, в среднесрочной и долгосрочной перспективе важнейшим условием повышения роли страны в управлении глобальными экономическими и политическими процессами является ее участие в коалициях с ведущими странами и региональными объединениями стран развивающегося мира, разделяющими российские приоритеты в развитии хозяйственных связей. Первоочередное внимание должно быть уделено сотрудничеству с КНР, Индией, АСЕАН и странами – партнерами по ЕАЭС, чтобы создать предпосылки для интенсификации практических шагов по реализации идеи Большого евразийского партнерства.

S.A. Afontsev*

**Economic dimensions of the multipolar world:
what do GDP figures really tell¹**

Abstract. The article discusses strengths and weaknesses of using gross domestic product (GDP) data as a measure of economic power in international relations. It is argued that country comparisons based on GDP figures calculated with current exchange rates

* **Sergey Afontsev**, MGIMO University; IMEMO RAS (Moscow, Russia), e-mail: afontsev@gmail.com

¹ This article is based on the research supported by the MGIMO University and the HSE University consortium with grant funds of the 'Priority2030' strategic academic leadership program.

provide biased results that can be unduly used to substantiate the idea of the new bipolar (USA vs. China) world order. In contrast, GDP calculations based on purchasing power parity (PPP) provide much more realistic and balanced picture. Three groups of countries and regional blocks are identified on the basis of their economic potential that can be used to grant them leading positions in the emerging global order. The first group consists of 'economic supergiants' (China, US, EU); India and ASEAN with rapidly growing economies follow as members of the second group, while the third group is comprised of economies with less than 4 per cent (and mostly declining or stagnant) individual shares in global GDP. Key issues of global economic and political rivalry where coalition formation among the global national and subnational players are listed. Economic power of the Russian Federation is discussed in comparative perspective as well as opportunities to join national economic potential with partner countries to expand control over the global agenda.

Keywords: multipolar world; new global order; economic power; economic potential; GDP; international coalitions.

For citation: Afontsev S.A. Economic dimensions of the multipolar world: what do GDP figures really tell. *Political science (RU)*. 2024, N 2, P. 151–170. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.02.07>

References

- Afontsev S.A. Political paradoxes of economic sanctions. *Journal of the new economic association*. 2022, N 3 (55), P. 193–198. DOI: <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-10> (In Russ.)
- Afontsev S.A., Lebedeva M.M., Nikitina Yu.A., Kuznetsov D.A., Arteev S.P., Koltsova M.V., Maslova K.V., Nikolaev I.A., Uchaev E.I., Nesmashny A.D. *Climate regulation in the context of the decisions of the Glasgow climate change conference: global political aspects*. Moscow: MGIMO-University, 2022, 22 p.
- Akhremenko A.S., Gorelskiy I.E., Melville A.Yu. How and why should we measure and compare state capacity of different countries? Theoretical and methodological foundations. *Polis. Political studies*. 2019, N 2, P. 8–23. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.02> (In Russ.)
- Badarinza C., Ramadorai T., Shimizu Ch. Gravity, counterparties, and foreign investment. *Journal of financial economics*. 2022, Vol. 145, N 2(A), P. 132–152. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jfineco.2021.09.011>
- Baier S.L., Kerr A., Yotov Y.V. Gravity, distance, and international trade. In: Blonigen B., Wilson W. (eds). *Handbook of international trade and transportation*. Northampton, MA: Edward Elgar, 2018, P. 15–78.
- Beckley M. The power of nations: measuring what matters. *International security*. 2018, Vol. 43, N 2, P. 7–44. DOI: https://doi.org/10.1162/isec_a_00328
- Bekkevold J.I. No, the world is not multipolar. *Foreign policy*. September 22, 2023. Mode of access: <https://foreignpolicy.com/2023/09/22/multipolar-world-bipolar-power-geopolitics-business-strategy-china-united-states-india/> (accessed: 12.02.2024).
- Bento V. *Strategic autonomy and economic power: the economy as a strategic theater*. New York: Routledge, 2022, 294 p.

- Broome A. *Issues and actors in the global political economy*. New York: Palgrave MacMillan, 2014, 324 p.
- Chitu L., Eichengreen B., Mehl A. History, gravity and international finance. *Journal of international money and finance*. 2018, Vol. 46, P. 104–129. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jimonfin.2014.04.002>
- Findlay R., O'Rourke K.H. *Power and plenty: trade, war, and the world economy in the second millennium*. Princeton: Princeton university press, 2007, 619 p.
- Ivanov I.S., Timofeev I.N. (eds). *Sanctions policy: aims, strategies, instruments*. Moscow: Russian International affairs Council, 2023, 535 p. (In Russ.)
- Karabell Z. *The leading indicators: a short history of the numbers that rule our world*. New York: Simon and Schuster, 2014, 304 p.
- Lepenies Ph. *The power of a single number: a political history of GDP*. New York: Columbia university press, 2016, 208 p. DOI: <https://doi.org/10.7312/lepe17510>
- Melville A.Yu., Mironyuk M.G. "Political Atlas of the Modern World" Revisited. *Polis. Political studies*. 2020, N 6, P. 41–61. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.04> (In Russ.)
- Modelski G. *Long cycles in world politics*. New York: Palgrave MacMillan, 1987, 254 p.
- Poot J., Alimi O., Mare D.C. The gravity model of migration: the successful comeback of an ageing superstar in regional science. *Investigaciones regionales – Journal of regional research*. 2016, N 36, P. 63–86.
- Stiglitz J.E., Fitoussi J.-P., Durand M. *Measuring what counts: the global movement for well-being*. New York: The New Press, 2018, 256 p.
- Stiglitz J.E., Sen A., Fitoussi J.-P. *Mismeasuring our lives: why GDP doesn't add up*. New York: The New Press, 2010, 176 p.
- Strange S. What is economic power, and who has it? *Force and Power*. 1975, Vol. 30, N 2, P. 207–224. DOI: <https://doi.org/10.2307/40201221>

Литература на русском языке

- Афонцев С.А. Политические парадоксы экономических санкций // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2022. – № 3 (55). – С. 193–198. – DOI: <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-10>
- Ахремченко А.С., Горельский И.Е., Мельвиль А.Ю. Как и зачем измерять и сравнивать государственную состоятельность разных стран мира? Теоретико-методологические основания // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 2 – С. 8–23. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.02>
- Климатическое регулирование в контексте решений конференции в Глазго: мирополитические аспекты / С.А. Афонцев, М.М. Лебедева, Ю.А. Никитина [и др.]. – М.: МГИМО-Университет, 2021. – 25 с.
- Мельвиль А.Ю., Миронюк М.Г. «Политический атлас современности» revisited // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 6. – С. 41–61. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.04>
- Политика санкций: цели, стратегии, инструменты / под ред. И.С. Иванова, И.Н. Тимофеева. – М.: Российский совет по международным делам, 2023. – 535 с.

В.Е. БЕЛЕНКОВ, В. КОНЧА, А.С. АХРЕМЕНКО*

**ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-
КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ СТАБИЛЬНОСТЬ
В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ: КРОСС-СТРАНОВОЙ
КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ¹**

Аннотация. Развитие и распространение интернета в последние десятилетия стало одним из важнейших глобальных процессов, охватившим все регионы мира. Как все процессы такого масштаба, он создает сложную систему возможностей и рисков на всех уровнях. В этой работе мы фокусируемся на таком ее измерении, как риски для внутренней стабильности государств, порождаемые массовыми протестными движениями. Государства с разными политическими режимами связывают с распространением интернета угрозу стабильности внутреннего политического порядка, о чем свидетельствует общемировая тенденция наращивания усилий по политически мотивированному цензурированию Глобальной сети. Какой из этих процессов – рост координационных и информацион-

* **Беленков Вадим Евгеньевич**, аспирант, младший научный сотрудник, преподаватель Департамента политики и управления, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: vbelenkov@hse.ru; **Конча Валерия**, аспирант, преподаватель Департамента политики и управления, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: vkoncha@hse.ru; **Ахременко Андрей Сергеевич**, профессор Департамента политики и управления, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: aakhremenko@hse.ru.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 20-18-00274, <https://rscf.ru/project/20-18-00274/>, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

© Беленков В.Е., Конча В.,
Ахременко А.С., 2024

DOI: 10.31249/poln/2024.02.08

ных возможностей протестных движений или возрастающее государственное влияние на глобальную сеть – оказывает большее воздействие на протестную активность? И каково это воздействие? Для ответа на эти вопросы мы предприняли количественное исследование пространственно-временной выборки по 160 странам за период с 1990 по 2019 г. Ключевыми независимыми переменными стали уровни проникновения (данные Всемирного банка) и государственного цензурирования (V-Dem) интернета, зависимой переменной – максимальная численность протестующих за год (Mass Mobilization Project). Результаты порядковой логистической регрессии показали, что более важную роль в связке между информационно-коммуникационными технологиями и масштабами уличной протестной активности играет не проникновение интернета само по себе, а ответ государства на развитие интернет-технологий. И эта связь нелинейна, она обладает квадратичной *n*-формой. Максимальная численность протестующих достигается хотя и при высоком, но все же не при максимальном уровне свободы интернета; вместе с тем тотальная цензура действительно устойчиво связана с отсутствием уличной протестной мобилизации. Выявленная закономерность прослеживается как на всем массиве данных, так и внутри каждой из трех основных хронологических эпох развития интернета: 1995–2005, 2006–2015, 2016–2019 гг.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии; проникновение интернета; политический протест; цензура интернета; кросс-страновой анализ; порядковая логистическая регрессия.

Для цитирования: Беленков В.Е., Конча В., Ахременко А.С. Влияние информационно-коммуникационных технологий на политическую стабильность в меняющемся мире: кросс-страновой количественный анализ // Политическая наука. – 2024. – № 2. – С. 171–192. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.02.08>

Введение

Развитие и распространение информационно-коммуникационных технологий, прежде всего интернета, в последние десятилетия стало одним из важнейших и действительно глобальных процессов, охватившим все регионы мира. Этот процесс идет неодинаковыми темпами, с разных стартовых условий, но идет повсеместно (рис. 1). И это тот, вообще говоря, довольно редкий случай, когда наблюдается межстрановая конвергенция – дистанция по масштабам проникновения Глобальной сети между странами и регионами в последние годы (по крайней мере с 2014 г.) сокращается, а не увеличивается.

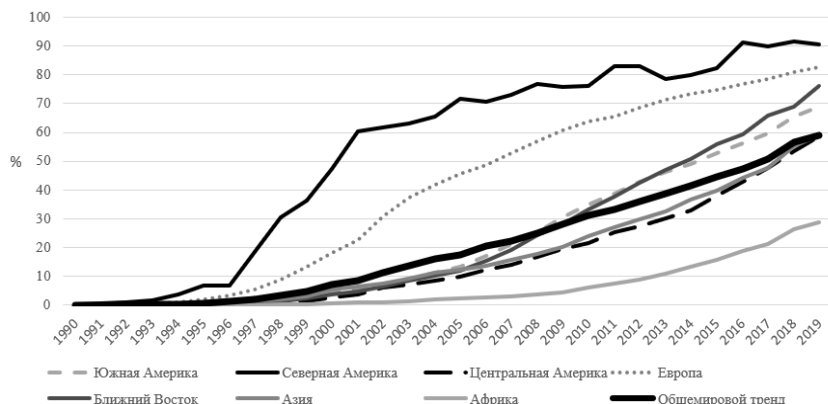

Рис. 1

Распространение интернета по большим регионам мира и общемировой тренд

Как все процессы такого масштаба, проникновение интернета создает сложную систему возможностей и рисков на всех уровнях: для индивидов, организаций, государств и обществ. В этой работе мы сосредоточимся на таком ее измерении, как риски для внутренней стабильности государств, порождаемые массовыми протестными движениями. Сразу сделаем оговорку, что в этом исследовании мы не оцениваем политический протест в этических категориях, как «зло» или «благо». Мы лишь отталкиваемся от того факта, что многие современные государства, и отнюдь не только автократии, связывают с распространением интернета риски для стабильности внутреннего политического порядка. Иначе трудно объяснить имеющуюся общемировую тенденцию к наращиванию усилий по политически мотивированному цензурированию Глобальной сети: в спектре от фильтрации контента, ограничения доступа к определенным ресурсам до тотального отключения интернета при угрозе или во время протестных кампаний. Соответствующие измерения систематически проводит проект Varieties of Democracy (V-Dem) посредством индикатора *Internet censorship effort* [Coppedge et al., 2023]; на рис. 2 сплошной линией показан усредненный по всем странам мира тренд динамики этой переменной. В силу особенностей шкалы снижение показателя соответствует

росту цензуры; фактически график отражает свободу интернета от государственной цензуры. V-Dem использует безразмерную шкалу (без абсолютной единицы измерения), которую следует интерпретировать относительно фактически наблюдаемых максимумов и минимумов. Так, общемировой тренд показан и на рис. 3, где самые низкие показатели свободы интернета имеют страны Ближнего Востока (–1.38 в минимуме), а самые высокие – государства Северной Америки (2.04 в максимуме).

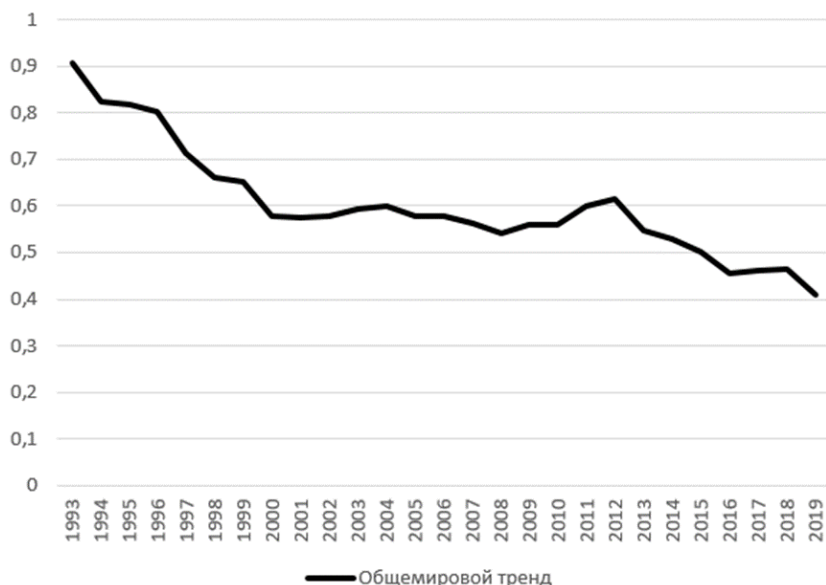

Рис. 2
Динамика уровня свободы интернета:
мировой тренд

При этом, в отличие от распространения интернета, мы не наблюдаем в политиках контроля над глобальной сетью межстрановой конвергенции: в этой области государства ищут индивидуальные ответы на возникающие угрозы (рис. 3). Это хорошо видно даже на примере такой сравнительно однородной политической общности, как страны Евросоюза (рис. 4).

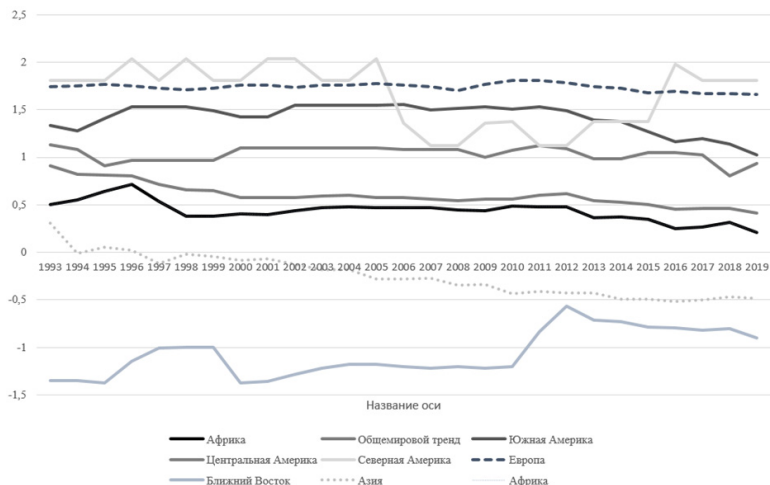

Рис. 3

Динамика уровня свободы интернета по регионам мира

Рис. 4 показывает также, что государственная реакция на развитие интернета не детерминирована типом политического режима. Все указанные страны, будучи демократиями, демонстрируют разные динамические паттерны воздействия на Глобальную сеть. Это наблюдение перекликается с одним из ключевых выводов проекта «Политический атлас современного мира 2.0» об отсутствии однозначной зависимости между типами политических режимов и государственностью [Мельвиль, МIRONЮК, 2020, с. 54].

Почему властные элиты в государствах с различным политическим устройством могут воспринимать развитие интернета как угрозу дестабилизации? Значительная часть современных исследований выявляет положительную связь между проникновением интернета и эффективностью протестных движений. Глобальная сеть предоставляет несколько ключевых возможностей, имеющих отношение к протесту. Это и резкое снижение затрат (в самом широком смысле) на создание оппозиционного контента [Mansell, 2003; Howard, Hussain, 2013], и радикальное увеличение скорости распространения таких сообщений [Tilly, Castañeda, Wood, 2018; Tufekci, 2017; Bennett, Segerberg, 2012]; и снижение потребности активистов физически находиться вместе для совершения коллективных действий [Earl, Kimport, 2011], и усиление мобили-

зующего эффекта за счет распространения эмоционально насыщенных видео и изображений [Rydzak, 2016]. Важнейшее значение имеет координирующий эффект интернета: как стратегический, связанный с преодолением информационной неопределенности относительно намерений потенциальных участников протеста [Enikolopov, Makarin, Petrova, 2020], так и тактический, способствующий выработке согласованной логистики и тайминга уличных акций [Clarke, Kosak, 2020]. Ряд исследователей указывает и на роль интернета в стимулировании заведомо деструктивных форм коллективных действий: легкий доступ к экстремистским идеологиям и радикальным политическим платформам может приводить к насильственному и агрессивному поведению во время протестов [Sedlmaier, 2014; Aitchison, 2018].

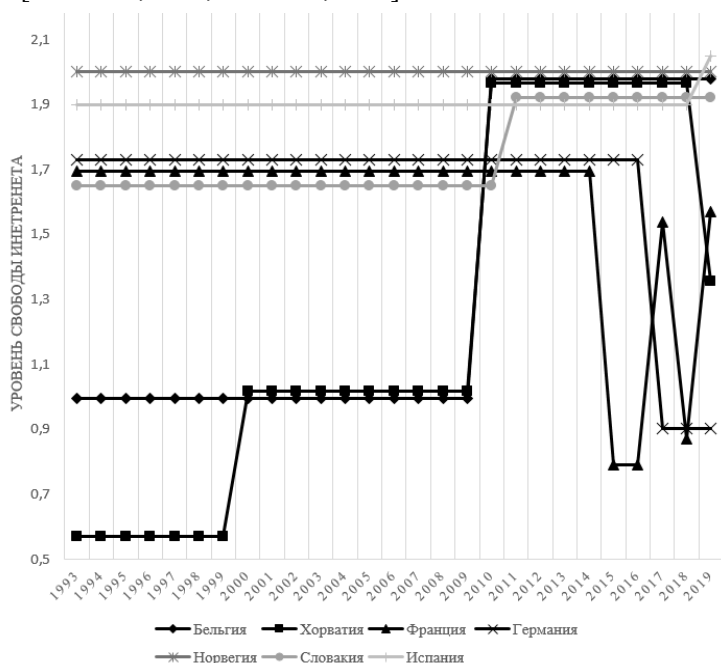

Рис. 4

Динамика уровня свободы интернета для некоторых стран ЕС¹

¹ V-Dem использует безразмерную шкалу (без абсолютной единицы измерения), которую следует интерпретировать относительно фактически наблюдаемых максимумов и минимумов.

Но одновременно интернет создает и значительные возможности для противодействия протестной активности со стороны правительств. За счет подконтрольных онлайн-ресурсов органы власти способны усиливать воспринимаемые риски коллективных действий и подрывать веру в их потенциальные выгоды [Hassanpour, 2014], эффективно управлять медийной повесткой [King et al., 2017], пресекая распространение информации, которая может поставить легитимность государства под вопрос [Deibert, 2000].

Стратегией, альтернативной манипуляции информационными потоками, является стратегия прямого цензурирования, которая может выражаться либо в удалении нежелательных элементов контента, либо в блокировке доступа к оппозиционным онлайн-ресурсам; крайней формой последнего является полное отключение интернета. И если в начале 2000-х в литературе преобладало мнение, что прямая цензура неэффективна из-за сравнительной легкости ее обхода [Diamond, 2010], то в последнее десятилетие исследователи подвергли эту оценку существенной коррекции. Так, М. Робертс показала, что даже незначительные затраты сил и средств, требуемые для преодоления блокировок, приводят к отказу большей части потенциальной аудитории от доступа к цензурируемой информации [Roberts, 2018]. На примере Китая продемонстрировано, что этот эффект наиболее сильно проявляется в условиях частичной цензуры [King, Pan, Roberts, 2013; King, Pan, Roberts, 2014], когда блокируются призывы к коллективным действиям, но при этом допускаются сообщения с критикой местных властей [Zhuravskaya, Petrova, Enikolopov, 2020]. Также отдельные исследования показывают, что локальные отключения интернета могут приводить к существенному снижению координационного потенциала оппозиционных групп [Gohdes, 2015].

Таким образом, мы наблюдаем две разнонаправленные, хотя и взаимосвязанные тенденции. Расширение охвата населения интернетом продолжается (рис. 1), и обобщенное предсказание «мейнстрима» научной литературы состоит в том, что этот процесс должен делать протест более массовым и эффективным. Одновременно усилия государств по контролю над интернетом наращиваются (рис. 2), и исследователи отмечают значительную (причем возрастающую) эффективность этих усилий, что неизбежно должно оказывать на протестную активность противоположное действие.

Это противоречие вполне объяснимо, если принять во внимание две важные особенности исследовательского поля вокруг «онлайн – офлайн» проблематики. Во-первых, исследования «мобилизующей роли интернета» и «демобилизующей роли государства» – это *разные* исследования. Практически нет работ, которые бы рассматривали эти составляющие в рамках одного дизайна, который требует значительной вариации в масштабах цензурирования, и, следовательно – кросс-странового подхода на большой выборке государств. Существующие же работы – и это вторая особенность – представляют собой в подавляющем большинстве случаев исследования отдельных стран или, гораздо реже, нескольких государств в рамках широких, но ограниченных во времени и пространстве протестных движений (таких, как «арабская весна»). Известное нам исключение – работа [Ruijgrok, 2017] с масштабной попыткой межстранового исследования влияния распространения интернета на количество протестных акций с 1990 по 2013 г. Но в ней опосредующим фактором является тип политического режима, а политика цензуры явно не учитывается.

Наше исследование направлено на заполнение этой «двойной» лакуны. Во-первых, мы рассматриваем в качестве факторов протестной активности и проникновение интернета, и усилия государства по контролю над ним. Во-вторых, оно характеризуется большим – практически максимальным в рамках доступности данных – пространственно-временным охватом. Эмпирическую базу исследования составили данные по 160 странам, представляющим все регионы мира, за период с 1990 по 2019 г.

Еще одной существенной особенностью авторского подхода является внимание к динамике связи между интересующими нас показателями на больших масштабах времени. Можно ли говорить о качественной (или хотя бы ощутимой количественной) трансформации влияния развития интернета и масштабов его цензурирования на процессы политической мобилизации за последние три десятилетия? Меняется ли *структура* связи между переменными во времени? Этот акцент также роднит наше исследование с подходом авторов проекта «Политический атлас современного мира 2.0», в котором большое внимание уделяется проблеме соотношения устойчивости взаимосвязей и элементов динамики мирового политического порядка [Мельвиль, Миронюк, 2020; Эмпирические вызовы..., 2023].

Данные

Набор переменных, используемых в данном исследовании, представлен в Приложении 1. Зависимая переменная, категория количества протестующих (*participant_num_cat*), была получена путем кодировки оригинальной переменной максимальной численности протестующих из базы Mass Mobilization Project Database 5.0 (MMPD) [Clark, Regan, 2016]. В связи с тем, что в оригинальной переменной присутствует погрешность (так как невозможно измерить численность протестующих в точности до человека), было принято решение закодировать переменную по диапазонам численности (см. табл. 1). Единицей анализа нашей базы данных является страна-год. Данные охватывают 166 государств мира за период с 1990 по 2019 г. Кроме того, добавлены данные по протестной активности в США, которых нет в оригинальной базе MMPD, из базы Crowd Counting Consortium¹ и новостных сводок.

Ключевые независимые переменные – доля населения, использующего интернет (*internet*) и свобода интернета от государственной цензуры (*internet_freedom*) – взяты из баз данных World Bank Open Data² и проекта V-Dem [Coppedge et.al., 2023] соответственно. Как уже было сказано выше, оригинальное название переменной *Internet_censorship_effort* не отражает ее фактического содержания: рост значений переменной соответствует свободе интернета от государственной цензуры. По этой причине переменная *Internet_censorship_effort* была переименована нами в *Internet_freedom*. Из базы данных V-Dem взяты также контрольные переменные: тип политического режима, наличие выборов президента в конкретном году, наличие парламентских выборов в конкретном году.

Остальные контрольные переменные взяты из базы данных World Bank Open Data, подробное описание которых также представлено в Приложении 1. Набор контрольных переменных экономического социально-демографического плана был подобран в соответствии со сложившейся традицией такого рода исследований (напр.: [Ruijgrok, 2017]).

¹ Crowd Counting Consortium. Crowd Counting Consortium 2017–22. – Mode of access: <https://sites.google.com/view/crowdcountingconsortium/view-download-the-data?authuser=0> (accessed: 30.11.2023).

² World Bank Open Data. 2023. World Development Indicators. – Mode of access: <https://data.worldbank.org/> (accessed: 30.11.2023).

Методы и результаты анализа данных

Для оценки направленности связи между проникновением интернета, уровнем свободы интернета от цензуры и численностью участников уличных протестов за год использовались порядковые логистические регрессионные модели. Выбор типа модели обусловлен типом зависимой переменной, которая представляет собой порядковую величину [Wooldridge, 2002].

Коэффициенты в моделях порядковой логистической регрессии были оценены как на всем массиве данных в целом (1990–2019), так и на отдельных подмассивах, отражающих разные эпохи в истории развития интернета. Так, отдельно были построены модели для 1995–2005, 2006–2015 и 2016–2019 гг. Период 1995–2005 гг. характеризовался бумом доткомов (Dot-com Boom – быстрый рост интернет-компаний и предприятий) и коммерциализацией интернета. Этот всплеск коммерческой активности стал поворотным моментом, подчеркнувшим потенциал интернета для бизнеса и коммерции [Tapscott, 1998]. На этом этапе интернет распространился по всему миру, охватывая все больше регионов и групп населения. Важные технологические вехи, такие как развитие первых платформ социальных сетей, создание онлайн-поисковых систем (например, Google) и достижения в платформах электронной коммерции (Amazon, eBay), превратили интернет в важнейший инструмент распространения информации, общения и бизнеса [Shirky, 2008].

Период 2006–2015 гг. характеризовался взрывным ростом и массовым внедрением платформ социальных сетей. Появление Facebook, Twitter, YouTube и других платформ изменило то, как люди взаимодействовали между собой, общались и делились контентом в интернете [Boyd, Ellison, 2007]. Широкое распространение смартфонов и мобильных устройств ускорило распространение интернета. Мобильный интернет стал более доступным, что привело к изменению поведения пользователей, моделей потребления контента и развитию мобильных приложений и услуг [Ghose, Nan, 2011]. Сбор и использование пользовательских данных для таргетированной рекламы и персонализированных услуг стали значительными. Подход, основанный на больших данных, фундаментально изменил динамику онлайн-маркетинга и пользовательского опыта [Mayer-Schönberger, Cukier, 2013].

2016–2019 гг. отмечены достижениями в области сетевых подключений и интеграции искусственного интеллекта. В этот период основное внимание уделялось улучшению возможностей подключения посредством таких инициатив, как сети 5G. Кроме того, интернет вещей (IoT) стал более распространенным, интегрируя различные устройства и системы между собой [Borgia, 2014]. Достижения в области искусственного интеллекта и машинного обучения привели к значительной интеграции интернет-сервисов. От чат-ботов до персонализированных рекомендаций – искусственный интеллект глубоко внедрился в различные онлайн-платформы, влияя на пользовательский опыт и качество взаимодействия [Russell, Norvig, 2021]. Расширение возможностей подключения также вызвало беспокойство по поводу кибербезопасности и конфиденциальности. В этот период стали заметны проблемы, связанные с утечкой данных, конфиденциальностью и этическими соображениями, касающимися использования ИИ [Floridi, 2016].

Чтобы учесть возможность квадратичного характера связи между свободой интернета и численностью протестующих, во все регрессионные модели был добавлен квадрат уровня свободы интернета от цензуры. В регрессионные модели и для массива в целом, и для отдельных подвыборок был также включен набор описанных в разделе «Данные» контрольных переменных. Обращаем внимание читателей, что среди контрольных переменных есть и численность населения страны, что позволяет нам отказаться от соответствующего нормирования численности участников протестов. Во всех регрессионных моделях были использованы устойчивые к кластеризации по странам стандартные ошибки. Отказ от включения фиксированных эффектов на страны позволил выявить влияние межстрановой вариации в уровне свободы интернета и уровне его проникновения, что представляет для нас первоочередной интерес, в то время как модели с фиксированными эффектами направлены на выявление влияния только внутривариационной вариации (которая в нашем случае зачастую сводится к совсем небольшим колебаниям уровня свободы интернета вокруг среднего для страны). Устойчивые к кластеризации стандартные ошибки в то же время позволяют учесть зависимость между наблюдениями в рамках одного государства [Beck, Katz, 2001].

Наконец, в модель для всего массива данных был включен набор дамми-переменных на группы лет. Это позволило учесть взлеты и спады в масштабах протестной активности в отдельные периоды времени, а также косвенно учесть международную диффузию протестной активности. В идеале нужно было включить дамми-переменные на каждый год, но в таком случае алгоритм оценки коэффициентов модели не достигает сходимости из-за отсутствия протестов с более чем миллионом участников (категория 6) в отдельные годы.

Также для массива в целом и для подмассивов были оценены коэффициенты моделей с включением только свободы интернета и её квадрата. Коэффициенты всех моделей были оценены с помощью метода максимального правдоподобия. Результаты анализа приводятся в Приложении 2.

На всем массиве данных была обнаружена отрицательная связь (на уровне значимости 0.05) между уровнем проникновения интернета и численностью протестующих. Этот результат противоречит предположениям об «освободительной» роли интернета [Diamond, 2010]. Напротив, этот результат ближе к исследованиям динамики проникновения интернета в недемократических режимах Вейдманна и его коллег [Rød, Weidmann, 2015], согласно которым интернет при прочих равных в большей степени распространяется в странах с низким уровнем свободы слова. При этом мы вводим цензуру (свободу) как отдельную переменную в наши модели, что позволяет нам предположить существование дополнительного (помимо цензуры) канала отрицательного воздействия интернета на протестную активность. Так, интернет может использоваться для организации наблюдения (в том числе скрытого) за деятельностью политических и общественных активистов [Rød, Weidmann, 2015], что должно облегчать превентивные меры по борьбе с протестной активностью.

При анализе подмассивов данных оценки коэффициентов при проникновении интернета оказались неустойчивыми. Они значимо отрицательны для периодов 1995–2005 и 2006–2015 гг. При этом в первом периоде значимость фиксируется на уровне 0.01, а во втором – на уровне 0.1, оценка коэффициента также становится ближе к нулю (–0.021 и –0.014). Для последнего периода времени (2016–2019) оценка коэффициента при уровне проникновения интернета становится положительной, но статистически неотличимой от нуля

(0.009). Следовательно, мы наблюдаем ослабление отрицательной связи проникновения интернета с численностью протестующих с течением времени вплоть до ее исчезновения.

Во всех моделях оценки при квадрате уровня свободы интернета от цензуры отрицательны и статистически значимо отличны от нуля (и во всех случаях на более строгих уровнях, чем оценки при масштабах проникновения интернета). Это говорит о том, что между свободой интернета от цензуры и численностью участников протестных акций существует квадратичная связь n -формы (т.е. парабола, выпуклая вверх). При низком уровне свободы интернета от цензуры (при высокой цензуре) рост свободы (ослабление цензуры) приводит к росту численности участников протестных акций. При некотором уровне свободы интернета от цензуры (точке экстремума) достигается максимальная численность участников, а при более высоком уровне свободы (более слабой цензуре) численность участников протестов уменьшается.

Чтобы яснее показать, как связаны свобода интернета и численность участников протестов, мы определили прогнозную категорию численности протестующих для минимальной свободы интернета, максимальной свободы интернета и для той свободы интернета, при которой достигается максимальная численность протестующих. Для прогноза мы использовали модель, оцененную на всем массиве данных, без контрольных переменных (выбор массива данных для прогноза в данном случае не важен из-за несущественности различий между оценками коэффициентов в модели без контрольной переменной и модели с контрольной переменной; но при этом важно, чтобы на прогноз влиял только уровень свободы интернета). Прогноз был рассчитан следующим образом. Во-первых, были определены прогнозные вероятности для каждой категории численности участников. Во-вторых, с помощью этих прогнозных вероятностей для упорядоченных категорий была определена медианная прогнозная категория. При минимальном уровне свободы интернета (-4.102) прогноз – отсутствие протеста, при максимальном уровне свободы интернета (2.251) прогноз – категория численности 2 (от 100 до 999 человек). Значение уровня свободы интернета, при которой достигается максимальная численность протестующих, была посчитана по формуле:

$$x = \frac{-b}{2a}, \quad (1)$$

где x – точка экстремума, a – оценка коэффициента при квадрате уровня свободы интернета, b – оценка коэффициента при уровне свободы интернета.

Это значение равно 0,79, что соответствует, согласно V-Dem [Coppedge et al., 2022], высокому уровню свободы интернета (страны с такими значениями попали бы в группу стран с неограниченным доступом к информации в интернете). Но при этом для наблюдений возле такого значения уровень цензуры несколько выше, чем для наблюдений с максимальным уровнем свободы. При *internet_freedom* = 0,79 медианный прогноз порядковой численности протестующих равен категории 3 (от 1000 до 9999 человек).

Таким образом, мы видим, что согласно прогнозу при максимальном уровне свободы интернета (полном отсутствии цензуры) медианная численность протестующих будет находиться в диапазоне от 100 до 999 человек, при небольших ограничениях свободы интернета (не выводящих страну тем не менее из группы стран со свободным интернетом) медианная численность протестующих будет находиться в диапазоне от 1000 до 9999 человек, а при минимальной свободе (максимально жесткой цензуре) уличных протестов нет. Из этих расчетов можно сделать два вывода:

– При отсутствии цензуры в интернете численность протестующих выше, чем при максимально жесткой цензуре;

– При промежуточных значениях уровня свободы / цензуры в интернете численность протестующих выше, чем при минимальных и максимальном уровнях свободы / цензуры.

Эти выводы можно объяснить следующим образом. При отсутствии цензуры в интернете имеется пространство для распространения критической по отношению к властям информации. Кроме того, общественные организации и активисты могут координировать подготовку к уличным акциям [Clarke, Kosak, 2020], а также обращаться к обществу в целом с призывами к участию в протестных акциях. При тотальной цензуре нет возможности распространять информацию о политике властей, которая могла бы вызвать недовольство граждан. Кроме того, нет возможности координировать протестные акции и информировать их потенциальных участников об их проведении. При промежуточных уровнях цензуры ограничения недостаточно сильны, чтобы воспрепятствовать рас-

пространению критики политики властей и призывов к участию в протестных акциях, и чтобы помешать группам активистов заниматься протестной мобилизацией. Вместе с тем ограничения достаточно сильны, чтобы вызвать повышенное недовольство граждан. Но стоит отметить, что положительное влияние ограничений свободы интернета на численность протестующих характерно только для самых слабых ограничений, при дальнейшем усилении цензуры этот эффект сначала нивелируется, а затем становится негативным.

Примечательно, что характер связи между уровнем свободы интернета и численностью участников протестных мероприятий одинаков для всех периодов развития интернета. Во всех временных периодах p -value оценки при квадратичном члене не превышает 0.05 (в отличие от уровня проникновения интернета, для которого значимость теряется в последнем периоде).

Полученные результаты были проверены на устойчивость к форме зависимой переменной. С помощью логистических регрессионных моделей мы оценили влияние уровня проникновения интернета и уровня свободы интернета на вероятность возникновения любого протеста и на вероятность возникновения крупного протеста (численность участников не меньше 1000 человек). Все контрольные переменные из порядковой логит-модели были включены в обычные логит-модели. Также использовались стандартные ошибки, устойчивые к кластеризации по стране. Оценка коэффициента при уровне проникновения интернета оказалась статистически незначимой, оценка коэффициента при квадрате свободы интернета – отрицательно значима. Следовательно, квадратичная связь n -формы между свободой интернета и численностью протестующих оказалась устойчивой к спецификации моделей, а связь между проникновением интернета и численностью протестующих – неустойчивой.

Заключение

Результаты анализа данных позволяют сделать несколько выводов общего характера. Во-первых, более важную роль в связке между информационно-коммуникационными технологиями и масштабами уличной протестной активности играет не проникновение интернета само по себе, а ответ государства на развитие интернет-

технологий. Наше исследование продемонстрировало устойчивую связь между степенью, в которой государство цензурирует интернет, и численностью участников протестных акций. Во-вторых, связь между свободой / цензурой интернета и масштабом протестов нелинейна: работает квадратичная связь n -формы. Максимальная численность протестующих достигается хотя и при высоком, но все же не при максимальном уровне свободы интернета. Этот результат демонстрирует, что сравнительно небольшие ограничения свободы интернета ассоциированы с ростом протестной активности. Вместе с тем мы также показали, что тотальная цензура действительно устойчиво связана с отсутствием уличной протестной мобилизации.

Эти результаты следует воспринимать с учетом некоторых ограничений предпринятого исследования. Во-первых, мы не использовали экспериментальных или квазиэкспериментальных методов. Хотя они в наибольшей степени способны выявлять причинно-следственные связи [Imbens, Rubin 2015], эти методы недоступны нам в силу масштабности единицы анализа (страна-год). По этой причине мы можем только предполагать причинно-следственную связь между свободой Интернета и численностью протестующих, но не можем констатировать ее наличие с уверенностью. Во-вторых, мы делали акцент лишь на одном направлении государственной политики по отношению к Глобальной сети – цензуру, которая выражается в основном в блокировках контента. Но мы не рассматривали продвижение проправительственной повестки в интернете (в том числе с помощью автоматизированных аккаунтов [Stukal et al., 2022]), возможности использования Интернета для сбора и анализа информации об общественном мнении, об активности и планах потенциальных организаторов протестных мероприятий. Эти аспекты еще ждут своего исследователя, и анализ таких данных на значительных пространственно-временных массивах – большое и перспективное направление дальнейшей работы.

Однако эти ограничения никоим образом не мешают нам сделать вывод не только о наличии связи между протестной активностью и цензурирующим воздействием государств, но и о высокой устойчивости такой связи во времени. Данные были проанализированы по трем эпохам развития интернета (1995–2005, 2006–2015, 2016–2019), которые отличаются между собой не только количественно – степенью охвата населения глобальной сетью,

но и качественно – появлением социальных медиа, интеграцией систем искусственного интеллекта и др. Этим этапам свойственны разные типичные проявления протестной активности, например, для 2000-х годов – это «цветные революции», для начала 2010-х годов – «арабская весна», для которых характерны разные по масштабу и качеству способы использования интернета. Менялось и цензурирующее воздействие государства – во введении мы говорили о общем нарастающем тренде и при этом – о большом разнообразии государственных политик даже в рамках сравнительно однородных с точки зрения политического режима объединений стран. И тем не менее выявленная нами п-образная связь воспроизводится в каждом из этих периодов. Имеются структуры, которые в «треугольнике» «государство – общество – технологии» сохраняют примечательную преемственность в меняющемся мире.

V.E. Belenkov, V. Koncha, A.S. Akhremenko*
The impact of information and communication technologies
on political stability in a changing world:
cross-country quantitative analysis¹

Abstract. The development and spread of the Internet in recent decades have become one of the most important global processes covering all regions of the world. Like all processes of this scale, it creates a complex system of opportunities and risks at all levels. In this work, the authors focus on such a dimension as the risks to the internal stability of states generated by mass protest movements. States with different political regimes associate the spread of the Internet with a threat to the stability of the internal political order, as evidenced by the global trend of increasing efforts to organize politically motivated censorship of the Internet content. Which of these processes – growing coordination and information capabilities of protest movements or increasing state influence on the global network – has a greater impact on protest activity? And what direction does this impact have? In order to answer these questions, the authors undertook a quantitative study of a panel data on 160 countries in 1990–2019. The key independent variables were the levels of Internet penetration (World Bank data) and state Internet censorship (V-Dem), the dependent variable was the maximum number of protesters per

* **Belenkov Vadim**, HSE University (Moscow, Russia), e-mail: vbelenkov@hse.ru; **Koncha Valeriya**, HSE University (Moscow, Russia), e-mail: vkoncha@hse.ru; **Akhremenko Andrei**, HSE University (Moscow, Russia), e-mail: aakhremenko@hse.ru

¹ This research is supported by the Russian Science Foundation grant No. 20-18-00274, <https://rscf.ru/en/project/20-18-00274/>, HSE University.

year (Mass Mobilization Project). The results of ordinal logistic regression demonstrate that there was not the Internet penetration per se, but the state's response to the development of Internet technologies plays the most important role in the relationship between information and communication technologies and the scale of street protest activity. This relationship is nonlinear, it has a quadratic n -shape. The maximum number of protesters is achieved, although at a high, but still not at the maximum level of Internet freedom from censorship. At the same time, total censorship is indeed robustly associated with the absence of street protest mobilization. The identified pattern can be traced both within the full dataset and within each of the three main chronological eras of the development of the Internet: 1995–2005, 2006–2015, and 2016–2019.

Keywords: information and communication technologies; Internet penetration; political protest; Internet censorship; cross-national analysis; ordinal logistic regression.

For citation: Belenkov V.E., Koncha V., Akhremenko A.S. The impact of information and communication technologies on political stability in a changing world: cross-country quantitative analysis. *Political science (RU)*. 2024, N 2, P. 171–192. DOI: <https://www.doi.org/10.31249/poln/2024.02.08>

References

- Aitchison G. Coercion, resistance and the radical side of non-violent action. *Raisons politiques*. 2018, Vol. 69, N 1, P. 45–61. DOI: <https://doi.org/10.3917/rai.069.0045>
- Beck N., Katz J. Throwing out the baby with the bath water: a comment on Green, Kim and Yoon. *International organization*. 2001, Vol. 55, N 2, P. 487–495. DOI: <https://doi.org/10.1162/00208180151140658>
- Bennett W.L., Segerberg A. *The logic of connective action: digital media and the personalization of contentious politics*. Cambridge: Cambridge university press, 2013, 256 p.
- Borgia E. The Internet of things vision: key features, applications, and open issues. *Computer communications*. 2014, Vol. 54, P. 1–31. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.comcom.2014.09.008>
- Boyd D., Ellison N. Social network sites: definition, history, and scholarship. *Journal of computer-mediated communication*. 2007, Vol. 13, N 1, P. 210–230. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.2007.00393.x>
- Clark D., Regan P. Mass Mobilization Protest Data. *Harvard dataverse*. 2016. DOI: <https://doi.org/10.7910/DVN/HTTWYL>
- Clarke K., Kocak K. Launching revolution: social media and the Egyptian uprising's first movers. *British journal of political science*. 2020, Vol. 50, N 3, P. 1024–1045. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0007123418000194>
- Coppedge M., Gerring J., Knutsen C. H., Lindberg S. I., Teorell J., Altman D., Bernhard M., Cornell A., Fish M. S., Gastaldi L., Gjerløw H., Glynn A., God A. G., Grahn S., Hicken A., Kinzelbach K., Krusell J., Marquardt K. L., McMann K., Mechkova V., Medzihorsky J., Natsika N., Neundorff A., Paxton P., Pemstein D., Pernes J., Rydén O., Römer J. von, Seim B., Sigman R., Skaaning S.-E., Staton J., Sundström A., Tzelgov E., Wang Y., Wig T., Wilson S., Ziblatt D. V-dem [country-

- year/country-date] dataset v13. *Varieties of Democracy (V-Dem) Project*. 2023. DOI: <https://doi.org/10.23696/vdemds23>
- Deibert R. International plug 'n play? Citizen activism, the Internet, and global public policy. *International studies perspectives*. 2000, Vol. 1, N 3, P. 255–272. DOI: <https://doi.org/10.1111/1528-3577.00026>
- Diamond L. Liberation technology. *Journal of democracy*. 2010, Vol. 21, N 3, P. 69–83. DOI: <https://doi.org/10.1353/jod.0.0190>
- Earl J., Kimport K. *Digitally enabled social change: activism in the Internet age*. Cambridge: The MIT Press, 2011, 272 p.
- Enikolopov R., Makarin A., Petrova M. Social media and protest participation: evidence from Russia. *Econometrica*. 2020, Vol. 88, N 4, P. 1479–151. DOI: <https://doi.org/10.3982/ECTA14281>
- Floridi L. *The ethics of information*. Oxford: Oxford university press, 2016, 384 p.
- Ghose A., Han S. P. An Empirical Analysis of User Content Generation and Usage Behavior on the Mobile Internet. *Management Science* 2011, Vol. 57, N 9, P. 1671–91. DOI: <https://doi.org/10.1287/mnsc.1110.1350>
- Gohdes A.R. Pulling the plug: network disruptions and violence in civil conflict. *Journal of peace research*. 2015, Vol. 52, N 3, P. 352–367. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022343314551398>
- Hassanpour N. Media disruption and revolutionary unrest: evidence from Mubarak's quasi-experiment. *Political communication*. 2014, Vol. 31, N 1, P. 1–24. DOI: <https://doi.org/10.1080/10584609.2012.737439>
- Hussain M.M., Howard P.N. *Democracy's fourth wave? Digital media and the Arab spring*. NY: Oxford university press, 2013, 160 p.
- Imbens G.W., Rubin D.B. *Causal inference for statistics, social, and biomedical sciences: an introduction*. Cambridge: Cambridge university press, 2015, 625 p.
- King G., Pan J., Roberts M.E. Reverse-engineering censorship in China: randomized experimentation and participant observation. *Science*. 2014, Vol. 345, N 6199. P. 1251722. DOI: <https://doi.org/10.1126/science.1251722>
- King G, Pan J, Roberts M.E. How censorship in China allows government criticism but silences collective expression. *American political science review*. 2013, Vol.107, N 2, P 326–343. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0003055413000014>
- Mansell R. The Internet galaxy: reflections on the Internet, business and society. *Research policy*. 2003, Vol. 32, P. 526–527. DOI: [https://doi.org/10.1016/s0048-7333\(02\)00012-4](https://doi.org/10.1016/s0048-7333(02)00012-4)
- Mayer-Schönberger V., Cukier K. *Big Data: A revolution that will transform how we live, work, and think*. NY: Harper Business, 2013, 272 p.
- Melville A.Yu., Mironyuk M.G. “Political Atlas of the Modern World” Revisited. *Polis. Political Studies*. 2020, N 6, P. 41–61. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.04> (In Russ.)
- Melville A.Yu., Malgin A.V., Mironyuk M.G., Stukal D.K. Empirical challenges and methodological approaches in comparative politics (through the lens of the Political Atlas of the Modern World 2.0). *Polis. Political studies*. 2023, N 5, P. 153–171. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.05.10> (In Russ.)

- Roberts, Margaret E. *Censored: Distraction and Diversion Inside China's Great Firewall*. Princeton University Press, 2018, 272 p.
- Rød E.G., Weidmann N.B. Empowering activists or autocrats? The Internet in authoritarian regimes. *Journal of peace research*. 2015, Vol. 52, N 3, P. 338–351. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022343314555782>
- Ruijgrok K. From the Web to the streets: Internet and protests under authoritarian regimes. *Democratization*. 2017, Vol. 24, N 3, P. 498–520. DOI: <https://doi.org/10.1080/13510347.2016.1223630>
- Russell S.J., Norvig P. *Artificial intelligence: a modern approach*. London: Pearson, 2021, 1151 p.
- Rydzak J. *The Digital dilemma in war and peace: the determinants of digital network shutdown in non-democracies*. Conference paper, 2016. DOI: <https://doi.org/10.13140/RG.2.1.5155.6249>
- Sedlmaier A. *Consumption and violence: radical protest in Cold-War West Germany*. Michigan: University of Michigan press, 2014, 336 p.
- Shirky C. *Here comes everybody: the power of organizing without organizations*. London: Penguin press, 2008, 344 p.
- Stukal D., Sanovich S., Bonneau R., Tucker J.A. Why botter: how pro-government bots fight opposition in Russia. *American political science review*. 2022, Vol. 116, N 3, P. 843–857. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0003055421001507>
- Tapscott D. *Growing up digital: the rise of the net generation*. NY: McGraw-Hill, 1998, 336 p.
- Tilly C., Castañeda E., Wood L.J. *Social movements, 1768–2018*. New York: Routledge, 2019, 332 p.
- Tufekci Z. *Twitter and tear gas: the power and fragility of networked protest*. New Haven, CT: Yale university press, 2017, 360 p.
- Wooldridge J. *Econometric analysis of cross section and panel data*. Cambridge: The MIT press, 2002, 741 p.
- Zhuravskaya E., Petrova M., Enikolopov R. Political effects of the Internet and social media. *Annual review of economics*. 2020, Vol. 12, P. 415–438. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-economics-081919-050239>

Литература на русском языке

- Эмпирические вызовы и методологические подходы в сравнительной политологии (сквозь призму «Политического атласа современного мира 2.0») / А.Ю. Мельвиль, А.В. Мальгин, М.Г. МIRONЮК, Д.К. Стукал // Полис. Политические исследования. – 2023. – № 5. – С. 153–171. – DOI: <http://doi.org/10.17976/jpps/2023.05.10>
- Мельвиль А.Ю., МIRONЮК М.Г. Политический атлас современности revisited // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 6. – С. 41–61. – DOI: <http://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.04>

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Описание переменных

Переменная	Описание	Тип переменной
Независимая переменная:		
<i>internet_freedom</i>	Степень, в которой информация (текст, аудио или видео) в Интернете подвергается цензуре со стороны правительства. 0 – Правительство успешно блокирует доступ в интернет, за исключением сайтов проправительственных или лишенных политического содержания 1 – Правительство пытается заблокировать доступ в интернет, за исключением сайтов проправительственных или лишенных политического содержания, но многие пользователи способны обойти такие элементы управления. 2 – Правительство разрешает доступ в интернет, в том числе к некоторым сайтам, которые его критикуют, но блокирует избранные сайты, посвященные политически чувствительным вопросам. 3 – Правительство разрешает неограниченный доступ в интернет	Порядковая, преобразованная в безразмерную интервальную величину с помощью модели измерения – V-Dem
<i>internet</i>	процент пользователей интернета от общей численности населения	Интервальная, непрерывная (0–100)
Зависимая переменная		
<i>participants_num_cat</i>	категориальная оценка максимальной численности протестующих за год (0–нет протестов, 1 – от 1 до 99, 2 – от 100 до 999, 3 – от 1000 до 9999, 4 – от 10000 до 99999, 5 – от 100000 до 999999, 6 – от 1000000)	категориальная порядковая
Контрольные переменные:		
<i>v2x_regime</i>	тип политического режима (0 – закрытая автократия, 1 – электоральная автократия, 2 – электоральная демократия, 3 – либеральная демократия)	категориальная номинальная
<i>log(e_gdppc)</i>	натуральный логарифм от ВВП на душу населения	интервальная (шкала отношений), непрерывная
<i>v2xel_elecpres</i>	наличие выборов президента в конкретном году	бинарная
<i>v2xel_elecparl</i>	наличие парламентских выборов в конкретном году	бинарная
<i>log(e_wb_pop)</i>	натуральный логарифм численности населения страны	интервальная (шкала отношений), непрерывная
<i>unemployment</i>	уровень безработицы	интервальная (шкала отношений), непрерывная
<i>inflation</i>	уровень инфляции	интервальная (шкала отношений), непрерывная
<i>youth</i>	процент молодежи в возрасте от 15 до 29 лет в численности населения страны	интервальная (шкала отношений), непрерывная (0–100)
<i>urbanization</i>	уровень урбанизации	интервальная (шкала отношений), непрерывная

Приложение 2

Результаты регрессионного анализа

Переменные	Зависимая переменная: participant_num_cat							
	all		1995–2005		2006–2015		2016–2019	
internet_freedom	0.226*** (0.062)	0.306*** (0.082)	0.300*** (0.069)	0.283*** (0.102)	0.160** (0.070)	0.309*** (0.098)	0.219*** (0.083)	0.356** (0.142)
l(internet_freedom ²)	-0.143*** (0.035)	-0.184*** (0.041)	-0.145*** (0.040)	-0.192*** (0.048)	-0.136*** (0.041)	-0.167*** (0.047)	-0.163*** (0.055)	-0.233*** (0.086)
internet		-0.009** (0.004)		-0.021*** (0.006)		-0.014* (0.008)		0.009 (0.009)
v2x_regime1		0.198 (0.290)		0.303 (0.400)		0.083 (0.365)		0.492 (0.352)
v2x_regime2		0.310 (0.321)		0.723* (0.434)		-0.158 (0.385)		0.622 (0.428)
v2x_regime3		0.020 (0.360)		0.376 (0.474)		-0.135 (0.431)		0.361 (0.564)
log(e_gdppc)		0.074 (0.148)		0.109 (0.191)		0.149 (0.190)		-0.212 (0.273)
v2xel_elecpres		0.028 (0.112)		-0.013 (0.173)		0.023 (0.163)		0.234 (0.221)
v2xel_elecparl		-0.110 (0.084)		-0.211 (0.139)		-0.061 (0.121)		-0.138 (0.201)
log(e_wb_pop)		0.611*** (0.058)		0.564*** (0.081)		0.605*** (0.059)		0.808*** (0.088)
unemployment		0.051*** (0.014)		0.046*** (0.018)		0.049*** (0.016)		0.064*** (0.025)
inflation		-0.0001 (0.0004)		-0.0003 (0.001)		-0.019 (0.013)		-0.006 (0.005)
yourth		-0.061* (0.037)		-0.023 (0.046)		-0.089* (0.048)		-0.105* (0.058)
urbanization		0.006 (0.006)		0.007 (0.008)		0.002 (0.007)		0.002 (0.008)
year_group399		-0.209 (0.204)						
year_group400		0.087 (0.221)						
year_group401		-0.030 (0.259)						
year_group402		0.169 (0.278)						
year_group403		0.113 (0.314)						
0 1	-0.753*** (0.129)	8.719*** (1.311)	-0.642*** (0.155)	8.926*** (1.766)	-0.786*** (0.148)	7.586*** (1.609)	-0.971*** (0.169)	11.233*** (1.938)
1 2	-0.514*** (0.128)	8.991*** (1.311)	-0.434*** (0.154)	9.172*** (1.765)	-0.548*** (0.146)	7.842*** (1.608)	-0.603*** (0.157)	11.674*** (1.929)
2 3	0.073 (0.130)	9.676*** (1.314)	0.120 (0.157)	9.812*** (1.777)	0.069 (0.148)	8.563*** (1.609)	0.007 (0.161)	12.468*** (1.945)
3 4	1.119*** (0.139)	10.902*** (1.320)	1.162*** (0.167)	11.021*** (1.789)	1.169*** (0.154)	9.858*** (1.621)	0.975*** (0.169)	13.706*** (1.949)
4 5	2.463*** (0.172)	12.513*** (1.328)	2.493*** (0.206)	12.617*** (1.802)	2.568*** (0.195)	11.594*** (1.638)	2.267*** (0.219)	15.304*** (1.982)
5 6	4.233*** (0.262)	14.456*** (1.355)	4.663*** (0.337)	15.065*** (1.843)	4.282*** (0.319)	13.382*** (1.672)	3.677*** (0.364)	16.989*** (1.966)

Note: * $p < 0.1$; ** $p < 0.05$; *** $p < 0.01$

Е.А. СЕДАШОВ, Д.Н. ЧЕРНОВ, С.Н. БАЛАНИНА*

**ВЛИЯНИЕ ХАРАКТЕРИСТИК ЛИДЕРОВ
НА МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ:
ДИАДИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ¹**

Аннотация. Современный анализ межгосударственных вооружённых конфликтов, как правило, концентрируется на эффектах структурных характеристик, таких, как военная и экономическая мощь, политическая система и географическое положение. Вместе с тем индивидуальная роль ключевых лиц, принимающих решения, часто оказывается вне поле зрения исследователей. В данной статье мы анализируем влияние характеристик лидеров на межгосударственные вооружённые конфликты. В центре нашего внимания находятся два параметра: асимметрия сроков правления и способ получения власти. В фокусе нашей теории лежат проблемы неполной информации и достоверных обязательств. Мы ожидаем, что лидеры с асимметричными сроками правления с меньшей вероятностью вовлекаются в вооружённые конфликты, чем лидеры с симметричными сроками правления. Данный результат в некотором смысле противоречит стандартной модели, согласно которой большее количество знаний лидеров друг о друге должно вести к меньшей вероятности конфликта. Также мы предполагаем, что лидеры,

* Седашов Евгений Александрович, PhD, доцент Департамента политики и управления Факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: esedashov@hse.ru; Чернов Даниил Николаевич, аспирант, Департамент политики и управления Факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: dnchemov@hse.ru; Баланина Софья Николаевна, студентка бакалавриата, программа «Вычислительные социальные науки», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: snbalanina_1@edu.hse.ru

¹ Статья подготовлена в рамках консорциума МГИМО МИД России и НИУ ВШЭ из средств гранта на реализацию программы стратегического академического лидерства «Приоритет – 2030».

© Седашов Е.А., Чернов Д.Н.,
Баланина С.Н., 2024

DOI: 10.31249/poln/2024.02.09

получившие власть конвенциональным способом, с меньшей вероятностью вовлекаются в межгосударственные вооруженные конфликты, потому что таким лидерам гораздо проще брать на себя достоверные обязательства по поддержанию мира. К конвенциональным способам получения власти мы относим выборы, наследственную передачу или любой другой способ, определяющийся в конкретной стране как законный. Неконвенциональные способы включают в себя революции и перевороты. Для эмпирической проверки данных гипотез мы используем массив диадических данных и логит-регрессию. Результаты основных моделей и проверок на устойчивость в целом согласуются с представленной теорией.

Ключевые слова: межгосударственный вооруженный конфликт; модель конфликтного торга; достоверные обязательства; неполная информация; асимметрия пребывания в должности; диадический анализ.

Для цитирования: Седашов Е.А., Чернов Д.Н., Баланина С.Н. Влияние характеристик лидеров на межгосударственные конфликты: диадический анализ // Политическая наука. – 2024. – № 2. – С. 193–217. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.02.09>

Введение

Как срок пребывания лидеров у власти и способ ее получения влияют на склонность к участию в межгосударственных вооруженных конфликтах (МВК)¹ (*англ. militarized interstate disputes*)? Этот вопрос в последнее время привлекает достаточно большое внимание исследователей. Влияние характеристик лидеров на инициирование МВК все чаще становится предметом научного анализа, не в последнюю очередь в силу появления соответствующих массивов данных [Chiozza, Goemans, 2004]. Любопытно, что ученые гораздо чаще рассматривают участие в МВК как фактор продолжительности пребывания лидеров у власти [Bueno de Mesquita, Siverson, 1995; Chiozza, Goemans, 2004]. Исследований, в которых анализируется, как характеристики пребывания лидера в должности влияют на вероятность МВК, в целом не так много. В данной работе представлен диадический анализ связи между склонностью лидеров к участию в МВК и характеристиками их пребывания в должности. Опираясь на модель конфликтного торга [Fearon, 1995], мы предполагаем, что асимметричные сроки пребывания в должности и способ получения власти играют ключевую

¹ Далее в статье используется аббревиатура МВК. Также мы будем иногда прибегать к термину «война» – в данной статье его следует считать синонимом МВК.

роль в проблемах, связанных с полнотой информации (incomplete information problems) и достоверными обязательствами (credible commitment problems), возникающими в процессе конфликтного торга между лидерами.

Все политические лидеры сталкиваются с теоретически схожей проблемой достоверных обязательств: они должны взять на себя обязательства, касающиеся своих будущих решений, и обязательства, касающиеся решений своих возможных преемников. Считается, что лидерам авторитарных государств сложнее сделать убедительными оба эти обязательства, поскольку они работают в условиях гораздо более мягких институциональных ограничений, чем лидеры демократических государств. Однако именно поэтому характеристики лидеров имеют гораздо большее значение для инициации МВК между автократиями: в отсутствие жестких институциональных ограничений характеристики конкретных лидеров и их индивидуальное умение демонстрировать решительность и способность следовать обязательствам нередко играют решающую роль. Подчеркнём, что характеристики лидеров имеют значение и в контексте инициирования МВК демократиями¹. Мы лишь утверждаем, что, в силу институциональных ограничений, они играют менее значимую роль. Исходя из этих соображений, в данной работе мы фокусируемся на поведении лидеров авторитарных государств.

Мы предполагаем, что способ получения лидером власти играет роль сигнала стабильности политического режима и, следовательно, влияет на способность лидера брать на себя обязательства по поддержанию мира, которые будут считаться достоверными. Лидерам, пришедшим к власти неконвенциональным путем (например, в результате переворотов или революций), будет трудно взять на себя обязательства по проведению мирной политики, поскольку установленный режим считается нестабильным и подверженным резким изменениям в случае его смены. Таким образом, даже если обязательства самого лидера по поддержанию мира считаются надежными, велика вероятность того, что само пребывание

¹ Данные характеристики могут быть особенно важны в контексте теории «отвлекающей войны». Например, Фордхэм анализирует влияние партийной принадлежности президентов США и экономических стимулов (инфляция и безработица) на вероятность использования США военной силы за рубежом [Fordham, 1998].

лидера у власти недолговечно и все его обязательства перестанут иметь силу, как только политический режим изменится. Лидеры, которые приходят к власти конвенциональными способами (например, в результате наследственной передачи власти, внутрипартийных или массовых выборов), напротив, способны предоставлять надежные гарантии по поддержанию мира, поскольку институциональная структура считается более стабильной, а вероятность внезапной смены режима – невысокой.

Если способ получения лидером власти формирует проблему достоверных обязательств в переговорах, то асимметричные сроки пребывания в должности формируют проблему неполной информации. В данной работе мы определяем асимметрию пребывания в должности как отношение большей продолжительности пребывания в должности к меньшей продолжительности пребывания в должности в диаде i в момент времени t . Вопреки интуиции, которую можно почерпнуть из классической модели Фиарона [Fearon, 1995], мы утверждаем, что большая асимметрия сроков правления лидеров приводит к более мирным отношениям, чем малая асимметрия сроков правления. Другими словами, чем больше лидеры знают друг о друге, тем больше они готовы вступать в конфликты друг с другом. В разделе, посвященном анализу данных, мы подтверждаем эти теоретические ожидания: предполагаемая связь устойчива при различных спецификациях модели и даже при использовании различных единиц анализа. В заключение мы обсуждаем полученные результаты и их значение для более детального анализа внешней политики.

Обзор литературы

В данной работе нас интересуют прежде всего два раздела литературы: литература, посвященная факторам, влияющим на пребывание лидеров в должности, и литература, посвященная факторам начала МВК. Источники первого раздела важны для данной работы, поскольку во многих исследованиях, посвященных анализу факторов продолжительности пребывания лидеров у власти, подчеркивается важность МВК. Более того, отдельные направления исследований связывают склонность лидеров к МВК с их стратегией сохранения политического статуса. Например, Буэно де

Мескита и его соавторы в работе «Институциональное объяснение демократического мира» утверждают, что необходимость победы в войне ради политического выживания делает демократических лидеров маловероятными мишенями в МВК, необходимость победы также заставляет демократических лидеров стратегически выбирать военные цели и избегать войн, в которых у них мало шансов победить [Bueno de Mesquita et al., 1999]. Этот аргумент дает четкое теоретическое объяснение известной эмпирической закономерности: демократии не воюют друг с другом. Однако этот аргумент мало что говорит о войнах между авторитарными государствами. Можно ли объяснить борьбу между автократиями простым стратегическим уклонением от нападения на демократические государства? Эмпирические закономерности указывают на более сложную картину. Во-первых, аргументы стратегического уклонения, очевидно, работают далеко не всегда, так как войны между авторитарными и демократическими государствами время от времени случаются. Во-вторых, аргумент Буэно де Мескиты и соавторов опирается на так называемую теорию селектората: демократические лидеры обладают большим селекторатом и, следовательно, имеют более высокие стимулы к победе в войне, поскольку в случае проигрыша они столкнутся с гораздо более суровыми последствиями. Если перевести это в формальную плоскость, то выгоды от победы в войне, как правило, являются общественным благом, в то время как издержки войны распределяются среди населения неравномерно¹. Для лидеров демократий проигрыш в войне означает необходимость нести ответственность перед существенной частью селектората, который в значительной мере нес на себе бремя военных расходов. Вместе с тем лидеры автократий могут переложить бремя войны на ту часть населения, которая не входит в их селекторат, и, следовательно, избежать тяжелых последствий даже в случае проигрыша, поскольку их селекторат не нес бремени военных действий². Аргумент Буэно де Мескиты довольно точно объясняет,

¹ Мы предполагаем, что общественным благом является именно сам факт победы в войне – выгоды от самого хода военных действий, разумеется, также распределяются неравномерно.

² В современном мире войны нередко финансируются за счет внешних государственных заимствований. Мы предполагаем, что даже в таких случаях население несет значительные издержки от военных действий, и логика процесса работает схожим образом.

почему демократии являются менее привлекательными целями, чем автократии. Тем не менее в более поздних исследованиях этот аргумент был поставлен под сомнение. Гьелпи и Грико предположили, что опыт лидеров играет решающую роль в выборе демократических государств в качестве цели: неопытные лидеры, как правило, воспринимают затраты на борьбу выше, чем затраты на уступки [Gelpi, Grieco, 2001]. Поскольку в авторитарных государствах, как правило, ниже уровень сменяемости руководства, их лидеры будут обладать большим опытом и, следовательно, будут нацеливаться на менее опытных демократических лидеров, чтобы получить уступки без затрат на ведение войны [Gelpi, Grieco, 2001]. Этот аргумент имеет отношение к нашей теоретической аргументации, но наша логика несколько иная. Мы утверждаем, что два неопытных авторитарных лидера с такой же вероятностью вступят в войну, как и два опытных авторитарных лидера. Важен уровень асимметрии между сроками правления двух лидеров: чем выше уровень асимметрии, тем ниже вероятность конфликта. Далее мы кратко перечислим другие известные взгляды на демократический мир и объясним, насколько они релевантны для объяснения конфликтных отношений между автократиями.

Первая группа аргументов связывает демократический мир с нормами сотрудничества и компромисса, которые присущи процессу разрешения споров в демократических странах [Zeev, Russett, 1993; Dixon, 1994]. Разумеется, этот аргумент не может быть напрямую экстраполирован на конфликтные отношения между автократиями. Объяснение того, что автократии могут быть более склонны к войне, поскольку их лидеры привыкли к такому способу разрешения споров, может показаться логичным с психологической точки зрения, но с эмпирической – несколько наивным. Из типологии Геддес мы знаем, что ни один персоналистский автократ не вступал в войну с 1945 по 1999 г.; при этом во внутренней политике данные лидеры часто полагались на силовые способы разрешения конфликтов и поддержания собственной власти [Geddes, 1999]. Другая известная теория, разработанная Рассеттом и О'Нилом, связывает демократический мир с сочетанием трех факторов: демократии, торговой зависимости и совместного членства в международных организациях [Russett, Oneal, 2000; Oneal et al., 2003; Oneal, Russett, 1997]. В эмпирической части статьи мы контролируем две последние переменные, поскольку логика, касаю-

щаяся связи между этими переменными и миром, должна быть применима и к авторитарным государствам. В следующей части обзора литературы мы планируем рассмотреть основные объяснения начала войны, на которые мы опираемся в данной работе, исключая торговую зависимость и совместное членство в международных организациях, поскольку их влияние мы уже обозначили выше.

Основной моделью, на которую мы опираемся в данном исследовании, является модель конфликтного торга [Fearon, 1995]. Эта модель дает возможность сделать два предположения, которые мы также используем в нашей теоретической модели: 1) с точки зрения издержек война всегда менее эффективна, чем переговоры и достижение сделки *ex ante*, 2) между потенциальными сторонами конфликта существует неполная (или, в терминах Фиарона, «частная») информация о военных возможностях (вероятности победы в войне) и готовности воевать (что является критической точкой, после которой издержки уступок в переговорах становятся слишком высокими, и страна вступает в войну). Наша модель принимает эти предположения, но делает важное расширение: анализируемая нами игра является повторяющейся, в которой в каждом раунде каждый игрок может блефовать относительно своих возможностей и готовности к войне. Репутация обновляет убеждения игроков о вероятности блефа друг друга, но, что интересно, репутация «не блефующего» не обязательно будет означать снижение вероятности военного столкновения. Более подробно мы остановимся на этом вопросе в теоретической части работы. Сейчас же просто повторим, что мы заимствуем структуру предположений из модели Фиарона, но структура игры, которую мы рассматриваем, отличается. Мы не используем формальный анализ, но полагаем, что для понимания основных положений теоретической аргументации будет достаточно простых словесных рассуждений. Для выбора контрольных переменных, помимо модели Фиарона, мы используем ряд других известных теорий, получивших подтверждение в эмпирических исследованиях. Мы будем использовать соотношение военных потенциалов (государства, имеющие большие различия в военных потенциалах, обычно не вступают в войну друг с другом), расстояние между государствами (близкие государства с большей вероятностью вступают в войну друг с другом), общую границу (соседние государства с большей вероятностью вступают в войну друг с другом) и статус союзников (союзники с меньшей вероятно-

стью вступают в войну друг с другом). По крайней мере, все эти переменные получили некоторую эмпирическую поддержку [Bennett, Stam, 2004]. Теперь, изложив аргументы относительно демократического мира и его возможных сходств / различий с авторитарным миром, нам необходимо рассмотреть литературу, посвященную вопросам пребывания лидеров у власти и начала войны.

Первое, что следует отметить, – литература, посвященная взаимосвязи конфликта и выживаемости лидеров, появилась не так давно, часто цитируемые в современных исследованиях работы относятся к 1990-м годам. Как, вероятно, известно читателю, группа ученых под руководством Брюса Буэно де Мескиты первой провела крупные эмпирические исследования связи между пребыванием лидеров у власти и межгосударственными конфликтами. В одной из работ ученые смоделировали и обнаружили связь между войной и политическим выживанием: лидеры, вступающие в войну, подвергают себя политическим рискам внутри страны. Лидеры, потерпевшие военное поражение, скорее всего, будут смещены со своего поста, а высокая стоимость войны также ассоциирована с политическими рисками [Bueno de Mesquita et al., 1995]. В другой работе Буэно де Мескиты и его соавторы пошли еще дальше и смоделировали взаимосвязь между военными конфликтами и сменой режима: поражение в войне увеличивает вероятность насильственной смены режима [Bueno de Mesquita et al., 1992]. Одним из важных выводов из этих работ является тот факт, что война – это, в некотором смысле, азартная игра: лидеры не имеют возможности идеально просчитать риск смещения с поста из-за войны. Всегда есть риск, что что-то пойдет не так и то, что казалось легкой победой, превратится в трудоемкую войну на истощение и, в худшем случае, в позорное поражение. Однако предполагается, что лидеры все же рациональны. Гоманс и Фей построили теорию войны как рациональной азартной игры в условиях полной информации: необходимость заручиться поддержкой определенной части селектората создает то, что они называют «institutionally induced risk preferences» (институционально обусловленные предпочтения риска), и лидеры идут на авантюру, стремясь заручиться этой поддержкой, если авантюра оправдается [Goemans, Fey, 2008]. Более того, оказалось, что развязывание и продолжение войны также зависит от значимости этих вопросов для селектората [Goemans, Fey, 2008]. Отметим, что модель Гоманса

и Фея – это модель, предполагающая полную информацию. В эмпирической реальности предположение об ограниченной рациональности, как правило, является более подходящим инструментом для теоретизирования стратегических сред, когда игроки могут совершать ошибки из-за просчетов, вызванных недостатком информации. В данной работе мы не предполагаем возможности того, что лидеры могут неверно оценивать свои возможности и стоимость войны, хотя это направление исследований весьма интересно и остается малоизученным. Повторим, что для данной работы тот факт, что лидеры могут быть смещены с поста в результате войны, является важным фактом, который будет играть свою роль в теоретической части работы, а конфликтный торг здесь анализируется в условиях ограниченной рациональности.

Аргументы, следовавшие за первоначальными выводами о связи между войной и пребыванием лидеров у власти, постепенно усложнялись и детализировались. Некоторые заметные направления исследований изучали возможность «отвлекающей войны» (diversionary war) и стимулы лидеров к участию в такого рода войнах. В широко цитируемом исследовании Фордхэм нашел подтверждение гипотезы о том, что президенты США, уязвимые внутри страны из-за экономических условий, имеют стимулы для начала отвлекающих военных действий за рубежом [Fordham, 1998]. Однако в других исследованиях эта гипотеза не нашла подтверждения: лидеры, которые сталкиваются с более высокой вероятностью потери поста, имеют меньшую сопутствующую вероятность участия в MBK [Chiozza, Goemans, 2003]. Последний аргумент согласуется с одним из описанных выше исследований: поскольку война увеличивает вероятность смещения с должности, нет особого смысла идти на дополнительный риск и вступать в войну, если риск потерять должность и так высок. Для эмпирической проверки данной идеи Чиозза и Гоманс используют двухэтапную пробит-модель и сначала моделируют вероятность потери должности, а затем включают эти предсказанные вероятности во вторую модель [Chiozza, Goemans, 2003]. Данный подход имеет свои недостатки: нет никакой гарантии, что лидеры оценивают риски для своего пребывания в должности именно так, как предсказывает первая модель. Другими словами, субъективная вероятность политического выживания лидеров может отличаться от предсказанной в модели Чиоззы и Гоманса. В данной работе мы не

принимая во внимание аргументы «отвлекающей войны», полагая, что предложенная нами модель может быть проанализирована в данном контексте в будущих исследованиях.

Теоретическая модель

В данной работе основной интерес представляет исследование влияния двух факторов – срока пребывания лидера на посту и способа получения лидером власти – на вероятность МВК между авторитарными государствами. Сначала мы проанализируем роль срока пребывания в должности, а затем – эффекты способов получения власти.

Как было указано выше, в данной работе мы учитываем предположения классической модели конфликтного торга: 1) в условиях полной информации сделка всегда предпочтительнее войны *ex ante*, 2) всегда есть стимулы для искажения частной информации о готовности к войне [Fearon, 1995]. В нашей модели не предполагается искажения информации о военном потенциале, поскольку исказить эту информацию гораздо сложнее. Мы также предполагаем, что готовность воевать является убывающей функцией от вероятности появления и развития оппозиционных настроений внутри страны в случае начала войны. Важной особенностью разрабатываемой нами модели является учет неопределенности предпочтений населения внутри страны: лидеры авторитарных государств нередко сталкиваются со значительной неопределённостью относительно политических предпочтений граждан, которые имеют стимулы их искажать из соображений безопасности и благосостояния; по мнению Уинтроба, лидеры авторитарных государств сталкиваются с «дилеммой диктатора», когда усиление репрессий порождает дополнительные стимулы для граждан исказить свои предпочтения [Wintrobe, 1998]. В связи с этим возникает следующий вопрос: при наличии проблемы «дилеммы диктатора» как время пребывания у власти может повлиять на эту проблему? Прежде всего, учет фактора времени делает «дилемму диктатора» динамичной. Предположим, что лидер A вступает в должность в момент времени t . Он сталкивается с первоначальной неопределённостью относительно предпочтений граждан в отношении той или иной политики. Как правило, после прихода к власти лидеры авторитарных

государств создают определенные институты, которые помогают им купировать оппозиционные настроения. Поначалу эти институты могут работать хорошо, но со временем население учится обходить эти институты: оно может искажать свои предпочтения относительно политики режима и осваивает модели поведения, которые не рассматриваются правительством как потенциально дестабилизирующие. В результате лидер с течением времени сталкивается со все большей неопределенностью относительно истинных предпочтений граждан. У читателя может возникнуть вопрос: а не может ли лидер просто установить новые институты купирования оппозиционных настроений после того, как население приспособило свое поведение к существующим? Вопрос во многом эмпирический, но в данной работе мы учитываем логику «эффекта колеи» (path-dependence): если институты уже созданы, то их ликвидация и создание новых требует больших затрат.

Прежде чем перейти к дальнейшему изложению, повторим общую логику теоретической аргументации: после прихода к власти лидер авторитарного государства создает институты купирования оппозиционных настроений; со временем издержки создания новых институтов взамен старых возрастают в силу «эффекта колеи», а население учится обходить существующие институты, искажая предпочтения в отношении политики режима и выбирая такие модели поведения, которые не будут рассматриваться как потенциально угрожающие политическому режиму. В результате со временем лидер сталкивается со все большей неопределенностью в отношении предпочтений граждан своей страны и располагает все меньшим количеством достоверной информации о предпочтениях населения в отношении выбранной политики. Теперь, изложив общую логику, мы должны переложить ее на диадическую модель, поскольку основная цель анализа – выявить, как сроки пребывания лидеров у власти влияют на вероятность начала войны между возглавляемыми ими государствами.

В нашей модели мы предполагаем, что переговоры о войне – это, по сути, процесс выбора ставок и расчета того, ответит ли ваш оппонент войной или уступит требованиям. Важной частью этого переговорного процесса является расчет вероятности реакции общества: мы знаем, что война ухудшает шансы на политическое выживание [Bueno de Mesquita, Siverson, 1995], поэтому лидеру необходимо рассчитать вероятность негативной реакции населения

в случае начала войны. В рассматриваемой нами игре (в неформальном виде) есть два ключевых участника: инициатор и цель. Инициатор делает первый ход и решает, начинать межгосударственный спор или нет. Если он решает начать спор, то выдвигает требование и сопровождает его угрозой войны. Цель имеет возможность либо уступить требованию, либо отклонить его. Решение цели о том, уступить требованию или отклонить его, определяется двумя факторами: 1) восприятием цели, не блефует ли инициатор о своей готовности к войне, 2) как цель оценивает свою собственную вероятность негативной внутривнутриполитической реакции в случае войны. Цель принимает решение об отклонении требования только в том случае, если затраты на его принятие превышают затраты на ведение боевых действий или если цель считает, что инициатор блефует относительно готовности к ведению боевых действий. Затраты на ведение боевых действий, будучи напрямую связанными с готовностью к войне, также являются функцией вероятности негативной внутренней реакции. Теперь предположим, что существует популяция авторитарных лидеров численностью N ; время пребывания у власти каждого лидера (измеряется в годах) устанавливается как $t \in [1; +\infty)$. Объект k (конкретный лидер) одновременно получает предложения о переговорах от S лидеров ($0 \leq S \leq N-1$) и затем делает выбор: отвергнуть сделку или принять ее. Любой выбор становится общеизвестным для всех остальных игроков, участвующих в игре. Предположим теперь, что лидер k цели имеет $t = 1$. То есть сначала рассмотрим случай, когда инициатор является долгосрочным лидером. Известно, что долгосрочные лидеры имеют высокую неопределенность в отношении вероятности негативной реакции внутри страны, поскольку граждане в их стране искажают свои предпочтения и обладают высокими навыками обхода существующих институциональных ограничений. Высокая неопределенность инициатора в отношении вероятности негативной ответной реакции внутри страны создает стимулы к тому, чтобы цель отклонила выдвигаемые требования, рассчитывая на то, что инициатор с высокой вероятностью блефует. Инициатор, следовательно, будет мотивирован выдвигать приемлемые требования, поскольку хочет не допустить отклонения требований со стороны цели. Теперь рассмотрим обратный случай (инициатор имеет $t = 1$, а цель – долгосрочный лидер). Логика, по сути, аналогична. Инициатор будет мотивирован на авантюру и

выдвижение высоких требований, а цель, скорее всего, примет их из-за неуверенности во внутренней реакции в случае войны.

Что произойдет, если цель – долгосрочный лидер ($t = 10$, например), а инициатор также долгосрочный лидер ($t = 10$). Ситуация усложняется. Долгосрочному лидеру будет сложнее рассчитать требования, поскольку он знает о высокой неопределенности цели относительно вероятности негативной внутривнутриполитической реакции. Однако, учитывая, что уровень неопределенности обоих лидеров в отношении внутривнутриполитической реакции на военные действия одинаков, цель в данном случае будет более мотивирована к войне, поскольку инициатор, как правило, сталкивается с более высоким уровнем наказания в случае проигрыша войны [Сгосо, 2011]. Следовательно, вероятность войны между двумя долгосрочными лидерами будет выше, чем между краткосрочным и долгосрочным лидерами.

Последний случай, который нам необходимо рассмотреть, – лидер с коротким сроком полномочий ($t = 2$) против лидера с таким же коротким сроком полномочий ($t = 3$). Оба лидера обладают высокой степенью определенности относительно предпочтений граждан в своих странах. Предположим, что лидер с $t = 2$ является инициатором, а лидер с $t = 3$ – целью. Что происходит в этом случае? Разумно ожидать, что инициатор будет блефовать; для инициатора с коротким сроком пребывания в должности стимулы к блефу гораздо выше, чем для инициатора с длительным сроком пребывания в должности, поскольку у него гораздо выше степень определенности в отношении предпочтений граждан в своей стране. Учитывая, что вероятность блефа гораздо выше, объект будет заинтересован в том, чтобы рискнуть и отклонить предложение, считая, что инициатор блефует. Теперь мы можем сформулировать основной теоретический вывод относительно связи между сроком пребывания лидеров у власти и вероятностью войны между авторитарными государствами: асимметрия сроков играет важную роль. Проверяемая гипотеза состоит в следующем:

Чем выше асимметрия сроков пребывания лидеров в должности, тем ниже вероятность войны между двумя авторитарными государствами.

В данной работе асимметрия сроков пребывания в должности определяется как

$$\frac{t_1}{t_2},$$

где t_1 – более длительный срок пребывания в диаде, а t_2 – более короткий срок пребывания в диаде.

Вторая часть нашей теории касается способа получения власти. Здесь все относительно просто: лидерам, которые приходят к власти неконвенциональными способами, труднее взять на себя обязательства по проведению мирной политики, поскольку их режим считается нестабильным, так как в автократиях после смены предыдущего режима обычно происходит резкая смена политики, лидеры, приходящие к власти неконвенциональными способами, не могут взять на себя достоверные обязательства по поддержанию долгосрочного мира. Лидеры, получившие власть конвенциональным способом, напротив, обладают большей способностью брать на себя обязательства по долгосрочному миру, поскольку их режим считается более стабильным и менее склонным к резкой смене правил игры. В данной работе мы используем определения вступления в должность, применяемые в наборе данных Archigos [Goemans et al., 2009]. Более конкретно, Гоманс с коллегами дает следующее определение: «Лидеры могут получать власть (1) конвенциональным путем, в соответствии с действующими в стране правилами, положениями, конвенциями и нормами, (2) неконвенциональным путем, например, в результате переворота, и (3) путем прямого навязывания со стороны другого государства» [Goemans et al., 2009, p. 272].

В данной работе мы не рассматриваем случаи прямого навязывания лидеров со стороны внешних акторов и ограничиваем анализ только случаями конвенциональных и неконвенциональных способов получения власти. В диадах у нас будет три возможных пары: конвенциональный – конвенциональный, конвенциональный – неконвенциональный, неконвенциональный – неконвенциональный. Первую категорию мы кодируем как 0, вторую – как 1, а третью – как 2, по уровню склонности к МВК. Из этого следует вторая основная гипотеза:

Если оба лидера вступают в должность конвенционально, то вероятность войны между ними будет наименьшей; если один лидер вступает в должность конвенционально, а другой – неконвенционально, то вероятность войны между ними будет выше;

если оба лидера вступают в должность неконвенционально, то вероятность войны между ними будет наибольшей.

Данные и оценка

Мы используем два набора данных: первый известен как Democratic Peace data [Russett, Oneal, 2000], второй – уже упоминавшийся Archigos [Goemans et al., 2009]. Массив представляет собой диадические данные с двумя альтернативными единицами анализа: в первом случае мы использовали государства – лидеры – годы – диады, во втором – государства – годы – диады¹. Важность этого различия станет понятна, когда мы будем обсуждать методологию получения результатов модели. Временной диапазон данных охватывает с 1885 по 1991 г.

Зависимой переменной в анализе является начало МВК и она принимает два возможных значения: 1 – если МВК имел место в данном году, 0 – если нет. Две основные независимые переменные, которые мы используем для проверки гипотез, – это асимметрия сроков пребывания в должности и способ вступления в должность. Правило кодирования переменной «способ вступления в должность» мы уже описали выше, поэтому здесь нет необходимости возвращаться к этому вопросу. Что касается соотношения сроков пребывания в должности, то повторимся: переменная представляет собой результат деления более длительного срока пребывания лидера в должности в данном году-диаде на более короткий срок пребывания лидера в должности в данном году-диаде. Мы используем стандартные контрольные переменные: торговая зависимость (двусторонняя торговля / ВВП на душу населения) государства, более зависимого от торговли в диаде, натуральный логарифм расстояния между государствами в диаде, натуральный логарифм соотношения военных возможностей, количество международных организаций, в которых государства в диаде имеют общее членство, бинарная переменная, фиксирующая факт нали-

¹ Количество наблюдений в обоих подходах будет одинаковым, так как предполагается, что одно государство может иметь только одного лидера в конкретный год. Различие между подходами заключается в определении «счетчика выживания», который описан ниже.

чия общей границы (1, если государства не имеют общей границы, 0, если имеют), бинарная переменная, фиксирующая союзнический статус государств (0, если государства в диаде не являются официальными союзниками, 1, если являются союзниками) и количество непрерывных лет мира в диаде (подробнее об этом будет сказано ниже).

Мы оцениваем логистическую регрессию с использованием «счетчика выживаемости», который задается как количество лет, прошедших с момента окончания последней войны (использование переменной счетчика в панельных данных с бинарной зависимой переменной было рекомендовано Беком и коллегами в 1998 г. [Beck et al., 1998]). Поскольку мы имеем несбалансированные панели, то для учета возможности гетероскедастичности используются робастные стандартные ошибки. В модели, которую мы оцениваем, используются счетчик и квадратичный полином (квадрат счетчика). Мы задали две альтернативные версии счетчика выживаемости: в первой версии переменная счетчика рассчитывается для государств – лидеров – годов – диад, во второй – для государств – годов – диад. Мы использовали вторую спецификацию для того, чтобы учесть возможность существования значимых эффектов, не связанных с лидером, которые влияют на продолжительность периода мира между двумя государствами. Две альтернативные спецификации счетчика выживания также относятся к двум альтернативным единицам анализа: первая спецификация относится к государствам – лидерам – годам – диадам, вторая – к государствам – годам – диадам.

Последний вопрос, который нам необходимо решить, – это отбор авторитарных диад из имеющейся у нас выборки диад. Наше правило отбора следующее: диада кодировалась как авторитарная, если оба государства в этой диаде имели балл по шкале Polity IV [Gurr, Marshall, 2020] меньше 0. В качестве проверок на робастность мы использовали альтернативные правила отбора авторитарных диад.

Результаты и обсуждение

В таблице 1 представлены результаты двух моделей: первая оценивалась по счетчику выживаемости, заданному для государств –

лидеров – годов – диад, во втором варианте счётчик рассчитывался для государств – годов – диад.

Таблица 1

**Эффекты асимметрии сроков пребывания в должности
и способа получения власти на вероятность МВК**

	<i>Модель 1</i>	<i>Модель 2</i>
Асимметрия сроков	–0.0699*** (0.0115)	–0.0165* (0.0093)
Способ получения власти	0.2080*** (0.0619)	0.3231*** (0.0604)
Торговая зависимость	–16.0611*** (4.0262)	–11.7456*** (3.7978)
Log (расстояние)	–0.4128*** (0.0502)	–0.3396*** (0.0527)
Log (военный потенциал)	–0.1618*** (0.0292)	–0.1552*** (0.0316)
Членство в организациях	–0.0084** (0.0038)	0.0074** (0.0037)
Отсутствие границ	–0.9353*** (0.1643)	–0.5564*** (0.1614)
Союзники	–0.9924*** (0.1148)	–0.8070*** (0.1119)
Счетчик	–0.5276*** (0.0432)	–0.2068*** (0.0158)
Счетчик ²	0.0231*** (0.0020)	0.0023*** (0.0002)
Константа	1.4383*** (0.4360)	0.9342** (0.4331)
<i>N</i>	10893	10893
Log likelihood	–1984.670	–1845.964
Chi2	890	738

Стандартные ошибки в скобках

* $p < .10$, ** $p < .05$, *** $p < .01$

Как мы видим, обе гипотезы нашли подтверждение в данных, хотя в отношении модели 2 величина и статистическая значимость коэффициента асимметрии сроков пребывания в должности ниже. Это не должно вызывать удивления, если учесть, что модель 2 оценивалась на уровне «государство – год – диада». Тем не менее тот факт, что результат устойчив даже в модели, заданной для альтернативных единиц анализа, свидетельствует в пользу первой гипотезы. Вторая гипотеза получила сильную поддержку в обеих моделях.

Поскольку мы использовали логистическую регрессию, мы не можем содержательно интерпретировать коэффициенты из таблицы регрессии. Мы даем содержательную интерпретацию в рамках модели угрозы войны. Другими словами, мы допускаем, что угроза войны может изменяться во времени и оцениваем, как изменение ключевых независимых переменных влияет на уровень угрозы. Интерпретация дается для линейной переменной-счетчика.

Рисунок 1 дает содержательную интерпретацию первой гипотезы.

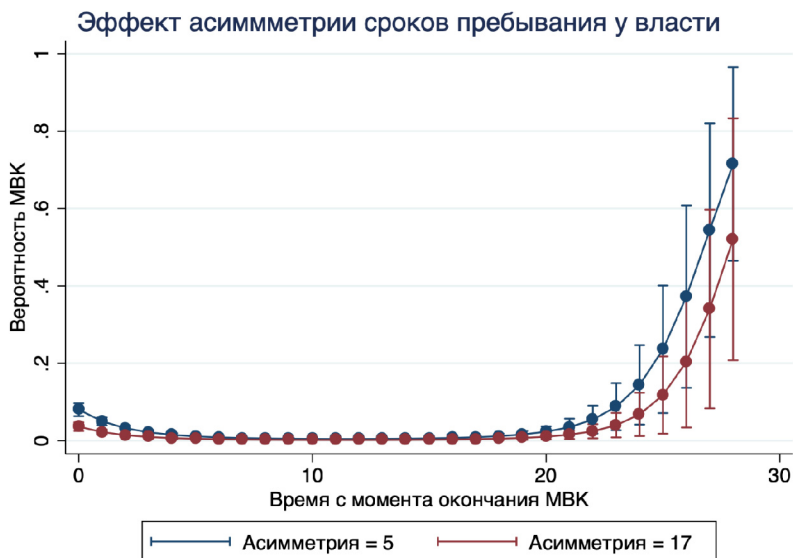

Рис. 1

**Иллюстрация эффектов асимметрии сроков пребывания
в должности на вероятность МВК**

Видно, что при увеличении асимметрии сроков пребывания в должности на 2 стандартных отклонения вероятность войны снижается примерно на 0,045 единицы, если время с момента последней войны = 0, и на 0,03, если время с момента последней войны = 1. Эффект начинает исчезать только тогда, когда время, прошедшее с момента последней войны, превышает 4. Иными словами, для зна-

чения времени, прошедшего с момента последней войны ≤ 4 , мы обнаружили сильную поддержку первой гипотезы.

Рисунок 2 дает содержательную интерпретацию второй гипотезы.

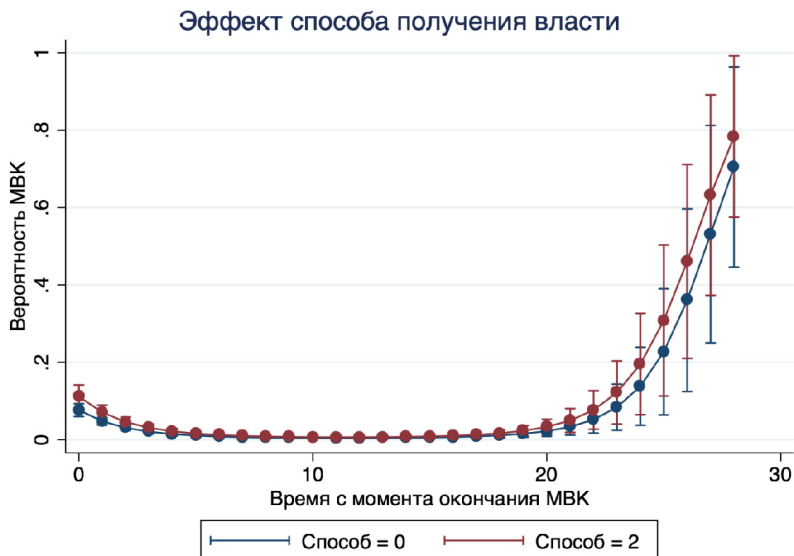

Рис. 2

Иллюстрация эффектов способа получения власти на вероятность МВК

Мы видим, что гипотеза 2 получила поддержку: при значениях времени, прошедшего с момента последней войны, равных 0 и 1, вероятность начала войны для двух лидеров, вступающих в должность нерегулярно, на 0,05 единицы выше, чем для лидеров, вступающих в должность регулярно. Эффект начинает исчезать при значениях времени с момента последней войны > 3 . Иными словами, гипотеза 2 получила сильную поддержку при значениях времени с момента последней войны ≤ 3 .

Мы видим, что обе гипотезы получили поддержку в данных. Асимметрия пребывания лидеров в должности уменьшает вероятность начала войны в диаде, а неконвенциональный способ получения власти увеличивает вероятность начала войны в диаде.

Проверки на устойчивость

У читателя может возникнуть вопрос, не обусловлены ли полученные результаты нашим правилом отбора авторитарных диад. Что произойдет, если выборка будет ограничена только теми диадами, в которых оба государства имеют балл по шкале Polity IV ≤ -5 . В таблице 2 приведены результаты для моделей, оцененных с использованием этого правила отбора. В модели 3 использовались счетчики уровня «государство – лидер – год – диада», в модели 4 – счетчики уровня «государство – год – диада». Мы видим, что коэффициенты переменной «асимметрия сроков пребывания лидеров в должности» сохраняют статистическую значимость, а их уровень аналогичен результатам, полученным в таблице 1. Также видно, что переменная «способ получения власти» теряет свою значимость.

Таблица 2

Эффекты асимметрии сроков пребывания в должности и способа получения власти на вероятность МВК

	<i>Модель 3</i>	<i>Модель 4</i>
Асимметрия сроков	-0.0939*** (0.0140)	-0.0198* (0.0113)
Способ получения власти	-0.0718 (0.0705)	0.1129 (0.0695)
Торговая зависимость	-2.4364 (2.1178)	-3.0848 (2.4187)
Log (расстояние)	-0.3093*** (0.0672)	-0.2986*** (0.0679)
Log (военный потенциал)	-0.2884*** (0.0370)	-0.2566*** (0.0401)
Членство в организациях	-0.0154*** (0.0042)	-0.0015 (0.0042)
Отсутствие границ	-0.9308*** (0.2176)	-0.4428** (0.2135)
Союзники	-0.8436*** (0.1266)	-0.6985*** (0.1261)
Счётчик	-0.5560*** (0.0475)	-0.2142*** (0.0183)
Счётчик ²	0.0233*** (0.0022)	0.0025*** (0.0002)
Константа	1.5242** (0.6105)	1.2968** (0.5938)
<i>N</i>	8259	8259
Log likelihood	-1437.991	-1359.220
Chi2	686	578

Стандартные ошибки в скобках

* $p < .10$, ** $p < .05$, *** $p < .01$

В таблице 3 мы приводим результаты моделей, которые оценивались для выборки диад, в которых оба государства имеют балл по шкале Polity IV ≤ -7 .

Таблица 3

**Эффекты асимметрии сроков пребывания в должности
и способа получения власти на вероятность МВК**

	<i>Модель 5</i>	<i>Модель 6</i>
Асимметрия сроков	-0.0920*** (0.0188)	-0.0185 (0.0130)
Способ получения власти	-0.0844 (0.0873)	0.1424* (0.0855)
Торговая зависимость	-3.0565 (2.3640)	-3.9937 (2.9495)
Log (расстояние)	-0.3321*** (0.0803)	-0.3275*** (0.0791)
Log (военный потенциал)	-0.3889*** (0.0451)	-0.3126*** (0.0486)
Членство в организациях	-0.0251*** (0.0057)	-0.0123** (0.0058)
Отсутствие границ	-0.4097 (0.2625)	-0.0677 (0.2525)
Союзники	-0.7633*** (0.1626)	-0.5952*** (0.1549)
Счётчик	-0.5669*** (0.0560)	-0.2203*** (0.0235)
Счётчик ²	0.0244*** (0.0025)	0.0026*** (0.0002)
Константа	2.4666*** (0.7200)	2.0202*** (0.6996)
<i>N</i>	6288	6288
Log likelihood	-1001.331	-959.139
Chi2	519	414

Стандартные ошибки в скобках

* $p < .10$, ** $p < .05$, *** $p < .01$

Для модели 5 (счетчики указаны для государств – лидеров – годов – диад) переменная асимметрии сроков пребывания лидеров в должности остается статистически значимой, а коэффициент имеет предсказанное направление. Для модели 6 (счетчики указаны для государств – годов – диад) переменная асимметрии пребывания лидеров в должности теряет свою значимость. Переменная «способ получения власти» значима только в модели 6. В целом мы видим, что результаты по переменной асимметрии сроков пребывания лидеров в должности достаточно устойчивы к критериям отбора выборки. Результаты,

полученные в отношении переменной способа получения власти, демонстрируют относительную устойчивость только в моделях, построенных по годам – государствам – диадам, что означает их большую чувствительность к критериям отбора выборки.

Заключение

В данной работе мы исследовали влияние сроков пребывания лидеров в должности и способов получения лидерами власти на вероятность начала войны между государствами. Мы сосредоточились на авторитарных государствах, поскольку в условиях мягких институциональных ограничений характеристики лидеров оказывают решающее влияние на их умение демонстрировать решительность и способность следовать обязательствам. Мы предположили, что симметричные сроки пребывания лидеров в должности и неконвенциональные способы получения ими власти повышают вероятность войны между авторитарными государствами. Основным вкладом работы является введение в анализ неопределенности внутривнутриполитических последствий войны. Используя «дилемму диктатора», сформулированную Уинтробом [Wintrobe, 1998], мы смоделировали неопределенность лидера относительно политических предпочтений граждан как возрастающую функцию от времени пребывания у власти. Неопределенность относительно реальных предпочтений граждан привела к теоретическому предположению, что чем более асимметричны сроки пребывания лидеров у власти, тем ниже вероятность войны между ними. Вторая часть аргументации касалась способа получения лидерами власти. Поскольку лидеры авторитарных государств, получающие власть неконвенциональными способами, сталкиваются с проблемой достоверных обязательств из-за нестабильности своего правления, вероятность войны между двумя лидерами, вступающими в должность неконвенционально, выше, чем между лидерами, вступающими в должность конвенционально. Вместе с тем конвенциональное вступление в должность является сигналом стабильности режима, и проблема достоверных обязательств для лидеров, вступающих в должность таким способом, выражена в гораздо меньшей степени.

В заключительном разделе статьи хотелось бы обсудить возможные пути для дальнейших исследований. Очевидно, что построение формальной модели на основе той простой модели, которую мы сформулировали, является одним из возможных направлений. Формализация представленной логики может помочь сделать рассуждения более строгими. В существующей литературе межгосударственные войны обычно связываются с внутренней политикой через механизм издержек аудитории [Fearon, 1994; Tomz, 2007; Trager, Vavreck, 2011]. Однако попыток проанализировать, как *неопределенность* в отношении издержек аудитории влияет на начало войны, не было. В данном исследовании предпринята попытка хотя бы частично восполнить этот пробел. В нашей статье мы внесли неопределенность издержек как переменную, которую учитывают лидеры при принятии решений. Конечно, такая конструкция усложняет рассуждения, но мы полагаем, что такая модификация стандартной модели конфликтного торга позволит лучше моделировать принятие решений лидерами. Еще одно интересное расширение касается психологических характеристик лидеров и их влияния на межгосударственные военные споры. Возможно, что такие факторы, как разница в возрасте между лидерами, сходство их основных разговорных языков, профессиональный опыт и даже гендерные различия могут иметь значение. В последнее время были проведены некоторые исследования на эту тему (см., например: [Dube, Harish, 2020]), но это все еще очень перспективное направление будущих исследований.

Е.А. Sedashov, D.N. Chernov, S.N. Balanina*
**The effects of leader characteristics on interstate conflicts:
a dyadic analysis¹**

Abstract. Modern researchers of militarized interstate disputes pay significant attention to the effects of structural characteristics, such as raw military and economic

* **Sedashov Evgeny**, HSE University (Moscow, Russia), e-mail: esedashov@hse.ru; **Chernov Daniil**, HSE University (Moscow, Russia), e-mail: dnchernov@hse.ru; **Balanina Sofya**, HSE University (Moscow, Russia), e-mail: snbalanina_1@edu.hse.ru

¹ The article was prepared within the consortium of MGIMO University and HSE University and funded by the grant for the implementation of the Priority 2030 Strategic Academic Leadership Program.

power, political system and geographical position. At the same time, the role of key decision-makers in outbreak of militarized interstate disputes receives scant scholar attention. This paper relates two pivotal characteristics of leaders, type of entry into the office and tenure, with the likelihood of militarized interstate disputes. Our theory focuses on two key problems: incomplete information and credible commitment. The authors theorize that leaders with asymmetric tenures and regular type of entries are less likely to engage in war with each other while leaders with symmetric tenures and irregular type of entries are more likely to start a military conflict with each other. Statistical findings from dyadic logit regression analysis and robustness checks largely confirm theoretical expectations.

Keywords: militarized interstate dispute; crisis bargaining; credible commitment; incomplete information; asymmetric tenures; dyadic analysis.

For citation: Sedashov E.A., Chernov D.N., Balanina S.N. The effects of leader characteristics on interstate conflicts: a dyadic analysis. *Political science (RU)*. 2024, N 4, P. 193–217. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.02.09>

References

- Beck N., Katz J., Tucker R. Taking time seriously: time-series cross section analysis with a binary dependent variable. *American Journal of Political Science*. 1998, Vol. 42, N 4, P. 1260–1288. DOI: <https://doi.org/10.2307/2991857>
- Bennett S.D., Stam A.C. *The behavioral origins of war*. Ann Arbor, MI: University of Michigan press, 2004, 280 p.
- Bueno de Mesquita B., Siverson R.M. War and the survival of political leaders: a comparative study of regime types and political accountability. *American political science review*. 1995, Vol. 89, N 4, P. 841–855. DOI: <https://doi.org/10.2307/2082512>
- Bueno de Mesquita B., Morrow J., Siverson R.M., Smith A. An institutional explanation of the democratic peace. *American political science review*. 1999, Vol. 93, N 4, P. 791–807. DOI: <https://doi.org/10.2307/2586113>
- Bueno de Mesquita B., Siverson R.M., Woller G. War and the fate of regimes: a comparative analysis. *American political science review*. 1992, Vol. 86, N 4, P. 638–646. DOI: <https://doi.org/10.2307/1964127>
- Chiozza G., Goemans H.E. Peace through insecurity: tenure and international conflict. *Journal of conflict resolution*. 2003, Vol. 47, N 4, P. 443–467. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022002703252975>
- Chiozza G., Goemans H.E. International conflict and the tenure of leaders: is war still ex post inefficient? *American journal of political science*. 2004, Vol. 48, N 3, P. 604–619. DOI: <https://doi.org/10.2307/1519919>
- Croco S. The decider's dilemma: leader culpability, war outcomes, and domestic punishment. *American political science review*. 2011, Vol. 105, N 3, P. 457–477. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0003055411000219>
- Dixon W. Democracy and the peaceful settlement of international conflict. *American political science review*. 1994, Vol. 88, N 1, P. 14–32. DOI: <https://doi.org/10.2307/2944879>

- Dube O., Harish S.P. Queens. *Journal of political economy*. 2020, Vol. 128, N 7, P. 2579–2652. DOI: <https://doi.org/10.1086/707011>
- Fearon J.D. Rationalist explanations for war. *International organization*. 1995, Vol. 49, N 3, P. 379–414. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0020818300033324>
- Fearon J.D. Domestic political audiences and the escalation of international disputes. *American political science review*. 1994, Vol. 88, N 3, P. 577–592. DOI: <https://doi.org/10.2307/2944796>
- Fordham B. Partisanship, macroeconomic policy, and U.S. uses of force, 1949–1994. *Journal of conflict resolution*. 1998, Vol. 42, N 4, P. 418–439. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022002798042004002>
- Geddes, B. What do we know about democratization after twenty years? *Annual review of political science*. 1999, Vol. 2, P. 115–144. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.2.1.115>
- Gelpi C., Grieco J.M. Attracting trouble: democracy, leadership tenure, and the targeting of militarized challenges. *Journal of conflict resolution*. 2001, Vol. 45, N 6, P. 794–817. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022002701045006005>
- Goemans H.E., Fey M. Risky but rational: war as an institutionally induced gamble. *Journal of politics*. 2008, Vol. 71, N 1, P. 35–54. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0022381608090038>
- Goemans H.E., Gleditsch K.S., Chiozza G. Introducing Archigos: a data set of political leaders. *Journal of peace research*. 2009, Vol. 46, N 2, P. 269–283. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022343308100719>
- Gurr T.R., Marshall M.G. *Polity 5: Political regime characteristics and transitions, 1800–2018*. Center for Systemic Peace, 2020, 28 p.
- Oneal J.R., Russett B.M., Berbaum M.L. Causes of peace: democracy, interdependence, and international organizations, 1885 – 1992. *International studies quarterly*. 2003, Vol. 47, N 3, P. 371–393. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-2478.4703004>
- Oneal J.R., Russett B.M. The classical liberals were right: democracy, interdependence and conflict, 1950–1985. *International studies quarterly*. 1997, Vol. 41, N 2, P. 267–294. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-2478.00042>
- Russett B.M., O’Neal J.R. *Triangulating peace: democracy, interdependence, and international organizations*. New York, NY: W.W. Norton & Company, 2000, 394 p.
- Tomz M. Domestic audience costs in international relations: an experimental approach. *International organization*. 2007, Vol. 61, N 4, P. 821–840. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0020818307070282>
- Trager R., Vavreck L. The political costs of crisis bargaining: presidential rhetoric and the role of party. *American journal of political science*. 2011, Vol. 55, N 3, P. 526–545. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2011.00521.x>
- Wintrobe R. *The political economy of dictatorship*. Cambridge, UK: Cambridge university press, 1998, 404 p.
- Zeev M., Russett B. Normative and structural causes of democratic peace, 1946–1986. *American political science review*. 1993, Vol. 87, N 3, P. 624–638. DOI: <https://doi.org/10.2307/2938740>

ИДЕИ И ПРАКТИКА

Б.И. МАКАРЕНКО*

ГОСУДАРСТВО И НАРОД: НАРАСТАЮЩЕЕ МНОГООБРАЗИЕ МОДЕЛЕЙ ОТНОШЕНИЙ¹

Аннотация. В статье обосновывается необходимость разработки универсального индекса институционализированной конкуренции и участия, применимого для оценки политических режимов в различных странах мира. Эта необходимость диктуется переменами в состоянии обществ и каналов социальной коммуникации, вызванных процессами модернизации и политического развития. В политической науке принято рассматривать такие процессы в контексте демократизации, однако в данном случае предлагается ценностно-нейтральная оценка, основанная только на «твердых» данных статистики (в первую очередь – электро-альной) и анализе конституционного дизайна политических систем. Поскольку к настоящему времени общенациональный парламент и всеобщее активное избирательное право существуют в подавляющем большинстве государств, такая оценка будет иметь близкий к универсальному характер.

В состав индекса предлагается включить одну переменную для оценки политического участия – данные о явке на общенациональные выборы как доле от всего взрослого населения страны. Политическая же конкуренция анализируется на основании трех основных и четырех дополнительных переменных. Основные переменные – это уровни конкуренции при формировании соответственно исполнительной власти и парламента, а также роль парламента в формировании исполни-

* **Макаренко Борис Игоревич**, кандидат политических наук, профессор Департамента политики и управления Факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия); президент, Фонд «Центр политических технологий» (Москва, Россия), e-mail: bmakarenko@hse.ru

¹ Статья подготовлена в рамках консорциума МГИМО МИД России и НИУ ВШЭ из средств гранта на реализацию программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

тельной власти. Дополнительные – возраст минимальной электоральной традиции, наличие в истории страны двух или более смен власти в результате выборов, наличие (или отсутствие) фактора отклонения от конституционных норм при формировании или отстранении от власти (например, перевороты), факт пребывания у власти одного лица на протяжении трех и более электоральных циклов.

Такой индекс имеет комплексный и универсальный характер, его разработка позволит оценить и сравнить институциональные условия политического участия и конкуренции в подавляющем большинстве государств мира.

Ключевые слова: модернизация; политическая конкуренция; политическое участие; парламентаризм; выборы; политические партии; Политический атлас современного мира 2.0.

Для цитирования: Макаренко Б.И. Государство и народ: нарастающее многообразие моделей отношений // Политическая наука. – 2024. – № 2. – С. 218–236. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.01.10>

Изменения внутри государств и обществ: продолжающаяся модернизация

Изучение перемен в мировом порядке охватывает самые разные события, факторы, тенденции. Но все же чаще в этом контексте в центре внимания исследователя оказываются международные отношения – геополитика, тренды глобализации в экономике (или, напротив, их замедление), образование альянсов или обострение напряженности в отношениях между странами. Разумеется, мировой порядок – это, в первую очередь, отношения между государствами, но сколь многое в нем определяется тем, что – под влиянием как внешних процессов, так и внутреннего развития и видоизменения – происходит внутри самих государств. Фактически речь идет о том, что *меняются отношения между меняющимися государствами и обществами.*

Основная задача этой статьи – не описать процессы внутренних изменений, в целом укладывающихся в привычную для общественных наук парадигму *модернизации и политического развития*, а оценить, как в меняющемся мире действуют институты участия граждан в политической жизни, и в первую очередь – в какой степени эти форматы участия имеют конкурентный характер.

Перемены, происходящие в мире в последние десятилетия, многоплановы и приводят к качественным сдвигам в обществах – как в характере их трудовой деятельности, уровне образования и образе жизни, так и в ценностях и механизмах социальной мобилиза-

ции. Приведем здесь логику рассуждений недавней статьи двух известных политологов [Levitsky, Way, 2023, p. 7–12] о влиянии модернизации на поведение обществ. Ссылаясь на теоретическое наследие С.М. Липсета [Lipset, 1959], развитое в работах Р. Инглхарта и К. Вельзеля [Inglehart, Welzel, 2005], они утверждают, что с повышением уровня образования общества усиливаются ценности терпимости и самовыражения. Им вторит и Ф. Фукуяма: «Население лучше образованно, чем несколько десятилетий назад, что побуждает людей мыслить самостоятельно, а не просто полагаться на традиционно авторитетные источники. Сейчас в деятельности общественных институтов гораздо больше прозрачности, чем раньше, не только благодаря интернету, но потому что люди требуют этого» [Fukuyama, 2020, p. 15]. Классическая модернизация (как переход от аграрного общества к индустриальному) подразумевает избавление от пережитков феодально-помещичьей системы, подъем как рабочего класса, так и средних слоев, рост социальной мобильности населения. Все это – хорошо известные постулаты теории модернизации, главный эффект которой – не структурные сдвиги, а сдвиги в ценностях, как описано еще в одной классической статье [Deutsch, 1961].

А подъем средних классов, которые в первую очередь и становятся носителями новых ценностей, в минувшие десятилетия носит весьма выраженный характер. В уже цитировавшейся статье Ф. Фукуяма отмечает, что глобализационные тренды, «в насмешку называемые неолиберализмом... привели к появлению новых глобальных держав, таких как Индия и Китай, вывели из нищеты сотни миллионов людей» [Fukuyama, 2020, p. 17], что хорошо иллюстрирует известный «график слона» из работы К. Лакнера и Б. Милановича [Lakner, Milanovic, 2016] (см. рис.1). О динамике доходов мирового населения чаще всего упоминают, чтобы подчеркнуть проседание доходов среднего класса в развитых странах, но едва ли не более впечатляющим является выведенный этой работой рост доходов среднего класса в тех же Индии, Китае, странах Латинской Америки. В более поздней статье К. Вельзель отмечал, что сформировавшиеся в этом процессе ценности эмансипации, порожденные экономическим прогрессом, не только улучшили условия жизни людей, но и «дали им доступ к ранее неведомым товарам, услугам и возможностям, не говоря уж о ведущей вверх социальной мобильности благодаря полученному образованию» [Welzel, 2021, p. 137].

Появление – фактически на рубеже XX и XXI столетий – Интернета, а следом и многочисленных ресурсов, использующих Всемирную паутину (социальные сети, YouTube т.д.), радикально расширили доступ широких масс населения к информации о лидерах и политике. Это привело к увеличению разрыва между ожиданиями общества и деятельностью правительств, что, по оценке авторов авторитетного доклада, подорвало «доверие народа к существующим властям и стало движущей силой популизма во всем мире» [Global Trends..., 2017, p. 17]. На самом деле, влияние информированности благодаря расширившимся возможностям получения информации стало сказываться раньше и никогда не было однозначным. Еще до появления интернета (но при максимизации влияния телевидения), рассуждая о процедурной демократии участия, Р. Даль ввел критерий «просвещенного понимания»: «Чтобы четко выразить свои предпочтения, каждый гражданин должен иметь адекватные и равные возможности нахождения и осмысления... в чем именно состоят его или ее предпочтения по каждому вопросу» [Dahl, 1979, p. 101–105].

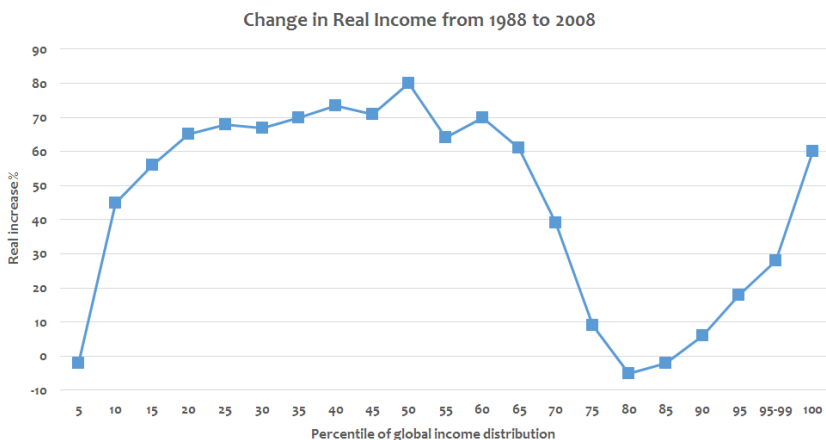

Рис. 1
**«График слона»: динамика роста доходов
 среднего класса в мире¹**

¹ Источник: [Lakner, Milanovic, 2016, p. 216].

Разумеется, исследования такого рода политологам более чем хорошо знакомы. Это давняя и постоянно развивающаяся традиция изучения процессов демократизации (включая и их провалы, откаты, торможения и попятные движения). Мы, однако, признавая валидность такого изучения, предлагаем поставить вопрос несколько иначе по следующим причинам. Во-первых, парадигма демократизации (ее отсутствия или отката) либо напрямую выстраивает, либо подразумевает некоторый континуум – от наиболее к наименее продвинутому с точки зрения демократизации странам. Независимо от замысла автора, такой континуум приобретает ценностное наполнение, где все, что связано с приближением к демократии, маркируется положительно, даже если противоположный конец оси не получает эксплицитно негативных оценок. Во-вторых, демократия – политический строй, который в полной мере может быть описан и проанализирован лишь с применением данных, не основанных на *hard data* – данных статистики (в первую очередь – электоральной), а различных опросов (массовых репрезентативных или экспертных) и экспертных оценок. Пожалуй, лишь индекс Polity¹ практически не применяет таких оценок (хотя и предлагает свою классификацию политических режимов от «полных демократий» до «автократий»). Остальные более-менее полные классификации стран – V-dem² (база данных Varieties of Democracy)³, The Economist Index of Democracy⁴, Freedom House⁵, Bertelsmann Transformation Index⁶ сочетают «твердые» данные статистики с опросными и экспертными оценками.

¹ The Polity Project // Center for Systemic Peace. – Mode of access: <https://www.systemicpeace.org/polityproject.html> (accessed: 25.01.2024).

² Democracy Report 2023. Defiance in the Face of Autocratization // V-Dem Institute. – 2023. – Mode of access: https://www.v-dem.net/documents/29/V-dem_democracyreport2023_lowres.pdf (accessed: 25.01.2024).

³ Ibid.

⁴ Democracy Index 2022. Frontline democracy and the battle for Ukraine // The Economist Intelligence. – 2023. – Mode of access: <https://pages.eiu.com/rs/753-RIQ-438/images/DI-final-version-report.pdf> (accessed: 25.01.2024).

⁵ Countries and Territories // Freedom House. – Mode of access: <https://freedomhouse.org/countries/freedom-world/scores> (accessed: 25.01.2024).

⁶ Political Transformation // BTI Transformation Index. – Mode of access: <https://bti-project.org/en/index/political-transformation> (accessed: 25.01.2024).

Конкуренция и участие как универсальные критерии

В современных – сложных и многосоставных по интересам – обществах конкуренция в политике, будь то за обретение и отправление власти или за распределение ресурсов – не может не существовать. Однако эта конкуренция существенно различается от страны к стране не только по степени своей напряженности, но и по другим важным параметрам – от типа политической и избирательной систем до исторических особенностей политической культуры.

Невозможно вынести однозначного суждения о том, как уровень конкуренции и участия в политике влияет на стабильность и успешность политической системы и благосостояние населения. Низкий уровень конкуренции, замеренный через объективные, количественно исчисляемые переменные, не свидетельствует об ее отсутствии в обществе и политическом классе. Скорее, он означает, что конкуренция в политической элите не основана на публичных, зримо институционализированных нормах в виде системы сдержек и противовесов во власти, конкурентных выборах и сменяемой через выборы власти, укорененном политическом и идейном плюрализме и развитой партийной системе. Она замкнута в непрозрачной, «подковерной» борьбе элитных кланов и группировок. Однозначно можно сказать только то, что в системах с низким уровнем конкуренции механизмы участия в политике основной массы населения будут отсутствовать или носить ограниченный характер. Однако трудно установить однозначную зависимость (будь то прямую или обратную) между низким уровнем конкуренции и участия с одной стороны, и с другой – набором характеристик, относящихся к политической стабильности, социально-экономической эффективности государства, его оборонной мощи и многому другому.

Приведем в качестве примера цитату из известной работы А. Пшеворского (он пишет про США): «Как это возможно, что в стране, в которой институты представительной власти существуют уже более 200 лет, наблюдается самая высокая – среди развитых стран – степень экономического неравенства, самая высокая доля населения, отбывающего сроки тюремного заключения – выше, чем в самых репрессивных автократиях? И как так получается, что почти половина избирателей этой страны не участвует в голосовании хотя бы раз в четыре года?» [Przeworski, 2010, p. 170].

Напротив, высокий уровень конкуренции, замеренный с помощью тех же переменных, достаточно уверенно свидетельствует о наличии у нее прочных институциональных основ. Это – необходимое, но не достаточное условие для того, чтобы минимизировать риски волатильности и дестабилизации политической ситуации в результате острой борьбы конкурирующих политических сил. Однако при высокой конкуренции вполне реальны риски того, что она приведет к острой поляризации политических сил, выйдет за институциональные рамки, помешает формированию стабильной исполнительной власти. Более прочная институциональная основа, более продолжительная непрерывная традиция конкуренции и участия – при прочих равных – снижают риски и повышают вероятность, что в стране укоренится демократическая традиция с широкими возможностями участия граждан в политических процессах. Подчеркнем, это не означает автоматически, что политический и социально-экономический курс этих стран обязательно будет успешен, и что страна будет надежно защищена от внешних угроз. Тем более что современная история, в том числе вполне недавняя, знает и примеры масштабных кризисов, порожденных именно политической конкуренцией, в, казалось бы, консолидированных демократиях.

В качестве примеров можно привести резкую поляризацию двух основных политических сил в США в последние 15 лет (начиная с президентства Б. Обамы), которая привела к беспрецедентному для США отрицанию своего поражения проигравшим выборы кандидатом и насильственному вторжению толпы протестующих в Капитолий в январе 2021 г., полный развал партийной системы Первой Итальянской республики в начале 1990-х годов, провалу и правого, и левого центров французской партийной системы в 2017 г., авторитарные откаты в целом ряде стран на разных континентах (например, в Индии, Венесуэле). Этот ряд можно продолжать.

В рамках проекта «Политический атлас современного мира 2.0» оценка конкуренции и политического участия состоит в анализе **институциональных условий**, в которых действуют соответствующие институты. Под условиями – в соответствии с неoinституциональным методологическим подходом – понимаются нормы позитивного права, регулирующие деятельность политических институтов.

Для исследования институциональных условий конкуренции и участия можно отобрать и проанализировать несколько переменных.

Все они основаны на «твердых данных»: анализе конституционного строя и системы разделения властей, электоральной статистике и анализе ключевых для характеристики политических систем вопросов: обретения и передачи власти, взаимоотношений между президентами, кабинетами министров и парламентами по вопросам формирования и отправления в отставку правительств – именно эти параметры классики политической науки – [Lijphart, 1999; Shugart, Carey, 1992] считают основными элементами политического режима.

Обоснованность выбора таких переменных дополнительно подтверждается тем, что к настоящему времени выборы в представительные общенациональные органы власти и всеобщее активное избирательное право существует в подавляющем большинстве стран. Согласно подсчетам А. Пшеворского [Przeworski, 2018, p. 32] это право стало действительно всеобщим только в период после Второй мировой войны (см. рис. 2, 3 и 4). Как отмечалось, «в большинстве случаев борьба на выборах представляет собой бастион против потенциальных тиранов. Многопартийность принуждает гражданских политиков бороться за власть и делиться ею, не допуская, чтобы победителей назначали вооруженные силы» [Miao, Brownlee, 2022, p. 140].

В это же время со второй половины XX в. экспонентно возрастает доля выборов, на которых власть (или коалиция партий, обладающих властью) терпит поражение. К настоящему времени эта доля составляет порядка 40%, т.е. на каждые три успешных переизбрания исполнительной власти приходится два ее поражения. Это не означает, что прежде конкуренции не существовало: соперничали как партии и кандидаты (то, что принято называть “horse race” – «лошадиные скачки»), так и программы и идеи (deliberation), но очевидно, что острота конкуренции выше там, где она приводит к смене партий и политиков у власти. Сменяемость власти имеет прямое отношение к участию граждан в политике. Как отмечал Б. Манен в классической работе о принципах представительного правления, «Современный избиратель сохраняет за собой решающую власть, которой он наделен при представительном правлении, а именно власть смещать представителей, чью деятельность он находит неудовлетворительной» [Манен, 2008, с. 275].

FIGURE 3.1 Proportion of countries with legislatures.

Рис. 2

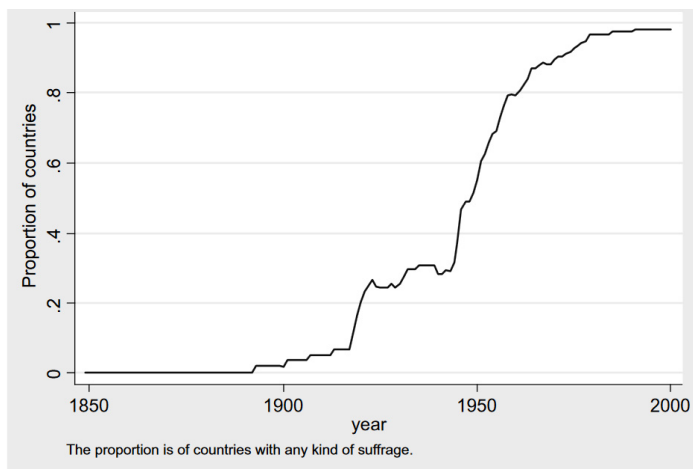
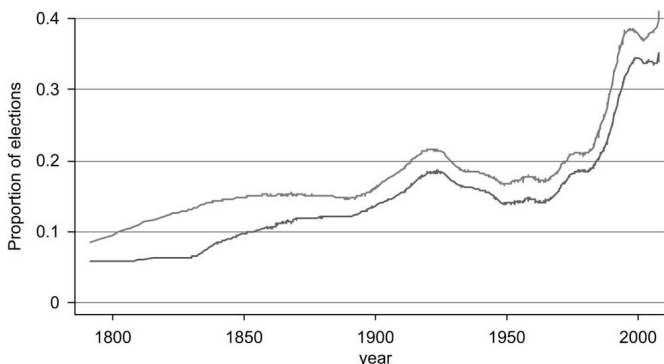
Доля стран, имеющих представительные органы власти¹

FIGURE 3.2 Proportion of countries with universal suffrage, by year.

Рис. 3

Доля стран со всеобщим активным избирательным правом²¹ Источник: [Przeworski, 2018, p. 32].² Источник: [Przeworski, 2018, p. 35].

Lowess smooth

Figure 4.1 Elections lost by incumbents and elections resulting in partisan alternation over time**Рис. 4****Доля стран, имеющих представительные органы власти¹**

Набор переменных для анализа и его ограничители

Применяемый в исследовании набор переменных, разумеется, не охватывает все виды конкуренции и участия, существующие в стране. Среди самых важных его ограничителей можно выделить следующие.

- Все переменные относятся к политическим процессам, происходящим на общенациональном уровне политики. Конкуренция и участие проявляются и на субнациональном (региональном), и на местном уровнях, однако различия в политическом устройстве этих уровней слишком велики, чтобы позволить корректное межстрановое сравнение.

- Все используемые переменные – прямо или косвенно – основываются на количественных показателях. Либо это доли – голосов на выборах, мест в парламентах, либо факты, которые также «считаемы» (например, смены власти). Такие данные надежны и объективны, и – что существенно – пригодны для сравнительной межстрановой оценки. Однако многие важные характеристики такой однозначной количественной оценке не поддаются. Например, это данные об интенсивности и мобилизованности поддержки той или

¹ Источник: [Przeworski, 2018, p. 45].

иной политической силы, данные, показывающие политическую поляризованность общества (что может являться прямым следствием конкуренции). Разумеется, по крайней мере в крупных странах информацию об этом можно почерпнуть из опросов общественного мнения или других источников, однако и опросы, и экспертные оценки по определению субъективны и если и поддаются сравнению, то с существенными оговорками. Поэтому мы считаем невозможным использовать их в данном исследовательском проекте.

- В политической жизни принимают участие структуры гражданского общества, однако не существует количественно исчисляемой переменной, которая позволила бы корректно оценить это участие в сравнительной перспективе.

- Если не сводить конкуренцию к соревнованию политиков и партий, а понимать ее и как *делиберацию* – конкуренцию политических программ и идей, то необходим и анализ средств массовой информации и социальных сетей, однако, как и в случае с гражданским обществом, не существует переменной, позволяющей количественно оценить и делиберацию, и состояние СМИ.

Переменные для анализа: характеристики и проблемы

Для анализа уровня институционализированного участия и конкуренции в политической жизни намечены восемь переменных.

Включенность граждан в избирательный процесс – основной показатель политического участия. Как отмечал М. Эдельман, «голосование – это единственная для большинства граждан форма участия в управлении страной... [выборы] дают людям возможность выразить недовольство или поддержку, испытать чувство сопричастности» [Edelman, 1964, p. 3]. Измеряется этот показатель через явку на общенациональные выборы – президентские, если президент избирается всенародно, парламентские – при парламентской республике или конституционной монархии. Законодательно активное избирательное право регулируется по-разному. В ряде стран (например, Австралия, Бельгия, Аргентина) участие в выборах считается обязательным, и там голосует подавляющее большинство взрослых граждан страны. В целом ряде стран регистрация граждан в качестве избирателей происходит автоматически (по месту жительства), и число зарегистрированных избирате-

лей лишь незначительно отличается от числа взрослых граждан (хотя явка может сильно варьировать от страны к стране и от выборов к выборам). Даже при отдельном законодательном требовании регистрации оно может носить необременительный характер, например, в Испании, Португалии, Греции граждане регистрируются лишь однократно, по достижении возраста 18 лет. Однако в ряде стран (например, США или Великобритании) избиратели должны регистрироваться самостоятельно, а потому далеко не все взрослые граждане страны по факту являются избирателями (см. выше высказывание А. Пшеворского о США). Поэтому для получения корректной картины явку на выборах следует исчислять от всего взрослого населения страны, а не от числа зарегистрированных избирателей.

Уровень конкурентности в политике измеряется через три главные и четыре дополнительные переменные. Первая из них – это уровень конкуренции при формировании исполнительной власти. Конкуренция тем выше, чем больше доля партий и / или политиков, не участвующих по итогам выборов в формировании этой ветви власти.

Для стран с прямыми выборами президентов уровень конкурентности определяет доля голосов в решающем туре таких выборов, «не доставшаяся» победителю. Такая несколько витиеватая формулировка требуется потому, что на президентских выборах в разных странах применяются системы как относительного большинства (однотуровые, к ним, в частности, относится и избирательная система США, хотя победитель там определяется не непосредственно по поданным голосам избирателей), так и абсолютного большинства (двухтуровые). Такой результат объективен и прост в подсчетах. Оговорка по этому поводу нужна только по поводу ряда политических систем, которые в известной классификации Шугарта и Кэри называются *премьер-президентскими* [Shugart, Carey, 1992, p. 23] – в них президент избирается всенародно, но основной объем полномочий исполнительной власти принадлежит не ему, а главе кабинета министров, формируемого парламентом. Однако мы считаем применение такой переменной вполне допустимым, потому что специфика премьер-президентских режимов четко улавливается двумя следующими переменными (парламентская конкуренция и влияние парламента на формирование правительства).

Для парламентских республик и конституционных монархий уровень конкурентности – это доля мест в парламенте, принадлежащих партиям (или независимым кандидатам при мажоритарной и смешанной избирательных системах), не участвующим в формировании правительства, т.е. не относящимся к партии большинства или коалиции, формирующей правительство.

Вторая переменная – это уровень парламентской конкуренции, который определяется как доля мест на последних парламентских выборах всех партий, за вычетом доли партии-победителя. Отличия от предыдущей переменной более существенные, чем может показаться на первый взгляд. Во-первых, в данной переменной на повышение показателя будут работать доли мест всех партий правящей коалиции (если правительство коалиционное), кроме крупнейшей, – и это логично, поскольку процесс формирования подобной коалиции всегда включает в себя элементы как сотрудничества, так и соперничества, т.е. конкуренции. Во-вторых, может оказаться, что крупнейшая по числу мандатов в парламенте партия не входит в состав правительственной коалиции. Наиболее свежий пример такой ситуации (на момент написания текста) – польская партия «Право и справедливость», занявшая первое место по числу мест в Сейме после выборов 2023 г., но уступившая власть коалиции ранее оппозиционных партий.

Третья переменная – влияние парламента на формирование правительства. В отличие от предыдущих двух, которые исчисляются долями голосов или мест в парламентах, данная переменная представляет собой шкалу: «определяющее участие (когда правительство формируется парламентом, точнее – парламентским большинством, абсолютным или относительным) – ограниченное участие, хотя степень такого участия может существенно различаться – неучастие». Определяется значение этой переменной для каждой страны на основании анализа конституций и политических практик.

В отношении всех трех описанных выше переменных необходима существенная оговорка. В тех случаях, когда выборы президента и парламента в стране отсутствуют или носят заведомо неконкурентный характер: один кандидат или партия, отсутствие альтернатив при выборах по мажоритарной системе, или – в большинстве случаев – когда в выборах не принимают участия (или принимают лишь символическое, имитационное участие) полити-

ческие партии, значения всех этих трех переменных будут приняты за ноль.

Для оценки уровня конкуренции могут применяться также четыре дополнительные переменные. Их отличительная черта в том, что они измеряют не столько «количество» конкуренции – при всей условности этого понятия, сколько ее качество: отсутствие выхода за конституционные рамки (т.е. стабильность функционирования институтов конкуренции и участия), накопленный опыт, возможность сменяемости власти, опять же – без сотрясения институциональных основ конкуренции.

Первая из таких переменных – возраст непрерывной минимальной электоральной традиции. За точку отсчета рационально взять 1945 г. – окончание Второй мировой войны, которая нарушила непрерывную традицию конкурентных выборов во многих европейских странах. Длительность традиции указывает на привычность, укорененность института конкуренции. Это – важное условие преодоления того, что Петр Штомпка называл «цивилизационной некомпетентностью», т.е. неспособностью молодых плюралистических политических систем «развить активную гражданскую ориентацию для участия в политических дискуссиях» [Sztompka, 1993], т.е. фактически – критически оценивать заявления и обещания участвующих в выборах политиков. Кроме того, непрерывность традиции означает стабильность конституционного порядка, отсутствие его нарушений при обретении и отправлении власти. В случае перерыва в традиции (например, введения режима чрезвычайного положения в Индии в 1975–1977 гг.), отчет непрерывной традиции ведется со времени первых общенациональных выборов после восстановления конституционного порядка.

Соответственно, вторая переменная описывает все нарушения конституционного порядка – неконституционные смены власти, перевороты или их попытки, гражданские войны, оккупации. Ее смысл в том же, что и в предыдущем случае: указание на стабильность (или отсутствие таковой) институтов конкуренции и участия.

Третья переменная – наличие в современной истории страны – после 1945 г. или начала непрерывной традиции конкурентных выборов (если позже) – двух и более прецедентов мирных переходов власти к оппозиции. Этот критерий впервые сформулировал С. Хантингтон в книге «Третья волна демократизации в конце

двадцатого века». Согласно Хантингтону, если в стране произошло как минимум два мирных перехода власти, то ее [демократический] политический режим следует признать консолидированным [Huntington, 1993, p. 267]. Данное утверждение не следует считать абсолютно точным. С одной стороны, за весь период с 1945 г. во многих странах, которые по всем признакам отличает высокий уровень конкуренции и участия, на протяжении нескольких (трех и более) электоральных циклов подряд у власти находится одна и та же политическая сила или лидер (см. также следующую переменную). Так, в ЮАР Африканский национальный конгресс с 1994 г. имеет большинство в парламенте и контролирует исполнительную власть, а в Японии Либерально-демократическая партия с середины 1950-х годов лишь дважды теряла власть на непродолжительные периоды. С другой стороны, на Украине за три десятилетия три действующих президента терпели поражение при попытке переизбрания и лишь один успешно переизбрался, но нет никаких оснований считать ее консолидированной демократией (добавим к тому же, что один президент Украины утратил власть неконституционным путем). Но с этими оговорками измерение – по вполне рациональному критерию (двух смен власти) – сменяемости власти, безусловно, является важной качественной характеристикой политического режима.

Наконец, четвертая переменная – нахождение у власти более двух сроков подряд – также не является абсолютотом. Дело в том, что сохранение власти на протяжении нескольких электоральных циклов имеет разную природу при прямых выборах президента – в этом случае риск персонализации режима действительно существенен. При парламентском же режиме главу исполнительной власти избирают не граждане, а элита собственной партии, и этот риск существенно ниже. Напомним, что такой сильный лидер как Маргарет Тэтчер, трижды приводившая свою партию к победе на выборах, покинула пост премьер-министра в результате не поражения на выборах, а конфликта внутри собственной партии. Добавим к этому, что во многих случаях премьер-министр возглавляет сложносоставную коалицию своей партии с другими. Так, в ФРГ все четыре кабинета, которые возглавляла Ангела Меркель, были коалиционными, причем три из них – коалицией с основным соперником ее партии – социал-демократами. Но, как и в предыдущем случае, в сочетании с другими переменными, показатель дли-

тельного пребывания у власти может быть полезен для измерения конкуренции.

Ожидаемые результаты

Каких же результатов можно ожидать в случае выведения единого индекса, основанного на описанных выше переменных? Очевидно, что многие из них тесно связаны друг с другом, но каждая из них оценивает собственный, не совпадающий с другими аспект институционализированной конкуренции или участия. Таким образом, они дают комплексную, «панорамную» оценку состояния этой сферы.

Некоторые результаты вполне предсказуемы. Очевидно, что по показателям конкуренции преимущество имеют политические системы с сильными парламентами, высокой конкуренцией на выборах (т.е. отсутствием заведомо доминирующих политических сил, относительно малым отрывом победителей от своих оппонентов), сменяемой властью, долгой непрерывной электоральной традицией.

Также очевидно, что страны, в которых отсутствуют конкурентные выборы и соответственно автономные от исполнительной власти парламенты, показатель сводного индекса будет невысоким.

Наиболее сложно предсказать, как расположатся страны, не принадлежащие ни к «фаворитам», ни к «аутсайдерам», – а это, очевидно, от половины до двух третей всей выборки. Комплексный характер оценок будет способствовать большей сбалансированности результатов, и не проделав всю работу по выведению индекса, невозможно определить, каковы будут показатели институционализированной конкуренции и участия в каждой из таких стран.

Какое новое знание мы получим, выведя такой индекс? Вернемся к тому, с чего мы начинали эту статью: перемены, происходящие в обществах в процессах модернизации и политического развития, качественным образом меняют как уровень знаний людей, так и их запросы в политической сфере, выстраивают новые каналы социальной коммуникации, причем эти процессы охватывают разные группы стран на разных континентах. Институционализация политического участия и порождаемой им конку-

ренции в политике сами по себе не являются панацеей и не предлагают готовых решений проблем и конфликтов, возникающих при этих процессах. Однако такая институционализация может способствовать выстраиванию более конструктивных отношений между различными сегментами общества, снижать риски дестабилизации и в конечном итоге – способствовать устойчивому поступательному развитию обществ.

B.I. Makarenko*

The State and the People: growing diversity of relationship models¹

Abstract. The article substantiates the need to develop a universal index of institutionalized competition and participation to be applied for assessing political regimes in different states. This need is dictated by changes in societies and channels of social communication produced by modernization and political development. In political science, it is customary to consider such processes in the context of democratization, but, in this case, a value-neutral assessment is offered. It is based only on “hard” statistical data (primarily electoral) and analysis of the constitutional design of political systems. Since a national parliament and the universal active suffrage can be found in the vast majority of countries around the world, such an assessment might be close to universal.

It is proposed to include one variable in the index to assess political participation – data on turnout in national elections as a share of a country’s total adult population. Political competition is analyzed basing on three primary and four additional variables. The primary variables are the levels of competition in the formation of the executive branch and the parliament, respectively, as well as the role of the legislative branch in the formation of the executive one. Additional variables include duration of the minimal electoral tradition, availability (or absence) of cases of two or more changes of power as a result of elections in country’s history, availability (or absence) of cases of deviation from constitutional norms during formation or removal from power (for example, coups d’état), availability (or absence) of cases of one person holding power for a period of three or more electoral cycles.

Such an index is comprehensive and universal; its development might make it possible to assess and compare institutional conditions of political participation and competition in the vast majority of countries in the world.

* **Makarenko Boris**, HSE University (Moscow, Russia); Center for Political Technologies Foundation (Moscow, Russia), e-mail: bmakarenko@hse.ru

¹ The article was prepared within the consortium of MGIMO University and HSE University and funded by the grant for the implementation of the Priority 2030 Strategic Academic Leadership Program.

Keywords: modernization; political competition; political participation; parliamentarism; elections; political parties; Political Atlas of the Modern World 2.0.

For citation: Makarenko B.I. The State and the People: growing diversity of relationship models. *Political Science (RU)*. 2024, N 2, P. 218–236. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.02.10>

References

- Dahl R. Procedural Democracy. In: Laslett P., Fishkin J. (eds). *Philosophy, politics, and society*, Fifth series. New Haven: Yale University Press, 1979, P. 97–133.
- Deutsch K. Social mobilization and political development. *American political science review*. 1961, Vol. 55, N 3, P. 493–514. DOI: <https://doi.org/10.2307/1952679>
- Edelman M. *The symbolic uses of politics*. Urbana: University of Illinois Press, 1964, 221 p.
- Fukuyama F. 30 Years of world politics: what has changed? *Journal of democracy*. 2020, Vol. 31, N 1, P. 11–21. DOI: <https://doi.org/10.1353/jod.2020.0001>
- Global trends: paradox of progress. National Intelligence Council, 2017, 226 p. Mode of access: <https://www.dni.gov/files/documents/nic/GT-Full-Report.pdf> (accessed 27.12.2023).
- Huntington S.P. *The third wave: democratization in the late twentieth century*. Oklahoma: University of Oklahoma press, 1993, 384 p.
- Inglehart R., Welzel C. *Modernization, cultural change, and democracy*. New York: Cambridge university press, 2005, 333 p.
- Lakner C., Milanovic B. Global income distribution: from the fall of the Berlin Wall to the Great Recession. *The World Bank economic review*. Vol. 30, N 2, 2016, P. 203–232. DOI: <https://doi.org/10.1093/wber/lhv039>
- Levitsky S., Way L. Democracy's surprising resilience. *Journal of democracy*. 2023, Vol. 34, N 4, P. 5–20. DOI: <https://doi.org/10.1353/jod.2023.a907684>
- Lijphart A. *Patterns of democracy: government forms and performance in thirty-six countries*. New Haven: Yale university press, 1999, 368 p.
- Lipset S.M. Some social requisites of democracy: economic development and political legitimacy. *American political science review*. 1959, Vol. 53, N 1, P. 69–105. DOI: <https://doi.org/10.2307/1951731>
- Manin B. *The principles of representative government*. Saint Petersburg: European University at Saint Petersburg, 2008, 323 p. (In Russ.)
- Miao K., Brownlee J. Why democracies survive. *Journal of democracy*. 2022, Vol. 33, N 4, P. 133–149. DOI: <https://doi.org/10.1353/jod.2022.0052>
- Przeworski A. *Democracy and the limits of self-government*. New York: Cambridge university press, 2010, 200 p.
- Przeworski A. *Why bother with elections?* Cambridge, UK; Medford, MA, USA: Polity press, 2018, 160 p.
- Shugart M.S., Carey J.M. *Presidents and assemblies: constitutional design and electoral dynamics*. Cambridge: Cambridge university press, 1992, 316 p.

- Sztompka P. Civilizational incompetence: the trap of post-communist societies. *Zeitschrift für Soziologie*. 1993, Vol. 22, N 2, P. 85–95. DOI: <https://doi.org/10.1515/zfsocz-1993-0201>
- Welzel C. Why the Future is Democratic. *Journal of democracy*. 2021, Vol. 32, N 2, P. 132–144. DOI: <https://doi.org/10.1353/jod.2021.0024>

Литература на русском языке

- Манен Б. Принципы представительного правления. – СПб.: Издательство Европейского университета, 2008. – 323 с.

В.В. КАБЕРНИК*

ЛОВУШКИ СТАТИСТИКИ И ОПЫТ ИХ ОБХОДА¹

Аннотация. В статье с критической точки зрения рассматриваются подходы к государственному управлению, основанному на данных, а также характерные ошибки в принятии решений, которые проистекают из ненадежных данных и их неверных интерпретаций. Приводятся исторические примеры заблуждений, допущенных министром обороны США Р. Макнамарой, рассматривается пагубная политика отбрасывания качественных оценок в пользу использования только и исключительно измеримых параметров. На примере некорректной интерпретации демографической статистики в Косово рассмотрено влияние заведомо ложной и некритически воспринимаемой информации на принятие решений в части внутренней национальной политики бывшей Югославии и дальнейшей гуманитарной интервенции под эгидой защиты албанского населения от геноцида. Рассматриваются причины этих заблуждений, приводятся примеры корректных интерпретаций. Далее автор фокусируется на прикладном аспекте: на основе опыта автора в предварительном анализе и обработке данных, используемых в реализации научных проектов, предлагаются способы обхода типичных «ловушек» статистики, ведущих к некорректным интерпретациям.

Ключевые слова: управление, основанное на данных; данные; статистика; заблуждение Макнамары; закон Гудхарта; временные ряды.

Для цитирования: Каберник В.В. Ловушки статистики и опыт их обхода // Политическая наука. – 2024. – № 2. – С. 237–261. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.02.11>

* Каберник Виталий Владимирович, ведущий эксперт Управления научных и инновационных проектов, Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва, Россия), e-mail: vic@inno.mgimo.ru

¹ Статья подготовлена в рамках консорциума МГИМО МИД России и НИУ ВШЭ из средств гранта на реализацию программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

© Каберник В.В., 2024

DOI: [10.31249/poln/2024.02.11](http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.02.11)

Введение

Не будет большим преувеличением утверждать, что управление современным миром осуществляется с интенсивным использованием данных (или на основе данных). Принятие решений в самых разных областях бизнеса и политики стало невозможным без подкрепления этих решений аналитическими материалами, оперирующими данными. С использованием собираемой статистической информации составляются влиятельные, регулярно издаваемые обзоры политики, экономические сводки и множество научных публикаций, которые, в свою очередь, формируют представления о мире, в том числе у элит. Сегодня кажется невозможным принятие решений, основанных на интуитивном понимании обстановки. Любое решение требует научного или хотя бы научнообоснованного обоснования.

Этот подход в публикациях последних лет получил наименование «управление, основанное на данных», или «политика, управляемая данными» (data-driven policy), и общепринятой стала точка зрения, всячески поддерживающая подобные практики. Среди его преимуществ указываются [van Veenstra, Kotterink, 2017] возможности по предсказанию проблем с использованием данных, поступающих в реальном времени (в идеальном рассмотрении процесса), а также повышенная прозрачность в принятии политических решений в непрерывном цикле мониторинга эффектов проводимой политики. Идеализированный цикл принятия решений в этой модели представлен на иллюстрации ниже.

Однако одновременно с ростом количества входных данных и все более глубоким проникновением бизнес-практик в решение задач государственного и политического управления мы парадоксальным образом наблюдаем снижение (или отсутствие повышения) качества принимаемых решений. Причины этого многообразны, но в качестве основной можно выделить недостаточное понимание методов работы с входными данными, их анализа, а также выбор слабо релевантных индикаторов эффективности.

Рис. 1
Цикл принятия решений и формирования политики
в идеализированной модели

Публикации последних лет, исследующие подходы к управлению, базирующемуся на данных, тем не менее возлагают большие надежды на этот метод несмотря на то что примеры успеха проводимых нововведений найти намного сложнее, чем отчеты о внедрении инноваций. Так, например, внедренная администрацией президента Дж. Буша-мл. в 2003 г. система оценки эффективности федеральных программ PART (Performance Assessment Rating Tool) рекламировалась как инновация в государственном управлении, позволяющая оптимизировать процессы распределения бюджета. Практически такой же подход к оптимизации бюджета Министерства обороны США использовал Р. Макнамара, возглавлявший ведомство в 1961–1968 гг. Однако в той же системе оценок программы восстановления, проводимые Федеральным агентством по управлению в чрезвычайных ситуациях (*Federal Emergency Management Agency*, FEMA), были отмечены как «адекватные» сразу после выявленных серьезных проблем в реагировании на разрушения, вызванные ураганом «Катрина» [Esty, Rushing, 2007]. Это яркая иллюстрация описываемого ниже «принципа Гудхарта» (или «закона Гудхарта»).

При всех описываемых проблемах авторы публикаций, посвященных политике (или управлению), основанной на данных, со-

храняют оптимизм при условии, что «будут разрушены некоторые барьеры». В качестве примеров успеха приводятся в основном частные решения из области муниципального управления и системы автоматизации отдельных служб, например, внедрение геоинформационных систем в задачах управления службой скорой помощи. Самое примечательное, однако, в том, что проблемы управления, основанного на данных, отнюдь не являются инновацией XXI века. Ниже мы рассмотрим один из наиболее ярких примеров.

Заблуждения Макнамары, «заблуждение Макнамары» и «закон Гудхарта»

Популярность практики принятия решений, основанных на анализе статистических данных, может быть связана с именем Роберта Макнамары, который, занимая пост министра обороны США, стоял у истоков разнообразных и отнюдь не бесспорных реформ американской армии и военной стратегии, многие из которых основывались на принципах системного подхода в управлении. Впрочем, это была далеко не первая попытка Макнамары интегрировать использование статистики в принятие решений на самых различных уровнях.

Вся карьера Макнамары так или иначе была связана с обработкой значительных массивов данных, и его знакомство с инновационными на тот момент практиками состоялось еще в 1939 г. в бухгалтерской компании Price Waterhouse в Сан-Франциско. Уже годом позже после возвращения в Гарвардский университет он встал у истоков программы по обучению офицеров Армии США аналитическим подходам, используемым в бизнес-процессах. В 1943 г. он получил пост в Офисе статистического надзора ВВС США и был напрямую ответственен за анализ применения и повышение эффективности стратегических бомбардировщиков США на тихоокеанском театре военных действий. Именно при нем была закреплена практика оценки эффективности налетов через процент разрушенной площади цели (как и выбора площадных целей – японских городов) (см., например, отчет о результатах ударов по четырем японским городам, включая Токио, 10 марта 1945 г.¹).

¹ Tactical Mission Report, Mission No. 40 Flown 10 March 1945, Headquarters XXI Bomber Command APO 234 // National Security Archive. – Mode of access:

В 1946 г. совместно с еще несколькими отставными офицерами из Офиса статистического надзора Макнамара был приглашен в переживавшую тяжелые времена автомобильную компанию «Форд» для проведения всеобъемлющих реформ, использующих принципы «научного менеджмента». Там при его активном участии впервые было закреплено использование компьютерной обработки табличной информации в интересах анализа значительных массивов статистики [Вугн, 1993]. В 1960 г. Макнамара непродолжительное время возглавлял компанию «Форд», выведя на рынок – вопреки мнению владельца компании в силу нетипичности конструкции – одну из самых успешных на тот момент моделей автомобиля, после чего был приглашен президентом Дж. Кеннеди возглавить Министерство обороны США с правом полностью сформировать управленческую команду и схему управления Пентагоном. Полученный в бизнесе опыт Макнамара стал переносить на задачи государственного управления в этом очень большом и сложном ведомстве.

Важнейшим нововведением Макнамары на посту министра обороны США стало создание института системного анализа, проводившего декомпозицию индикаторов, описывающих текущее состояние вооруженных сил, на основании чего должны были приниматься бюджетные решения. Результатом работы на этом направлении стало создание Системы планирования, программирования и бюджетирования (Planning, Programming and Budgeting System – PPBS), которая была призвана оптимизировать процессы военного строительства в рамках пятилетних планов. Следствием проводимой политики оптимизации стала консолидация оборонных инициатив (для сокращения расходов), в частности создание единой истребительно-бомбардировочной платформы TFX, позже воплотившейся в многоцелевом самолете F-111, показавшем себя крайне посредственным истребителем-перехватчиком, который к тому же не мог эксплуатироваться с авианосцев, как было заявлено при его разработке. Впрочем, был и успешный результат таких усилий в виде появления изначально предназначенного для ВМФ истребителя-перехватчика F-4 на вооружении ВВС (хотя и в роли истребителя-бомбардировщика).

Закрепленный в зарубежной литературе термин «заблуждение Макнамары» (McNamara fallacy) типично ассоциируется с принятием решений в ходе войны во Вьетнаме. Основным проявлением этого заблуждения применительно к оценке эффективности ведения боевых действий было «арифметическое» оценивание конфликта, не учитывающее более сложных и комплексных качественных и количественных составляющих. Предполагалось, что одно только увеличение потерь противника – при сомнительности оценки этих потерь в трудных условиях театра боевых действий – и одновременное сокращение собственных потерь обязательно должно в итоге привести к победе в конфликте [Tucker, 2000, p. 42]. Ключевой индикатор эффективности – “body count” (букв. подсчет тел) – в полном соответствии с принципом Гудхарта (см. ниже) привел к масштабным припискам и в течение долгого времени поддерживал совершенно неадекватную оценку хода конфликта.

Суть заблуждения Макнамары при этом глубже, и его описание в контексте войны во Вьетнаме является в большей степени следствием критики его действий на посту министра обороны США. В полном рассмотрении заблуждение состоит из трех последовательных принципов, слепо применяемых при оценке ситуации, а также оцениваемых эффектов проводимой политики – и эти принципы были впервые сформулированы Макнамарой еще в ходе реформирования компании «Форд»: (1) любые измеримые эффекты принятия решений должны быть измерены и зафиксированы; (2) плохо измеримые (в том числе качественные) индикаторы не могут быть использованы в математической модели оценки эффектов проводимой политики управления, и поэтому должны быть исключены из этой модели; (3) любые индикаторы, которые плохо поддаются измерению, предполагаются несущественными для проводимых оценок. При точном следовании данным принципам сложно измеримые индикаторы эффективности либо успешности проводимой политики не только исключаются из рассмотрения, но и могут быть объявлены ложными [Yankelovich, 1971, p. 26]. В воспоминаниях бригадного генерала Э. Лонсдейла приводится пример о том, что Макнамара при выборе индикаторов для оценки хода войны во Вьетнаме исключил из модели ряд качественных параметров, сославшись на то, что, если они не могут быть надежно измерены, они являются совершенно несущественными [Phillips, 2008]. Для оценки ситуации во Вьетнаме, опираясь на свой

опыт оценки результативности работы стратегической авиации во время Второй мировой войны, Макнамара, как выяснилось, предпочитал рассматривать ее ход преимущественно через призму статистики бомбардировок, игнорируя данные, поступающие «с земли» (в том числе искаженные из-за политики «подсчета тел»).

Заблуждение Макнамары (и в кавычках, и без них) не является чем-то уникальным, – не только директор, а потом министр Макнамара сознательно отбрасывал значительный массив плохо поддающейся квантификации информации для принятия решений. Более того, этот подход хорошо описывается (или дополняется) «принципом Гудхарта» (иное название – «закон Гудхарта»), который гласит: «Когда мера становится целью, она перестает быть хорошей мерой»¹, то есть становится объектом манипуляций, нацеленных как на улучшение собственно индикатора путем прямых фальсификаций, так и на оценку эффективности собственных достижений преимущественно через выбранный индикатор с сознательным отбрасыванием иных важных показателей (подробнее см.: [Goodhart, 1984]). Принцип Гудхарта был подтвержден в ходе анализа денежной политики и экономики США и Великобритании в 1984–1985 гг. [Muller, 2018, p. 22]. При рассмотрении «заблуждения Макнамары» в контексте Вьетнамской войны можно выделить как раз необоснованно завышенный вес количества потерь в оценке эффективности собственных действий и планомерную работу по улучшению преимущественно этого показателя (в том числе посредством завышения чужих потерь).

Тем не менее, несмотря как на осознанность заблуждения Макнамары, так и на общее согласие научного сообщества с принципом Гудхарта вплоть до сегодняшнего дня статистические данные активно используются для подкрепления политических решений с различным качеством этих данных. Зачастую качество решений страдает от неверных интерпретаций исходных данных либо от их неполноты. Прецеденты наблюдались при принятии

¹ В оригинальной несколько шутливой формулировке, использованной в докладе 1975 г., выглядит следующим образом: “...Any observed statistical regularity will tend to collapse once pressure is placed upon it for control purposes” [Goodhart, 1984, p. 96] (Любая наблюдаемая статистическая закономерность тяготеет к разрушению, как только на нее оказывается давление с целью контроля). В приведенном выше виде встречается в широко цитируемой работе К. Хоскин [Hoskin, 1996, p. 265].

решений о вторжении в Ирак (вторая кампания), бомбардировках Югославии и наиболее массово в последние годы при работе со статистикой по коронавирусной инфекции и планировании мероприятий по контролю развития пандемии – несмотря на то что заблуждение Макнамары конкретно упомянуто как негативный эффект в исследованиях адекватности клинических тестов в работе 2009 г. [Basler, 2009]. Та же проблема в полной мере проявилась и в прогнозной оценке влияния санкций против РФ после 2014 г., но эта тема требует отдельного рассмотрения, для которого пока данных недостаточно.

В ряде случаев – возможно даже в большинстве – мы сталкиваемся не со злонамеренными манипуляциями данными, а с естественными проблемами, связанными с их неполнотой либо ошибками интерпретации. В других случаях мы наблюдаем эффект фиксации на измеримых индикаторах [Muller, 2018, p. 68] и некорректное построение модели. Тем не менее лица, принимающие решения, обычно не обладают достаточными компетенциями и ресурсами для самостоятельного анализа данных (и их предварительной проверки) и часто вынуждены полагаться на чужие данные и интерпретации. Значительную долю такой информации предоставляют статистические агрегаторы¹, и нередко эти данные используются без понимания граничных условий применения и особенностей их сбора. К сожалению, эта же ошибка нередко допускается и в научных исследованиях.

Ниже мы рассмотрим несколько характерных примеров, иллюстрирующих типичные ошибки, которые допускаются при работе со статистическими показателями в научных исследованиях и при принятии решений. Примечательно, что большинство таких примеров являются результатом переплетения некорректной работы с данными и типичными когнитивными искажениями при их оценке. При этом, однако, собственно исходные данные и их интерпретации могут играть ведущую роль.

¹ Примечательно, что Роберт Макнамара после отставки с поста министра обороны США возглавил Всемирный банк, который сегодня считается одним из наиболее авторитетных агрегаторов глобальной статистики.

Демография косовских албанцев и гуманитарные бомбардировки НАТО

Широко известен афоризм Марка Твена о том, что «существует три вида лжи: ложь, наглая ложь и статистика», который также приписывается британскому политику Б. Дизраэли. Менее известно, что эта фраза сопровождает ироничные размышления о снижении с возрастом производительности писателя в словах, написанных за час. Несмотря на очевидную иронию таких рассуждений, слепое использование статистических данных и ложных экстраполяций, в том числе вырванных из корректного контекста, получило широкое распространение в принятии политических решений и пропаганде. При этом нередко заблуждение, основанное на статистике, является несознательным, но может приводить к самым катастрофическим последствиям.

В материалах расследования палаты общин парламента Великобритании от 23 мая 2000 г. содержится утверждение¹, что в 1996 г. под эгидой Сербской академии наук и искусств был опубликован отчет, описывающий прогнозируемое состояние демографии Югославии в 2015 г. В отчете подчеркивалось, что при сохраняющемся уровне фертильности на косово-албанскую женщину, превышающего 7 рождений, уровень демографического давления албанцев к 2015 г. может привести к ситуации, когда до 25% сербских мужчин призывного возраста будут иметь албанские корни. На основании этого отчета были предложены меры по изоляции региона Косово-Метохия за счет создания подковообразной по форме буферной зоны. Соответствующий план широко обсуждался в бывшей Югославии.

В 1999 г., опираясь на конфигурацию предложенной буферной зоны, министерство обороны Германии опубликовало разведывательную сводку, где описывалась операция «Подкова», в рамках которой якобы предлагалось массовое переселение косовских албанцев и последующие этнические чистки. Министр иностранных дел Германии Йошка Фишер тогда же заявлял, что соответ-

¹ Fourth Report // Select Committee on Foreign Affairs. – 23.05.2000. – Mode of access: <https://publications.parliament.uk/pa/cm199900/cmselect/cmfaaff/28/2802.htm> (accessed: 20.01.2024). Оригинал упомянутого в материалах расследования отчета найти не удастся.

ствующий план уже запущен. Ему же принадлежит высказывание о том, что этнические чистки сравнимы с преступлениями нацистов в годы Второй мировой войны¹.

И та и другая оценки, которые в итоге привели к гуманитарной интервенции НАТО в Югославию, в значительной степени основаны на наблюдении об албанских косоварах «7 рождений на женщину». Если в Югославии этот индикатор использовался для решения внутривластных проблем и пропаганды националистической сербской повестки, то в Германии и в дальнейшем на Западе, этот же показатель использовался для оценки объемов этноцида. В обоих случаях использовались простейшие методы экстраполяции показателя, которые не могут быть корректны сами по себе, поскольку никак не учитывают, например, показатели детской смертности. Но наиболее примечательно, что и само значение «7 рождений на женщину» на 1990-е годы никак не соответствовало действительности!

В работе Дж. Фолкингэм и А. Гюнча [Falkingham, Gjonca, 2001] показано, что несмотря на высокий коэффициент фертильности албанцев в послевоенный период, к 1990 г. уровень фертильности упал до примерно типичных для Балкан трех рождений на женщину, что незначительно превышало средний показатель по Югославии в целом. Откуда же взялись показатель «более 7» и последующие заявления об этнических чистках косовских албанцев? Более того, показатели фертильности в 7,58 рождений на женщину в 1950 г. регулярно встречаются в различных публикациях и активно цитируются².

Ответ становится более понятным при рассмотрении периодичности переписей населения. Предвоенная перепись 1931 г. указывает численность косовских албанцев в 331 549 человек. Во время Второй мировой войны Косово было присоединено к итальянской зоне контроля Албании, что привело к выселению

¹ Auszüge aus der Fischer-Rede // Spiegel. – 13.05.1999. – Mode of access: https://www.spiegel.de/politik/deutschland/wortlaut-auszuege-aus-der-fischer-rede-a-22143.html?sara_ref=re-xx-cp-sh (accessed: 20.01.2024.). Полное выступление доступно по адресу: Joschka Fischer auf dem Kosovo-Sonderparteitag in Bielefeld 1999 (youtube.com).

² См., например: Salihu F. The politicization of having children // Kosovo 2.0. – 31.10.2018. – Mode of access: <https://kosovotwopointzero.com/en/the-politicization-of-having-children/> (accessed: 20.12.2023).

местных сербов за пределы региона. Одновременно с этим итальянская оккупационная администрация способствовала переселению 72 000 албанцев из собственно Албании в Косово [Sullivan, 1999, p.15]. Результатом всех перемещений этнических групп стал рост албанского населения по переписи 1948 г. до 498 242 человек – более чем 50%-ный прирост албанского населения за 17 лет. Такого прироста албанского населения за отчетный период не наблюдалось ни в один из других периодов между проведением переписей. При этом почти половина этого прироста вызвана миграцией албанцев в Косово, а не увеличением численности за счет новых рождений.

Более подробное рассмотрение исторических источников позволяет установить, что цитируемый показатель фертильности относится к 1939 г., а собственно данные по фертильности албанского населения в ходе всех последующих переписей населения не оценивались. Однако этот же показатель присутствовал в ежегодниках CIA World Factbook путем переноса из года в год вплоть до середины 1990-х годов. В итоге данные от 1939 г. использовались для принятия политических решений и пропаганды вплоть до начала XXI в., не подвергаясь сомнению.

Наряду с отсутствием контроля данных на этом примере можно также говорить и о непрозрачности источников. Ежегодники CIA World Factbook – один из наиболее популярных справочников, но одновременно, вероятно, один из самых непрозрачных. Никакие данные здесь не подкрепляются источниками и приводятся абсолютно анонимно (и этому есть «оправдание» в виде статуса ведомства, под эгидой которого они издаются).

История с ложной трактовкой демографических тенденций в Косово на этом, впрочем, не заканчивается. Последняя официальная перепись до начала гуманитарной интервенции проводилась в 1991 г. и была подвергнута бойкоту местным албанским населением [Bugajski, 2002, p. 479]. Оценки численности были проведены с использованием демографической модели, и на основании этой же оценки базировались спекуляции политиков и СМИ о масштабах проводимых сербами этнических чисток.

Рис. 2
Динамика численности населения Косово
в период 1950–2050 гг. (прогноз)¹

Актуальные данные о численности албанских косоваров были получены только в 2011 г. – в ходе первой послевоенной переписи. Оценка Евростата, сделанная на основе демографической модели, была скорректирована на 400 000 человек в меньшую сторону, причем численность населения Косово планомерно падает с перспективой сокращения на 11% к 2050 г.² Из этого следует, что использование единственного ложного значения и последующая некорректная его экстраполяция стали одной из важнейших причин последовавшего политико-гуманитарного кризиса, боевых дей-

¹ Judah T. Kosovo's demographic destiny looks eerily familiar // Balkan Insight. – 7.11.2019. – Mode of access: <https://balkaninsight.com/2019/11/07/kosovos-demographic-destiny-looks-eerily-familiar/> (accessed: 20.12.2023).

² Ibid.

ствий в центре Европы, вмешательства НАТО и существенных изменений во внешней политике ряда государств мира, включая Россию.

Трансформации суверенитетов, ошибки базового процента и долевые показатели

В 1991–2023 гг. мир менялся драматически, и эти изменения требуют учета при анализе статистических данных. Даже если оставить за рамками рассмотрения распад СССР, произошли значимые изменения на политической карте: несколько стадий распада Югославии, мирный распад Чехословакии, переход Гонконга и Макао под управление Китая, появление непризнанных территориальных образований (Косово, Абхазия, Южная Осетия и др.). Данные международной статистики обычно отражают эти трансформации с запозданием либо просто игнорируют их в угоду поддержания целостности наблюдений.

Характерен пример Гонконга и Макао: вплоть до сегодняшнего дня и Всемирный банк, и МВФ ведут отдельные наблюдения для этих территорий, не включая их в состав КНР. В то же время Гонконг генерирует более 2% ВВП Китая и значительную часть международных инвестиций и торговли. При работе с наблюдением «Китай» эти данные просто отбрасываются, хотя по объему эта «прибавка» превосходит ВВП ЮАР¹.

Аналогичные проблемы наблюдаются с зависимыми территориями Великобритании, Нидерландов, заморскими департаментами Франции, членами Датского содружества и др. Для этих территорий ведется независимый подсчет статистики, который не включается в статистику государства-суверена. Простое контрольное суммирование всех суверенных наблюдений по ВВП показывает отбрасывание из расчетов до 2 трлн долларов мирового ВВП в разные годы, что существенно меняет место ряда суверенных государств в «распределении» международного влияния, по крайней мере экономического.

Проблема описанной утечки данных разрешима, если их подвергнуть предварительной обработке. Например, при агрегиро-

¹ World Development Indicators // World Bank. – Mode of access: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (accessed: 1.12.2023).

вании показателей ВВП по суверену объем неучтенного мирового ВВП сокращается до примерно 0,5 трлн долларов, что сопоставимо (и на удивление похоже) на ВВП Тайваня, который не имеет отдельного наблюдения, но учтен в агрегированных подсчетах.

Метод агрегирования по суверену, на первый взгляд, решает часть проблем в части корректировки расчетов ВВП, но здесь тоже требуется проявлять внимательность. До 1997 г. упомянутый Гонконг входил в состав Великобритании, а Макао – в состав Португалии до 1999. Простой просмотр архивной статистики показывает, что в составе Великобритании в 1997 г. Гонконг генерировал около 10% ВВП. Перейдя во владение Китая, территории создавали более 16% ВВП Китая. Это та часть ВВП и экономической мощи, которая сменила принадлежность, перешла от одного суверена к другому, изменив распределение влияния как минимум в регионе. На иллюстрации ниже демонстрируется различие динамики ВВП Китая и Великобритании без коррекции и с проведенной коррекцией по суверену. В последнем случае ВВП Китая превосходит ВВП Великобритании не в 2006, а в 2005 г., а также одновременно сокращается отрыв по этому показателю в период 2001–2005 гг.

Корректным способом при анализе временных рядов для проведения агрегирования данных является не простое суммирование по суверену, но поддержание вспомогательного временного ряда суверенитетов. С такой коррекцией данные позволяют учесть, например, трансформации Югославии и Чехословакии.

Однако адекватным подходом к анализу данных для распадающихся государств является не агрегирование данных, а отбрасывание нерелевантных наблюдений. Например, на 2003 г. приведена статистика для Сербии и Черногории в составе конфедерации, но эта статистика едва ли является верной – адекватный подсчет выделенной частной экономики внутри любых союзных образований является практически невозможным. Точно так же можно поступать с наблюдениями, которые выделяют отдельные республики внутри СССР как независимые страновые наблюдения.

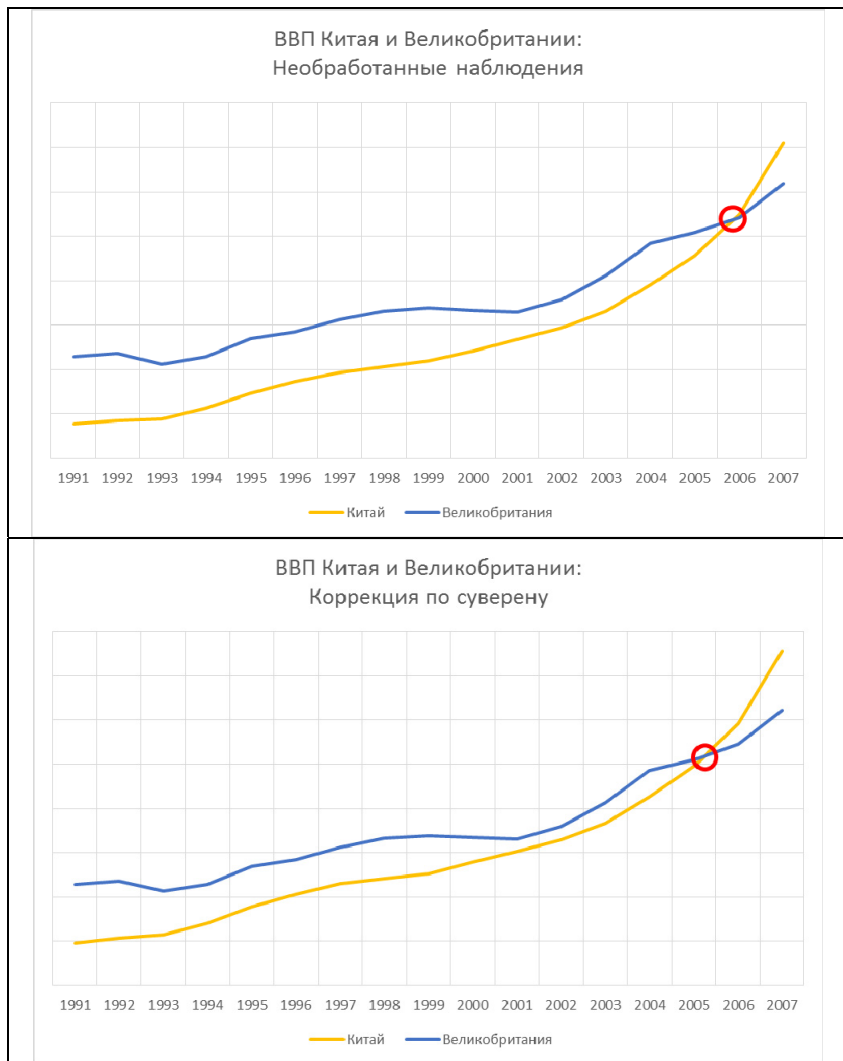

Рис. 3
Динамика ВВП Китая и Великобритании
с коррекцией по суверену и на исходных
нескорректированных данных

Граничные условия применения метода агрегирования по суверену очевидны также при внесении корректировок по временным границам суверенитета: этот метод показывает некорректные результаты при работе с долевыми и подушевыми показателями (ВВП на душу населения, например). Эта проблема осознана, и соответствующие корректировки могут быть внесены при расчете – об этом в следующем разделе.

Впрочем, проблема учета объемов торговли в общем случае не имеет решения. Например, торговля Гонконга или Французской Гвианы в значительной степени (свыше 70%) является внутренней для суверена, хотя учитывается как внешняя. Выделение этих объемов требует анализа диадной статистики, и здесь требуется решение исследователя о том, как ее интерпретировать.

Еще одной распространенной ошибкой интерпретации статистических показателей является ошибка базового процента при использовании долевого или подушевого показателей. Суть этой ошибки заключается в том, что проводимые расчеты вероятностей оперируют долями и процентными значениями без учета абсолютных цифр, а часто и в смещенной выборке. Сходные эффекты могут наблюдаться при интерпретации статистических наборов, которые для более убедительной демонстрации какого-либо эффекта оперируют процентными, долевыми или подушевыми показателями. К таким параметрам статистики относятся, например, ВВП на душу населения, процентные распределения подушевых показателей и иные показатели, которые в отрыве от абсолютных значений могут привести к ложным выводам.

В качестве абстрактного примера рассмотрим показатель процента пахотной земли от общей площади территории. Этот показатель – часто именно в процентном или подушевом выражении – используется для расчета уровня продовольственной безопасности. Предполагается, что при некотором пороговом уровне пахотной земли на душу населения продовольственная безопасность государства не подвергается рискам.

Но процент пахотных земель для Канады и для Кубы – это принципиально разные абсолютные значения, отличающиеся на порядок, как отличается и их абсолютная площадь, от которой рассчитывается этот процент. Согласно имеющейся статистике, порядка 30% земли Кубы являются пригодными для возделывания, в то время как в Канаде соответствующий показатель составляет

лишь около 4%. Однако в абсолютных цифрах этот показатель различается более чем на порядок: свыше 41 млн гектаров для Канады и порядка 3,6 млн гектаров для Кубы по данным на 2020 г.¹ Использование долевого показателя в подобных расчетах, как демонстрирует приведенный пример, может приводить к некорректной интерпретации.

Проблема расчета душевых показателей дополнительно усугубляется описанной выше проблемой пересчета абсолютных значений по суверену для зависимых территорий. Например, у Великобритании их не меньше 17, и каждая из них в агрегаторах проходит независимым наблюдением. Для уже упоминавшегося случая Гонконга показатель уровня жизни через ВВП на душу населения превышает показатели материкового Китая почти в четыре раза², что относит Гонконг к другому классу наблюдений: экономикам с высоким доходом, что, очевидно, неверно для этой территории в составе единой экономики Китая.

Обойтись без долевого показателей нельзя, поскольку они выражают важные характеристики государств. Но надо помнить, что это всего лишь одно из представлений абсолютных показателей, и нет смысла умножать сущности путем их переноса из статистических баз. Практически всегда корректным методом работы будет самостоятельный расчет нужных долей по прозрачной методике (включая коррекцию по суверену), что также исключает возможные ошибки пересчета, которые, к сожалению, могут вкрадываться даже в самые авторитетные источники.

Доверие к данным и их ретроактивные корректировки

Перейдем теперь к вопросу о том, насколько вообще можно доверять исходным данным и проводимым экстраполяциям. Ведь проблема заполнения пропусков характерна для всех статистических агрегаторов. Пропусков данных не может не быть – статистические данные поступают неравномерно и в отдельные годы отсутствуют. В иные годы данные оцениваются крайне грубо или

¹ World Development Indicators // World Bank. – Mode of access: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (accessed: 01.12.2023).

² Ibid. (accessed: 1.12.2023).

приводятся по заведомо ангажированным расчетам. Все авторитетные статистические агентства используют те или иные методы заполнения пропусков. Настораживает, что эти методики далеко не всегда бывают хорошо документированы.

Различные способы интерполяции и экстраполяции характерны для заполнения пропусков по сложным расчетным параметрам. Характерным примером является расчет паритета покупательной способности (ППС), который подчинен трехлетним циклам. Но последний полный и согласованный пересчет продуктовой корзины для вычисления корректных коэффициентов был проведен в 2017 г. В 2021 г. на фоне пандемии коронавируса было принято решение не рассчитывать его в срок из-за очевидных дисбалансов национальных экономик и неспособности ряда из них собрать адекватные данные. Таким образом, на протяжении пяти лет, до финальной корректировки значений ППС осенью 2022 г., расчеты эконометрических параметров государств мира опирались на экстраполяцию значений от 2017 г., полученных для предсказанного экономического роста в то время. Очевидно, что эти данные все пять лет не отражали экономических шоков пандемии коронавируса.

В свете регулярного пересчета различных опорных коэффициентов экономической статистики архивные данные также регулярно корректируются ретроактивно. Упомянутый выше индикатор ВВП по ППС регулярно корректируется на три года назад при получении значений новых коэффициентов. Но в сентябре 2022 г. произошло значительно более масштабное изменение статистики Всемирного банка, в том числе и в архивных временных рядах: показатели ВВП по ППС были скорректированы не на три года назад, а на весь период с 2011 по 2017 г. Одновременно с этим на глубину до 2011 г. были скорректированы показатели бедности, демографической статистики, продовольственной безопасности и др.¹ Из этого буквально следует, что попытка воспроизвести любые исследования периода 2011–2017 гг., основанные на расчетных показателях развития, пользуясь обновленными статистическими показателями, обречены на провал. Любой исследователь столкнется

¹ Data Updates and Errata World Development Indicators // World Bank. – Mode of access: <https://datahelpdesk.worldbank.org/knowledgebase/articles/906522-data-updates-and-errata> (accessed: 11.02.2024).

попросту с несовпадением исходных данных, и получаемый результат при сохранении метода расчета окажется другим. Автор статьи столкнулся с данным эффектом, пытаясь воспроизвести расчеты исследований 2015 г. на новых панельных данных Всемирного банка, обнародованных в 2023 г.

Но не только параметры статистики подвергаются пересчетам, порой целые массивы данных изымаются из статистических агрегаторов, корректируются либо заменяются новыми, не являющимися прямыми аналогами. Так происходит с показателями, которые перестали собираться академическими институтами и другими международными агентствами, – их просто перестают публиковать. В качестве примера можно привести показатель производства энергии в нефтяном эквиваленте, который собирался Всемирным банком на основе данных Международного энергетического агентства по 2014 г. включительно¹. Этот показатель использовался рядом исследований для оценки экономической безопасности и качества жизни, но с 2015 г. он заменен на показатели потребления взамен оценки объемов производства, что произошло по соображениям продвижения «зеленой повестки» в попытке подчеркнуть значимость возобновляемых источников.

Не менее опасна некорректная экстраполяция и интерполяция, подобная описанной в предыдущем разделе. Как ни печально, они нередко используются в совершенно непрозрачных вариантах, без должного документирования изменений. При отсутствии актуальных данных ряд агентств просто копируют данные предыдущего периода, либо используют методы усреднения. Такой подход замечен автором статьи в данных по этническому распределению проекта Ethnic Power Relations (EPR), собираемых Группой исследования международных конфликтов в Цюрихе², в данных Стокгольмского международного института исследований проблем мира (Stockholm International Peace Research Institute, SIPRI / СИПРИ) и ряда других. Например, для статистики EPR образца 2021 г. характерны зафиксированные на протяжении десятилетий показате-

¹ Metadata Glossary // The World Bank. – Mode of access: <https://databank.worldbank.org/metadataglossary/world-development-indicators/series/EG.EGY.PROD.KT.OE> (accessed: 24.01.2024).

² Ethnic Power Relations (EPR) Dataset Family 2021 // International Conflict Research (ICR) group at ETH Zurich. – Mode of access: In <https://icr.ethz.ch/data/epr/> (accessed: 24.01.2024).

ли доминирующего этноса в Скандинавии и Прибалтике, а также продолжающийся учет доли фактически вымершего этноса айну в составе населения Японии. Эти данные, за неимением доверенных источников для обновления статистики, просто копировались из данных предыдущих отчетных периодов.

Некритичный перенос данных прошлых лет, интерполяция и экстраполяция во временных рядах, плохое управление источниками и банальные ошибки заполнения приводят к появлению существенных, заметных невооруженным взглядом выбросов данных, а также значительных девиаций нормальных трендов. Это не единственная причина появления выбросов, но она является довольно распространенной. Характерно повышена частотность выбросов в постковидной статистике. Причины этого частично описаны выше, и они связаны с пропуском цикла пересчета коэффициентов ППС, изменениями моделей потребления и др. Но намного более банальной причиной является простое отсутствие достоверных данных, запаздывание их поступления или целенаправленные манипуляции.

Возможно ли вообще корректное заполнение пропусков? Да, для ряда длинных трендов, – но только *при корректной модели построения недостающих данных*. Например, длинными трендами характеризуется демографическая статистика, хотя и для нее, как было показано выше, некорректная экстраполяция данных может приводить к появлению совершенно неадекватных оценок. Однако в общем случае заполнение пропусков методами интерполяции и (или) экстраполяции данных требует инерционного развития и отсутствия внешних шоков. Правда, сейчас отсутствие внешних шоков на протяжении продолжительных временных отрезков – это скорее редкость, чем норма.

Проблема некритичного отношения к исходным данным, к сожалению, кочует от одного исследования к другому. Очень часто авторитет источника является достаточным аргументом в пользу того, чтобы ему доверять безоговорочно. При этом не проводится даже простого первичного анализа данных.

В связи с этим можно рекомендовать хотя бы предварительные проверки данных перед их использованием. Признаки, которые сигнализируют о некорректных методах интерполяции и экстраполяции во временных рядах, включают в себя: постоянный повтор одного и того же значения на протяжении длительных вре-

менных отрезков, нарушения монотонности, не связанные с какими-либо катастрофическими изменениями (например, появление нулей после серии адекватных значений), подмену наблюдения «данные отсутствуют» явными усреднениями, апеллирующими к предыдущим наблюдениям, и т.п. Ряд таких девиаций выявляется легко, а другие (выявление усреднений и взвешивания, например), требуют более пристального анализа и обработки.

Проблема ретроактивного непрозрачного пересчета исходных также влечет за собой проблему воспроизводимости результатов исследования, которое было проведено на наборах данных, измененных впоследствии. С точки зрения дизайнера исследования можно лишь дать рекомендации по фиксации наборов данных, чтобы не сталкиваться с нарушениями непрерывности рядов, которые могут быть вызваны появлением новых наборов данных в доступных статистических источниках.

Следует отметить, что девиации, хорошо выявляемые во временных рядах, на мгновенном срезе могут быть совершенно незаметны для исследователя. Поэтому анализ временных рядов в их непрерывности в целом дает хороший потенциал по повышению релевантности исследований и расчетных методик, что позволяет надеяться на повышенную точность получаемых результатов.

Таким образом, от исследователей и экспертов в современном мире требуется крайне внимательное отношение к исходным данным. Статистические агентства порой используют изощренные математические модели, которые применяются для предсказания трендов и заполнения пропусков и которые хороши лишь настолько, насколько хороша модель внешних условий, в которых работает предсказание.

Выводы и рекомендации

К фундаментальным проблемам исходных данных для любого исследования относятся проблемы доверия к статистике (включая проблемы ретроактивной замены данных) и проблемы их интерпретации.

Проблема доверия в общем случае, к сожалению, не решаема. Статистикой манипулируют, данные могут быть ангажированы, данные могут пересчитываться и напрямую фальсифицироваться.

Тем не менее есть методы, которые позволяют хотя бы устанавливать уровень доверия – ряд из них упомянут выше. Как поступать дальше с данными, которые вызывают сомнения, – вопрос к дизайну исследования, и в каждом конкретном случае он должен решаться отдельно. Вместе с тем рекомендуется проводить первичный анализ и отсев данных, либо хотя бы их маркировку.

Проблема некорректных интерпретаций часто может быть решена. Несмотря на то что статистика предлагает уже готовые наборы интерпретаций, на них просто не стоит полагаться. Любые долевыe, подушевыe и иные счетные показатели, если они могут быть вычислены самостоятельно, должны вычисляться самостоятельно. Нет никакого практического смысла в использовании чужих интерпретаций и умножении сущностей, если интересующий параметр легко рассчитывается.

Кроме того, в части интерпретаций рекомендовано минимизировать число источников, особенно использующих долевыe показатели. В ситуации непрозрачности подсчетов разумным видится подход по самостоятельному исчислению параметров, которые могут быть получены из абсолютных значений. Долевыe и подушевыe показатели, если такой параметр требуется в исследовании, надежнее рассчитать самостоятельно по одному доверенному вспомогательному источнику. Разумеется, по возможности следует оперировать хорошо документированными источниками. При этом недопустимо смешивать показатели различных источников, которые могут вычислять показатели по разным методикам.

Можно суммировать рекомендации по работе с данными следующим образом.

1. Набор данных для исследования должен быть «герметичным», т.е. все данные должны быть зафиксированы к моменту начала исследования и в дальнейшем не дополняться. Допустимо полное обновление набора данных, но ни в коем случае нельзя обновлять данные частями – это может нарушить целостность набора.

2. Количество источников должно быть минимизировано. Недопустимо смешение источников данных одного и того же характера из-за их, возможно, различной размерности и методов подсчета.

3. Количество параметров также должно быть по возможности минимизировано. Любые вычисляемые параметры должны исчисляться только и исключительно внутри счетных моделей с использованием прозрачных, документированных методов и алго-

ритмов. Недопустимо использовать внешние исчисляемые параметры, поскольку всегда есть риск непрозрачной методики, коррекции и попросту случайных ошибок. Исключение допускается для параметров со сложными статистическими методиками подсчета (ППС), но, если есть возможность ими не пользоваться, лучше ими и не пользоваться.

4. При абсолютной необходимости использования исчисляемых показателей в исследовании их источником должен выступать тот же, который используется как источник для показателей абсолютных (см. п. 2).

5. Все данные должны проходить предварительную обработку и фильтрацию, по возможности анализироваться на предмет выявления нарушений монотонности и маркироваться по доверию (необязательно, но желательно). В предварительную обработку по возможности должны входить коррекции данных по государству-суверену (если релевантно для исследования) и учет временных рядов в части трансформаций суверенитета.

«Заблуждение Макнамары» в принятии решений, в том числе политических, с нами, видимо, навсегда. В эпоху интернета и компьютеров статистике при принятии решений порой доверяют больше, чем здравому смыслу, и любое решение может быть подкреплено если не сырыми данными, то выгодной их интерпретацией. В настоящей статье описано лишь несколько примеров подобных интерпретаций, но в период недавней пандемии коронавируса можно найти сотни примеров искажений, которые становились причиной принятия стратегически важных решений в области здравоохранения, социальной политики, экономики и др. В хорошо построенных исследованиях подобным заблуждениям не должно быть места.

Данная статья не претендует на полноту, но все же типичные ошибки, методы их обхода и повышения релевантности исследований описать удалось. Хочется надеяться, что они окажутся полезными для исследователей, работающих со статистическими данными, помогут повысить точность исследований и привлекут должное внимание, собственно, к данным, которые не являются просто числами, а несут в себе важные смыслы.

V.V. Kabernik***Traps set by statistics and how to evade them¹**

Abstract. The article takes a critical view of the data-driven approaches to public management and the common pitfalls in decision-making stemming from unreliable data and misinterpretations. Historical examples of misconceptions made by US Secretary of Defense R. McNamara are given, and the disastrous policy of discarding qualitative assessments in favor of using only measurable parameters are examined. By the example of incorrect interpretation of demographic statistics in Kosovo, the influence of deliberately false and uncritically perceived information in decision-making regarding the national policy in the former Yugoslavia and further humanitarian intervention under the auspices of protecting the Albanian population from genocide are examined. The reasons for these misconceptions are studied and examples of correct interpretations are provided. The author also focuses on the means to avoid traps set by available statistics. Basing on the author's experience in preliminary analysis and processing of data used in academic projects, methods are proposed to circumvent the typical "traps" of statistics that lead to incorrect interpretations and findings.

Keywords: data-driven policy; data; statistics; McNamara fallacy; Goodhart's law; time series.

For citation: Kabernik V.V. Traps set by statistics and how to evade them. *Political science (RU)*. 2024, N 2, P. 237–261. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.02.11>

References

- Basler M. Utility of the McNamara Fallacy. *BMJ*. 2009, N 339, P. b3141. DOI: <https://doi.org/10.1136/bmj.b3141>
- Bugajski J. *Political parties of Eastern Europe: a guide to politics in the post-Communist era*. New York: Routledge, 2002, 1120 p.
- Byrne J.A. *The Whiz Kids: the founding fathers of American business - and the legacy they left us*. New York: Doubleday, 1993, 581 p.
- Esty D., Rushing R. The promise of data-driven policymaking. *Issues in science and technology*. 2007, Vol. 23, N 4, P. 67–72.
- Falkingham J., Gjonça A. Fertility transition in Communist Albania, 1950-90. *Population studies*. 2001, Vol. 55, N 3, P. 309–318. DOI: <https://doi.org/10.1080/00324720127699>
- Goodhart C.A.E. *Monetary theory and practice: the UK experience*. London: Macmillan press, 1984, 282 p.

* **Kabernik Vitaly**, MGIMO University (Moscow, Russia), e-mail: vic@inno.mgimo.ru

¹ The article was prepared within the consortium of MGIMO University and HSE University and funded by the grant for the implementation of the Priority 2030 Strategic Academic Leadership Program.

- Hoskin K. The 'awful idea of accountability': inscribing people into the measurement of objects. In: Munro R., Mouritsen J. (eds). *Accountability: power, ethos and the technologies of managing*. London: International Thomson Business Press, 1996, P. 265–285.
- Muller J.Z. *The tyranny of metrics*. Princeton, Oxford: Princeton university press, 2018, 248 p.
- Phillips R. *Why Vietnam matters: an eyewitness account of lessons not learned*. Annapolis: Naval Institute press, 2008, 398 p.
- Sullivan B. The Balkans: of what is past, or passing, or to come. In: Murray W. (ed.). *The emerging strategic environment: challenges of the twenty-first century*. Westport, Conn.: Praeger, 1999, P. 1–33.
- Tucker S.C. (ed.). *The encyclopedia of the Vietnam war: a political, social and military history*. Oxford: Oxford university press, 2000, 578 p.
- van Veenstra A.F., Kotterink B. Data-driven policy making: the policy lab approach. In: Parycek P., Charalabidis Y., Chugunov A.V., Panagiotopoulos P., Pardo T.A., Tambouris Øystein Sæbø Efthimios (Eds.) *Electronic participation: 9th IFIP WG 8.5 International Conference, ePart 2017, St. Petersburg, Russia, September 4-7, 2017, Proceedings*. Lecture Notes in Computer Science, Vol. 10429. Springer, Cham, 2017, P. 100–110. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-64322-9_9
- Yankelovich D. Interpreting the new life styles. *Sales Management: the Marketing Magazine*. 1971, Vol. 107, N 11, P. 26–27.

П.А. ГРИНЕВИЧ, А.П. БОЧАРОВА, Д.К. СТУКАЛ*
**ВАЛИДНОСТЬ ИНДЕКСОВ «МЯГКОЙ СИЛЫ»:
ОТ ВЫЗОВОВ К РЕШЕНИЯМ¹**

Аннотация. Потенциал государства в развитии его «мягкой силы» – важный компонент оценки государственной состоятельности. «Мягкая сила» государства свидетельствует не только о его внешней привлекательности и неформальном влиянии на решения, принимаемые другими международными акторами; это еще и важный показатель наличия у страны потенциала для влияния на формирование наиболее благоприятной для государства внешней среды. Валидность индексов «мягкой силы» до сих пор систематическим образом не исследовалась, что является существенным ограничением на пути к практическому применению разработанных индексов в сравнительных эмпирических исследованиях. Результаты анализа валидности показали, что существующие индексы «мягкой силы» не лишены ряда проблем, таких как неизвестный или необоснованный выбор способа агрегирования данных, несоответствие прокси-переменных концептуализации, а также включение в анализ результатов опросов общественного мнения и экспертных опросов. С учетом обнаруженных проблем в

* **Гриневиц Полина Александровна**, студент бакалавриата Факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: pagrinevich@edu.hse.ru; **Бочарова Александра Павловна**, аспирант, младший научный сотрудник Международной лаборатории исследований мирового порядка и нового регионализма, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: apbocharova@hse.ru; **Стукал Денис Константинович**, PhD, кандидат политических наук, доцент Департамента политики и управления Факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: dstukal@hse.ru

¹ Статья подготовлена в рамках консорциума МГИМО МИД России и НИУ ВШЭ из средств гранта на реализацию программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

данной работе были сформулированы и опробованы способы их преодоления. Это, в первую очередь, измерение ресурсов «мягкой силы», опора на строгую концептуализацию, отказ от использования субъективных данных и использование метода главных компонент для более методологически обоснованного определения итоговых весов используемых признаков. Данная работа показывает пример того, как может выглядеть более валидный индекс, при этом выбор как прокси-переменных, так и возможных измерений «мягкой силы» нуждается в дальнейшем обсуждении и уточнении.

Ключевые слова: «мягкая сила»; индексы «мягкой силы»; метод главных компонент; валидность индексов; государственная состоятельность; ресурсы «мягкой силы».

Для цитирования: Гриневич П.А., Бочарова А.П., Стукал Д.С. Валидность индексов «мягкой силы»: от вызовов к решениям // Политическая наука. – 2024. – № 2. – С. 262–281. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.02.12>

Несмотря на заявления ряда международных и российских экспертов о несостоятельности «мягкой силы» в современных реалиях [Soft power..., 2015; Li, 2018], потенциал государства в развитии его «мягкой силы» – важный компонент оценки государственной состоятельности [Nye, 2008]. «Мягкая сила» государства свидетельствует не только о его внешней привлекательности и неформальном влиянии на решения, принимаемые другими международными акторами; это еще и важный показатель наличия у страны потенциала для влияния на формирование наиболее благоприятной для государства внешней среды. «Мягкая сила» – термин, который не может не учитываться в анализе эффективности внешней политики государства, невзирая на режимные или военные изменения в изучаемых странах.

Начиная с первых работ, посвященных понятию «мягкой силы», исследователи предпринимали попытки измерить данный показатель в межстрановой и временной перспективе [Hall, 2010]. В число крупных исследований на эту тему входят проекты по созданию индексов «мягкой силы», разработанные рядом коммерческих организаций и научных центров (см. далее в тексте). При этом вопрос валидности существующих индексов «мягкой силы» остается открытым. При беглом сравнении индексов за одинаковые временные периоды исследователь обнаружит, что одни и те же страны занимают разные позиции: так, в индексе Elcano Global Presense Index за 2019 г. четверку лидеров составляют США, Китай, Германия и Великобритания; в индексе Soft Power 30 за тот

же год лидирующие позиции занимают Франция, Великобритания, Германия и Швеция. Чем обоснованы различия в позиционировании стран? Авторы данной работы выдвигают несколько предположений о причинах существующей проблемы.

Причина различий в оценке «мягкой силы» носит практический характер: разработчиками существующих индексов являются околосударственные аналитические центры, которые выполняют политические исследования по заказу органов государственной власти и международных организаций. К числу таких центров относятся, в частности, разработчик индекса Elcano Global Presence Index Королевский институт Элькано¹. Вторую группу авторов индексов составляют коммерческие консалтинговые компании, в том числе Portland Communications и Brand Finance. Как в первом, так и во втором случае мы можем столкнуться с рядом методологических проблем при анализе индексов: так, Галларотти [Галларотти, 2020] отмечает, что в ряде проектов по созданию индексов «мягкой силы» зачастую не решен вопрос корректной стандартизации и выбора весов, а также продолжается дискуссия о фактических показателях «мягкой силы». В частности, мы не можем с точностью ответить на вопрос, опирались ли указанные выше аналитические центры, выполняя государственные заказы, исключительно на объективную статистику, или существует риск некорректной расстановки весов или нерепрезентативной выборки для получения определенного заранее заданного результата. Мы также допускаем, что коммерческие компании, разрабатывающие индекс, исходят из перспектив развития на международных рынках определенных коммерческих продуктов, которые производит заказчик – а следовательно, индексы могут отражать лишь частную, отраслевую ситуацию. Эту идею подтверждает и исследование Е. Харитоновой, которая упоминает ориентацию создателей индексов на маркетинговые стратегии [Харитонова, 2015].

В какой мере наблюдаемые различия в рейтингах стран объясняются методологическими проблемами существующих индексов? Можно ли создать более универсальный индекс мягкой силы, который решит эти проблемы? Данная статья является попыткой

¹ Официальный сайт Королевского института Элькано. – Режим доступа: <https://www.realinstitutoelcano.org/en/reports/elcano-global-presence-report-2022/> (дата посещения: 11.01.2024).

ответить на перечисленные вопросы, рассмотрев существующие индексы «мягкой силы» с точки зрения их согласованности в оценках для различных стран, структуры и весов.

Концептуализация «мягкой силы»

Понятие «мягкой силы» было предложено Джозефом Наем в 1990 г. [Nye, 1990]. Най писал, что сила, или власть, в контексте возможности контроля над другими людьми традиционно воспринимается как владение некоторым спектром ресурсов: от полезных ископаемых до военной мощи. Однако появление новых факторов, включая образование, технологии и экономический рост, отодвигает первичный набор показателей силы на второй план. Первично Най определяет «мягкую силу» как «аспект силы, возникающий тогда, когда одна страна заставляет другие страны хотеть того, чего она хочет» [Nye, 1990]. В таком определении «мягкая сила» приближается к концепции третьего лика власти по Стивену Льюксу: так, третий лик включает в определение власти не только наблюдаемые действия, проявляющиеся в контроле над решениями (первый лик), и создание ситуации непринятия решения (второй лик), но и способность формировать интересы и предпочтения людей [Lukes, 2005]. Различие понятий третьего лика и «мягкой силы» заключается в том, что «мягкая сила» фокусируется на форме влияния через привлечение и убеждение, будучи лишенной идеологического окраса, в то время как Льюкс подчеркивает, что третий лик власти предполагает влияние на предпочтения через именно идеологическую обработку [Lukes, 2007].

Образовательные программы и бизнес-сотрудничество появляются в современных работах в качестве новых ресурсов «мягкой силы» [McClory, 2010]. Предполагается, что программы академического обмена способны позитивно повлиять на репутацию принимающей студентов страны после их возвращения домой. Предпринимательство становится более сложным инструментом из-за опоры на экономические ресурсы, первично воспринимаемые как ресурсы именно «жесткой силы», однако такие показатели, как активное внедрение инноваций, конкуренция и низкий уровень коррупции влияют на привлекательность экономической модели страны для сотрудничества.

В противовес «мягкой силе» ставится «жесткая сила» — власть, опирающаяся на принуждение, а не на привлечение других акторов, двумя главными ресурсами которой являются военная мощь и экономические ограничения. Однако два вида силы не прямо противоположны друг другу, а, скорее, располагаются на некотором спектре, границами которого будут принуждение и привлечение [Nye, 2004]. Кроме того, в некоторых случаях и «жесткая сила» может стать привлекательной: это происходит, например, из-за создаваемого мифа непобедимости.

Значительная часть более поздних работ исследователей была посвящена поиску концептуальных границ между понятиями «мягкой» и «жесткой» сил и даже более поздних понятий «острой силы», «умной силы» и пр. (например, см.: [Knott et. al, 2017; McClory, 2010]). Такое разрастание понятийного аппарата неизбежно ведет к концептуальным искажениям изначально вкладываемого в концепцию смысла, из-за чего происходит отказ от первичных понятий в пользу других, более узконаправленных и не всегда корректных [Collier, Mahon, 1993]. Так, добавление новых категорий и аспектов в то или иное понятие не всегда означает достижение или приближение к концептуальной целостности и завершенности, а зачастую приводит к еще большим трудностям измерения и сравнения объектов в различных контекстах. Подобные искажения могут привести к значительной неопределенности относительно того, что мы можем отнести к исследуемому понятию, а что нет [Sartori, 1970]. Исследователи неоднократно критиковали понятие «мягкой силы» за попытку охватить все формы влияния (например, см. [Fan, 2008; Rothman, 2011]). По этой причине при анализе индексов мы опираемся на классическое, описанное выше определение Дж. Ная, оставляя за рамками работы более поздние теоретические новации, возникшие в ходе академической дискуссии.

Индексы «мягкой силы»

Первая попытка измерения «мягкой силы» была сделана британским аналитическим центром Institute for Government совместно с журналом *Monocle*. В результате их сотрудничества

был создан индекс The New Persuaders¹ (далее – TNP), который рассчитывался в 2010–2012 гг. и включал оценку от 26 до 40 стран в различные годы. Индекс учитывал «объективную и субъективную» стороны «мягкой силы», из-за чего считался на основании сочетания количественных и опросных данных в соотношении 7 к 3 [McClory, 2010]. Авторы индекса взяли за основу три упомянутых Наем категории ресурсов, способных производить «мягкую силу», и добавили к ним категории бизнеса и образования. Субъективная сторона «мягкой силы» рассчитывается исходя из экспертных оценок по следующим критериям: репутация посольств и дипломатов; привлекательность известных людей; качество государственных авиакомпаний; культура; кухня и международное политическое лидерство. Индекс TNP был первой попыткой измерения «мягкой силы» и поэтому, несмотря на ряд существующих вопросов к его конструированию, стоит отметить важность первого подхода к измерению «мягкой силы», многое из которого было использовано в дальнейших исследованиях.

Следующим шагом в измерении «мягкой силы» стал проект Ernst & Young и Центра Сколково Rapid-growth markets soft power index² (далее – RGM), в рамках которого был представлен индекс «мягкой силы» для 27 стран. Впрочем, RGM примечателен несколькими методологическими аспектами. Во-первых, этот индекс строился исключительно на количественных данных. Во-вторых, его операционализация «мягкой силы» заметно отличается от уже рассмотренного индекса TNP. Например, авторы разделили понятие «мягкой силы» на три категории, схожие в концептуальном плане с тремя элементами «мягкой силы» Ная: *global integrity* (отвечает за то, насколько страна «придерживается морального или этического кода»), *global integration* (связь страны с остальным миром) и *global image* (привлекательность и популярность, измеряемая в основном через экспорт различной продукции культурного или медиахарактера). Индекс был однократно рассчитан для периода с 2005 по 2010 г. и больше не обновлялся.

¹ The New Persuaders, London: Institute for Government // Institute for Government. – Mode of access: https://www.instituteforgovernment.org.uk/sites/default/files/publications/The%20new%20persuaders_0.pdf (accessed: 04.06.2023).

² Rapid-growth markets soft power index // Ernst & Young. – Mode of access: https://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/SIEMS_Monthly_Briefing_2012-06_eng.pdf (accessed: 04.06.2023).

После непродолжительного затишья консалтинговое агентство Portland Communications предложило еще один индекс «мягкой силы» – Soft Power 30¹ (далее – SP30). Одним из авторов нового индекса был Джонатан Макклори, который также работал над индексом TNP, что предположительно объясняет их методологическую схожесть. Индекс SP30 также строится на концептуальном делении «мягкой силы» на объективную и субъективную составляющие, которые поддаются измерению через количественные данные и результаты международных опросов населения. Новизна SP30 заключалась во включении нового субиндекса, отвечающего за информационную открытость и доступность, а также в замене экспертных оценок социологическими опросами. Индекс был обнародован в 2015 г. и перестал обновляться после 2019 г. К его недостаткам можно отнести то, что он – как и другие – охватывал очень ограниченное количество стран (около тридцати).

В 2019 г. был опубликован очередной проект под названием Global Soft Power² (далее – GSP) от консалтингового агентства Brand Finance. Данный индекс представил уникальный способ измерения «мягкой силы»: он рассчитывается исключительно на основе данных, полученных в результате анализа опросов и экспертных оценок. Операционализация «мягкой силы» свелась авторами к выделению семи основных элементов измеряемого понятия, включая открытость к торговым отношениям, качество управления, международные отношения, культуру, медиа и коммуникации, образование и бизнес, а также категорию «люди и человеческие ценности». GSP публикуется до сих пор; кроме того, в этот раз удалось преодолеть ограничения географического охвата: в 2019 г. индекс представлял оценку по 60 странам, а в последнем обновлении количество государств увеличилось до 121.

¹ The soft power 30: A global ranking of soft power // Portland communications. – Mode of access: https://portland-communications.com/pdf/The-Soft-Power_30.pdf (accessed: 04.06.2023).

² Global Soft Power Index // Brand Finance. – Mode of access: <https://brandirectory.com/softpower/> (accessed: 05.06.2023).

Таблица 1

**Хронологический и географический охват
индексов «мягкой силы»**

	TNP	RPG	SP30	GSP	EGSP
Годы издания	2010–2012	2005–2010	2015–2019	2019–2022	2010–2022
Количество стран в индексе	26–40	27	30	60–121	150

В данной статье мы также рассмотрим субиндекс Soft Presence индекса Elcano Global Presence Index¹ (далее – EGSP). Под «присутствием» (presence) подразумевается актив, который может быть трансформирован во власть, и индекс измеряет именно результаты этого присутствия (иными словами, эффекты власти). Индекс направлен на измерение эффектов власти в трех ее различных проявлениях: экономическом, военном и мягком. Индекс EGSP предлагает еще один вариант методологии: он рассчитывается с помощью исключительно количественных данных, однако веса для каждой переменной подобраны на основе экспертных опросов, которые авторы проекта проводят раз в несколько лет. Индекс обновляется ежегодно с 2010 г., и количество сравниваемых государств равно 150. В таблице 1 представлены краткие характеристики описанных выше индексов в табличном виде.

Из представленного выше описания источников данных можно заметить, что возникает ряд проблем для дальнейшего анализа индексов «мягкой силы». Во-первых, различные индексы были изданы в разные годы и их хронологические рамки практически не пересекаются друг с другом. Во-вторых, существует проблема узкого охвата стран, включенных в расчет индексов, что, в свою очередь, вызывает вопрос: по какому принципу отбираются страны для включения в индекс и почему остальные страны не были включены? Малая выборка стран косвенно может также свидетельствовать о том, что по каким-то причинам методология составления индекса не может быть применена ко всем странам. Кроме того, узкий охват стран затрудняет количественную оценку согласованности индексов. Самыми проблематичными для анализа

¹ Elcano Global Presence Index // Real Instituto Elcano. – Mode of access: <https://www.globalpresence.realinstitutoelcano.org/en/> (accessed: 05.06.2023).

индексами являются TNP и RGM: годы издания индексов пересекаются лишь в один год и по оценкам для 15 стран, а сам индекс издавался более 10 лет назад, в связи с чем потерял свою актуальность для современных исследований. По этим причинам индексы TNP и RGM не будут использованы в дальнейших расчетах.

Валидность существующих индексов

Обзор существующих индексов «мягкой силы» дает основания для постановки вопроса о валидности индексов, поскольку все они различаются критериями измерения «мягкой силы», операционализирующими переменными и используемой методологией.

Указанные различия в методологии и используемых данных различных индексов подтверждаются результатами расчетов коэффициентов корреляции. В таблице 2 представлен расчет коэффициентов корреляции Пирсона и ранговой корреляции Спирмена для различных индексов. Наиболее сильная линейная связь наблюдается у пары индексов GSP и EGSP ($r = 0,846$)¹. Корреляция индекса SP30 с индексом GSP ($r = 0,732$) и EGSP ($r = 0,548$) более низкая. В целом при исследовании валидности индексов минимальные требования к значениям коэффициентов корреляции высоки. Действительно, даже несмотря на различные способы измерения «мягкой силы», получаемые в итоге индексы должны иметь высокую корреляцию друг с другом, если они измеряют одно и то же явление. Исходя из этого мы делаем вывод, что индексы GSP и EGSP достаточно согласованы в оценках между собой, в то время как индекс SP30 значительно отличается в оценках от других индексов.

¹ Коэффициент ранговой корреляции Спирмена более пригоден для данных, в которых наблюдаются статистические выбросы. Таковые наблюдались в индексе EGSP, поэтому при интерпретации результатов в парах SP30 – EGSP, GSP – EGSP был использован коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Таблица 2

**Расчет коэффициентов корреляции индексов
«мягкой силы»**

	SP30–GSP	SP30–EGSP	GSP–EGSP
Корреляция Пирсона	0.699 (30)	0.405 (150)	0.631 (280)
Ранговая корреляция Спирмена	0.732 (30)	0.548 (150)	0.846 (280)

Приведенные расчеты коэффициентов корреляции, однако, являются лишь предварительным шагом в исследовании валидности. Ведь даже если индексы показывают идентичные результаты, остается вероятность наличия концептуальных различий и методологических неточностей. Такая логика работает и в обратную сторону: даже если индексы слабо коррелированы, остается шанс, что один из них валидный; в таком случае получение неудовлетворительных корреляционных результатов будет ожидаемо. По этой причине важен анализ каждого отдельного индекса.

**Концептуализация «мягкой силы»
и содержательная валидность**

Индекс SP30 стремится охватить весь спектр ресурсов «мягкой силы». Сюда авторы включают как объективно измеряемые ресурсы, так и их субъективную оценку, которая строится на опросах общественного мнения [McClory, 2010]. Однако если принять во внимание компоненты индекса, то можно заметить, что он нацелен на измерение нескольких разных составляющих одновременно. Так, индекс включает в себя переменные, отражающие скорее эффекты, чем ресурсы: количество туристов, посещаемость музеев², что может приводить к смещенным оценкам. Мы полагаем, что кроме некорректно подобранных строгих индикаторов, результаты опросов

¹ В скобках указано количество наблюдений, по которым были рассчитаны коэффициенты корреляции.

² Здесь следует сделать оговорку относительно того, что упомянутые ресурсы лишь предположительно могут описывать тот или иной аспект «мягкой силы». Индикаторы, измеряющие разные аспекты сложного явления, требуют дальнейшей дискуссии и проведения более четкой границы между ними.

общественного мнения о тех или иных страновых особенностях (качество государственного управления, дружелюбность населения, культурная составляющая и т.д.) по сути своей отражают непосредственно уже произведенный «мягкой силой» эффект, а не ее ресурс.

Индекс GSP состоит целиком из результатов опросов общественного и экспертного мнения по следующим пунктам: открытость к экономическому сотрудничеству, качество внутреннего управления, включенность в международные отношения, культурное наследие, качество СМИ, качество образования, люди и ценности, устойчивость будущего. В целом количество используемых компонентов и столь расширенная операционализация «мягкой силы» допустима, так как противоречия с исходной концепцией не было допущено.

Индекс EGSP измеряет результаты силы, а не ее ресурсы или способы достижения. Переменные, на которых строится индекс, в большинстве своем также свидетельствуют об этом: в их число входит туристический поток, количество иностранных студентов, а также объем культурного экспорта, упоминание в иностранных СМИ и пр. Однако возникают сомнения относительно валидности переменных количества научных статей, количества олимпийских медалей, рейтинга сборной ФИФА, так как неясно, в какой мере подобные показатели отражают эффекты «мягкой силы». Скорее, их можно отнести к ресурсам: высокое число олимпийских медалей и научных статей, во-первых, привлекает внимание к стране как лидеру в научной и спортивной сферах, а во-вторых, способно вызвать международное признание и уважение, что является важным эффектом «мягкой силы».

Достоверность данных и их реплицируемость

Отдельного внимания при оценке валидности существующих индексов мягкой силы заслуживает достоверность используемых данных. Необходимо отметить важность предоставления открытого доступа к конечному массиву данных, используемому для расчета индекса. Наличие данных позволяет проводить исследования, касающиеся природы изучаемого явления, выявлять влияние отдельных переменных на конечный результат, изучать

особенности применяемого в индексе способа агрегирования переменных.

Каждый из субиндексов индекса SP30 состоит из нескольких переменных, количество которых варьируется от 5 до 16, а всего число переменных достигает 75¹, многие из которых требуют обсуждения. Во-первых, вызывают вопросы результаты опросов общественного мнения, проверить корректность проведения которых не представляется возможным. Во-вторых, проблемным является включение результатов других индексов (например, *Government Online Services Index*, *Environmental Performance Index*, *Corruption Perceptions Index Score*) в качестве компонентов индекса. Подобная практика чревата ростом доли шума в итоговом индексе и снижением его содержательной валидности. Не остается в стороне и вопрос о применимости используемых индексов с точки зрения валидности самих индексов, а также их способности отражать ресурсы «мягкой силы». Так, особенно спорным является включение индекса Economist Democracy Index Score. Наличие уровня демократии внутри индекса «мягкой силы» создает ситуацию, в которой страны, признаваемые коллективным Западом более демократичными, объявляются обладающими большим спектром ресурсов «мягкой силы». Такая закономерность актуализирует дискуссию о режимной предвзятости понятия «мягкой силы» [Keating, Kaczmarek, 2019]. Еще одним открытым вопросом остается выбор весов как для каждого субиндекса, так и для каждой переменной. Например, объективный и субъективный аспекты индекса включены в итоговую оценку в соотношении 65 к 35, однако это соотношение никак не обосновано авторами. Разработчики индекса указывают, с каким весом каждый субиндекс включен в итоговый индекс, однако нет никаких данных о весах для переменных, на которых строились субиндексы. Наконец, индекс SP30 не предоставляет итогового массива данных, указывая лишь источники для некоторых переменных.

В индексе GSP, который строится на результатах опросов общественного мнения, остается очевидной проблема корректности проведенных опросов и их результатов. Другой проблемой становится то, что авторы индекса не указывают информацию о

¹ В разные годы индекс подвергался модификациям – из него и удалялись, и добавлялись некоторые переменные.

способе агрегирования переменных; индекс также не предоставляет итоговую массу данных для валидации расчетов.

Индекс EGSP указывает источники данных для всех используемых компонентов, однако не предоставляет итоговую массу данных. Другой проблемой индекса EGSP является выбор весов для переменных: он осуществляется с помощью экспертных опросов, в результате которых оценивается важность каждого компонента. В этом контексте снова возникает вопрос валидности опросных данных. Результаты проведенного анализа в кратком виде представлены в таблице 3.

Таблица 3

**Сводная таблица категорий валидности
для индексов «мягкой силы»**

	SP30	GSP	EGSP
Соответствие операционализации концептуализации, заявленной в индексе	–	+	–
Открытый доступ к используемому при составлении индекса массиву данных	–	–	–
Способ агрегирования данных в индексе представлен	–	–	+

Создание нового индекса «мягкой силы»

Проведенный анализ валидности основных индексов «мягкой силы» позволяет выделить следующие присущие им недостатки:

- смешение в одном индексе разных аспектов «мягкой силы», что затрудняет содержательную интерпретацию полученных значений;
- сомнительность используемых переменных в контексте их соответствия операционализации индекса;
- использование в качестве компонент индекса других индексов;
- ограничения хронологического и географического охвата.

Для того чтобы избежать вышеперечисленных проблем, в рамках данного исследования предлагается новый индекс, основанный на следующих предпосылках:

- индекс оценивает исключительно ресурсы «мягкой силы»;
- индекс не включает в качестве компонент другие индексы;

– в индексе не используются субъективные оценки ни в качестве переменных (как в SP30 и GSP), ни для выбора весов переменных (как в EGSP), будь то опросы общественного мнения или экспертные опросы.

Некоторые из вышеперечисленных пунктов требуют более развернутого пояснения. Во-первых, предлагаемый нами индекс стремится представить количественную оценку ресурсов «мягкой силы». В предшествующих исследованиях были предложены различные попытки операционализации эффектов «мягкой силы», которые в основном заключались в измерении отношения к государству через проведение опросов [Yun, Kim, 2008; Lee, 2008] или вовсе сводили «мягкую силу» к страновому брендингу [Knott, Fyall, Jones, 2017]¹. Оценка ресурсов с помощью количественных данных, напротив, представляется более обоснованным решением проблемы измерения «мягкой силы». В работах, касающихся проблемы измерения власти, неоднократно поднималась тема того, что измерение ресурсов – необходимый этап перед измерением эффектов, так как «выбор цели и выбор инструментов для достижения этой цели ограничены качеством и количеством доступных ресурсов» [Holsti, 1964]. Представление набора ресурсов и инструментов, способных производить «мягкое» влияние в виде единого индекса, может интерпретироваться как некоторый потенциал «мягкого» влияния или *потенциал «мягкой силы»*. При таком подходе оценивается, насколько государство располагает «мягкими» ресурсами влияния, где под «мягкими» ресурсами подразумеваются ресурсы, *способные создавать среду для добровольного сотрудничества*.

В рассмотренных в данной работе индексах часто наблюдалось расширение исходной концепции ресурсов «мягкой силы» до новых компонентов, среди которых были возможности для бизнес-сотрудничества, качество образования и тому подобные. Также легко заметить, что выбранные компоненты были схожи в каждом индексе. Такое деление отражает некоторую типологизацию *видов ресурсов*: компоненты остаются неизменными, а переменные отличаются по их способности отражать возможность влияния или непосредственно само влияние.

¹ Например, в работе [Fan, 2008] отстаивается мысль о том, что национальный брендинг – это ресурс «мягкой силы».

При разработке нового индекса мы, однако, опираемся на исходную концептуализацию ресурсов «мягкой силы», описанной Наем: «мягкая сила» государства в основном основывается на трех ресурсах: культура, политические ценности, внешняя политика» [Nye, 2004]. Из предложенных Наем трех столпов ресурсов предлагается исключить категорию политических ценностей. В рассмотренных в данной работе индексах политические ценности операционализируются через такие переменные, как размер теневой экономики, процент самоубийств, а также через иные политические индексы, например индексы от Freedom House, Economist Democracy Index, Press Freedom. Однако использование переменных, так или иначе измеряющих качество государственного управления и государственных институтов, приводит к проблеме, когда «мягкая сила» смешивается с иными политическими категориями, в частности, с демократией или государственной состоятельностью. Во избежание подобной концептной натяжки мы делим ресурсы «мягкой силы» на два измерения: категорию *формируемого страной образа* и оценку ее *дипломатической вовлеченности*.

Формируемый страной образ представляет более инструментальную категорию культурного элемента «мягкой силы». Создание успешного образа или представление страны в качестве лидера в различных культурных сферах способно сформировать благоприятное впечатление и, как следствие, побудить к сотрудничеству [Vuving, 2009]. Для оценки успешности страны мы предлагаем включить следующие переменные:

- количество нобелевских лауреатов¹;
- количество медалей, выигранных на последних летних и зимних Олимпийских играх²;
- процент населения, у которого есть свободный доступ к интернету³.

Предложенные переменные могут в достаточно полной мере отразить различные категории образа государства: спортивное лидерство, научное лидерство. Переменная, измеряющая процент

¹ All Nobel Prizes // The Nobel Prize. – Mode of access: <https://www.nobelprize.org/prizes/lists/all-nobel-prizes/> (accessed: 20.05.2023).

² Olympic Games // Olympics. – Mode of access: <https://olympics.com/en/> (accessed: 20.05.2023).

³ Individuals using the Internet (% of population) // The World Bank. – Mode of access: <https://data.worldbank.org/indicator/IT.NET.USER.ZS> (accessed: 21.05.2023).

населения со свободным доступом к интернету, важна потому, что доступ к интернету отвечает за формирование образа этой страны среди жителей остальных стран, а также является некоторым срезом для измерения минимального уровня технологической обеспеченности [Angelov, Kaschel, 2017].

Следующая группа ресурсов стремится отразить вовлеченность страны в дипломатические отношения. Международная активность, способность помогать остальным странам и открытость к сотрудничеству являются другим измерением потенциальных ресурсов «мягкой силы» [Vuving, 2009]. В качестве переменных мы предлагаем следующие:

- официальная помощь развивающимся странам¹;
- сила паспорта²;
- официальное дипломатическое представительство в других странах (на основе массива данных Diplomatic Representation Dataset³).

В соответствии с вышеупомянутыми переменными был собран массив данных для 163 стран за период 2015–2020 гг. Индекс строился с помощью метода главных компонент – метода снижения размерности входного массива данных с условием сохранения максимальной информативности признакового пространства меньшей размерности. Главные компоненты представляют собой линейные комбинации исходных переменных, при этом первая главная компонента всегда содержит наибольшую информацию, т.е. наибольшую долю суммарной дисперсии исходных признаков. Для построения индекса с помощью метода главных компонент берутся значения первой главной компоненты в качестве весов для переменных.

Полученный индекс потенциала «мягкой силы» состоит из двух субиндексов: *субиндекса образа страны* и *субиндекса дипломатической вовлеченности*. Десятка стран-лидеров в результате расчета индекса для 2020 г. представлена в таблице 4, полный

¹ Official Development Assistance // OECD data. – Mode of access: <https://data.oecd.org/oda/net-oda.htm> (accessed: 25.05.2023).

² Global Passport Ranking // Henley & Partners. – Mode of access: <https://www.henleyglobal.com/passport-index/ranking> (accessed: 25.05.2023).

³ Diplomatic Representation // Frederick S. Pardee Center for International Futures. – Mode of access: <https://korbel.du.edu/pardee> (accessed: 18.07.2023).

индекс для 2020 г. представлен в приложении 1, веса для субиндексов и вошедших в них переменных – в приложении 2.

Таблица 4

**Страны-лидеры в индексе потенциала
«мягкой силы» за 2020 г.**

	Страна	Индекс образа	Индекс вовлеченности	Индекс потенциала «мягкой силы»
1	США	10.00	9.80	10.00
2	Великобритания	5.8	7.37	5.90
3	Германия	2.71	8.96	4.89
4	Япония	3.9	6.13	4.15
5	Франция	2.67	6.81	4.12
6	Китай	3.36	3.22	3.32
7	Россия	2.80	3.13	2.92
8	Канада	1.96	3.89	2.63
9	Италия	1.61	4.31	2.55
10	Нидерланды	1.57	4.12	2.45

Заключение

Несмотря на разнообразие существующих индексов «мягкой силы», их валидность до сих пор не была систематически изучена, что являлось существенным ограничением на пути к их практическому применению в сравнительных эмпирических исследованиях. Проведенный в данной работе анализ валидности показывают, что существующие индексы характеризуются рядом проблем, среди которых можно выделить неизвестный или необоснованный выбор способа агрегирования данных, несоответствие прокси-переменных концептуализации измеряемого понятия, а также включение в анализ опросных данных.

С учетом обнаруженных проблем в данной работе были сформулированы и опробованы способы их преодоления. Это, в первую очередь, измерение только ресурсов «мягкой силы», опора на строгую концептуализацию, отказ от использования субъективных данных и использование метода главных компонент для более методологически обоснованного определения итоговых весов. Данная работа показывает, как может выглядеть более валидный индекс; при этом набор используемых прокси-переменных открыт для дальнейшего обсуждения и уточнения.

P.A. Grinevich, A.P. Bocharova, D.K. Stukal*
The validity of soft power indices: from challenges to solutions¹

Abstract. The potential of a state in developing its “soft power” is an important component in assessing its state capacity. A nation’s “soft power” not only refers to its external attractiveness and informal influence on decisions made by other international actors, but also serves as an important indicator of a country’s potential to affect the formation of a more favorable external environment. The validity of “soft power” indices has not so far been thoroughly studied. This gap poses a significant limitation to practical applications of these indices in comparative empirical research. We fill this gap by conducting the validity analysis and showing that existing “soft power” indices present a number of challenges, including an unknown or unjustified choice of data aggregation method, inconsistency in the conceptualization of proxy variables, and the inclusion of survey results of public opinion and expert surveys in the analysis. This study introduces and tests some ways to overcome the identified problems. These include measuring only the resources of “soft power”, relying on a rigorous conceptual framework, refraining from using subjective data, and employing the principal component method for a more methodologically sound selection of the final weights. This work provides an example of how a more valid index could be developed, though the choice of both proxy variables and possible measurements of “soft power” still requires further empirical research.

Keywords: “soft power”; “soft power” indices; the method of principal components; the validity of indices; state solvency; “soft power” resources.

For citation: Grinevich P.A., Bocharova A.P., Stukal D.K. The validity of soft power indices: from challenges to solutions. *Political science (RU)*. 2024, N 2, P. 262–281. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.02.13>

References

- Anguelov N., Kaschel T. Toward quantifying soft power: the impact of the proliferation of information technology on governance in the Middle East. *Palgrave communications*. 2017, Vol. 3, N 1, P. 1–10. DOI: <https://doi.org/10.1057/palcomms.2017.16>
- Collier D., Mahon J.E. Conceptual «stretching» revisited: adapting categories in comparative analysis. *American political science review*. 1993, Vol. 87, N 4, P. 845–855. DOI: <https://doi.org/10.2307/2938818>

* **Grinevich Polina**, HSE University (Moscow, Russia), e-mail: pgrinevich@edu.hse.ru; **Bocharova Alexandra**, HSE University (Moscow, Russia), e-mail: apbocharova@hse.ru; **Stukal Denis**, HSE University (Moscow, Russia), e-mail: dstukal@hse.ru

¹ The article was prepared within the consortium of MGIMO University and HSE University and funded by the grant for the implementation of the Priority 2030 Strategic Academic Leadership Program.

- Fan Y. Soft power: power of attraction or confusion? *Place branding and public diplomacy*. 2008, Vol. 4, N 2, P. 147–158. DOI: <https://doi.org/10.1057/pb.2008.4>
- Gallarotti G. How to measure soft power in international relations (Chugrov S., Trans.). *Polis. Political studies*. 2020, N 1, P. 89–103. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.01.07> (In Russ.)
- Hall T. An unclear attraction: a critical examination of soft power as an analytical category. *The Chinese journal of international politics*. 2010, Vol. 3, N 2, P. 189–211. DOI: <https://www.jstor.org/stable/48615744>
- Holsti K.J. The concept of power in the study of international relations. *Background*. 1964, Vol. 7, N 4, P. 179–194. DOI: <https://doi.org/10.2307/3013644>
- Keating V. C., Kaczmarek K. Conservative soft power: liberal soft power bias and the ‘hidden’ attraction of Russia. *Journal of international relations and development*. 2019, Vol. 22, N 1, P. 1–27. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41268-017-0100-6>
- Kharitonova E. Soft Power Effectiveness: Problem of Evaluation. *World economy and international relations*. 2015, N 6, P. 48–58. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2015-6-48-58> (In Russ.)
- Knott B., Fyall A., Jones I. Sport mega-events and nation branding: Unique characteristics of the 2010 FIFA World Cup, South Africa. *International journal of contemporary hospitality management*. 2017, Vol. 29, N 3, P. 900–923. DOI: <https://doi.org/10.1108/ijchm-09-2015-0523>
- Lee J.N. The rise of China and soft power: China's soft power influence in Korea. *China review*. 2008, Vol. 8, N 1, P. 127–154. DOI: <http://www.jstor.org/stable/23462264>
- Li E. The rise and fall of soft power. *Foreign policy*. 2018. Mode of access: <https://foreignpolicy.com/2018/08/20/the-rise-and-fall-of-soft-power/> (accessed: 18.09.2023).
- Lukes S. Power and the battle for hearts and minds. *Millennium*. 2005, Vol. 33, N 3, P. 477–493. DOI: <https://doi.org/10.1177/03058298050330031201>
- Lukes S. *Power: a radical view*. London: Palgrave Macmillan, 2005, 201 p.
- McClory J. *The New Persuaders*. London: Institute for Government, 2010, 15 p.
- Nye J.S. Soft power. *Foreign policy*. 1990, N 80, P. 153–171. DOI: <https://doi.org/10.2307/1148580>
- Nye Jr J.S. Soft power: The means to success in world politics. N.Y.: *Public affairs*, 2004. – 192 p.
- Nye J.S. Public diplomacy and soft power. *The Annals of the American academy of political and social science*. 2008, Vol. 616, P. 94–109.
- Rothman S.B. Revising the soft power concept: what are the means and mechanisms of soft power? *Journal of political power*. 2011, Vol. 4, N 1, P. 49–64. DOI: <https://doi.org/10.1080/2158379x.2011.556346>
- Rusakova O.F. (ed.). *Soft power: theory, resources, discourse*. Yekaterinburg: Publishing House “Discourse-Pi”, 2015, 376 p. (In Russ.)
- Sartori G. Concept misformation in comparative politics. *American political science review*. 1970, Vol. 64, N 4, P. 1033–1053. DOI: <https://doi.org/10.2307/1958356>
- Vuving A. How soft power works. *SSRN electronic journal*. 2009. DOI: <https://doi.org/10.2139/ssrn.1466220>

Yun S.H., Kim J.N. Soft power: from ethnic attraction to national attraction in socio-logical globalism. *International journal of intercultural relations*. 2008, Vol. 32, N 6, P. 565–577. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2008.09.001>

Литература на русском языке

Галларотти Г.М. Как измерять мягкую силу в международных отношениях // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 1. – С. 89–103. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.01.07>

Харитонова Е.М. Эффективность «мягкой силы»: проблема оценки // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – № 6. – С. 48–58. – DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2015-6-48-58>

Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О.Ф. Русаковой. – Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи», 2015. – 376 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1

Рейтинг стран по индексу «мягкой силы» за 2020 г.¹

Таблица 2

**Веса для субиндексов и отдельных переменных
в индексе «мягкой силы»**

Субиндекс / переменная	Вес в итоговом индексе
Индекс образа	0.71
Индекс вовлеченности	0.7
Нобелевские лауреаты	0.64
Количество олимпийских медалей	0.67
Процент населения с доступом к интернету	0.38
Официальная помощь развивающимся странам	0.61
Сила паспорта	0.51
Официальное дипломатическое представительство	0.61

¹ Grinevich P., Bocharova A., Stukal D. Replication Data for: “The validity of soft power indices: from challenges to solutions” // Harvard Dataverse, Vol. 1. – 2024. – DOI: <https://doi.org/10.7910/DVN/7IP8NQ>

И.Н. ТИМОФЕЕВ*

**КАК ИССЛЕДОВАТЬ ПОЛИТИКУ САНКЦИЙ
В ПРОЕКТЕ «ПОЛИТИЧЕСКИЙ АТЛАС
СОВРЕМЕННОГО МИРА 2.0»?¹**

Аннотация. Исследовательский проект «Политический атлас современного мира 2.0», как и предшествующий «Политический атлас современности», предоставляет внушительный инструментарий для изучения структур, образуемых современными государствами. Тем не менее остается ряд существенных проблем, одной из которых является сложность учета переменных, связанных с инструментами экономического влияния. Такие инструменты используются в современной практике весьма часто. Речь, прежде всего, об экономических санкциях, которые представляют собой механизм ограничений в области торговли, финансов, транспортного сообщения и иных связей для достижения политических целей. Подобная ситуация порождает закономерный вопрос: в каком виде оптимально учесть параметр экономических санкций в «Политическом атласе современного мира 2.0». Основной тезис состоит в том, что санкции могут отражаться как в виде внешней угрозы для современных государств, так и в качестве инструмента их внешней политики. То есть в терминах указанного проекта информация об использовании санкций может применяться как в индексе внешних и внутренних угроз, так и в индексе потенциала международного влияния. В статье проводится анализ возможности использования данных переменных в той логике, в которой проходил

* **Тимофеев Иван Николаевич**, кандидат политических наук, доцент кафедры политической теории Факультета политики и управления, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва, Россия); генеральный директор, Российский совет по международным делам (Москва, Россия), e-mail: mctimoff@mail.ru

¹ Статья подготовлена в рамках консорциума МГИМО МИД России и НИУ ВШЭ из средств гранта на реализацию программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

© Тимофеев И.Н., 2024

DOI: 10.31249/poln/2024.02.13

отбор остальных переменных проекта: анализ основного понятия, состояние эмпирических исследований, вопросы теории, операционализация понятия в виде отдельных переменных. Исследование политики санкций могло бы стать отдельным подпроектом в рамках «Политического атласа современного мира 2.0», определяя его развитие не только с точки зрения обновления и расширения основной базы данных, но и развития отдельных специализированных тем в рамках общей рамки проекта.

Ключевые слова: Политический атлас современного мира 2.0; государство; санкции; политика санкций; ограничительные меры; база данных.

Для цитирования: Тимофеев И.Н. Как исследовать политику санкций в проекте «Политический атлас современного мира 2.0»? // Политическая наука. – 2024. – № 2. – С. 282–299. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.02.13>

Исследовательский проект «Политический атлас современного мира 2.0» (далее по тексту – «Атлас 2») – как и его предшественник «Политический атлас современности» (далее по тексту – «Атлас 1») – предоставляет внушительный инструментарий для изучения структур, образуемых современными государствами. Уже «Атлас 1» позволил посмотреть на привычные для ученых-международников параметры мощи государств в сочетании с информацией о специфике их политических систем, особенностях их государственности, характеристик качества жизни и стоящих перед ними вызовов и угроз. В конечном итоге в «Атласе 1» произошло сочетание проблематики науки о международных отношениях и более широкой повестки политической науки. Основным преимуществом «Атласа 1» стала возможность взглянуть на образуемую государствами структуру мира в разных проекциях, преодолевая линейный взгляд на него. Так, например, демократия далеко не всегда конвертируется в устойчивую и суверенную государственность; высокий уровень угроз не обязательно обрекает страну на низкое качество жизни; государство может занимать место в числе избранных великих держав, независимо от характеристик политической системы, а подчас и отдельных параметров развития [Политический атлас современности..., 2007; Мельвиль, Миронюк, 2020; «Политический атлас современного мира»..., 2023; Ахременко, Горельский, Мельвиль, 2019 а; Ахременко, Горельский, Мельвиль, 2019 б].

И все же «Атлас 1», как и любой крупный исследовательских проект, содержал определенные пробелы. Одним из них стала сложность учета переменных, связанных с инструментами эконо-

мического влияния. Разумным шагом авторов проекта было включение в число переменных объемов ВВП, экспорта и импорта, отражающих размер экономики. Другим параметром был процент голосов страны при принятии коллективных решений в МВФ, который косвенно указывал на ее экономические возможности. О потенциале экономики косвенно говорили оборонные расходы, наличие ядерных вооружений и иных высокотехнологичных оборонных систем. Очевидно, что могут их себе позволить в основном государства со значительным экономическим потенциалом. Вместе с тем проект упускал из вида тот факт, что экономические возможности сами по себе могут использоваться в качестве инструмента принуждения в международных отношениях. И если параметры военной силы были отражены в числе переменных, то наличие и практика использования инструментов экономического принуждения в нем отсутствовала. Между тем такие инструменты используются в современной практике весьма часто. Речь, прежде всего, об экономических санкциях, которые представляют собой инструмент ограничений в области торговли, финансов, транспортного сообщения и иных связей для достижения политических целей. Очевидно, что в одном проекте вряд ли возможно собрать все возможные параметры. Но санкции явно выделяются на общем фоне как с точки зрения растущей частоты их применения, так и с точки зрения возможности нанести ущерб государству-мишени. Тем более что на протяжении последних десяти лет санкции активно применяются против России и используются во все большей степени самой Россией [Timofeev, 2023]. Подобная ситуация порождает закономерный вопрос: какой формат учета параметра экономических санкций будет оптимальным для «Атласа 2»?

Основной тезис состоит в том, что санкции могут отражаться как в виде внешней угрозы для современных государств, так и в качестве инструмента их внешней политики. То есть в терминах «Атласа 2» информация об использовании санкций может применяться как в индексе внешних и внутренних угроз, так и в индексе потенциала международного влияния. Вместе с тем исследование политики санкций могло бы стать отдельным подпроектом в рамках «Атласа 2», определяя его развитие не только с точки зрения обновления уже привычных баз данных, но и отдельных специализированных тем в рамках общего проекта. Целью предлагаемой статьи является анализ возможности изучения политики санк-

ций как в рамках непосредственно «Атласа 2», так и как возможного узкоспециализированного ответвления проекта.

Что такое санкции?

Санкции представляют собой ограничительные меры в области торговли, финансов и иных сфер экономики, которые страна или страны-инициаторы применяют в отношении стран-мишеней, чтобы добиться определенных политических целей. В числе таких целей – смена курса страны-мишени во внутренней или внешней политике, сдерживание ее военного, экономического и технологического потенциала, изоляция экономических связей с другими игроками и т.п. [Giumelli, 2016; Timofeev 2023]. Санкции – это инструмент принуждения во внешней политике, который используется в ситуации конфликта [Jaeger, 2018]. Такой конфликт не обязательно должен быть интенсивным. Санкции могут использоваться даже против союзников, причем более эффективно в сравнении с ограничениями в отношении противников на международной арене [Drezner, 1999]. В отличие от применения военной силы, они значительно менее рискованны для инициаторов, но при этом могут наносить внушительный экономический ущерб странам-мишеням, отдельным секторам экономики, компаниям и лицам. Санкции вполне могут сочетаться с применением военной силы, как это произошло в случае Ирака в 1991 и 2003 гг. и Югославии в 1999 г. Однако в отношениях между великими державами санкции имеют смысл как инструмент принуждения и сдерживания, который можно использовать, не переходя порог эскалации к открытому военному конфликту.

Базы данных применения санкций: «старая школа»

Попытки создания баз данных о применении санкций отдельными государствами предпринимались неоднократно. Одно из наиболее часто цитируемых исследований – монография Г. Хуфбауэра и его коллег. В основе их проекта – база данных о применении санкций с начала XX по начало XXI в. Единицей анализа является отдельный случай применения санкций, который может

включать в себя ряд входящих в него эпизодов. Полученные данные дали богатую фактуру о распределении санкций между странами-инициаторами (лидерами являются США); о целях санкций (от смены политического режима до влияния на политический курс); о соотношении экономических потенциалов стран-инициаторов и стран-мишеней (инициаторы зачастую превосходят или значительно превосходят мишени по своему экономическому потенциалу); о достижении инициаторами поставленных целей (лишь в одной трети случаев санкции достигают своей цели) [Hufbauer et al., 2009]. Другой пример – база данных Н. Бапата и его соавторов, в которой тестируется влияние ряда факторов на успех достижения целей санкций. Среди таких факторов – объем нанесенного ущерба, коалиционная политика инициаторов, соотношение экономических потенциалов инициаторов и мишеней, политические режимы стран-инициаторов и стран-мишеней и др. [Bapat et al., 2013]. Г. Бейштекер и его коллеги собрали базу данных о случаях применения санкций СБ ООН. В предложенной ими базе единицей анализа также выступает отдельный случай использования ограничительных мер [Beirsteker et al., 2016]. Ф. Джумелли с коллегами использовал сходный подход к изучению политики санкций ЕС [Giumelli et al., 2021]. В целом базы данных, объединяющие случаи применения санкций с присущими им характеристиками (информация об инициаторах, мишенях, их целях, потенциалах и результатах применения санкций), стали своего рода «классикой» или «старой школой» подобных исследований.

Санкции: новые тенденции и методологические проблемы

Несмотря на то что «классический» подход до сих пор применяется, он все же не может в полной мере отразить новые тенденции использования санкций и эволюцию инструментария ограничительных мер. Одна из базовых тенденций последних двух-трех десятилетий – появление и стремительное расширение практики использования таргетированных («умных») санкций. Основная идея таких санкций – ограничения в отношении отдельных лиц и организаций, непосредственно связанных с той или иной проблемой, а не в отношении страны в целом. Вместо того чтобы

наносить ущерб всей стране и населению, таргетированные санкции задумывались как инструмент наказания отдельных «представителей режима», террористов, нарушителей прав человека, а также изоляции связанных с ними бизнесов и активов. Ключевым инструментом стали так называемые блокирующие финансовые санкции. Как правило, они предполагают заморозку активов таких лиц в юрисдикциях стран-инициаторов, а также запрет на экономические транзакции с заблокированными лицами. Лидером в применении блокирующих санкций стали США. С учетом того, что американский доллар является удобным и распространенным средством международных транзакций и резервной валютой, власти США получили широкие возможности отслеживать финансовые транзакции и при необходимости блокировать их. Глобализация американоцентричной финансовой системы позволяла выйти в применении финансовых санкций далеко за пределы территории США. Впоследствии блокирующие финансовые санкции стали активно применять ЕС, Великобритания, Канада, Япония и другие западные страны. В ряде случаев они согласуют свои ограничительные меры, как это происходит в отношении России. С недавних пор блокирующие санкции используют Россия и Китай.

Распространение блокирующих санкций породило ряд методологических проблем. Прежде всего размываются границы отдельного случая как единицы анализа. Например, блокирующие санкции могут использоваться как ответ на нарушение прав человека или в качестве меры борьбы с международной преступностью. В таких случаях диада «страна-инициатор vs страна-мишень» становится неочевидной. Применение блокирующих санкций США против главарей японской якудзы по программе противодействия международной преступности вряд ли говорит о том, что США применяют санкции против Японии как государства. Впрочем, в иных случаях связь блокирующих санкций с государством-мишенью более очевидна. Так, большинство российских лиц, заблокированных США, ЕС и другими западными странами, явно связываются инициаторами с Россией и украинским конфликтом. Но и здесь возникают ситуации, когда по данной тематике под санкции попадают лица и организации из третьих стран, сотрудничающие с российскими заблокированными лицами. Границы отдельного случая опять же размываются. К тому же неясно, что считать эпизодом применения санкций в рамках случая –

отдельный «пакет» санкций или же ограничения против отдельного лица.

Размывание границ отдельных случаев и эпизодов порождает и другой вопрос – как оценивать результативность блокирующих санкций? Через влияние на политический курс страны-мишени в целом или же изменение «поведения» отдельных заблокированных лиц? В последнем случае задача существенно усложняется, так как под санкциями могут оказаться тысячи лиц. Кроме того, изменение политических позиций таких лиц или организаций далеко не всегда означает изменение позиции государства и далеко не всегда ведет к отмене санкций против данных лиц. Например, некоторые из заблокированных российских лиц критиковали правительство России за политику в отношении Украины. Но это далеко не всегда приводило к снятию санкций в отношении данных лиц. А если санкции и снимались, то это не влияло на курс страны в целом.

Здесь же возникает еще одна проблема – сопоставимость заблокированных лиц. Условный крупный банк, условный военнослужащий, губернатор или депутат парламента могут считаться единицами наблюдения. Но в реальности ущерб от санкций в отношении крупного банка потенциально гораздо выше ущерба от санкций против военнослужащих и политических деятелей. Сложность определения «веса» заблокированных организаций и лиц ставит под сомнение популярные цифры о «количестве санкций», которые нередко считаются по числу лиц и организаций в санкционных списках. Например, в венесуэльском случае блокирующие санкции против компании PdVSA – ключевой государственной нефтяной компании – по своему ущербу должны перевешивать блокирующие санкции против всех политических фигур страны вместе взятых. Между тем и PdVSA, и политические фигуры являются формально одинаковыми единицами списка заблокированных лиц США.

Наряду с блокирующими финансовыми санкциями используются и другие ограничительные меры, что лишь усугубляет методологические проблемы. В их числе – торговые санкции, то есть запреты на экспорт и импорт. Исторически именно торговые санкции (эмбарго) были ключевым инструментом ограничительных мер. После окончания холодной войны такие ограничения масштабно использовались США в отношении «стран-изгоев», таких как Иран или КНДР. Технологический рост Китая привел к

развитию экспортных ограничений США в отношении КНР в области высоких технологий. После начала Специальной военной операции РФ на Украине США, ЕС и ряд других западных стран обрушили на Россию огромный объем торговых ограничений [Timofeev, 2022]. По экспорту речь о сотнях наименований товаров двойного назначения, промышленных товаров и «товаров роскоши», по импорту – о сырьевых товарах, таких как нефть, нефтепродукты, уголь, золото и др. Как учитывать данные ограничения? Как примирить в базах данных различные единицы анализа? Ведь очевидно, что лицо или организация не может быть равноценно товарной позиции. Узел проблем закручивается еще сильнее с учетом того, что ряд торговых санкций являются таргетированными, т.е. вводятся в отношении как стран, так и отдельных лиц (как это делают США в отношении Китая). Кроме того, есть и другие инструменты санкций – от транспортных ограничений до такой экзотики, как запрет на перевозки нефти и нефтепродуктов в случае, если цена контракта на них выше определенного порога (oil cap).

«Спрятаться» от упомянутых проблем можно в методологии «старой школы». Случаем можно было бы считать введение любых санкций, основанием которых является политика страны-мишени. Санкции по функциональным проблемам (права человека, терроризм, преступность) можно выводить в отдельные случаи, а под эпизодами можно было бы понимать любые новые санкции, закрепленные отдельными решениями властей стран-инициаторов. Но такой подход приведет к стерилизации многообразия реальной политики.

Еще одна проблема состоит в том, что на санкции можно посмотреть не только с позиций диады «государство-инициатор vs государство-мишень», но и с позиций «государство-инициатор vs бизнес». Например, третьи страны могут не присоединяться к режиму санкций против государства-мишени. Но бизнес из этих стран де-факто может соблюдать санкции США и других инициаторов, опасаясь вторичных санкций (ограничительных мер за обход уже существующих режимов санкций) со всеми вытекающими последствиями для возможностей транзакций в американских долларах и иных валютах, для удержания данными компаниями долей рынков в странах-инициаторах и т.п. Кроме того, такие компании и лица могут оказаться фигурантами административных и уголовных расследований властей стран-инициаторов. Например, Китай

не присоединяется к односторонним санкциям США против Ирана или России. Но китайские банки и крупные компании с большой осторожностью работают с данными юрисдикциями, опасаясь ограничительных мер США и учитывая уже существующий опыт (например, уголовное и административное преследование компании ZTE, уголовное дело в отношении финансового директора компании Huawei Мэн Вэнджоу, вторичные санкции в отношении компании Cosco Shipping Tanker и др.) [Тимофеев, 2023 б]. Опыт изучения штрафов Минфина США в отношении компаний – нарушителей режима санкций показывает, что, однажды попав под штраф, они не повторяют нарушений [Timofeev, 2019; Тимофеев, 2020]. Поведение бизнеса можно учесть в специализированных базах именно по данному узкому вопросу [Тимофеев, 2023 а]. Новые реалии политики санкций учитываются в разнообразных проектах, сфокусированных на отдельных аспектах применения ограничительных мер. Но учесть такие особенности в методологии «старой школы» крайне затруднительно.

Вопросы теории

Визитной карточкой «Атласа 1» стала тесная связь каждого индекса, на основе которого ранжировались страны мира, и даже отдельных переменных, с теми или иными теориями и концепциями политической науки. Очевидно, что отражение экономических санкций в числе переменных также потребует такой концептуальной проработки. В числе наиболее очевидных теоретических рамок изучения политики санкций (по крайней мере, на уровне фундаментальной теории) напрашивается реалистская теория международных отношений (ТМО). Реализм в ТМО имеет множество вариаций, однако он содержит ряд базовых допущений. Международная политика представляет собой взаимодействие рациональных игроков (государств), преследующих свои интересы. Ключевыми являются интересы безопасности и выживания, так как международные отношения характеризуются состоянием анархии и возможности «худшего сценария» применения силы одних государств против других. Власть и принуждение, навязывание сильными своей воли более слабым – постоянные спутники международной политики. Хотя она и не исключает сотрудничества,

сама возможность соперничества оставляет в арсенале внешней политики инструменты давления на оппонента и его сдерживания. Для реалистов таким ключевым инструментом является военная сила. Однако санкции также вполне подходят на роль такого инструмента, который дополняет или заменяет применение силы. Проблемы реализма хорошо известны. Например, он не объясняет, почему при сопоставимой мощи Китай использует санкции значительно реже США, или почему США используют санкции против своих союзников. Нет убедительных ответов и на вопрос, почему отдельные государства уступают давлению санкций, а другие нет [Ананьев, 2019; Тимофеев, 2023 в].

Важно и то, что «Атлас 1» явно выходил за пределы базовых допущений реализма. Проект учитывал привычные для данной парадигмы параметры военной мощи. Но другие переменные, описывающие характеристики политических систем государств – качество жизни, особенности государственности и специфику угроз – делали проект содержательно богаче допущения о том, что международные отношения сводятся к борьбе за выживание и власть. «Атлас 1» показывал картину, более близкую к поздним версиям реализма, рефлексировавшим реалии глобализации, но при этом сохраняющим акцент на лидирующей роли узкой группы государств. Разнообразие проекций современного мира сближало «Атлас 1» с положениями о комплексной взаимозависимости современного мира. Хотя методология проекта и не давала возможности выявить сети такой взаимозависимости, «Атлас 1» показывал кластеры государств, чьи уникальные характеристики явно не сводились к военно-политическим составляющим. К одному из таких кластеров относились страны ЕС. Применительно к политике санкций примечательным является то, что явный недостаток военно-политической составляющей своего внешнеполитического арсенала Евросоюз компенсирует активной политикой экономических санкций.

Однако с момента завершения «Атласа 1» прошло полтора десятилетия, за которые в мире произошли существенные изменения. С одной стороны, обостряется соперничество крупных игроков. С другой стороны, политизируются те механизмы комплексной взаимозависимости, которые раньше считались едва ли не «глобальными благами». Происходит то, что Г. Фаррелл и А. Ньюман обозначают как «вепонизация взаимозависимости» или «взаимозависимость как оружие» [Farrell, Newman, 2019]. В основе глобаль-

ной экономической взаимозависимости лежит разветвленная финансовая система, многонациональные цепочки поставок и добавленной стоимости. К ним относятся и глобальные информационные ресурсы в виде социальных сетей и поисковых систем, на основе которых формируются многопрофильные платформы и экосистемы самых разных сервисов. Однако значительная часть таких сервисов, цепочек поставок или их критически важных элементов сосредоточена в руках американских компаний. Их деятельность регулируется национальными органами власти, которые могут принуждать компании к той или иной политике в соответствии с интересами безопасности США. В частности, электронные сервисы могут как минимум использоваться для сбора данных. Их возможности формировать информационную повестку также высоки. Санкции – тоже инструмент использования взаимозависимости как оружия. Занимая центральное место в системе мировых финансов и определяя технологический облик критически важных товаров, таких как электроника, США могут наносить существенный ущерб странам-мишеням. Опыт масштабных санкций против России подтверждает возможность тотальной «вепонизации» взаимозависимости, но также показывает, что санкции не могут обрушить экономику крупной державы даже при условии ее относительно небольшого веса (по валовым показателям) в мировом хозяйстве. Более того, появляется стимул уходить от взаимозависимости, которая может использоваться в политических целях. Россия сегодня находится в авангарде проектов по диверсификации мировых финансов. Ее успех не предопределен, но сама тенденция становится все более заметной. В условиях растущего санкционного давления ставку на собственные силы постепенно начинает делать и Китай, хотя о полном разрыве экономик Китая и США, в том числе в технологической сфере, говорить пока преждевременно. Политика санкций – один из индикаторов происходящих в мире изменений, требующих теоретической рефлексии.

Санкции и «Атлас 2»

Есть два возможных пути включения информации о санкциях в «Атлас 2». Первый – добавление отдельных переменных в индексы. Наиболее очевидный шаг – отражение санкций в числе пе-

ременных, отражающих внешние и внутренние угрозы. Переменная могла бы быть сформулирована в виде вопроса «Действуют ли в отношении страны односторонние ограничительные меры (санкции) зарубежных государств в области финансов, торговли, транспорта или иных сфер?» и предполагать простую шкалу «Да / Нет». На первый взгляд, это простой вопрос. Но даже он таит сложности как в плане источников информации, так и интерпретации данных. Довольно просто собрать сведения о санкциях США, ЕС и в целом западных стран. Сложнее обстоит дело с государствами, чья правовая система в области санкций закрыта, а их ограничительные меры попросту не отражены в открытых источниках. Например, Иран ведет политику ответных ограничений в отношении ряда стран. Но полный список введенных ограничений и стран остается до конца неочевидным. Политика Китая в области санкций все в большей степени отражается в национальном праве, но Пекин может использовать в своей практике неформальные ограничения [Rosenberg et al., 2020]. Экономические ограничения могут использовать друг против друга и относительно небольшие страны. К тому же последствия от санкций, очевидно, неравномерны. Санкции США против Ирана потенциально наносят больший ущерб, а, значит, являются и большей угрозой, чем ответные меры Ирана. Возникает вопрос о «добавленной стоимости» переменной в таком виде. Решением может быть сужение переменной к следующему вопросу: «Применяются ли против страны ограничительные меры США и/или других стран Группы семи, а также ЕС?». Такое сужение имеет смысл, поскольку ответ гораздо проще найти в открытых источниках (и подтвердить его). С учетом значительной роли в мировой экономике и финансах данных стран, особенно США, их санкции в любом случае наносят тот или иной ущерб. При этом учитывать можно только режимы санкций по странам, не включая в анализ ситуации, когда блокирующие санкции используются в отношении отдельных лиц по функциональным проблемам (права человека и т.п.). Это позволит не исказить картину, хотя из нее выпадут отдельные точечные санкции США против своих союзников, таких как Турция или Саудовская Аравия. Методологической проблемой здесь является также искажение распределения источников угроз в пользу США. Тогда как Китай или Россия тоже могут использовать ограничения, весьма неприятные для оппонен-

тов. В реальности политика санкций представляет собой «огонь» инициаторов и мишеней друг по другу.

Еще один вариант – оставить в числе вопросов только санкции США. Основанием могла бы стать как роль США в мировой экономике, так и тот факт, что в XX и начале XXI в. Вашингтон вводил санкции чаще, чем все остальные страны и международные организации вместе взятые [Hufbauer et al., 2009]. Очевидно, что такой вариант существенно облегчает задачу поиска информации и ее проверки.

Санкции целесообразно учитывать и в качестве параметра потенциала международного влияния. Здесь вопрос можно было бы сформулировать следующим образом: «Наличие у страны или международной организации, членом которой она является (в случае ЕС), правовых механизмов односторонних ограничительных мер и прецедентов их использования за последние пять лет». Такая формулировка отсекает область неформального применения санкций, которые далеко не всегда можно зафиксировать в открытых источниках. Но и здесь возникают проблемы. Так, например, Мальта – член ЕС, который ведет активную политику санкций. Это значит, что у Мальты в данном вопросе будет положительный ответ. Но положительный ответ будет и у США, то есть исход по данной переменной для США и Мальты одинаков. Количественные отсечки числа введенных мер проблему здесь не решают, так как и США, и ЕС в последние два года применяют их в сопоставимых объемах (по крайней мере, в отношении России). Положительные исходы можно было бы присваивать только тем членам ЕС, которые имеют собственные национальные правовые механизмы политики санкций и опыт их применения в обход ЕС. Но здесь уже будет искажение в пользу Польши или стран Балтии, которые вводили собственные санкции, например, в отношении Республики Беларусь. Уравнивание США и Мальты представляется меньшим злом, тем более что в некоторых других параметрах потенциала международного влияния «Атласа 2» (как и «Атласа 1») тоже заложены такие обобщения. Например, наличие на вооружении многоцелевых боевых самолетов четвертого и пятого поколений уравнивает такие разные страны, как США и Румыния. Кроме того, способность страны быть частью более широкой коалиции может рассматриваться как возможность повышения потенциала ее влияния.

Добавление указанных переменных могло бы обогатить основную базу данных «Атласа 2». Однако для полноценного исследования политики санкций все же требуется отдельный проект, который мог бы развиваться в общей рамке консорциума МГИМО МИД России и НИУ ВШЭ для совместного осуществления исследовательского проекта «Политический атлас современного мира 2.0». Для него целесообразно создать отдельную базу данных, которая отражала бы диадные отношения между странами, типологию вводимых ограничительных мер, их политические результаты в виде изменения курса как инициаторов, так и мишеней, влияние на поведение бизнеса из данных стран (например, в виде попадания под вторичные санкции или уголовное преследование за нарушение режимов ограничительных мер). Охват такой базы данных можно было бы ограничить только инициаторами санкций и их мишенями, а не включать в нее все страны мира. В плане исследовательского дизайна такой подход возвращает к принципам баз данных «старой школы». Его методологические проблемы могли бы решаться качественными исследованиями отдельных случаев. Подобные проекты в рамках большого «Атласа 2» могли бы вестись и по другим темам, таким как использование военной силы в международных отношениях, но с возможностью насыщения данными основной базы «Атласа 2».

Заключение

Итак, мы указали на возможности учета политики санкций в проекте «Политический атлас современного мира 2.0». Такая работа может быть продолжена в той же логике отбора переменных, их обоснования и операционализации, которая была свойственна «Атласу 1». Последовательность шагов включает в себя понимание того, что именно отражает то или иное явление, включаемое в анализ, какое выражение оно имеет в категориях политической науки и международных исследований, каков опыт эмпирического и теоретического изучения данных явлений, о каких проблемах он говорит, как можно отразить данное явление в списке переменных уже «Атласа 2» и с какими методологическими проблемами и искажениями можно столкнуться на выходе. Политика санкций вполне может получить свое отражение в «Атласе 2» как минимум в виде

двух переменных. Последующая обработка может показать, как именно данные переменные связаны с другими параметрами и в какой степени они объясняют отличия между странами.

Однако напрашивается и более важный вывод. И в «Атласе 1», и в «Атласе 2» заложены высокая степень гибкости. По аналогии с политикой санкций, проект может получить и другие дополнения. Их тематический список весьма широк – от применения военной силы и внутренних конфликтов до изменений политических систем и трансформации суверенитета (суверенитетов) современных государств. Отдельные тематические направления могут выделяться в подпроекты, дающие более глубокое понимание тех или иных аспектов. Подобные направления развития «Атласа 2» дают поистине бесконечные направления для дальнейшего научного поиска.

I.N. Timofeev*

**“Political atlas of the modern world 2.0”:
how to deal with the policy of sanctions?¹**

“Political Atlas of the Modern World 2.0” research project as well as its predecessor provides a wide range of opportunities to reveal the structures of the modern world composed of nation-states. At the same time, the project is missing a number of phenomena of contemporary international politics. One of them is the use of the instruments of economic coercion. Above all, such instruments imply economic sanctions, i.e. unilateral restrictive measures of nation-states vis a vis each other or particular persons in finance, trade, transportation and other economic domains to achieve political goals. The question is how to deal with sanctions under the framework of “Political Atlas of the Modern World 2.0”? The key point is that sanctions might be operationalized both in terms of internal threats for a nation-state as well as the component of its foreign policy toolbox. The article highlights understanding of a concept of sanctions, reveal major methodological problems related to empirical and theoretical research of sanctions and provides options to operationalize sanctions in a set of variables. The study of sanctions policy may become a subproject within the framework of the “Political Atlas of the Modern World 2.0” to expand the main

* **Timofeev Ivan**, MGIMO University (Moscow, Russia); Russian International Affairs Council (Moscow, Russia), e-mail: mctimoff@mail.ru

¹ The article was prepared within the consortium of MGIMO University and HSE University and funded by the grant for the implementation of the Priority 2030 Strategic Academic Leadership Program.

database and also to develop of individual specialized topics within the overall framework of the project.

Keywords: Political Atlas of the Modern World 2.0; state; sanctions; sanctions policy; restrictive measures; database.

For citation: Timofeev I.N. "Political atlas of the modern world 2.0": how to deal with the policy of sanctions? *Political science (RU)*. 2024, N 2, P. 282–299. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.02.14>

References

- Akhremenko A.S., Gorelskiy I.E., Melville A.Yu. How and why should we measure and compare state capacity of different countries? Theoretical and methodological foundations. *Polis. Political studies*. 2019 a, N 2, P. 8–23. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.02> (In Russ.)
- Akhremenko A.S., Gorelskiy I.E., Melville A.Yu. How and why should we measure and compare state capacity of different countries? An experiment with empirical research. *Polis. Political studies*. 2019 b, N 3, P. 49–68. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.04> (In Russ.)
- Ananyev B. Sanctions in IR: understanding, defining, studying. *International organisations research journal*. 2019, Vol. 14, N 3, P. 136–150. DOI: <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2019-03-07> (In Russ.)
- Bapat N.A., Heinrich T., Kobayashi Y., Morgan T.C. Determinants of sanctions effectiveness: sensitivity analysis using new data. *International interactions*. 2013, Vol. 39, N 1, P. 79–98. DOI: <https://doi.org/10.1080/03050629.2013.751298>
- Beirsteker T.J., Eckert S.E., Tourinho M. (eds). *Targeted sanctions: the impacts and effectiveness of United Nations action*. New York: Cambridge university press, 2016, 405 p.
- Drezner D. *The sanctions paradox: economic statecraft and international relations*. New York: Cambridge university press, 1999, 342 p.
- Farrell H., Newman A.L. Weaponized interdependence: how global economic networks shape state coercion. *International Security*. 2019, Vol. 44, N 1, P. 42–79. DOI: https://doi.org/10.1162/isec_a_00351
- Giumelli F. The purposes of targeted sanctions. In: Beirsteker T.J., Eckert S.E., Tourinho M. (eds). *Targeted sanctions: the impacts and effectiveness of United Nations action*. New York: Cambridge university press, 2016, P. 38–60.
- Giumelli F., Hoffmann F., Ksiaczakova A. The when, where and why of European Union sanctions. *European security*. 2021, Vol. 30, N 1, P. 1–23. DOI: <https://doi.org/10.1080/09662839.2020.1797685>
- Hufbauer G.C., Schott J., Elliott K.A., Oegg B. *Economic sanctions reconsidered*. 3rd Ed. Washington, DC: Peterson Institute for International Economics, 2009, 248 p.
- Jaeger M.D. *Coercive sanctions and international conflicts: a sociological theory*. London; New York: Routledge, 2018, 270 p.
- Melville A.Yu., Polunin Yu.A., Ilyin M.V., Mirnyuk M.G., Timofeev I.N., Meleshkina E.Yu., Vaslavskiy Y. *Political atlas of the modern world: an experiment*

- in multidimensional statistical analysis of the political systems of modern world.* Moscow: MGIMO university publ., 2007, 272 p. (In Russ.)
- Melville A.Yu., Mironyuk M.G. "Political atlas of the modern world" revisited. *Polis. Political studies.* 2020, N 6, P. 41–61. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.04> (In Russ.)
- Melville A.Yu., Malgin A.V., Mironyuk M.G., Stukal D.K. "Political atlas of the modern world 2.0": formulation of the research problem. *Polis. Political studies.* 2023, N 2, P. 72–87. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.02.06> (In Russ.)
- Rosenberg E., Harrell P.E., Feng A. *A new arsenal for competition: coercive economic measures in the U.S.-China relationship.* Center for a New American Security, 2020, 65 p. Mode of access: <https://www.jstor.org/stable/resrep24222> (accessed: 28.01.2024).
- Timofeev I. Rethinking sanctions efficiency: evidence from 205 cases of the U.S. government enforcement actions against business. *Russia in global affairs.* 2019, Vol. 17, N 3, P. 86–108. DOI: <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2019-17-3-86-108>
- Timofeev I.N. "Sanctions for Sanctions Violation": U.S. Department of Treasury Enforcement Actions against Financial Sector. *Polis. Political studies.* 2020, N 6, P. 73–90. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.06> (In Russ.)
- Timofeev I. Sanctions on Russia: a new chapter. *Russia in global affairs.* 2022, Vol. 20, N 4, P. 103–119. DOI: <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2022-20-4-103-119>
- Timofeev I. Do sanctions really work? The case of contemporary western sanctions against Russia. In: Kirkham K. (ed.). *The Routledge handbook on the political economy of sanctions.* London: Routledge, 2023, P. 151–162.
- Timofeev I.N. How to study the policy of sanctions? The vision of empirical research. *Journal of international analytics.* 2023 a, Vol. 14, N 1, P. 22–36. DOI: <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-1-22-36> (In Russ.)
- Timofeev I. U.S. Sanctions against China and Russia: comparative analysis. *World economy and international relations.* 2023 b, Vol. 67, N 11, P. 70–79. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-11-70-79> (In Russ.)
- Timofeev I.N. Policy of sanctions in a changing world: theoretical reflection. *Polis. Political studies.* 2023 c, N 2, P. 103–119. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.02.08> (In Russ.)

Литература на русском языке

- Ананьев Б.И. Санкции в теории международных отношений: методологические противоречия и проблемы интерпретации // Вестник международных организаций. – 2019. – Том 14, № 3. – С. 136–150. – DOI: <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2019-03-07>
- Ахременко А.С., Горельский И.Е., Мельвиль А.Ю. Как и зачем измерять и сравнивать государственную состоятельность разных стран мира? Теоретико-методологические основания // Полис. Политические исследования. – 2019 а. – № 2. – С. 8–23. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.02>
- Ахременко А.С., Горельский И.Е., Мельвиль А.Ю. Как и зачем измерять и сравнивать государственную состоятельность разных стран мира? Опыт эмпирическо-

- го исследования // Полис. Политические исследования. – 2019 б. – № 3. – С. 49–68. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.04>
- Политический атлас современности: опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств / Ин-т общественного проектирования, журн. «Эксперт»; [авт. коллектив – А. Ю. Мельвиль (рук.) и др.]; рук. проекта – А. Ю. Мельвиль. – М.: МГИМО-Университет, 2007. – 270 с.
- Мельвиль А.Ю., МIRONЮК М.Г. «Политический атлас современности» revisited // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 6. – С. 41–61. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.04>
- «Политический атлас современного мира 2.0»: к постановке исследовательской задачи / А.Ю. Мельвиль, А.В. Мальгин, М.Г. МIRONЮК, Д.К. Стукал // Полис. Политические исследования. – 2023. – № 2. – С. 72–87. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.02.06>
- Тимофеев И.Н. «Санкции за нарушение санкций»: принудительные меры Министерства финансов США против компаний финансового сектора // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 6. – С. 73–90. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.06>
- Тимофеев И.Н. Как исследовать политику санкций? Стратегия эмпирического исследования // Международная аналитика. – 2023 а. – Т. 14. – № (1). – С. 22–36. – DOI: <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-1-22-36>
- Тимофеев И. Санкции США против Китая и России: сравнительный анализ // Мировая экономика и международные отношения. – 2023 б. – Т. 67, № 11. – С. 70–79. – DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-11-70-79>
- Тимофеев И.Н. Политика санкций в меняющемся мире: теоретическая рефлексия // Полис. Политические исследования. – 2023 в. – № 2. – С. 103–119. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.02.08>

ПЕРВАЯ СТЕПЕНЬ

А.М. МАЛЬЦЕВ*

АМОРФНАЯ «ЖЕСТКАЯ СИЛА»? ПОДХОДЫ К РЕКОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ И ЭМПИРИЧЕСКОМУ ИЗМЕРЕНИЮ ВОЕННОЙ МОЩИ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ¹

Аннотация. В статье рассмотрены концептуальные и методологические трудности эмпирического измерения военного потенциала государств в мировой политике. Современная теория международных отношений и политическая наука, как правило, трактуют понятие «военная сила» как *диспозиционную* или *эпизодическую* характеристику. В первом случае рассматриваются ресурсы и потенциалы, доступные странам для осуществления силового принуждения (или отпора внешнему давлению). Во втором случае военная сила актуализируется исключительно в виде непосредственного применения в вооруженных конфликтах. В первой части статьи рассматриваются концептуальные достоинства и недостатки этих подходов, а также имеющиеся проблемы операционализации военной мощи. Как показано в статье, наибольшее внимание к изучению роли военной силы в мировой политике уделяется в рамках реалистского подхода в теории международных отношений, однако в силу методологических ограничений проблема оценки и ранжирования военных потенциалов стран в настоящее время остается нерешенной. Во второй части рассматривается опыт изучения индикаторов военной мощи государств в мировой политике. Основной вывод – существующие

* **Мальцев Артем Михайлович**, аспирант, преподаватель, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: amalcev@hse.ru

¹ Статья подготовлена в рамках консорциума МГИМО МИД России и НИУ ВШЭ из средств гранта на реализацию программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

© Мальцев А.М., 2024

DOI: 10.31249/poln/2024.02.14

разработки по количественной оценке военных потенциалов все последние десятилетия оперируют исключительно прокси-переменными в виде объема оборонных расходов в постоянных долларах США и численности вооруженных сил. В заключительной части статьи рассматриваются перспективные индикаторы военной мощи как *диспозиционного* или *эпизодического* явления.

Ключевые слова: военная мощь; международное влияние; реализм; ранжирование потенциалов государств; военное строительство; оборонные расходы; вооружения и военная техника.

Для цитирования: Мальцев А.М. Аморфная «жесткая сила»? Подходы к реконцептуализации и эмпирическому измерению военной мощи в мировой политике // Политическая наука. – 2024. – № 2. – С. 300–325. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.02.14>

Введение

Концептуальная и эмпирическая размытость понятия «мощь» во многом представляет собой «ахиллесову пяту» классического и структурного реализма [Baldwin, 2016, p. 129], которая в свою очередь выступает предметом критики со стороны альтернативных подходов. Как констатируют Дэвид Болдуин и Стефано Гуззини, «мощь», «сила», «власть» в международных отношениях имеют комплексную природу. Ресурсы, инструменты, способы и характер властного воздействия, а также структурные основания мощи существуют в множестве различных измерений и таким образом трудно поддаются четкому определению. Важно отметить, что в реалистском подходе в теории международных отношений (ТМО) термины «мощь», «сила» или «власть» (power) в прикладных задачах (например, для оценки баланса сил [Baldwin, 2013, p. 280–281] или распределении полюсов в международной системе [Guzzini, 2013, p. 67]) трактуются в контексте *военной мощи* – «последнего довода» (ultima ratio) мировой политики¹. Сама военная сила в реалистских теориях международных отношений часто принимается за само собой разумеющееся понятие, не требующее

¹ Некоторые примеры такого рода: «Военная сила в международных отношениях служит не только последним аргументом (ultima ratio), но несомненно также первым и основным» [Waltz, 1979, p. 113]. «Я определяю мощь в военных терминах поскольку наступательный реализм подчеркивает военную силу как последний аргумент (ultima ratio) международной политики» [Mearsheimer, 2001, p. 55–56].

дополнительных уточнений. Процессы ее создания и формирования за относительно редкими исключениями [Posen, 1984] не рассматриваются детально в реалистской литературе [Farrell, 1998, p. 407–408].

В стремлении осмыслить парадоксальную сущность «мощи» теоретики обычно пытаются концептуально дезагрегировать это понятие до отдельных составляющих: жесткая и мягкая сила; диспозиционная или эпизодическая мощь, нормативная, структурная и intersubъективная «власть» и т.д. Хотя расширение возможных трактовок и интерпретаций понятия «мощь» позволяет уточнить его концептуальные границы и тем самым установить необходимые принципы, правила и условия измерения различных видов «мощи» в международных отношениях, эмпирическая проблема оценки явления «жесткой силы» так и остается окончательно нерешенной в ТМО. Как отмечает Брайан С. Шмидт в заключении своего критического обзора реалистских подходов к объяснению «мощи» в международных отношениях, «несмотря на все выявленные трудности концептуализации и измерения (мощи), фундаментальную реалистскую идею об основополагающей роли борьбы за власть в международной политике (многие критики) признают интуитивно верной» [Schmidt, 2005, p. 62]. При этом, хотя теоретики международных отношений обычно соглашались с тем, что военная сила (и соотношение ее потенциалов) является чрезвычайно важным фактором в мировой политике, концептуально-методический консенсус относительно ее эмпирического измерения в современной политической науке и ТМО отсутствует [Baldwin, 2013; Drezner, 2021].

Настоящая статья предлагает заново поставить теоретический вопрос о возможности (или невозможности) оценки военных потенциалов государств в международной системе. Какие концептуальные аспекты или трактовки военной мощи в принципе поддаются количественной оценке? Может ли жесткая сила быть сведена к операционному (измеримому) определению? В чем состоят достоинства и недостатки существующих индикаторов и индексов мощи и международного влияния?

Концептуализации мощи в теории международных отношений: неуклонный прогресс или безвыходный тупик?

Отправной точкой для концептуальных дискуссий (например: [Berenskoetter, Williams, 2007; Baldwin, 2013]) о понятиях «мощи», «влияния» и «власти» в политической науке и ТМО выступает «интуитивная идея власти», предложенная Робертом Далем в 1957 г.: «А имеет власть над Б настолько, насколько может заставить Б делать что-то, что Б в ином случае не стал бы делать» [Dahl, 1957, p. 202–203]. Простота и ясность такой трактовки сделали ее вероятно наиболее популярным определением мощи как в политологии, так и в ТМО. Важно отметить, что власть в этой традиции рассматривается как каузальное (причинностное) и асимметричное отношение, включающее актуальный конфликт между индивидами и коллективными акторами [Ледяев, 2001]. Наличие конфликта здесь всегда подразумевает наблюдаемое или потенциальное сопротивление объекта властных отношений, для преодоления которого субъект власти должен применить некоторый(е) инструмент(ы) давления. Применение или угроза применения санкций при этом позволяет отличить власть от отношений влияния в широком смысле [Lasswell, Kaplan, 1950, p. 76]. В целом подход Даля предлагает четкую терминологическую рамку, позволяющую осуществлять эмпирическое сравнение мощи двух и более акторов. Однако прямое применение такой операционализации наталкивается на ряд концептуально-методических ограничений. В первую очередь для измерения компонентов власти требуется уточнить предмет оценки, который может представлять собой либо *потенциальное* соотношение областей, инструментов и пределов могущества различных акторов (указывающее на вероятный результат властного принуждения), либо *актуальное* (реализованное) каузальное воздействие, при котором области, инструменты и пределы мощи непосредственно проявляются для наблюдения.

Тем не менее применение эпизодической трактовки для измерения мощи в международных отношениях, во-первых, серьезно затрудняет оценку баланса сил между *всеми* акторами междуна-

родной системы¹, во-вторых, приводит к систематической ошибке отбора² и, в-третьих, может иметь абсурдную интерпретацию³. Поэтому на практике наиболее популярные подходы к эмпирическому определению власти опираются на *диспозиционный подход*⁴, при котором объектом исследования выступают соотношения *потенциалов* мощи государств в определенных областях.

Промежуточным между эпизодической и диспозиционной трактовками может быть изучение конкретных потенциалов направленного (векторного) характера. В таком случае эмпирические индикаторы мощи будут рассматриваться как индикаторы вероятностного успеха в осуществлении силового принуждения в определенном контексте. Такую трактовку можно условно обозначить как *реляционную* [Baldwin, 2013; Baldwin, 2016].

Однако применение диспозиционного и реляционного подходов связано со вторым концептуально-методическим ограничением. В то время как материальные ресурсы, формирующие потенциальную основу *области* власти, могут быть измерены количественно, *актуализация* этих ресурсов в конкретные инструменты силового принуждения зачастую трудно поддается эмпирической оценке. Как отмечают ряд критиков, некоторые чрезвычайно ценные военные ресурсы, например ядерное оружие, на практике никогда не используются в качестве средства прямого насильственного принуждения, но зато выступают средством сдерживания и таким образом обеспечивают базовый уровень *сопротивления* внешнему властному воздействию, формируя *пределы* могущества конвенциональной военной силы вероятного противника [Baldwin, 2013, p. 280]. Проблему соотношения (а также гибкости и универсальности такого соотно-

¹ Возникает в связи с нетранзитивностью эпизодических оценок, а также сложностью соотнесения результатов властного принуждения с исходными предпочтениями акторов (подробнее см.: [Baldwin, 2013, p. 290; Beckley, 2018, p. 12]).

² Так, сравнительная редкость (или полное отсутствие) полномасштабных вооруженных конфликтов между великими державами затрудняет оценку соотношения потенциалов мощи между ними [Wohlforth, 2009, p. 43].

³ Например, если оценивать соотношение мощи между США и Северным Вьетнамом по результатам победы последнего во Вьетнамской войне [Mearsheimer, 2001, p. 60; Beckley, 2018, p. 13].

⁴ Данный подход также часто обозначается в ТМО выражениями «мощь-как-ресурсь» или «элементы-национальной мощи» (подробнее см.: [Baldwin, 2016; Beckley, 2018]).

шения) материальных ресурсов с конкретными средствами достижения политических целей (*power fungibility*¹) в международных исследованиях часто признают принципиально неразрешимой [Baldwin, 1999; Keohane, Nye, 1977; Guzzini, 1993]. Как отмечают исследователи концепций мощи в международных отношениях, этот парадокс во многом разделяет современную ТМО на «традиционные» подходы, приравнивающие властные потенциалы к контролю над материальными ресурсами как таковыми (и, соответственно, игнорирующие проблему их *конверсии* в результативное влияние), и «критические» подходы, предлагающие дистанцироваться от понятия власти или сместить фокус на альтернативные формы власти [Berenskoetter, Williams, 2007].

Хотя классические реалисты, в первую очередь Г. Моргентау, изначально исходят из скорее реляционного определения мощи², однако, переходя от анализа власти в индивидуальных отношениях на уровень национальных государств, они вынуждены отождествлять мощь с контролем над ресурсами. Моргентау выделял пять основных количественных элементов национального могущества: 1) географию страны; 2) природные ресурсы (включая продовольствие и сырье); 3) индустриальный потенциал; 4) боеготовность вооруженных сил (далее ВС); 5) численность населения [Morgenthau, 1948]. Их дополняют еще четыре качественных элемента: 1) «национальный характер»³, 2) «национальная мораль», 3) качество правительства и 4) качество национальной дипломатии [Morgenthau, 1948]. При этом важно подчеркнуть, что, по Моргентау, диспозиция элементов национальной мощи представляет собой лишь начальную точку для оценки мощи как таковой, которая, в свою очередь, всегда является относи-

¹ Термин «*power fungibility*» можно грубо перевести как «взаимозаменяемость власти», при этом на практике имеется в виду конверсия, трансформация ресурсов власти в прикладные инструменты решения задач.

² «Когда мы говорим о мощи, мы имеем в виду способность одного человека контролировать умы и действия других людей» [Morgenthau, 1948, p. 25].

³ Здесь Моргентау имел в виду политическую решимость, готовность и способность государственных лидеров проводить активную политику [Morgenthau, 1948, p. 96–99].

тельной, непостоянной и зависит от сложных комбинаций количественных и качественных факторов¹.

Структурные реалисты – в первую очередь, Кеннет Уолтц и Роберт Гилпин – обычно определяют мощь как потенциалы (capabilities) государств, причем в центре внимания оказываются не столько индивидуальные возможности государств, сколько распределение их потенциалов внутри международной системы в целом. Власть при этом рассматривается как *инструмент* (а не конечная цель) достижения безопасности, где ключевую роль играет соотношение мощи государств по отношению друг к другу. Хотя, с одной стороны, предлагаемый неореалистами подход ранжирования потенциалов для оценки полярности международной системы намекает на реляционный подход, на практике ни Уолтц, ни Гилпин не смогли предложить конкретную методику такого ранжирования². В итоге структурный реализм «по умолчанию» связывает мощь с контролем над материальными ресурсами, обеспечивающими возможность силового принуждения [Smidt, 2005, p. 538]³. Как предполагал Уолтц, могущественные страны таким образом занимают такое положение в системе баланса сил, что *«вливают на другие страны в большей степени, нежели сами становятся объектами влияния»* [Waltz, 1979, p. 192].

Наступательный реализм Джона Миршаймера в наиболее явном виде принимает диспозиционный подход к концептуализации мощи, прямо утверждая, что она представляет из себя *«ни что иное, как набор конкретных активов или материальных ресурсов, доступных государству»* [Mearsheimer, 2001, p. 57]. В основе национального могущества лежит военная и «латентная» мощь, причем последняя представляет собой исключительно способность воспроизводить (и таким образом укреплять) военную силу государства. Военная мощь, в свою очередь, представляет собой *«наземные силы»* (land power), способные захватывать и удерживать

¹ Моргентау также прямо предупреждал об опасности отождествления мощи государств исключительно с военной силой, геополитическими факторами или особенностями нации как таковой [Morgenthau, 1948, p. 116–125].

² Кроме того, сама концепция потенциалов не детализируется Уолтцем, в то время как Гилпин указывает, что *«мощь включает в себя военные, экономические и технологические потенциалы государств»* [Gilpin, 1981, p. 13].

³ Болдуин вместе с тем предполагает, что Уолтц использовал в качестве критерия оценки мощи способность государств выигрывать войны [Baldwin, 2016, p. 133].

территорию, в то время как остальные составляющие ВС (военно-морской флот, стратегическая авиация, ядерное оружие и др.) дополняют и усиливают сухопутные войска [Mearsheimer, 2001, p. 86]. Соответственно, баланс сил в международных отношениях оценивается через сравнительную оценку численности и «боеспособности»¹ сухопутных армий стран мира [Mearsheimer, 2001, p. 83–137]. Несмотря на простоту и ясность предлагаемой Миршаймером концептуализации, контекстуальный характер военной мощи и в особенности ее качественные характеристики в этом подходе выносятся за скобки.

Концептуально-методическая проблема оценки баланса сил в мировой политике и, в частности, вопрос о трансформации биполярной, однополярной и многополярной международной системы в 1990-е годы, стала серьезным вызовом для ТМО как дисциплины в целом [Baldwin, 2013, p. 284]. Отсутствие четкого определения концепции «полюса» [Wagner, 2010] и, соответственно, ясной методики эмпирического измерения полярности серьезно затрудняет способность объяснять конкретную динамику распределения мощи в международной системе [Drezner, 2021, p. 4].

Ряд авторов, представляющих неоклассическое направление реалистской школы ТМО (в частности У. Уолфорт, С. Брукс, Р. Швеллер, Ф. Закария и др.), активно работали над решениями этой проблемы. Аналогично структурному реализму, за основу была взята идея изучения диспозиции материальных потенциалов мощи государств, измеряемых относительно суммарных оценок соответствующих показателей во всей международной системе. При этом они впервые предложили измерять соотношение этих потенциалов с опорой на кросс-страновую статистику [Schweller, 1998; Brooks, Wohlforth, 2015].

Еще одной важной особенностью подхода неоклассического реализма стала ориентация не только на материальные компоненты и индикаторы баланса сил в международной системе, но также и на способность государственных политических институтов мобилизовать соответствующие ресурсы для конкретного политического курса [Zakaria, 1999]. Кроме того, ряд авторов обращают внимание на значимость фактора международного статуса и восприятия на-

¹ Методику оценки этой комплексной характеристики Миршаймер не представляет.

циональной мощи конкретными лицами, принимающими решения [Wohlforth, 2009]. В неоклассическом реализме все эти факторы, во-первых, представляют собой особые потенциалы международного влияния и, во-вторых, формируют контекст, в котором материальные инструменты мощи актуализируются в непосредственные властные отношения. Нужно подчеркнуть, что для неоклассических реалистов власть сама по себе реализуется в конкретных отношениях международного влияния, т.е. имеет относительный характер, однако в связи со сложностью его операционализации при оценке баланса сил в международной системе приходится полагаться именно на измерение соотношений материальных потенциалов.

Таблица 1

Реалистские подходы к концептуализации мощи государств в ТМО¹

	Источник власти	Расположение структур власти	Измерение власти	Реализация власти
Классический реализм	Материальные ресурсы, а также политическая способность и готовность к их применению	Индивиды, государства и возникающие между ними отношения	Экспертиза на основе качественных и количественных характеристик, победы в войнах	Способность государств и индивидов навязывать свою волю
Структурный (оборонительный) неореализм	Материальные ресурсы, положение в международной системе потенциалов	Международная анархия, относительное распределение ресурсов и потенциалов государств	Потенциалы, формируемые различными ресурсами и характеристиками государства	Максимизация национальных интересов безопасности
Наступательный неореализм	Материальные ресурсы и способность конвертировать их в военную мощь	Международная анархия, относительное распределение ресурсов и потенциалов государств	Сухопутная военная сила и другие ресурсы, которые могут быть конвертированы в военную мощь	Максимизация национальных интересов безопасности
Неоклассический реализм	Материальные ресурсы и международный статус	Индивиды, структуры внутренней политики и международная анархия, относительное распределение ресурсов и потенциалов государств	Количественные индексы национальной мощи. Перцепции лиц, принимающих решения. Государственная состоятельность	Максимизация международного влияния

¹ Таблица составлена автором с опорой на подход, предложенный Брайаном Шмидтом [Schmidt, 2005, p. 528].

Интересно, что несмотря на существенную критику реалистских представлений о балансе сил, дилемме безопасности, международной анархии с точки зрения проблемы эмпирической валидации таких теорий, нелиберальная школа ТМО на практике оперирует схожими понятиями. Так, предложенная Р. Кохейном и Дж. Наем концепция «взаимозависимости» имеет очевидно реляционную трактовку [Keohane, Nye, 1977], в то время как концепция «мягкой силы» Ная, хотя изначально формулировалась как относительное явление, на практике в ходе прикладного измерения получает очевидно диспозиционную операционализацию [Nye, 2011]. Кроме того, Кохейн, Най и другие представители этой школы не отрицают актуальность «традиционных» инструментов мощи и влияния, например, военной силы [Berenskoetter, Williams, 2007, p. 9; Baldwin, 2016, p. 162–163], и продолжают использовать ее диспозиционные оценки в эмпирических исследованиях.

Военная сила: (не)преодолимые трудности операционализации?

Как уже отмечалось выше, военная сила традиционно рассматривается в качестве одного из основных, если не главного, компонента национальной мощи [Wagner, 2010]. Тем более поразительно, что после десятилетий эмпирических исследований вопрос концептуализации и непосредственного измерения военной мощи в существенной мере игнорируется в политической науке и ТМО. Реалистский подход в ТМО после Моргентау в середине XX в. и вплоть до расцвета неоклассической школы в последние два десятилетия в целом обходит стороной эту проблему (равно как и нелиберальная и конструктивистская школа.). В современной политической науке, при всей популярности беллицистских теорий развития государственных политических институтов (например, [Tilly, 2017]), задача непосредственной эмпирической оценки военного строительства также не рассматривается. Несмотря на широкий успех исследований «безопасности, войны и мира», вплоть до самых последних лет проблема измерения «жесткой силы» находилась на периферии научной программы этих субдисциплин.

Главной причиной такой лакуны, по всей видимости, является фундаментальная сложность исследовательской задачи измерения

военной мощи. Непредсказуемость процессов вооруженных столкновений крайне затрудняет моделирование и оценку возможных результатов потенциального применения военной мощи [Beyerchen, 1992]. Не менее нетривиальна и задача оценки материальных компонентов военного потенциалов – как нетрудно заметить, для её решения государства сегодня продолжают полагаться на специальные и разведывательные службы с солидными бюджетами. Потенциалы военной мощи комплексны и неоднородны [Миронюк, Толочнев, Мальцев, 2018, с. 28] и в их состав входит не только материально-техническая база в виде вооружений и военной техники (ВиВТ), но также и разнообразная инфраструктура базирования, развертывания, логистики, материально-технического обеспечения. Существенную часть потенциалов ВС составляют качество и эффективность организационной структуры, институтов командования и управления, силы и средства связи, многие иные компоненты, далеко не последнее место среди которых занимают военно-гражданские отношения и в целом способность государства эффективно проводить военную политику¹. Практика изучения современных вооруженных конфликтов хорошо демонстрирует, что корректная оценка всех этих компонентов и элементов для успешного прогноза результата актуализации военного принуждения представляет собой беспрецедентно сложный вызов не только для представителей академического сообщества, но также и для самих военных, сотрудников специальных служб, государственных чиновников и политиков².

Не имея финансирования и специальных ресурсов разведывательных служб, исследователи-международники все последние десятилетия вынуждены полагаться на экономические индикаторы, косвенно отражающие потенциалы военной мощи, т.е. на прокси-переменные. Главным таким параметром традиционно выступают государственные расходы на оборону, рассчитываемые в долларах США по фиксированному курсу или по текущему курсу (обычно с учетом нормирования относительно общемировой суммы). Вторым

¹ Особо здесь следует подчеркнуть способность государства обеспечивать достижение политических целей военными средствами (т.е. через достижение военных целей).

² На этот факт особо акцентировал внимание Моргентау, полагавший, что способность правильной оценки соотношения потенциалов мощи в условиях реального конфликта представляет собой особое политическое искусство [Morgenthau, 1948, p. 109–112].

важным параметром также часто выступает численность личного состава ВС. Многие количественные исследования в качестве контрольной переменной национальной военной мощи включают также уровень ВВП на душу населения, опираясь на простой статистический факт, что богатые страны чаще выигрывают вооруженные конфликты [Baldwin, 2013, p. 280; Beckley, 2018].

Численность армии и военные расходы составляют военную компоненту Сводного индекса национального потенциала государств (Composite Index of National Capabilities, CINC). Разработанный Дэвидом Сингером в 1963 г. [Singer et al., 1972] в рамках проекта «Корреляты войны» (The Correlates of War), этот индекс является основным эмпирическим индикатором мощи и вплоть до сегодняшнего дня используется в большинстве современных количественных международных исследований по интересующей нас проблематике [Beckley, 2018, p. 10]. Помимо военной мощи, CINC также учитывает экономические и демографические показатели (общая численность населения, уровень урбанизации, производство железа и стали, а также потребление электроэнергии). За последние двадцать лет множество исследователей неоднократно указывало на то, что этот индекс дает крайне искаженную картину распределения военных потенциалов в мире, преувеличивая оценки для бедных, но демографически быстрорастущих стран [Beckley, 2018, p. 9]. В частности, в 1999–2016 гг. CINC ранжировал Китай как наиболее могущественную военную державу в мире [Souva, 2023, p. 1] в силу численности населения и ВС, Сингапур и Израиль – как одни из слабейших государств Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии (опять же в силу численности населения и ВС), в то время как Бразилия является безоговорочным гегемоном Южной Америки [Beckley, 2018, p. 41]. CINC также подвергается критике за смещения в результате трансформаций в международной системе [Kadera, Sorokin, 2004]. Серьезной концептуально-методологической проблемой CINC является вопрос сопоставимости (сравнимости) военных бюджетов, номинированных в долларах США, – с учетом того факта, что за исключением импорта ВВТ, государственные оборонные расходы осуществляются в национальных денежных единицах и относительно мало зависят от колебаний валютного курса.

В последнее десятилетие ученые, использующие неоклассический реализм в ТМО, а также представители эмпирических ис-

следований международной безопасности активно работают над созданием альтернативных методик расчета мощи. Альтернативные индикаторы включают геометрически¹ скорректированный индекс CINC [Kadera, Sorokin, 2004], произведение ВВП и ВВП на душу населения [Beckley, 2018], избыточный валовый внутренний продукт [Anders, Farris, Markowitz, 2020]. Уолфорт и Брукс предложили дополнить оценку потенциалов военной мощи индикаторами оборонных расходов в области научно-исследовательских и конструкторских работ (НИОКР)², а также учли обладание рядом ключевых видов ВиВТ [Wohlforth, Brooks, 2015]. Наконец, в последние годы все больше внимания уделяется попыткам оценить материально-техническую компоненту военной мощи в виде ВиВТ [Saunders, Souva, 2020; Souva, 2023; Gannon, 2023].

Отечественные подходы к изучению распределения потенциалов военной мощи в мировой политике включают, в том числе, научно-исследовательский проект «Политический атлас современности» [Политический атлас..., 2007]. Целью этого масштабного исследования было изучить распределение потенциалов международного влияния³ в мировой политике. Компоненты одноименного индекса включали численность личного состава ВС, объем оборонных расходов, а также наличие ядерного оружия, истребительной авиации четвертого и (или) пятого поколения и постоянное размещение значительных контингентов военнослужащих⁴. В рамках более позднего исследования также была рассмотрена динамика и выполнен кластерный анализ количественных показателей ВиВТ по трем временным срезам [Миронюк, Толочнев, Мальцев, 2018]⁵. В последние годы индекс морской мощи (ИММ) государств предложили А.П. Поливач и П.А. Гудев [Поливач, Гудев,

¹ Geometric Indicator of National Capabilities (GINC).

² Следует отметить, что оценки по НИОКР избыточно пропущенными данными по ряду ключевых стран, включая России.

³ Определяется как «способность государств вызывать изменения в поведении других государств, оказывать воздействие на международную среду в своих интересах (безотносительно к последствиям)» [Политический атлас..., 2007, с. 110].

⁴ Аналогично исследованию Уолфорта и Брукса анализ проводился на эмпирическом «срезе» данных за 1995 г. и 2005 г. Более поздние итерации проекта расширили дескриптивное исследование на 2015 г. [Ахременко, Миронюк, 2019; Мельвиль, Миронюк, 2020].

⁵ Аналогично, за 1995, 2005 и 2015 гг.

2021; Поливач, Гудев, 2022; Поливач, Гудев, 2023]. Различные количественные индикаторы военной мощи, включая оборонные расходы, скорректированные по ППС, а также международные военные развертывания и результаты участия в вооруженных конфликтах и миротворческих операциях, также рассматривает Д.А. Дегтерев в исследовании расстановки сил на международной арене [Дегтерев, 2020]¹.

Тем не менее все перечисленные научные работы, как западные, так и отечественные, пока представляют собой осторожные эксперименты в области тестирования новых эмпирических и методических подходов к оценке потенциалов государств военной мощи. Самое главное, в академической литературе недостаточно проработана проблема взаимосвязи между концептуализацией понятия «военная сила» и её прикладными определениями².

Концептуальное многообразие возможных определений понятия «военная сила»

Опираясь на представленный выше анализ теоретических подходов к трактовке понятия мощи в международных отношениях, представляется разумным предложить несколько альтернативных трактовок к определению понятия «военная мощь» (см. табл. 2). В первую очередь необходимо отметить, что в большинстве современных эмпирических исследований национальной мощи в целом и военной мощи в частности вводится разграничение между понятием «сила» и «мощь», с одной стороны, и их «потенциалами» – с другой. Военная мощь в таком случае определяется как контроль над материальными ресурсами, которые могут быть использованы для осуществления насильственного принуждения в мировой политике.

Диспозиционный подход к определению военной мощи наиболее перспективен с точки зрения кросс-страновой количест-

¹ Впрочем, следует отметить, что в методологическом отношении подход Д.А. Дегтерева представляет собой скорее глубокую экспертизу с опорой на статистические данные.

² Современные эмпирические исследования в этой области как правило используют *ad hoc* определения (см, например: [Миронюк, Толокнев, Мальцев, 2018, с. 28; Gannon, 2023, p. 2]).

венной оценки. Помимо традиционных индикаторов в виде численности 1) личного состава и 2) оборонных расходов, отдельный интерес представляют также оценки 3) материально-технической базы (ВиВТ), а также 4) потенциал оборонно-промышленного комплекса (ОПК).

Изучение военной мощи с опорой на динамику оборонных расходов требует учитывать уже упомянутое смещение оценок в связи с пересчетом соответствующей статистики в доллары США. Ряд исследователей предлагает решать эту проблему с помощью опоры на скорректированные оценки военных расходов с учетом паритета покупательной способности [Дегтерев, 2020, с. 89; Robertson, 2022]. Однако такой подход не учитывает то, что многие государства могут тратить значительную часть своего оборонного бюджета на импортные закупки ВиВТ, осуществляемые, как правило, в долларах США. Соответственно, для получения наиболее точных оценок необходимо, во-первых, оценить долю расходов оборонного бюджета на материально-техническую базу, а также оценить долю импорта в совокупных закупках вооружений за рубежом.

Ряд современных открытых источников, в частности, справочники-ежегодники Military Balance Международного института стратегических исследований (Великобритания) и база данных Стокгольмского международного института исследований проблем мира (Stockholm International Peace Research Institute, SIPRI / СИПРИ) Arms Transfers Database, дают детализированную информацию об оснащении вооруженных сил государств мира, а также о трансферах ВиВТ между ними. Основной проблемой остается вопрос агрегирования – наличие вооружений. Решением этой проблемы может выступать использования единицы измерения «Trend Indicator Value», разработанной сотрудниками СИПРИ в 1990-е годы для оценки объемов международной торговли вооружениями¹. Пересчет дезагрегированной статистики количества отдельных ВиВТ в существующих базах данных позволит получить сводный показатель оснащения вооруженных сил (см., например, [Gannon, 2023]). Подчеркнем, что обоснование такой методики требует отдельного разведочного исследования.

¹ Данная единица измерения оценивает себестоимость вооружений по категориям с учетом сравнимости тактико-технических характеристик конкретных видов ВиВТ по категориям (подробнее см. [Holtom, Bromley, Simmel, 2012]).

Таблица 2

Подходы к концептуализации военной мощи в мировой политике

Подход	Теоретические источники обоснования	Достоинства подхода	Недостатки подхода
Военная мощь как обладание военными ресурсами (диспозиционная трактовка, 1-й лик власти)	Наступательный / неоклассический реализм	Относительная простота эмпирического измерения (при наличии источников).	Наличие ресурсов не гарантирует их успешное применение для достижения конкретных политических или военных целей. Игнорирование контекстуального характера потенциалов военной мощи. Не все ресурсы могут быть количественно или качественно измерены.
Военная мощь как способность осуществлять насильственное принуждение в международной политике (реляционная трактовка, 1-й лик власти)	Классический реализм	Потенциально учитывает целеполагание и конкретные сценарии применения военной мощи, с учетом контекста.	Неясно, как в полной мере оценить и агрегировать контекст применения военной мощи. Проблема агрегирования парных или многосторонних оценок (военных балансов).
Военная мощь как <i>потенциал</i> сдерживания (1-й и 2-й лики власти)	Оборонительный неореализм	Потенциально учитывает стратегические силы сдерживания (ядерные и конвенциональные).	Неясно, как разделить компоненты (средства) сдерживания от (средств) принуждения. Неясно, как оценить конвенциональный потенциал сдерживания. Игнорирует реальную способность государств осуществлять силовое принуждение. Неясно, как учесть психологическую компоненту (восприятия).
Военная мощь как контроль над / формирование международных институтов безопасности	Оборонительный неореализм, неолиберализм	Потенциально учитывает институциональные аспекты военной мощи, а также потенциалы влияния государств в структурах формального и фактического оборонного сотрудничества.	Неясно, каким образом можно измерить влияние государств в международных институтах безопасности и сетях фактического оборонного сотрудничества.
Военная мощь как международный статус и символические структуры господства (3-й лик власти)	Конструктивистский подход к ТМО, Неоклассический реализм.	Потенциально позволяет оценить роль военной мощи как источника международного статуса и символического насилия (принуждения).	Отсутствие очевидной методики операционализации. Неясно, как оценивать восприятия лиц, принимающих решения. Игнорирует реальную способность государств осуществлять силовое принуждение.

Существенный научный интерес в контексте мирового баланса потенциалов вооруженных сил представляют возможности ОПК государств. Распределение научно-технологических потенциалов традиционно считается одним из важных компонентом мощи государств¹. Развитая оборонная промышленность позволяет государству эффективно проводить военное строительство, модернизацию и переоснащения ВС, а также независимо осуществлять материально-техническое обслуживание и ремонт ВиВТ, налаживать снабжение ВС боеприпасами, комплектующими и т.п.

В настоящее время международные исследования не оперируют кросс-страновыми индексами или индикаторами развития ОПК. В связи с отсутствием достаточно подробной статистики по расходам государств в области оборонных НИОКР альтернативным индикатором может выступать положение государства в мировой сети трансферов оборонных технологий [Мальцев, 2020]. Производственный потенциал ОПК может быть также оценен в виде категориальных оценок уровня развития отдельных отраслей, а также с помощью прокси-переменных, оценивающих долю ВиВТ в составе ВС а) полностью национального производства; б) локализованного производства по иностранной лицензии; в) импортной поставки (источниками такой информации могут выступить базы данных Международного института стратегических исследований и СИПРИ). Важно отметить, что все перечисленные индикаторы обладают своими недостатками и ограничениями и должны использоваться с осторожностью.

Альтернативная трактовка определения военной мощи может опираться на *реляционный подход*. В таком случае военная сила будет рассматриваться как способность субъекта А обеспечить насильственное принуждение конкретного объекта Б, причем с учетом возможности последнего к сопротивлению. Эмпирическая оценка потенциала реляционного принуждения будет представлять собой диадную (парную) характеристику и учитывать как диспозиционное соотношение материальных потенциалов, так и иные факторы проецирования силы (включая расстояние, рельеф территории потенциального конфликта, уровень урбанизации и т.п.). Очевидно, что индикаторы реляционного соотношения сил в диаде не способны учесть ряд качественных и контекстуальных

¹ См., например: [Wohlforth, Brooks, 2015; Дергетев, 2020].

атрибутов непосредственного применения военной силы, однако такой эмпирический анализ все равно может представлять некоторый интерес для фундаментальных научных исследований. В любом случае, агрегирование и операционализация этих переменных представляет собой отдельный исследовательский вызов.

С концептуальной точки зрения отдельно от контроля над военными ресурсами и относительной способностью осуществлять принуждение вопреки сопротивлению, следует выделить трактовку военной мощи как **потенциала сдерживания**. Изучение компонентов ядерного и неядерного (конвенционального) сдерживания представляет собой отдельное направление в международных исследованиях и исследований международной безопасности, в частности [Wirtz, 2018]. С эмпирической точки зрения в качестве индикаторов потенциала сдерживания выступают, в первую очередь, ядерное оружие и средства его доставки [Миронюк, Толокнев, Мальцев, 2018, с. 31], а также компоненты материально-технической базы ВС, используемые для создания «зон воспрещения доступа и ограничения маневра», в том числе баллистические и крылатые ракеты, зенитно-ракетные комплексы большой дальности и т.п. [Водзянский, 2023]. В качестве непосредственных источников данных здесь могут выступать как вышеупомянутые справочники *Military Balance*, так и регулярные доклады-обзоры журнала *Bulletin of the Atomic Scientists* о структуре стратегических сил сдерживания стран «ядерного клуба».

Еще одним «ликом» военной мощи в мировой политике может выступать его **институциональный** аспект, в частности, контроль над международными структурами безопасности. Такие аспекты потенциала военной мощи могут включать в себя как наличие формальных союзников, т.е. государств, с которыми заключены соглашения об обязательствах в области взаимной и (или) коллективной обороны, так и любое иное практическое взаимодействие в области международной безопасности. Последние исследования в этой области обращают внимание на нормативно-правовую и фактическую базу такого оборонного сотрудничества [Союзники России..., 2019; Kinne, 2020]. Ряд современных авторов рассматривают расстановку государств в военно-политических блоках как часть международного баланса сил в мировой политике [Дегтерев, 2020, с. 40]. Существенные перспективы также имеет изучение структуры развертывания государствами

военных баз за рубежом [Allen, 2022: этот параметр отражает непосредственную склонность стран применять ВС для достижения внешнеполитических целей, а также является косвенным индикатором способности стран успешно проецировать военную мощь.

Наконец, все больше внимания в международных исследованиях удостаиваются *символические* и структурные аспекты военной мощи как способности формировать, конструировать стратегические нарративы «слабости» или «силы» [Farrell, 2005; Miskimmon et al, 2013]. Очевидно, что такие символические структуры военной мощи формируются не столько вооруженными силами как таковыми, но и публичной коммуникацией и риторикой. В то же время материальные ресурсы военной мощи (например, специфические виды тяжелых вооружений, такие как авианосцы, ядерное и гиперзвуковое оружие и др. [Миронюк, Толокнев, Мальцев, 2018, с. 33; Стефанович, 2020, с. 55]) могут играть роль атрибутов или символов (высокого) международного статуса. Способность государств производить специфический статус «великих военных держав» несомненно может считаться еще одним подходом к концептуализации военной мощи. Однако эмпирическое измерение этих аспектов пока не имеет очевидного решения с точки зрения количественной оценки восприятия статусов военной мощи в кросс-страновом измерении. Прикладное измерение военной мощи как специфического компонента международного статуса [Горельский, Миронюк, 2019] в настоящее время представляет собой перспективное направление исследований.

Заключение

Несмотря на многообразие подходов и трактовок понятия мощи в мировой политике, военная сила (военная мощь) остается принципиально важным компонентом этого концептуально сложного и насыщенного явления. Как и с иными компонентами мощи и влияния, ее операционализация и эмпирические измерения создают массу исследовательских проблем. В настоящей статье с опорой на теоретические подходы к объяснению и интерпретации явления мощи в международных отношениях предложены пять различных способов определения военной мощи с акцентом на возможности ее количественной оценки. Наиболее перспективным

с точки зрения дескриптивных исследований представляется **диспозиционный** подход – сбор и агрегирование статистических данных из новых источников, их разведочный анализ вызывает наибольший интерес с точки зрения распределения потенциалов военной мощи. **Реляционная** трактовка, а также определение военной силы как потенциала **сдерживания** в свою очередь интересен для прикладных количественных исследований в рамках диадного дизайна [Poast, 2016], где соотношение соответствующих потенциалов может выступать зависимой переменной или предиктором различных отношений сотрудничества и соперничества государств. **Институциональный** и **статусный** подход к концептуализации военной силы, несомненно, представляют собой недостаточно изученные «лики» военной мощи. Однако дальнейшие разработки в этой области требуют внедрения надежных методик оценки восприятий военной мощи в мировой политике.

Следует отметить, что разработка альтернативных индексов военной силы также остается актуальной научной проблемой. Во-первых, развитие качества оценки потенциалов военной мощи вполне актуально в контексте изучения трансформации международной системы между различными моделями полярности. Так, в частности, современные теории динамики баланса сил, формирования и распада оборонных альянсов предполагают, что распределение силовых потенциалов является главной детерминантой этих процессов [Истомин, 2018], однако из-за вышеупомянутых сложностей эмпирического измерения непосредственное моделирование этих процессов остается нерешенной проблемой [Wohlforth, 2003]. Во-вторых, индикаторы военной мощи как предикторы используются в качестве контрольных и объясняющих переменных в большинстве современных исследований, опирающихся на кросс-страновые исследования в области теории демократического мира [Dafoe, Oneal, Russett, 2013; Rauch, 2017], гонок вооружений [Rider, 2009], балансов региональной безопасности [Allen, 2018] и т.п. Внедрение альтернативных количественных индексов или индикаторов военной силы может стать существенным подспорьем для исследований в этих направлениях. В-третьих, дескриптивное изучение потенциалов военной мощи само по себе является актуальной исследовательской задачей. Сейчас мало внимания уделяется вопросам институциональных факторов в структуре военно-силовых потенциалов, возможностей и пределов конверсии

экономических и иных потенциалов в силовые, а также взаимосвязям между институциональными характеристиками государств и особенностями развития национальных вооруженных сил.

Наконец, концептуальное многообразие «ликов» военной мощи и методологические трудности её оценки по всей видимости исключают применение единого индикатора или даже индекса. Одних лишь новых источников данных или изощренных методов агрегирования или снижения размерности скорее всего будет недостаточно для преодоления ограничений, создаваемых традиционными индикаторами военной мощи. Но в то же время более обстоятельная эмпирическая проработка различных «ликов» военной мощи, а также поиск способов ее измерения может продвинуть наши представления относительно роли, которую играет «последний довод» в мировой политике.

A.M. Maltsev *

Amorphous “hard power”? Approaches to the reconceptualization and empirical measurement of military power in international relations¹

Abstract. The article focuses on the conceptual and methodological difficulties of empirical assessment of the states' military capabilities. Contemporary IR theory and political science mostly interpret military power as a dispositional or episodic characteristic. The first approach comprises the estimation of resources and material capabilities available to a state to violently coerce (or resist coercion) in international politics. The second approach suggests that military power only actualizes itself through direct usage in armed conflicts. The article provides a detailed examination of the conceptual and empirical advantages and limitations of both approaches. As the literature review demonstrates, while realist IR literature piques a lot of attention to the distribution of military power in the international system, it struggles to resolve methodological difficulties of empirical assessment and, therefore, actual ranking of military capabilities of states. The second part of the article explores empirical attempts to measure military power in IR. The author concludes that existing solutions are limited to proxy indicators such as defense expenditures and military personnel numbers. The final part of the article suggests promising indicators of military power as a dispositional or episodic phenomenon.

* **Maltsev Artem**, HSE University (Moscow, Russia), e-mail: amalcev@hse.ru

¹ The article was prepared within the consortium of MGIMO University and HSE University and funded by the grant for the implementation of the Priority 2030 Strategic Academic Leadership Program.

Keywords: military power; international influence; realism; ranking of state capabilities; defense economics; defense spending; weapons and military equipment

For citation: Maltsev A.M. Amorphous “hard power”? Approaches to the reconceptualization and empirical measurement of military power in international relations. *Political science* (RU). 2024, N 2, P. 300–325. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.02.14>

References

- Akhremenko A.S., Mirnyuk M.G. The world ten years later: dynamics of the potentials of international influence of states. *Social sciences and contemporary world*. 2019, N 1, P. 39–59. DOI: <http://doi.org/10.31857/S086904990003941-7> (In Russ.)
- Allen M.A. The influence of regional power distributions on interdependence. *Journal of conflict resolution*. 2018, Vol. 62, N 5, P. 1072–1099. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022002716669809>
- Allen M.A., Flynn M. E., Martinez M.C. US global military deployments, 1950–2020 // *Conflict Management and Peace Science*. 2022. Vol. 62. №. 5. P. 351–370. DOI: <https://doi.org/10.1177/07388942211030885>
- Anders T., Fariss C.J., Markowitz J.N. Bread before guns or butter: introducing Surplus Domestic Product (SDP). *International studies quarterly*. 2020, Vol. 64, N 2, P. 392–405. DOI: <https://doi.org/10.1093/isq/sqaa013>
- Baldwin D.A. Force, fungibility, and influence. *Security studies*. 1999, Vol. 8, N 4, P. 173–183. DOI: <https://doi.org/10.1080/09636419908429389>
- Baldwin D.A. Power and international relations. In: Risse T., Carlsnaes W., Simmons B.A. (eds). *Handbook of international relations*. Los Angeles: Sage, 2013, P. 273–297.
- Baldwin D.A. *Power and international relations: a conceptual approach*. Princeton, NJ; Oxford: Princeton university press, 2016, 240 p.
- Beckley M. The power of nations: measuring what matters. *International Security*. 2018, Vol. 43, N 2, P. 7–44. DOI: https://doi.org/10.1162/isec_a_00328
- Berenskoetter F., Williams M.J. Thinking about power. In: Berenskoetter F., Williams M. J. (eds). *Power in world politics*. London: Routledge, 2007, P. 11–32.
- Beyerchen A. Clausewitz, nonlinearity, and the unpredictability of war. *International security*. 1992, Vol. 17, N 3, P. 59–90. DOI: <https://doi.org/10.2307/2539130>
- Brooks S.G., Wohlforth W.C. The rise and fall of the great powers in the twenty-first century: China's rise and the fate of America's global position. *International security*. 2015, Vol. 40, N 3, P. 7–53. DOI: https://doi.org/10.1162/ISEC_a_00225
- Dafoe A., Oneal J. R., Russett B. The democratic peace: weighing the evidence and cautious inference. *International studies quarterly*. 2013, Vol. 57, N 1, P. 201–214. DOI: <https://doi.org/10.1111/isqu.12055>
- Dahl R.A. The concept of power. *Behavioral science*. 1957, Vol. 2, N 3, P. 201–215. DOI: <https://doi.org/10.1002/bs.3830020303>
- Degtarev D.A. Assessing the current balance of power in the international arena and the formation of a multipolar world. Moscow: Rusayns, 2020, 214 p. (In Russ.)

- Drezner D. Power and international relations: a temporal view. *European journal of international relations*. 2021, Vol. 27, N 1, P. 29–52. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354066120969800>
- Farrell T. Culture and military power. *Review of international studies*. 1998, Vol. 24, N 3, P. 407–416. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0260210598004070>
- Farrell T. World culture and military power. *Security studies*. 2005, Vol. 14, N 3, P. 448–488. DOI: <https://doi.org/10.1080/096366410500323187>
- Fomin I., Silaev N., Makarycheva A., Stolyarova S., Shavlaya E. Russia's allies' formal obligations vs. effective cooperation. *International trends*. 2019, Vol. 17, N 2, P. 101–130. DOI: <https://doi.org/10.17994/IT.2019.17.2.57.6> (In Russ.)
- Gannon J.A. Planes, trains, and armored mobiles: introducing a Dataset of the Global Distribution of Military Capabilities. *International studies quarterly*. 2023, Vol. 67, N 4, sqad081. DOI: <https://doi.org/10.1093/isq/squad081>
- Gilpin R. *War and change in world politics*. Cambridge: Cambridge university press, 1981, 272 p.
- Gorelskiy I.E., Mironyuk M.G. Climbing up the status ladder: An experiment in empirical research of relation between status of a state in the system of international relations and state capacity. *Political science*. 2019, N 3, P. 140–174. DOI: <http://doi.org/10.31249/poln/2019.03.06> (In Russ.)
- Guzzini S. From (Alleged) Unipolarity to the decline of multilateralism?: a power-theoretical critique. In: Guzzini S. (ed.). *Power, realism and constructivism*. London: Routledge, 2013, P. 61–76.
- Guzzini S. Structural power: the limits of neorealist power analysis. *International organization*. 1993, Vol. 47, N 3, P. 443–478. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0020818300028022>
- Holtom P., Bromley M., Simmel V. Measuring International Arms Transfers. SIPRI. 2012. Mode of access: <https://www.sipri.org/sites/default/files/files/FS/SIPRIFS1212.pdf> (accessed: 23.12.2023).
- Istomin I.A. Western theory of international military alliances. *International trends*. 2017, Vol. 15, N 4, P. 93–114. DOI: <http://doi.org/10.17994/IT.2017.15.4.51.6> (In Russ.)
- Kadera K., Sorokin G. Measuring national power. *International interactions*. 2004, Vol. 30, N 3, P. 211–230. DOI: <https://doi.org/10.1080/03050620490492097>
- Keohane R., Nye J. *Power and interdependence*. Boston: Little, Brown, and Company, 1977, 300 p.
- Kinne B. J. The Defense Cooperation Agreement Dataset (DCAD). *Journal of conflict resolution*. 2020, Vol. 64, N 4, P. 729–755. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022002719857796>
- Lasswell H.D., Kaplan A. *Power and society: a framework for political inquiry*. New Haven: Yale university press, 1950, 328 p.
- Ledyayev V.G. *Power: a conceptual analysis*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2001, 384 p. (In Russ.)
- Maltsev A. Network dynamics of technology diffusion in international arms transfers. *International trends*. 2020, Vol. 18, N 4, P. 36–61. DOI: <http://doi.org/10.17994/IT.2020.18.4.63.5> (In Russ.)
- Mearsheimer J.J. *The tragedy of great power politics*. New York: Norton, 2001, 578 p.

- Melville A.Yu., Polunin Yu.A., Ilyin M.V., Mironyuk M.G., Timofeev I.N., Meleshkina E.Yu., Vaslavskiy Y. *Political atlas of the modern world: an experiment in multidimensional statistical analysis of the political systems of modern world*. Moscow: MGIMO University Publ., 2007, 272 p. (In Russ.)
- Melville A.Yu., Mironyuk M.G. "Political atlas of the modern world" revisited. *Polis. Political studies*. 2020, N 6, P. 41–61. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.04> (In Russ.)
- Mironyuk M., Toloknev K., Maltsev A. Not so obsolete military power in world politics to wage war, to avoid war and (or) to gain recognition. *International trends*. 2018, Vol. 16, N 2, P. 26–48. DOI: <https://doi.org/10.17994/IT.2018.16.2.53.2> (In Russ.)
- Miskimmon A., O'Loughlin B., Roselle L. *Strategic narratives: communication power and the new world order*. New York: Routledge, 2013, 240 p.
- Morgenthau H.J. *Politics among nations: the struggle for power and peace*. New York: A.A. Knopf, 1948, 489 p.
- Nye J.S. Power and foreign policy. *Journal of political power*. 2011, Vol. 4, N 1, P. 9–24. DOI: <https://doi.org/10.1080/2158379X.2011.555960>
- Poast P. Dyads are dead, long live dyads! The limits of dyadic designs in international relations research. *International studies quarterly*. 2016, Vol. 60, N 2, P. 369–374. DOI: <https://doi.org/10.1093/isq/sqw004>
- Polivach A.P., Gudev P.A. *The IMEMO sea powers' rankings 2021*. Moscow: IMEMO, 2021, 178 p. DOI: <https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0592-5> (In Russ. and Eng.)
- Polivach A.P., Gudev P.A. *The IMEMO sea powers' rankings 2022 (2.0)*. Moscow: IMEMO, 2022, 190 p. DOI: <https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0609-0> (In Russ. and Eng.)
- Polivach A.P., Gudev P.A. *The IMEMO sea powers' rankings 2023 (2.0)*. Moscow: IMEMO, 2023, 198 p. DOI: <https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0619-9> (In Russ. and Eng.)
- Posen B. *The sources of military doctrine: France, Britain, and Germany between the world wars*. New York: Cornell university press, 1984, 281 p.
- Rauch C. Challenging the power consensus: GDP, CINC, and power transition theory. *Security Studies*. 2017, Vol. 26, N 4, P. 642–664. DOI: <https://doi.org/10.1080/09636412.2017.1336389>
- Rider T. J. Understanding arms race onset: Rivalry, threat, and territorial competition. *The journal of politics*. 2009, Vol. 71, N 2, P. 693–703. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0022381609090549>
- Robertson P.E. The real military balance: international comparisons of defense spending. *Review of income and wealth*. 2022, Vol. 68, N 3, P. 797–818. DOI: <https://doi.org/10.1111/roiw.12536>
- Saunders R.J., Souva M. Command of the skies: an air power dataset. *Conflict management and peace science*. 2020, Vol. 37, N 6, P. 735–755. DOI: <https://doi.org/10.1177/0738894219863348>
- Schmidt B.C. Competing realist conceptions of power. *Millennium*. 2005, Vol. 33, N 3, P. 523–549. DOI: <https://doi.org/10.1177/03058298050330031401>

- Schweller R.L. *Deadly imbalances: tripolarity and Hitler's strategy of world conquest*. New York: Columbia university press, 1998, 267 p.
- Singer J.D., Bremer S.A., Stuckey J. Capability distribution, uncertainty, and major power war, 1820–1965. In: Russett B.M. (ed.). *Peace, war, and numbers*. Beverly Hills, Calif: Sage Publ., 1972, P. 19–48.
- Souva M. Material military power: A country-year measure of military power, 1865–2019. *Journal of peace research*. 2023, Vol. 60, N 6, P. 1002–1009. DOI: <https://doi.org/10.1177/00223433221112970>
- Stefanovich D. Russian hypersonics: what, when and why? *New defense order. Strategies*. 2020, Vol. 61, N 2, P. 52–55. (In Russ.)
- Tilly C. Coercion, capital, and European states, AD 990–1990. In: Castañeda E., Schneider C. (eds). *Collective violence, contentious politics, and social change*. New York: Routledge. 2017, P. 140–154.
- Vodziansky S.I. Multi-sphere battle as a result of the evolution of joint actions of various types of US armed forces in the 20th–21st centuries. *Military thought*. 2023, N 8, P. 125–133. (In Russ.)
- Wagner R.H. *War and the state: The theory of international politics*. Ann Arbor: University of Michigan press, 2010, 272 p.
- Waltz K.N. *Theory of international politics*. London: Addison-Wesley, 1979, 251 p.
- Wohlforth W.C. Measuring power—and the power of theories. In: Vasquez J.A., Elman C. (eds). *Realism and the balancing of power: A new debate*. Upper Saddle River (NJ): Prentice Hall, 2003, P. 250–265.
- Wirtz J.J. How does nuclear deterrence differ from conventional deterrence? *Strategic Studies Quarterly*. 2018. Vol. 12. N. 4. P. 58–75.
- Wohlforth W.C. Unipolarity, status competition, and great power war. *World politics*. 2009, Vol. 61, N 1, P. 28–57. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0043887109000021>
- Zakaria F. *From wealth to power: the unusual origins of America's world role*. Princeton, NJ: Princeton university press, 1999, 216 p.

Литература на русском языке

- Ахременко А.С., Миронюк М.Г. Динамика потенциалов международного влияния государств (по материалам проекта «Политический атлас современности») // Общественные науки и современность. – 2019. – № 1. – С. 39–59. – DOI: <http://doi.org/10.31857/S086904990003941-7>
- Водзянский С.И. Многосферное сражение как результат эволюции совместных действий различных видов вооруженных сил США в XX—XXI веках // Военная мысль. – 2023. – № 8. – С. 125–133.
- Горельский И.Е., Миронюк М.Г. Взираясь по «статусной лестнице»: опыт эмпирического исследования связи статуса государства в системе международных отношений и государственной состоятельности // Политическая наука. – 2019. – № 3. – С. 140–174. – DOI: <http://doi.org/10.31249/poln/2019.03.06>
- Дестерев Д.А. Оценка современной расстановки сил на международной арене и формирование многополярного мира. – М.: Русайнс, 2020. – 214 с.

- Истомин И.А.* Современная западная теория военно-политических альянсов: достижения и лакуны // *Международные процессы*. – 2017. – Т. 15, № 4. – С. 93–114. – DOI: <http://doi.org/10.17994/IT.2017.15.4.51.6>
- Ледяев В.Г.* Власть: концептуальный анализ. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – 384 с.
- Мальцев А.М.* Сетевая динамика «диффузии технологий» в системе международных трансферов вооружений // *Международные процессы*. – 2020. – Т. 18, № 4. – С. 36–61. – DOI: <http://doi.org/10.17994/IT.2020.18.4.63.5>
- Мельвиль А.Ю., Миронюк М.Г.* «Политический атлас современности» revisited // *Полис. Политические исследования*. – 2020. – № 6. – С. 41–61. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.04>
- Миронюк М., Толокнев К., Мальцев А.* Военная мощь в мировой политике // *Международные процессы*. – 2018. – Т. 16, № 2. – С. 26–48. – DOI: <https://doi.org/10.17994/IT.2018.16.2.53.2>
- Поливач А.П., Гудев П.А.* Морские державы 2021: индекс ИМЭМО РАН. – М.: ИМЭМО РАН, 2021. – 178 с. – DOI: <https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0592-5>
- Поливач А.П., Гудев П.А.* Морские державы 2022: индексы ИМЭМО РАН (2.0). – М.: ИМЭМО РАН, 2022. – 190 с. – DOI: <https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0609-0>
- Поливач А.П., Гудев П.А.* Морские державы 2023: индексы ИМЭМО РАН (2.0). – М.: ИМЭМО РАН, 2023. – 198 с. – DOI: <https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0619-9>
- Политический атлас современности: опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств / А.Ю. Мельвиль, М.В. Ильин, Е.Ю. Мелешикина, М.Г. Миронюк, Ю.А. Полунин, И.Н. Тимофеев, Я.И. Ваславский.* – М.: Издательство «МГИМО-Университет», 2007. – 272 с.
- Союзники России: формальные обязательства и фактическое сотрудничество / И.В. Фомин, Н.Ю. Силаев, А.В. Макарычева, С.А. Столярова, Э.П. Шавлай // Международные процессы.* – 2019. – Т. 17, № 2. – С. 101–130. – DOI: <https://doi.org/10.17994/IT.2019.17.2.57.6>
- Стефанович Д.* Русский гиперзвук: что, когда и почему? // *Новый оборонный заказ. Стратегии*. – 2020. – № 2. – С. 52–55.

А.П. БОЧАРОВА*

НОВЫЕ АСПЕКТЫ БЕЗОПАСНОСТИ: УСТАНОВКИ ГРАЖДАН ПО ВОПРОСУ ИНФОРМАЦИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИИ¹

Аннотация. Эффективность государственной политики по обеспечению кибербезопасности и информационной безопасности напрямую зависит от того, насколько успешно такие меры будут соблюдаться гражданами на национальном уровне. В рамках данного исследования рассматривается влияние когнитивно-рациональных, ценностно-аффективных и социально-демографических факторов на поддержку респондентами проводимой государством политики в сфере информационного регулирования на примере выбранных кейсов регулирования социальных сетей и введения обязательной системы распознавания лиц в общественном транспорте. В ходе исследования применялся факторный опрос (N=395) с использованием виньеток, позволяющих рассмотреть эффекты фреймирования на восприятие респондентами предлагаемых мер. Анализ результатов эксперимента в данном исследовании показал, что фреймирование новостей путем убеждения населения оказать поддержку предложенным мерам в краткосрочном периоде не приводит к росту поддержки мер, в то время как факторы, оказывающие влияние на общественное восприятие, имеют менее изменчивый во времени характер и включают в себя гражданскую идентичность, доверие политической системе и оценку опасности киберугроз. Результаты исследования позволяют нам подтвер-

* **Бочарова Александра Павловна**, аспирант, младший научный сотрудник Международной лаборатории исследований мирового порядка и нового регионализма, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: arbocharova@hse.ru

¹ Статья подготовлена в рамках консорциума МГИМО МИД России и НИУ ВШЭ из средств гранта на реализацию программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

© Бочарова А.П., 2024

DOI: 10.31249/poln/2024.02.15

дить гипотезу о прямой связи гражданской идентичности и поддержки рестриктивных мер, а также частично подтвердить предположение о том, что политическое доверие граждан и специфика восприятия киберугроз положительно влияют на поддержку введения мер. Кроме того, был получен интересный результат, связанный с неоднородностью поддержки государственных мер на различных уровнях политического доверия респондентов, что позволяет обозначить дальнейший потенциал исследований общественного восприятия таких мер с учетом доверия политической системе и отдельным политическим акторам (правительству, спецслужбам, армии и т.д.) в России.

Ключевые слова: информационное регулирование; политическая поддержка; информационная безопасность; меры рестриктивного регулирования; дилемма «безопасность или приватность»; восприятие киберугроз.

Для цитирования: Бочарова А.П. Новые аспекты безопасности: установки граждан по вопросу информационного регулирования в России // Политическая наука. – 2024. – № 2. – С. 326–347. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.02.15>

Введение

Трансформация мирового порядка, связанная с отходом все большего числа международных акторов от принципов глобального либерализма, неизменно ведет к росту сторонников государственно-ориентированного подхода в изучении внешней политики государств и концепции *Realpolitik* [Саймонс, 2023]. В этом контексте особенно важным остается обеспечение безопасности государства и защита его национальных интересов в условиях внешнеполитических кризисов, а также вызовов, которые порождаются нетрадиционными типами угроз. Угрозы государственной безопасности и национальным интересам в киберпространстве остаются особенно острыми и требующими своевременного прогнозирования и противостояния. При этом если всего двадцать лет назад в экспертном поле преобладали мнения «киберлибертарианцев» – сторонников позиционирования киберпространства как *terra nullius*, или сферы, которая не находится под суверенитетом какого-либо государства и которая не должна регулироваться какими-либо международными или внутренними нормами [Khanna, 2018; Chadwick, Howard, 2008], то в настоящее время преобладает позиция о признании распространения государственного суверенитета на эту сферу [Demchak, Dombrowski, 2011; Gomez, Whyte, 2022]. Принцип территориальности в данном случае подразумевает, что государства имеют право регулировать передачу информации

через свои границы и использовать такую информацию на своей территории. В частности, контроль над критической инфраструктурой, защита аппаратного и программного обеспечения, передачи и хранения данных, входящие в сферу кибербезопасности, а также регулирование политического контента в социальных сетях и на интернет-сайтах с целью противостояния терроризму (информационное регулирование) являются непосредственными мерами повышения государственной безопасности и предупреждения информационных угроз и киберугроз.

При этом эффективность государственной политики по обеспечению кибербезопасности и информационной безопасности напрямую зависит от того, насколько успешно такие меры будут соблюдаться гражданами на национальном уровне. Поскольку меры, принимаемые государством в сфере информационной безопасности, в той или иной степени ограничивают свободу граждан, политическая поддержка принимаемых государством ограничительных мер является фактором легитимации информационной политики правительства со стороны населения, а следовательно, важнейшим индикатором эффективности такой политики. При этом гражданин в контексте реализации такой государственной политики напрямую сталкивается с дилеммой «безопасность или приватность»: в данном случае ему предлагается отказаться от части своих свобод и права на приватность в обмен на обеспечение личной и общественной безопасности со стороны государства.

Почему государство заинтересовано в обеспечении политической поддержки подобных ограничительных мер со стороны граждан, если вопрос идет об обеспечении национальных интересов в информационном пространстве? Успех политики по предупреждению внутренних и внешних информационных угроз, в том числе путем введения определенных ограничений на публикацию и хранение данных, отслеживание действий пользователей и т.д., непосредственным образом зависит от того, насколько успешно граждане будут обеспечивать поддержку правительства [McLaren, 2015] и выполнять предписанные меры. Это случается не всегда: так, попытки российского правительства в 2018–2020 гг. блокировать мессенджер Telegram и аналогичные меры иранского правительства по ограничению доступа пользователей к мессенджеру в связи с изначальным отказом П. Дурова предоставлять ключи шифрования службам безопасности, а также информационная

кампания в СМИ и соцсетях против использования мессенджера не увенчались успехом¹ – аудитория в России продолжала активно использовать Telegram, пока в 2020 г. не было принято компромиссное решение снять блокировку Telegram в обмен на выборочное предоставление ключей шифрования по запросу спецслужб [Akbari, Abdulhakov, 2019]. В свою очередь правительство пересмотрело отношение к Telegram с позиции «Не можешь победить – возглавь», вследствие чего к 2022 г. 60% главных политических каналов в Telegram составляли представители власти и проправительственные авторы². Продолжается активное неприятие населением сбора биометрических данных – согласно результатам исследования ВЦИОМа за 2020 г., почти 60% опрошенных россиян выступают против их сбора и хранения³.

Таким образом, основной вопрос, с которым сталкиваются исследователи при изучении политики национального регулирования информационного пространства в условиях кризисных ситуаций, заключается в следующем: какие факторы оказывают влияние на общественную поддержку государственных мер в сфере информационной безопасности? Иными словами, что в контексте выбора индивида между приватностью своих личных данных, с одной стороны, и личной и общественной безопасностью – с другой, способствует отказу от первого в пользу последнего? В рамках данного исследования будет рассмотрено, как различные когнитивно-рациональные, ценностно-аффективные и социально-демографические факторы влияют на поддержку респондентами проводимой государством политики в сфере информационного регулирования на примере выбранных кейсов.

¹ История блокировки Telegram в России // ТАСС. – 2020. – Режим доступа: <https://tass.ru/info/8761201> (дата посещения: 15.12.2023).

² Токарева М. Мета* с возу — «телеге» легче: как государство приходило в Telegram // РСМД. – 2023. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/meta-s-vozu-telege-legche-kak-gosudarstvo-prihodilo-v-telegram/> (дата посещения: 15.12.2023).

³ Персональные данные в Интернете: угроза утечки и как с ней бороться // ВЦИОМ. – 2020. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/personalnye-dannye-v-internete-ugroza-utechki-i-kak-s-nei-borotsja> (дата посещения: 15.12.2023).

Теоретическая рамка исследования

В каких условиях граждане добровольно отказываются от своей свободы и приватности в пользу безопасности? Исследователи отмечают, что в кризисные периоды люди более склонны добровольно отказываться от части своих фундаментальных прав и свобод в пользу безопасности, которую им призвано обеспечить государство [Davis, Silver, 2004]. На склонность индивида согласиться с ограничительной мерой государства в пользу своей безопасности оказывают влияние как психоэмоциональные факторы, такие как страх, чувство беспомощности [van Der Does et al., 2021], так и когнитивные, направленные на минимизацию рисков путем максимизации собственной безопасности [Theiss-Morse, Barton, 2018]. Учитывая этот факт, государство может формировать определенный дискурс в социальных сетях и СМИ, создающий картину потенциальных угроз государству и обществу в случае непринятия ограничительных мер и направленный на получение политической поддержки со стороны граждан.

Дилемма «свобода или безопасность» является характерной чертой общественного восприятия информационного регулирования, когда граждане становятся перед выбором ограничения определенной части свобод в информационном пространстве для обеспечения государственной безопасности или отказа от политической поддержки подобных мер. Ввиду характера угроз в информационном пространстве для государственного регулирования в этой сфере характерны сложность прогнозирования будущих угроз, а также отсутствие доступа граждан к информации об угрозах вне информации, опубликованной СМИ, что позволяет государству выступать и в роли информанта аудитории, и в роли основного защитника граждан [Snider et al., 2021]. В то же время граждане, решая поддержать ли определенные меры, предпринимаемые правительством с целью обеспечения информационной безопасности, встают перед выбором – так ли высока опасность той или иной угрозы, чтобы пожертвовать частью своей свободы, или нет. Ведь меры, направленные на предотвращение преступности в информационном пространстве, снижают уровень анонимности и уровень доступа к альтернативным источникам информации, а также обеспечивают расширение доступа государства к личным данным пользователей.

Описание выбранных кейсов и гипотезы

В качестве примеров, репрезентирующих общественное восприятие государственной политики информационного регулирования, в данной работе были выбраны два кейса: регулирование контента в социальных сетях, а также введение системы распознавания лиц (*facial recognition system*). Согласно статье 15.1-1 Федерального закона РФ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹, в сети «Интернет» должна удаляться информация, «выражающая в неприличной форме, которая оскорбляет человеческое достоинство и общественную нравственность, явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам Российской Федерации, Конституции Российской Федерации или органам, осуществляющим государственную власть в Российской Федерации». В исследовании ВЦИОМ, проведенном в 2021 г., вопрос блокировки аккаунтов в социальных сетях, распространяющих недостоверную или оскорбительную информацию, получил противоречивую оценку: так, половина опрошенных посчитала блокировку недопустимой, в то время как остальные 40% респондентов – прежде всего представители старшего возраста и жители небольших городов – поддержали введение подобной меры². Сбор биометрических данных граждан и их использование в общественном транспорте и при обеспечении общественной безопасности вызывает еще более отрицательную оценку – при крайне низком уровне осведомленности о системе более половины опрошенных россиян настроены нейтрально-отрицательно³. Анализ отношения респондентов к введению подобных мер, таким образом, отражает актуальную картину принятых или принимаемых государством мер, направленных на бес-

¹ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 02.11.2023) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Консультант Плюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/079aac275ffc6cea954b19c5b177a547b94f3c48/ (дата посещения: 15.12.2023).

² Социальные сети и цензура: за и против // ВЦИОМ. – 16 марта. – 2021. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnyye-seti-i-cenzura-za-i-protiv> (дата посещения: 15.12.2023).

³ Делиться биометрическими данными: выгоды и риски // ВЦИОМ. – 4 июля – 2023. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/delitsja-biometricheskimi-dannymi-vygody-i-riski> (дата посещения: 15.12.2023).

печение общественной и национальной безопасности как в информационном пространстве, так и в традиционных сферах обеспечения безопасности.

Авторы исследований, посвященных восприятию гражданами угроз, сходятся во мнении, что с ростом тяжести угрозы растет политическая поддержка гражданами государственных ограничительных мер. Так, Снайдер и его соавторы в работе «Киберопасности и киберугрозы» [Snider et al., 2021] разделяли киберугрозы на летальные и нелетальные; в ряде работ учитывается срок действия ограничительной меры как фактор согласия или несогласия индивида с предложенной мерой (например: [Chmel et al., 2021; Brouard et al., 2018]). В рамках данной работы мы предлагаем рассмотреть реакцию респондентов на предложенные правительством ограничительные меры на основе разделения всех информационных угроз на угрозы личной безопасности (безопасности самого респондента, его друзей и близких) и угрозы национальной безопасности (безопасности общества, правительства, государства). Эти примеры угроз являются важной частью российского медиадискурса, причем оба сюжета редко встречаются в одном и том же тексте¹.

При анализе влияния политического доверия граждан на политическую поддержку тех или иных действий государства / правительства исследователи выделяют фактор национальной идентичности в качестве одной из ключевых детерминант позитивного отношения респондентов к экономической и политической системе государства. Основными составляющими национальной идентичности являются гражданская идентичность (идентификация индивида с какой-либо страной по признаку гражданства) и этническая идентичность (идентификация на основе этнического родства с другими проживающими на территории страны людьми) (см., например: [Lenard, Miller, 2018]). В фокусе исследований

¹ Примеры такого дискурса можно встретить в статьях: *Катасонов В.* Цифровое зомбирование // Царьград. – 22 декабря. – 2018. – Режим доступа: https://tsargrad.tv/articles/cifrovoe-zombirovanie_175547 (дата посещения: 15.12.2023); *Россиянам рассказали о мошеннических схемах в приложениях для знакомств* // Лента.ру. – 4 августа. – 2023. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2023/08/04/mshnink/> (дата посещения: 15.12.2023); *Громова В.* Минцифры объяснило появление на «Госуслугах» данных о месте проживания // РБК. – 4 августа. – 2023. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/technology_and_media/04/08/2023/64ccd9379a7947450c9d2186 (дата посещения: 15.12.2023).

восприятия россиянами ограничительной политики в информационном пространстве находится именно гражданская идентичность, поскольку основной дискурс описания информационных угроз конструируется вокруг понятия «россияне»¹. Идентификация себя с группой по признаку гражданственности становится важным индикатором ассоциации индивида с группой в условиях международного или внутреннего политического противостояния.

Исходя из пункта о влиянии гражданской идентичности на доверие и, как следствие, поддержку государственных мер в сфере информационного регулирования, мы сформулировали следующие гипотезы:

Н1. Респонденты с высоким уровнем гражданской идентичности с большей вероятностью поддержат ограничительные меры, чем респонденты с низким уровнем идентичности.

Также мы предполагаем, что, поскольку гражданская идентичность и поддержка правительственных мер имеют прямую корреляцию, респонденты, ощущающие себя россиянами, будут склонны воспринимать угрозы национальной безопасности как наиболее серьезные, чем респонденты с менее выраженной гражданской идентичностью. Это обосновано логикой максимизации собственных рисков при принятии решения о поддержке правительства: респондент, имеющий сильную связь с группой (страной), будет склонен воспринимать угрозы стране такими же опасными, как угрозы личного характера; с другой стороны, респондента с низкой гражданской идентификацией не будет волновать национальный характер угроз, поскольку он будет заинтересован только в обеспечении личной безопасности.

Н2. Среди респондентов со слабой гражданской идентичностью, респонденты, получившие информацию об угрозе личной безопасности, с большей вероятностью поддержат государственные рестриктивные меры, чем респонденты, получившие информацию об угрозе национальной безопасности.

¹ См., например: Россиян предупредили о мошенничестве с использованием нейросетей // Lenta.ru. – 8 августа – 2023. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2023/08/08/nrst/> (дата посещения: 15.12.2023); Эксперты рассказали о волне кибератак против российских компаний в июле // РБК. – 4 августа. – 2023. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/technology_and_media/04/08/2023/64cb9d769a79470a4303c954 (дата посещения: 15.12.2023).

Наконец, когнитивно-рациональный подход к оценке индивидами ограничительных мер государства подразумевает, что если граждане в целом доверяют правительству и, кроме того, воспринимают стоящую на кону проблему как чрезвычайно важную, то они склонны принять более высокий риск – путем предоставления своих личных данных государству – для достижения политической цели, приносящей личную и коллективную выгоду. Высокое доверие приводит к решению сотрудничать с государством, что приводит к политическим выгодам. Однако эта связь всегда зависит от условий: доверяющий должен верить в положительные намерения доверенного лица (т.е. государства) и быть готовым к более высокому риску только в случае, если ожидаемые выгоды высоки. При формулировании четвертой гипотезы мы опираемся на предположение, выдвинутое в исследовании [Trein, Varone, 2023], о том, что:

НЗ. Респонденты, имеющие высокий уровень политического доверия и считающие киберугрозы наиболее опасными, с большей вероятностью поддержат предложенные меры, чем другие респонденты.

В таблице 1 представлены, таким образом, все выдвинутые гипотезы, а также переменные, находящиеся в фокусе внимания в рамках данной работы.

Таблица 1

Обзор независимых переменных и гипотез

Независимые переменные	Формулировка гипотез
Н1: Гражданская идентичность	Респонденты с высоким уровнем гражданской идентичностью с большей вероятностью поддержат ограничительные меры, чем респонденты с низким уровнем идентичности.
Н2: Эффект взаимодействия (гражданская идентичность и принадлежность к группе)	Среди респондентов со слабой гражданской идентичностью респонденты, получившие информацию об угрозе личной безопасности, с большей вероятностью поддержат государственные рестриктивные меры, чем респонденты, получившие информацию об угрозе национальной безопасности.
НЗ: Эффект взаимодействия (политическое доверие и оценка киберугроз)	Респонденты, имеющие высокий уровень политического доверия и считающие киберугрозы наиболее опасными, с большей вероятностью поддержат предложенные меры, чем другие респонденты.

Методология и сбор данных

Для проведения исследования в рамках данной работы был выбран экспериментальный метод факторного опроса с использованием виньеток (3*3) (таблица 2). Данный подход обладает рядом преимуществ: во-первых, он позволяет измерить устойчивость доверия респондентов политической системе в условиях получения различной информации об информационных угрозах, что позволяет оценить влияние каждого фактора на зависимую переменную. Во-вторых, явным преимуществом факторного опроса является меньшая подверженность социальной желательности¹ по сравнению с классическими опросными методами, что позволяет частично снять проблему смещения результатов исследования [Григорян, Горинова, 2016]. Наконец, факторный экспериментальный дизайн позволяет воссоздать реальный процесс формирования суждения респондента с учетом различных комбинаций изначально предлагаемой информации [Auspurg, Hintz, 2014].

В рамках данного исследования были собраны опросные данные респондентов с помощью интернет-платформы Яндекс.Толока в количестве 395 наблюдений. Вопросы формально делятся на три группы: первая группа вопросов, включавшая базовые социально-демографические показатели, группа вопросов об осведомленности граждан о рисках в сфере кибербезопасности, вопросы об уровне доверия респондентов политической системе, а также уровне гражданской идентичности, были одинаковыми для всех групп респондентов. Анкета с вопросами представлена в приложении (Приложение 1).

Таблица 2

Матрица дизайна эксперимента

Группа	Чистый эффект	Вмешательство 1	Вмешательство 2
Контрольная группа	Описание введения меры	–	–
Группа 1	Описание введения меры	Описание угрозы личной безопасности	–
Группа 2	Описание введения меры	–	Описание угрозы национальной безопасности

¹ Под эффектом социальной желательности подразумевается поведение респондентов, направленное на желание дать социально одобряемые ответы.

В таблице 3 представлены две виньетки, описывающие меры государственного регулирования с целью минимизации рисков в сфере кибербезопасности – регулирования социальных сетей и введения системы распознавания лиц в общественном транспорте. Так, все группы респондентов получают информацию о планируемой государственной политике по реализации определенной меры в сфере обеспечения кибербезопасности (вводное предложение). Далее группа 1 получает информацию о том, что в случае, если данная мера не будет введена, пострадает личная безопасность граждан; группа 2 получает аналогичную информацию с описанием угрозы национальной безопасности в России. Кроме того, обе экспериментальные группы получают информацию с обоснованием вводимой меры: введение предложенной меры позволит правительству защитить граждан от описанных выше угроз.

Таблица 3

**Тексты, предлагаемые респондентам
для ознакомления в рамках эксперимента**

Вариант 1.**Вводное предложение (всем респондентам):**

В 2024 году в России предлагают ввести блокировку аккаунтов пользователей социальных сетей, распространяющих ложную информацию, оскорбляющую государство и общество.

Вмешательство 1: описание угрозы личной безопасности

Эксперты считают, что эта мера необходима для того, чтобы не допустить дезинформации граждан о последних политических и экономических событиях в России и за рубежом.

Вмешательство 2: описание угрозы национальной безопасности

Эксперты считают, что такую информацию в социальных сетях зачастую распространяют спецслужбы недружественных стран для подрыва национальной безопасности России.

Обоснование вводимой меры (всем респондентам):

Введение предложенной меры позволит правительству защитить граждан от описанных выше угроз.

Источники: Сайт Государственной Думы, Lenta.ru¹

¹ Порочащая информация о гражданах в интернете будет оперативно блокироваться // Сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. – 2021. – 24 марта. – Режим доступа: <http://duma.gov.ru/news/51054/> (дата посещения: 19.02.2024); Кадочникова С. «Никто за нас в интернете не отвечает, кроме нас самих»: в России соцсети обязали блокировать незаконную информацию. Как это отразится на жизни людей? // Lenta.ru. – 2020. – 26 декабря. – Режим доступа: https://lenta.ru/articles/2020/12/26/social_media/ (дата посещения: 19.02.2024).

Продолжение таблицы 3

Вариант 2. Вводное предложение (всем респондентам): <i>В 2024 году в крупных российских городах предлагают ввести оплату проезда в общественном транспорте с помощью функции распознавания лица.</i> Вмешательство 1: описание угрозы личной безопасности <i>Эксперты крупных российских и международных IT-компаний утверждают, что эта мера необходима для того, чтобы облегчить борьбу с мелким мошенничеством в транспорте, а также быстрее находить находящихся в розыске преступников.</i> Вмешательство 2: описание угрозы национальной безопасности <i>Эксперты крупных российских и международных IT-компаний утверждают, что отсутствие системы слежения за перемещениями граждан может привести к росту террористических актов в общественном транспорте из-за невозможности отслеживания подозрительных лиц.</i> Обоснование вводимой меры (всем респондентам): <i>Введение предложенной меры позволит правительству защитить граждан от описанных выше угроз.</i> (Источник: Царьград ¹)	
<i>Вопрос после вignetок</i>	
Поддерживаете ли Вы введение данной меры?	1. абсолютно поддерживаю 2. скорее поддерживаю 3. скорее не поддерживаю 4. абсолютно не поддерживаю 5. затрудняюсь ответить

Результаты

Подробное описание используемых переменных в исследовании представлено в приложении 2. Зависимые переменные – поддержка введения блокировки аккаунтов в социальных сетях и введение функции распознавания лиц в общественном транспорте – измерялись по шкале от –2 до 2, где –2 – «абсолютно не поддерживаю» введение меры, –1 – «скорее не поддерживаю», 1 – «скорее поддерживаю», 2 – «абсолютно поддерживаю», 0 – «затрудняюсь ответить». Описательная статистика зависимых переменных представлена в таблице 4.

Из представленных в таблице данных видно, что распределение мнений респондентов по выбранным темам неодинаково: так, более 60% респондентов полностью или частично поддерживали блокировку аккаунтов пользователей социальных сетей, распространяющих ложную информацию, оскорбляющую государство и

¹ Ильин И. Недалекое будущее: вход в московское метро по FACE ID // Царьград. – 2019. – Режим доступа: https://tsargrad.tv/articles/nedalekoe-budushhee-vhod-v-moskovskoe-metro-po-face-id_194707 (дата посещения: 25.01.2024).

общество. При этом почти вдвое меньший процент респондентов – около 38% – полностью или частично поддержали предложение ввести функцию распознавания лиц в общественном транспорте. Вдвое выше и процент тех, кто абсолютно против введения последней меры – 22,3% против 11,6% в случае блокировок соцсетей. В целом полученная картина позволяет подтвердить противоречивость восприятия политики по сбору и использованию биометрических данных среди россиян – в отличие от ряда других мер, направленных на обеспечение общественной безопасности и тем или иным способом ограничивающих анонимность граждан, использование функций распознаваний лица продолжает не приниматься значительной частью общества.

Таблица 4

**Отношение респондентов к введению
предложенных мер по обеспечению безопасности**

Блокировка аккаунтов в социальных сетях	Абсолютно поддерживаю	36,4%
	Скорее поддерживаю	29,1%
	Скорее не поддерживаю	14,4%
	Абсолютно не поддерживаю	11,6%
	Затрудняюсь ответить	8,5%
Введение функции распознавания лиц в общественном транспорте	Абсолютно поддерживаю	12,4%
	Скорее поддерживаю	25,8%
	Скорее не поддерживаю	27,6%
	Абсолютно не поддерживаю	22,3%
	Затрудняюсь ответить	11,9%

В таблице 5 представлены результаты регрессионного анализа для проверки обозначенных в теоретической части исследования гипотез. Модели 1 и 2, показывающие влияние фактора гражданской идентичности на уровень поддержки мер по регулированию социальных сетей (SM) и использованию функции распознавания лиц в общественном транспорте (FR), позволяют на основе представленных данных подтвердить гипотезу о сильном положительном эффекте фактора гражданской идентичности на уровень поддержки мер: так, коэффициент переменной в модели 1 равен 0,835, в модели 2 равен 0,509. Таким образом, мы можем подтвердить, что в предложенных кейсах высокий показатель ощущения респондентом принадлежности к России действительно оказывает влияние на высокую поддержку рестриктивных мер, что

подтверждает более ранние исследования авторов информационной политики в других странах [Mužik, Šerek, 2021; Sekerdej, Kossowska, 2011].

Таблица 5

**Факторы политической поддержки государственных мер
регулирования информационного пространства:
результаты регрессионного анализа**

Переменные	Модель 1 SM	Модель 2 FR	Model3 SM	Model 4 FR
Индекс гражданской идентичности	0,835*** (0,007)	0,509*** (0,077)		
Уровень политического доверия			0,695*** (0,078)	0,499*** (0,084)
Уровень восприятия киберугроз			0,495** (0,19)	0,5* (0,205)
Уровень политического доверия / уровень восприятия киберугроз			-0,134* (0,054)	-0,138* (0,058)
Описание угрозы личной безопасности	-0,154 (0,151)	0,216 (0,166)	-0,116 (0,156)	0,252 (0,167)
Описание угрозы национальной безопасности	-0,124 (0,155)	0,057 (0,17)	0,006 (0,158)	0,167 (0,17)
Пол (м)	-0,243* (0,12)	-0,1 (0,132)	-0,156 (0,124)	-0,053 (0,133)
Возраст	0,016** (0,005)	0,00 (0,006)	0,028*** (0,005)	0,009 (0,006)
Уровень образования	-0,13* (0,053)	-0,16** (0,059)	-0,116* (0,055)	-0,15* (0,06)
Уровень дохода	0,161* (0,065)	0,167* (0,171)	0,147* (0,067)	0,158* (0,072)
Городское население	0,074 (0,233)	0,145 (0,257)	0,136 (0,24)	0,203 (0,258)
Константа	-0,539	-0,756	-2,849	-2,484
Количество наблюдений	395	395	395	395

Стандартные ошибки в скобках

*** $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$

При этом можно заметить, что во всех приведенных выше моделях коэффициенты принадлежности к экспериментальным группам, получившим информацию об угрозах личного и национального характера, остаются статистически незначимыми. Незначимость эффекта фреймирования в эксперименте с виньетками в различных группах позволяет нам сделать важное предположение о том, что политические установки респондентов по вопросам под-

держки таких мер, как регулирование социальных сетей или распознавание лиц в общественных местах, являются устойчивыми и не меняющимися в краткосрочном периоде. Мы не можем, таким образом, на основании собранных данных подтвердить гипотезу 2, но делаем вывод о том, что позиция респондентов носит когнитивно-рациональный характер, она не ситуативна, а достаточно устойчива, и для изменения мнений индивидов по таким вопросам необходимо работать с относительно постоянными факторами гражданской идентичности, обеспокоенности по поводу хранения и передачи данных (*privacy concerns*) и доверия политической системе в целом и отдельным политическим институтам.

Наконец, обращаясь к гипотезе 3, мы предполагали, что в моделях будет наблюдаться положительные и статистически значимые коэффициенты переменных политического доверия (общий) и восприятия киберугроз. Кроме того, мы ожидали, что респонденты, имеющие высокий уровень политического доверия и считающие киберугрозы наиболее опасными, с большей вероятностью поддержат предложенные меры, чем другие респонденты (то есть коэффициент перед переменной взаимодействия политического доверия и оценки киберугроз также будет положительным и статистически значимым). Результаты регрессионного анализа позволяют частично подтвердить наши предположения: так, коэффициенты перед переменной политического доверия положительны и статистически значимы в моделях 3 и 4 (0,695 и 0,499, соответственно); коэффициенты перед переменной уровня восприятия киберугроз также положительны и статистически значимы (0,495 и 0,5 в моделях 3 и 4). При этом коэффициент перед переменной взаимодействия политического доверия и восприятия киберугроз имеет статистическую значимость, но является отрицательным также в обеих моделях (–0,134 и –0,138, соответственно).

На рис. 1 изображены графики предсказанной вероятности поддержки государственных мер в зависимости от оценки киберугроз на различных уровнях политического доверия респондентов. На левой части двух графиков показана устойчивая тенденция к росту уровня поддержки мер индивидов с низкими и средними показателями политического доверия при увеличении оценки серьезности киберугроз. Мы опираемся на ранее высказанное предположение о том, что, сталкиваясь с угрозой, которая, по мнению респондента, может нанести непоправимый вред личной или

общественной безопасности, индивид приходит к выводу о том, что в текущей ситуации логичнее и безопаснее довериться государству как «наименьшему из двух зол»: страх перед взломом или утечкой данных, например, велик настолько, что безопаснее доверить противостояние этим угрозам государству, что подтверждает предыдущие исследования дилеммы «безопасность или приватность» [Guo, Nabich-Sobieggalla, Kostka, 2023]. Интересная закономерность сохраняется при анализе предсказанной поддержки мер среди респондентов с высоким уровнем политического доверия: в отличие от наших изначальных предположений о росте поддержки мер среди респондентов, доверяющих государству и считающих киберугрозы серьезными и опасными, прогнозируемая поддержка мер с ростом оценки серьезности угроз падает. Мы предполагаем, что это может быть связано с аффективной оценкой респондентами киберугроз в связи с предыдущим опытом восприятия фреймирования угроз в СМИ: возможно, логика восприятия строится на установке о том, что киберугрозы представляют опасность для индивида и общества, но государство и так справляется с ними достаточно успешно, чтобы вводить новые меры по предупреждению и ликвидации рисков. Дальнейшее более углубленное изучение предыдущего опыта граждан по столкновению с угрозами в информационном пространстве, их восприятие и интерпретация, позволят точнее интерпретировать данный феномен.

Таким образом, результаты исследования позволяют нам подтвердить гипотезу о прямой связи гражданской идентичности и поддержки рестриктивных мер, а также частично подтвердить предположение о том, что политическое доверие граждан и специфика восприятия киберугроз положительно влияют на поддержку введения мер. При этом в рамках данного эксперимента не удалось подтвердить гипотезу 2 о влиянии различных типов фреймирования угроз на поддержку граждан, так как установки респондентов оказались устойчивы к изменению вмешательств в ходе эксперимента. Кроме того, был получен интересный результат, связанный с неоднородностью поддержки государственных мер на различных уровнях политического доверия респондентов, что позволяет обозначить дальнейший потенциал исследований общественного восприятия таких мер с учетом доверия политической системе и отдельным политическим акторам (правительству, спецслужбам, армии и т.д.) в России.

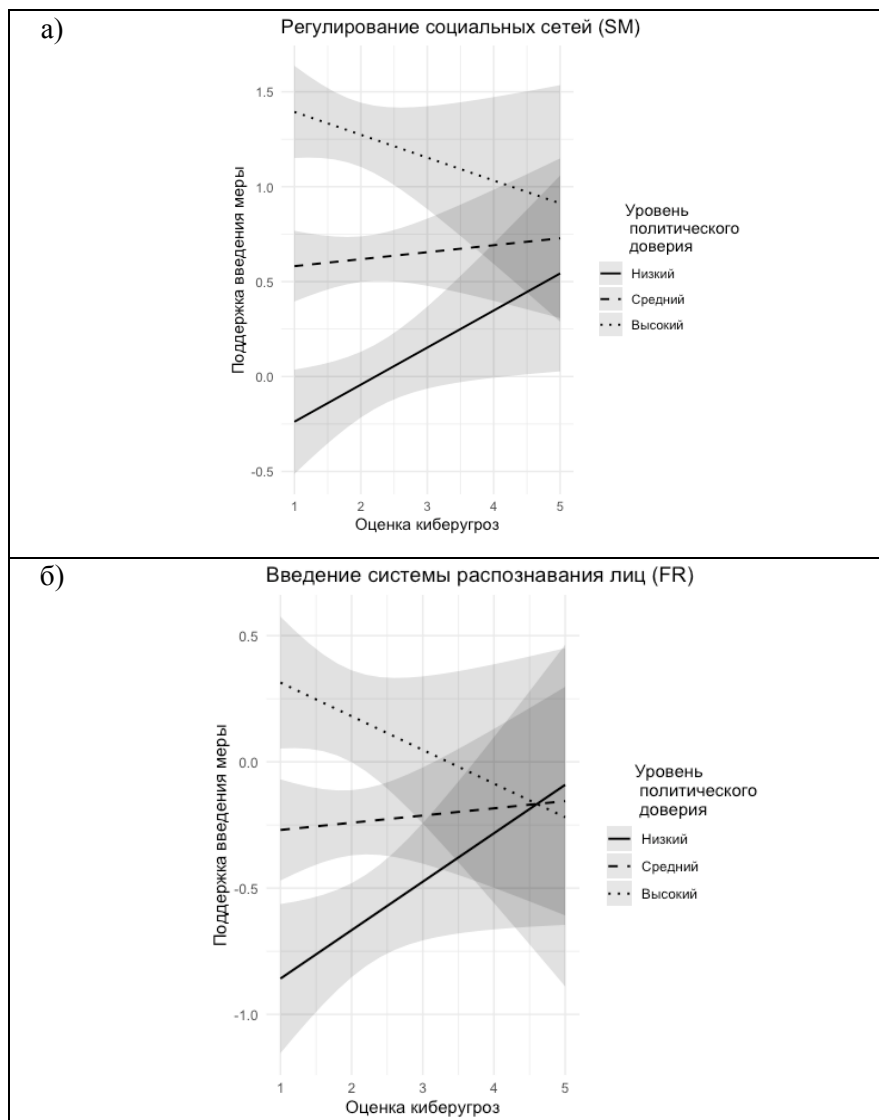

Рис. 1 а), б)

Графики предсказанной вероятности поддержки государственных мер в зависимости от оценки киберугроз на различных уровнях политического доверия респондентов

Заключение

Современные дискуссии об изменениях мирового порядка, трансформации роли государственных акторов и национальной безопасности неизменно связаны с такими темами, как развитие информационной безопасности и обеспечение национальной безопасности в кибер- и информационном пространстве [Vogdachev, 2021]. При растущем числе региональных и глобальных конфликтов, в том числе военного характера, неизбежно возникают риски и угрозы для суверенитета государств в информационном пространстве. Россия, Китай, другие страны, не согласные с восприятием информационного пространства как единой системы с отсутствием государственных барьеров и минимизацией регулирования среды, все больше стремятся оградить собственное информационное пространство от внешнего вмешательства, обеспечив национальную безопасность.

При этом при обеспечении национальной безопасности решающим фактором остается уровень эффективности соблюдения мер по обеспечению кибер- и информационной безопасности гражданами. Эта проблема характерна и для России: высокий уровень непринятия предлагаемых мер со стороны граждан, вкупе с недостаточно четко прописанной процедурой правоприменения рестриктивных мер, в том числе блокировки контента в социальных сетях и сбора биометрических данных, вынуждают власти использовать либо инструменты фреймирования, направленные на убеждение аудитории через СМИ о необходимости соблюдения таких мер ради личной и общественной безопасности, либо отменять обязательность введения меры с целью минимизации протестов со стороны граждан¹. Важной причиной несогласия граждан предоставлять свои личные данные является крайне низкий уровень защиты данных компаниями и банками – так, за 2022–2023 годы количество утечек данных российских компаний увеличилось в разы, в том числе популярных платформ «Яндекс.Еда», СДЭК, Delivery Club, что говорит не только об увеличении угроз в российском информационном пространстве,

¹ Собирать биометрию без согласия не будут // Минцифры России. – 9 августа 2022. – Режим доступа: https://digital.gov.ru/ru/events/41802/?utm_referrer=https%3a%2f%2fwww.google.com%2f (дата посещения: 15.12.2023).

но и халатности компаний по защите личных данных пользователей, особенно учитывая минимальные штрафы в десятки тысяч рублей, из-за которых компании легче выплатить штраф, чем увеличивать затраты на защиту данных¹².

Анализ результатов эксперимента в данном исследовании показал, что фреймирование новостей путем убеждения населения оказать поддержку предложенным мерам в краткосрочном периоде не приводит к росту поддержки, так как факторы, оказывающие влияние на общественное восприятие мер, имеют менее изменчивый во времени характер и включают в себя гражданскую идентичность, доверие политической системе и оценку опасности киберугроз. Мы полагаем, что государственные меры, направленные на обеспечение защиты данных граждан и ужесточение ответственности за утечки данных, а также более точно прописанный процесс правоприменения в контексте регулирования политического контента, могут повлиять на общественное восприятие мер информационного регулирования, а значит, на эффективность обеспечения информационной политики в целом.

¹ Количество утечек в крупных компаниях выросло в 1,5 раза // Ведомости. – 12 мая 2023. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2023/05/12/974660-kolichestvo-utechk-dannih-v-krupnih-kompaniyah-viroslo> (дата посещения: 15.12.2023).

² Сервис «Туту» оштрафован за утечку данных пользователей // Tadviser. – 2023. – Режим доступа: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%A8%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%84%D1%8B_%D0%B7%D0%B0_%D1%83%D1%82%D0%B5%D1%87%D0%BA%D1%83_%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D1%85_%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8#.D0.A1.D0.B5.D1.80.D0.B2.D0.B8.D1.81_.C2.AB.D0.A2.D1.83.D0.A2.D1.83.C2.BB_.D0.BE.D1.88.D1.82.D1.80.D0.B0.D1.84.D0.BE.D0.B2.D0.B0.D0.BD_.D0.B7.D0.B0_.D1.83.D1.82.D0.B5.D1.87.D0.BA.D1.83_.D0.B4.D0.B0.D0.BD.D0.BD.D1.8B.D1.85_.D0.BF.D0.BE.D0.BB.D1.8C.D0.B7.D0.BE.D0.B2.D0.B0.D1.82.D0.B5.D0.BB.D0.B5.D0.B9 (дата посещения: 15.12.2023).

A.P. Bocharova*

New aspects of security: citizens' attitudes towards the issue of information regulation in Russia¹

Abstract. The effectiveness of government policies to ensure cyber- and information security directly depends on how successfully such measures are followed by citizens at the national level. The author considers the influence of cognitive-rational, value-affective, and socio-demographic factors on respondents' support for government policy in the field of information regulation through selected cases of regulating social networks and introducing a mandatory face recognition system in public transport. In the course of the study, a factorial survey (N=395) was conducted using vignettes to examine the effects of framing on respondents' perception of the measures proposed. The analysis of the experimental results in this study shows that news framing to persuade the population to support the proposed measures does not lead in the short term to an increase in support for the measures. However, certain factors influencing public perception, such as civic identity, trust in the political system, and assessment of cyber threats danger, show less variability over time. The results of the study allow us to confirm the hypothesis of a direct connection between civic identity and support for restrictive measures, as well as partially confirm the assumption that the political trust of citizens and the specifics of perception of cyber threats positively influence support for the introduction of measures. In addition, the heterogeneity of support for government measures at various levels of political trust of respondents was revealed, therefore we can identify the further potential of research on public perception of such measures taking into account trust in the political system and individual political actors (government, special services, army, etc.) in Russia.

Keywords: information regulation; political support; information security; restrictive regulation measures; "security vs privacy" dilemma; perception of cyber threats.

For citation: Bocharova A.P. New aspects of security: citizens' attitudes on the issue of information regulation in Russia. *Political science (RU)*. 2024, N 2, P. 326–347. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.02.15>

References

Akbari A., Gabdulhakov R. Platform surveillance and resistance in Iran and Russia: the case of Telegram. *Surveillance & Society*. 2019, N 17 (1/2), P. 223–231. DOI: <https://doi.org/10.24908/ss.v17i1/2.12928>

* **Bocharova Alexandra**, HSE University (Moscow, Russia), e-mail: apbocharova@hse.ru

¹ The article was prepared within the consortium of MGIMO University and HSE University and funded by the grant for the implementation of the Priority 2030 Strategic Academic Leadership Program

- Auspurg K., Hinz T. *Factorial survey experiments*. Los Angeles: Sage Publications, Inc., 2014, 168 p. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781483398075>
- Bordachev, T. *Europe, Russia and the liberal world order: international relations after the cold war*. London, New York: Routledge, 2021, 209 p.
- Brouard S., Vasilopoulos P., Foucault M. How terrorism affects political attitudes: France in the aftermath of the 2015–2016 attacks. *West European politics*. 2018, N 41 (5), P. 1073–1099. DOI: <https://doi.org/10.1080/01402382.2018.1429752>
- Chadwick A., Howard P. *Routledge handbook of internet politics*. London: Routledge, 2009, 487 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203962541-30>
- Chmel K., Marques II I., Mironyuk M., Rosenberg D., Turobov A. *Privacy versus security in trying times: evidence from Russian public opinion*. Higher School of Economics. Series WP BRP 82/PS/2021 “Higher School of Economics Research Paper”. 2021. DOI: <https://doi.org/10.2139/ssrn.3975380>
- Davis D.W., Silver B.D. Civil liberties vs. security: Public opinion in the context of the terrorist attacks on America. *American journal of political science*. 2004, Vol. 48, № 1, P. 28–46. DOI: <https://doi.org/10.2307/1519895>
- Demchak C., Dombrowski P. Rise of a cybered Westphalian age. *Strategic studies quarterly*. 2011, Vol. 5, N 1, P. 32–61. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-642-55007-2_5
- Gomez M.A., Whyte C. Unpacking strategic behavior in cyberspace: a schema-driven approach. *Journal of cybersecurity*. 2022, Vol. 8, N 1. DOI: <https://doi.org/10.1093/cybsec/tyac005>
- Grigoryan L.K., Gorinova E.V. Factor survey: advantages, scope of application, practical recommendations. *Social psychology and society*. 2016, N 7(2), P. 142–157. (In Russ.)
- Guo D., Habich-Sobiegalia S., Kostka G. Emotions, crisis, and institutions: Explaining compliance with COVID-19 regulations. *Regulation & Governance*. 2023. DOI: <https://doi.org/10.1111/rego.12509>
- Khanna P. State sovereignty and self-defence in cyberspace. *BRICS Law journal*. 2018, N 5 (4), P. 139–154. DOI: <https://doi.org/10.21684/2412-2343-2018-5-4-139-154>
- Lenard P.T., Miller D. Trust and National Identity. In: Uslaner E.M. (ed.). *The Oxford handbook of social and political trust*. Oxford university press, 2018. DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780190274801.013.36>
- McLaren L. *Immigration and perceptions of national political systems in Europe*. Oxford: Oxford university press, 2015. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198739463.001.0001>
- Mužik M., Šerek J. What reduces support for civil liberties: Authoritarianism, national identity, and perceived threat. *Analyses of social issues and public policy*. 2021, N 21 (1), P. 734–760. DOI: <https://doi.org/10.1111/asap.12241>
- Sekerdej M., Kossowska M. Motherland under attack! Nationalism, terrorist threat, and support for the restriction of civil liberties. *Polish psychological bulletin*. 2011, N 42 (1), P. 11–19. DOI: <https://doi.org/10.2478/v10059-011-0003-0>
- Simons G. A turn towards realism. *Russia in global affairs*. 2023. Mode of access: <https://globalaffairs.ru/articles/povorot-k-realizmu/> (accessed: 15.12.2023) (In Russ.)

- Snider K.L., Shandler R., Zandani S., Canetti D. Cyberattacks, cyber threats, and attitudes toward cybersecurity policies. *Journal of cybersecurity*. 2021, N 7, P. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.1093/cybsec/tyab019>
- Theiss-Morse E., Barton D.-G. Emotion, cognition, and political trust. In: Zmerli S., Van der Meer T. W. (eds.). *Handbook on political trust*. UK: Edward Elgar Publishing, 2007, P. 160–175. DOI: <https://doi.org/10.4337/9781782545118.00021>
- Trein P., Varone F. Citizens' agreement to share personal data for public policies: trust and issue importance. *Journal of European public policy*. 2023, P. 1–26. DOI: <https://doi.org/10.1080/13501763.2023.2205434>
- van Der Does R., Kantorowicz J., Kuipers S., Liem M. Does terrorism dominate citizens' hearts or minds? The relationship between fear of terrorism and trust in government. *Terrorism and Political Violence*. 2021, Vol.33, № 6, P. 1276–1294. DOI: <https://doi.org/10.1080/09546553.2019.1608951>

Литература на русском языке

- Григорян Л.К., Горинова Е.В. Факторный опрос: преимущества, область применения, практические рекомендации // Социальная психология и общество. – 2016. – № 7(2). – С. 142–157.
- Саймонс Г. Поворот к реализму // Россия в глобальной политике. – 2023. – Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/povorot-k-realizmu/> (дата посещения: 15.12.2023).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Анкета для проведения опросного эксперимента. – Режим доступа: <https://doi.org/10.7910/DVN/GSB75E> (дата посещения: 25.01.2024).

Приложение 2

Описание переменных, используемых в исследовании. – Режим доступа: <https://doi.org/10.7910/DVN/GSB75E> (дата посещения: 25.01.2024).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

2024 № 2

В журнале представлены результаты научных исследований, в том числе дискуссионного характера, поэтому их содержание не обязательно отражает точку зрения Учредителя и Редакции.

**Адрес редколлегии:
117418, г. Москва, Нахимовский проспект, 51/21, ИНИОН РАН,
Отдел политической науки,
e-mail: politnauka1997@gmail.com**

Оформление обложки С.И. Евстигнеев
Техническое редактирование и
компьютерная верстка К.Л. Синякова
Корректор М.П. Крыжановская

Подписано к печати 27 / V – 2024 г.
Формат 60 x84/16 Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 20,1 Уч.-изд. л. 19,0
Тираж 500 экз. (1–100 экз. – 1-й завод) Заказ №

**Институт научной информации
по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН),
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418**

**Отдел печати и распространения изданий
Тел.: +7(925) 517-36-91
e-mail: inion-print@mail.ru**

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»,
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88 литера У